
Роберт Кочарян

Жизнь и свобода

Автобиография
экс-президента
Армении
и Карабаха

*Книга создана при участии
Ирины Абрамовой*

Москва
2019

УДК 323:325.8
ББК 63.3+66.3 (2 Ар)
К75

Консультант проекта Марк Розин
Редакторы Василий Подобед и Марина Костромина

Кочарян Р.

К75 Жизнь и свобода: Автобиография экс-президента Армении и Карабаха / Роберт Кочарян. — М. : Интеллектуальная литература, 2019. — 502 с., ил.

ISBN 978-5-9500962-9-7

Книга бывшего президента Армении и бывшего президента непризнанной Народно-Карабахской республики проливает свет на события одного из самых сложных и неоднозначных периодов новейшей истории армянского народа. Перед вами версия организатора и участника важнейших событий в Армении и Карабахе. В книге содержатся не публиковавшиеся до настоящего времени сведения и ранее засекреченные документы, а также исторические фото из личного архива Роберта Кочаряна.

УДК 323:325.8
ББК 63.3+66.3 (2 Ар)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав

ISBN 978-5-9500962-9-7

© Кочарян Р. С., 2019
© ООО «Интеллектуальная литература», 2019

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I. Мирная жизнь

Глава 1. Детство.....	13
Глава 2. Московский студент.....	21
Глава 3. Армия.....	27
Глава 4. Чередá перемен.....	32
Лимитчик	32
Встряска	36
Снова студент.....	39
Назад в Карабах.....	41
Комсомол.....	43

Часть II. КАРАБАХ.....

Глава 5. Начало освободительного движения.....	53
Сбор подписей за воссоединение с Арменией	53
Мирные выступления	58
Противостояние.....	64
Сумгаит	65
Глава 6. На грани войны.....	66
Конец иллюзий.....	66
Аркадий Вольский и его комитет.....	75
«Миациум»	79
Безопасность под вопросом.....	82

Глава 7. Партизанская война	90
Каратели	90
Друзья и враги	96
Операция «Кольцо»	106
Глава 8. Между эйфорией и отчаянием	109
Посредники	109
Референдум	116
Вывод советских войск	117
Жизнь под обстрелами	121
Выборы в парламент	126
Комитет самообороны	130
Штурм Ходжалу	135
Мой брат	143
Взятие Шуши	147
Прорыв блокады	156
Теряем Карабах	161
Глава 9. Перелом в ходе войны	169
Создание Государственного комитета обороны	169
Первые успехи	173
Кельбаджар	179
Агдам	191
Тайная встреча с Гейдаром Алиевым	196
Безрезультатные переговоры	198
Владимир Казимиров	203
Примаков и обмен пленными	205
Аркадий Гукасян	208
Перемирие, ставшее миром	209
Глава 10. От войны к мирному строительству	217

Часть III. АРМЕНИЯ

Глава 11. Из президентов в президенты	231
Новый вызов	231
Глава правительства	238

Отставка Тер-Петросяна	247
Президентские выборы 1998 года	265
Глава 12. Выбираемся из экономических окопов	276
Решение острых проблем в экономике	276
Консолидация политических сил. Выборы в парламент	288
Глава 13. Теракт в парламенте 27 октября	298
Утро	298
Катастрофа	299
Операция по обезвреживанию террористов	301
За кулисами	311
Политические последствия теракта	314
Глава 14. Начало глубинных реформ	325
Консолидация правительства	325
Системные изменения	326
Не экономикой единой	330
Глава 15. В шаге от мирного договора	336
Встречи с Гейдаром Алиевым	336
Ки-Уэст – мирный договор, который не был подписан	343
Ильхам Алиев	349
Глава 16. Политические противостояния – политические союзы	352
Снова выборы	352
Коалиционное правительство	362
Глава 17. Качественный рывок в развитии экономики	366
Планы	366
Кирк Керкорян	370
Северный проспект	373
Зона бедствия	378
Аэропорт, виноделие и Эдуардо Эрнекян	385
Цахкадзор	390
Строительство газопровода Иран – Армения	393

Глава 18. Внутренняя политика	402
Конституционная реформа	402
Перекройка правительственной коалиции	405
Глава 19. На пересечении интересов	412
Немного о США.....	412
Отношения с Россией. Владимир Путин	417
Отношения с Турцией	423
Отношения с Церковью и религией.....	427
Глава 20. Образ жизни и стиль работы	431
Глава 21. Осознанное решение уйти из политики	439
Серж Саргсян и РПА.....	440
Выбор преемника.....	441
Глава 22. Трагические события 2008 года	445
Попытка возвращения Тер-Петросяна.....	445
Стояние на Театральной площади	451
Столкновение	459
Расследование и причины трагедии	465
Глава 23. Другая жизнь	470
Мысли вслух.....	470
Постпрезидентская реабилитация.....	472
P.S.	481
P.P.S.	484
Примечания	487
Именной указатель	498

Предисловие

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха стал одним из первых предвестников распада СССР. Слабеющая центральная власть явно не справлялась с экономическими проблемами, а «перестройка и гласность» катастрофически быстро разрушали систему управления страной. Власть оказалась не способна предложить обществу что-то новое, привлекательное и мобилизующее. Страна, которая опиралась на сверхцентрализацию и была скреплена идеологией, стремительно теряла ориентиры. Несмотря на это, угроза целостности Советского Союза стала реальной и необратимой лишь тогда, когда начался разлом по самому уязвимому месту — по этническому признаку.

В эти драматичные времена я оказался в эпицентре армяно-азербайджанского конфликта и стал одним из главных действующих лиц. Митинги, забастовки, чрезвычайное положение, комендантский час, вооруженные формирования, этнические столкновения, стычки с войсками, война — все эти события впервые в Советском Союзе произошли в Нагорном Карабахе и вокруг него. Жизнь показала, что у нас в Карабахе не было другого выбора: мы отчаянно отстаивали наше право жить на земле своих предков. Будучи партийным работником, я сразу же стал одним из лидеров карабахского движения, занимался как его политической составляющей, так и формированием вооруженного подполья — основы будущей Армии обороны НКР. Лето 1992 года, когда половину Карабаха оккупировали азербайджанские войска, оказалось для нас самым трагическим. Сложилась опаснейшая ситуация, и тогда я предложил модель кризисного управления, адекватную нависшей над нами угрозе потери Карабаха. Взял ответственность на себя, создал

и возглавил Государственный комитет обороны — высший орган власти Республики с чрезвычайными полномочиями. Успех был ошеломляющий! За неполные два года нам удалось не только вернуть контроль над всем Карабахом, но и создать вокруг него надежный пояс безопасности.

Сразу после войны меня избрали первым президентом Нагорного Карабаха. Однако в 1997 году случился неожиданный поворот судьбы, и я стал премьером, а затем и Президентом Армении в критический период ее развития. Конфликт с действующим президентом, вызвавший его отставку, внеочередные выборы, потрясший страну теракт в парламенте... Это были чрезвычайно трудные годы как преодоления кризисов, так и созидательной работы и успешных реформ, во многом изменивших облик Армении. За десять лет моего президентства ВВП Армении вырос в пять раз! Мне посчастливилось поработать премьером и президентом в двух странах, признанной и непризнанной, причем в самые насыщенные событиями годы их становления. Так что мне действительно есть о чем рассказать.

Писать книгу я не собирался, хоть и понимал, что моя биография уникальна и может быть интересной. Просто не думал, что когда-нибудь возьмусь рассказывать о своем жизненном пути. Вести дневник у меня привычки не было, в воспоминания погружаться не любил, старые альбомы не листал — словом, в прошлом не застревал. Всегда был занят делами, смотрел вперед и строил планы на будущее. Сразу после ухода в отставку многие уверяли меня в том, что я непременно должен заняться мемуарами, но сам я не ощущал в этом необходимости. Впервые я задумался о книге после двух встреч за пределами Армении, куда был приглашен спикером. Меня приятно удивил и вдохновил живой интерес аудитории к событиям, о которых я рассказывал. Многие участники встречи спрашивали, почему я до сих пор не написал книгу — ведь она получилась бы очень интересной. Но окончательное решение я принял, познакомившись на стратегической сессии АФК «Система» на Алтае с Марком Розиным¹. После интервью, которое Марк брал

у меня как у независимого члена совета директоров компании, он заговорил о книге и сказал, что я обязательно должен ее написать. Тогда я подумал, что мне действительно стоит поделиться с людьми историей моей жизни.

Признаюсь, что когда я начал работу над книгой, то сильно пожалел о своем решении. Но отступить было поздно, никогда и ничего в жизни я не оставлял на полпути. Погружение в прошлое, особенно в его карабахский период, стало тяжким испытанием. Много, казалось, уже безнадежно забыто. Пришлось перечитать все мои старые интервью, посмотреть сохранившиеся видеозаписи, провести множество встреч и бесед с участниками событий тех лет. Поразительно, как откуда-то из глубин памяти вдруг стали всплывать живые картины того, что случилось давным-давно! Даже лица людей, о существовании которых вроде бы позабыл, их имена и связанные с ними переживания! Всю жизнь я настойчиво и весьма успешно тренировался контролировать эмоции. Работая над книгой, я заново учился раскрепощать их — и это оказалось лучшим способом высвободить похороненные в недрах памяти образы.

Мне хотелось, чтобы книга получилась интересной, а не просто описывала исторические события, в которых я участвовал. Хотелось показать канву истории и ту нить, которую мы вплели в нее, — рассказать о том, почему мы поступали так или иначе, что нас беспокоило, что нам мешало, а что помогало и вдохновляло. Впервые раскрыть закулисные подробности самых драматичных отрезков нашей новейшей истории.

Вначале я думал написать обо всем, что происходило в те захватывающие годы, а также назвать имена всех, с кем мы прошли тяжелейший путь как в Карабахе, так и в Армении. Но от обилия фактов книга теряла динамику, становилась слишком грузной, академичной и неудобочитаемой. В итоге я решил рассказать только о самых важных событиях, в которых участвовал.

Я благодарен всем, с кем работал, общался и дружил, и приношу извинения тем, чьи имена не прозвучали в книге.

ЧАСТЬ I

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО

Я родился и вырос в Степанакерте — маленьком городке, центре Нагорного Карабаха, или Арцаха, как его называют у нас. Когда я возвращаюсь мыслями в детство, мне вспоминается уютный, очень чистый, зеленый и ухоженный город, спрятанный в горах от всего мира.

Говорят, что через два года человек забывает многое из того, что с ним случилось, кроме самого хорошего или плохого. Единственная детская трагедия, о которой я помню до сих пор, — смерть нашей собаки: Джильбарса сбил автомобиль. Все остальные воспоминания овеваны сказочной теплотой, и моя память хранит множество ярких и радостных картинок.

Очень хорошо помню, как впервые сам поплыл. Было мне тогда лет шесть. Мы с братом купались в небольшом озере недалеко от дома, сначала я барахтался у берега, а потом, незаметно для себя, забрался глубже, где ноги не доставали до дна. Вдруг чувствую, вода меня подхватывает и держит, я делаю движения руками и — по-собачьи, конечно, — но плыву! Тем же летом научился ездить на двухколесном велосипеде, и это тоже получилось легко, само собой: р-раз — и вот я уже несусь вместе с мальчишками по пыльной дороге. Способность сохранять равновесие и страсть к скорости остались у меня на всю жизнь.

До сих пор помню в деталях первую поездку к Черному морю всей семьей на нашем «москвиче». Ночевали мы в палатках прямо на берегу, в кемпингах. И конечно, самое сильное впечатление — море. После наших горных речек оно казалось таким теплым, что

из воды нас было не выгнать. Тогда я и научился неплохо нырять в маске с трубкой.

Жизнь ребятни в те годы проходила на улице. Летом мы просыпались рано, мчались на речку и проводили там весь день: купались, рыбачили, играли. Большинство наших игр сегодня никто не помнит, они давно исчезли. Я очень любил походы и часто, прихватив палатку, уходил в горы — с друзьями или братом. Наше знаменитое Шушинское ущелье я изучил вдоль и поперек — знал все тропинки и укромные места, облазил все пещеры и запросто мог заночевать в горах и без палатки.

Зимой главным развлечением становились коньки и лыжи. Как мы с друзьями радовались снегу! Горных лыж, конечно, тогда еще ни у кого не было, мы брали широкие солдатские, придумывали приспособления, чтобы закрепить пятку, забирались повыше и неслись вниз.

Снега выпадало много, он долго не таял, и все дороги в городе превращались в сплошной каток — соль тогда не сыпали. Городским автобусам, чтобы они не буксовали, на колеса наматывали цепи. Пока автобус, пыхтя, медленно поднимался в верхнюю часть города, мы, мальчишки, надев коньки, цеплялись к нему сзади, а потом скатывались по улицам. Коньки моего детства, «снегурки», сильно отличались от современных: просто два стальных полоза, которые привязывались веревками к обычным ботинкам.

Наша семья жила в каменном доме, который сложил еще мой дед. Я помню, как мы каждое лето красили суриком жестяную красную крышу, чтобы она не ржавела. Несколько раз дом достраивали: изначально внутри была лишь одна комнатка, но со временем он постепенно расширялся — появились еще две комнаты, веранда и подвал. До сих пор ясно вижу висящие на стенах старые фотографии — дедушка, бабушка, прадедушка. Мне, ребенку, дом казался громадным. Увидев его через много лет, я удивился: какой он, оказывается, маленький. В войну дом уцелел, а потом его снесли — не так давно я обнаружил на этом месте стройку. Пропал и сад, который начал сажать еще дед.

Сад был большой радостью и гордостью отца. Выдающийся агроном, он очень любил свое дело. Три громадных тутовых дерева примыкали прямо к дому, и мы, дети, постоянно лазали по ним. И конечно, ели сладкую спелую шелковицу. Взрослые из этих ягод делали сироп. И водку. Я до сих пор если и пью водку, то обычно тутовую.

Мы жили вшестером: родители, бабушка, мой брат Валера, я и наша сестра Ивета, дочь отца от первого брака, тогда уже студентка. После вуза она осталась работать в Армении, а потом и вообще уехала в Москву, вышла замуж.

У нас с Валерой была своя комната — одна на двоих. При небольшой разнице в возрасте, всего два года, в детстве мы с ним частенько дрались — из-за ерунды, конечно: я, младший, ершился, ни в чем не желая уступать брату. А потом Валера вдруг вырос, стал большим, мощным, повзрослел, почувствовал силу, и в этот момент наши отношения переменялись. Драки закончились, и началась дружба, которая длилась всю жизнь.

Существовали у нас и свои семейные тайны. Одну из них — историю моего отца — я узнал, только уже став взрослым.

Дед с семьей жил в Баку. Когда в 1918 году в Баку вошли турки и начались погромы армян, отец потерялся. Восемилетний мальчик, с толпой убегающих он оказался на пароме и переправился через Каспий в Среднюю Азию. Революция, гражданская война, власти нет, везде беспорядки, но мои дедушка и бабушка с дочерьми выжили и добрались до Карабаха. А отец долго скитался бездомным и в конце концов, неизвестно как, оказался в Ташкенте. И тут ему повезло: его и других таких же, как он, беспризорников, приютил состоятельный армянин. Дети работали на него, а армянин их кормил и даже отправил в школу. В общем, спас детей.

Бабушка все эти годы не теряла надежды найти своего сына. В стране постепенно восстанавливался порядок, начала работать почта. И бабушкин брат, ставший большим человеком в милиции — он руководил подразделением по борьбе с бандитизмом, — сумел разыскать пропавшего шесть лет назад ребенка в Ташкенте

и привезти его в Степанакерт. Отцу к этому моменту уже исполнилось четырнадцать. Бабушка стыдилась случившегося: как же она могла потерять сына? — и запрещала отцу рассказывать об этом. Никто и не знал. Хотя, конечно, отголоски этой истории слышались то тут, то там. Например, каждый год к нам в гости приезжал папин близкий друг из Ташкента. «Что за друг? Откуда в Ташкенте друг?» Папа не отвечал, и лишь потом выяснилось, что они в детстве вместе работали у того самого армянина.

Еще одна тайна касалась моего деда.

Я его никогда не видел: он умер до моего рождения. Однажды я совершенно случайно, в деревне, столкнулся с человеком, который сказал, что хорошо знал моего деда, деранца* Саркиса. Я спросил, почему он называет деда «деранц». «Как же! — говорит. — Твой дед был последним священником в нашем районе!» Когда дед вернулся в Карабах, спасаясь от погромов, ему, как знавшему грамоту, предложили стать священником: грамотные тогда встречались редко. Дед согласился и служил до конца 20-х годов, пока не закрыли последнюю церковь. Отец же вырос убежденным коммунистом, но в партию его долго не принимали: происхождение неправильное. Папа очень переживал и даже много лет спустя очень неохотно обсуждал с нами эту тему.

Бабушка по отцу отличалась суровым характером — я не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась. Вдова священника, бабушка не верила в Бога. Мы с братом иногда подшучивали над ней: «Бабушка, а нам в школе сказали, что Бог есть!» Она только отмахивалась и просила нас не говорить ерунды. Хотя бабушка никогда и не наказывала нас с братом, слушались мы ее беспрекословно, видимо ощущая ее внутреннюю силу и жесткость. У бабушки было трое детей: старший сын — мой отец — и еще две дочери. У одной дочки муж погиб во время Отечественной войны, и она жила вдвоем с сыном в Баку, а младшая со своей семьей — в Степанакерте

* «Деранц» — в переводе с карабахского наречия армянского языка — человек из семьи священнослужителя.

недалеко от нас. Умерла она рано и внезапно, когда я уже служил в армии, а ровно через год после ее смерти бабушка наглоталась снотворного — хотела наложить на себя руки. Когда бабушку откачали, она объяснила: «Я не должна была пережить свою дочь».

Взрослые в нашей семье никогда не ссорились, голоса на детей не повышали. Мама со свекровью жили мирно. Может, выясняли отношения, когда дети не видели? Думаю, нет: наши будни ничем не омрачались. Дом полностью держался на матери. Волевая, в меру строгая и практичная, она определяла внутренний домашний распорядок, вела семейные расходы и занималась нашим воспитанием. На ней лежала ответственность за все, что касалось учебы детей. Мой старший брат, помню, тяжело вставал по утрам. Я-то просыпался сам еще до будильника, а вот Валеру приходилось долго торموшить. Мама его будит, а брат сонно бормочет: «Ну мам, ну еще минуточку... ну еще секундочку...» Вот тут у мамы могли появиться и жесткие нотки в голосе.

А основным источником моих конфликтов с матерью служили занятия музыкой. Ее дальний племянник хорошо играл на скрипке, и мама мечтала, чтобы я тоже научился музицировать. В первом классе она отправила меня в музыкальную школу, я же страшно стеснялся скрипки и сильно ее возненавидел. Когда шел по улице с футляром, уши горели, хотелось провалиться сквозь землю. Два года я промучился, а на третий нашел решение. Выхожу будто бы на занятия, а сам незаметно, чтобы прохожие не увидели, прячу футляр в самшитовые кусты и бегу гонять с ребятами в футбол. Поиграю, заберу скрипку — и как ни в чем не бывало возвращаюсь домой. Пару месяцев я так прогуливал музыку, пока учительница не позвонила родителям. Тут моя тайна раскрылась, и дома разразился страшный скандал. Мама хотела вернуть меня в школу, но я отказался. Наотрез. Уже научился сопротивляться. Мама уступила, но взялась за брата. Валеру она отдала учиться на фортепиано. Он бросил. Тогда мама упростила его заниматься кларнетом — та же история. В общем, мать не сдавалась, мы тоже, и музыкантов из нас так и не вышло...

И все же главным в семье был отец. Помню, что с работы он приходил поздно и часто ездил в командировки. Отец увлеченно занимался сельским хозяйством и отвечал за него в масштабах всей области; успешное развитие виноградарства в Карабахе — это его заслуга. Кроме того, отец много лет занимал должность заместителя председателя облисполкома и при всей своей невероятной нагрузке успевал вести научную работу. После защиты кандидатской он остался в нашем городе, что было довольно необычно по тем временам: люди, получившие ученую степень, чаще всего уезжали в столицы — в Баку или Ереван. А отец верил, что он нужен здесь, в Нагорном Карабахе. В этих горах он, агроном, создавал город-сад, строил коммунизм, в идеи которого искренне верил всю свою жизнь.

Из-за работы отец не часто мог возиться со мной, но постарался дать мне главное, что, по его мнению, должен уметь мужчина. Помню, как он научил меня водить машину. У нас был старый «москвич», кажется, 403-й модели, с округлыми формами. Мне тогда только исполнилось тринадцать лет, и я был невысоким. Папа посадил меня за руль и говорит: «До педалей досташь?» — «Достаю». — «Дорогу видишь?» — «Вижу». — «Ну, поехали». И я поехал.

Отец же впервые дал мне в руки ружье — одностволку, шестнадцатый калибр. Сначала мы стреляли по самодельным мишеням, нарисованным на фанере или картоне, а потом отправились на охоту в горы. Помню, как я гордился собой, когда в первый же раз подстрелил куропатку. Вскоре отец разрешил мне самому брать ружье, а потом и вовсе отдал. Ни у кого из мальчишек в нашем дворе своего оружия еще не было. Мы собирались с пацанами и с этим ружьем — одним на всех — шли в горы охотиться.

Учился я в русской школе, и учился хорошо. Неважно, нравился мне предмет или нет, но прийти на урок неподготовленным казалось невыносимым. Я представить себе не мог большего позора, чем беспомощно стоять у доски, не зная, что ответить. Я вообще был быстрым и дисциплинированным: пришел из школы, сделал в два

счета все уроки — и свободен. Математика, физика мне давались легко, любил географию и литературу. Языки шли гораздо хуже, в том числе русский: сочинения я писал хорошие, но ошибки сажал... А единственные два предмета, к которым меня в школе совсем не тянуло, — армянский и английский. И жизнь, как нарочно, заставила меня выучить их уже взрослым. Как я пожалел, став премьер-министром Армении, что часто пропускал уроки армянского! В школе я и не догадывался, что он мне так сильно понадобится: наш карабахский диалект здорово отличается от армянского языка, и в Армении его понимают плохо.

Центром нашей жизни был двор.

Частный дом, в котором мы жили, примыкал к большому многоквартирному, и в его просторном дворе каждый вечер собирались соседи — взрослые, старики, дети. Все хорошо знали друг друга и проводили свободное время вместе как одна большая семья. Помню беседку посреди двора, в которой взрослые непрерывно сражались в нарды и в шахматы, подтрунивая друг над другом, а мы, дети, носились вокруг. Помню, как в ответ на очередную остроумную шутку кого-нибудь из игроков беседка взрывалась дружным хохотом, и этот хохот, отраженный от стены дома и усиленный эхом, докатывался до самых дальних уголков двора. А поскольку подтрунивали все надо всеми постоянно, то и смех не умолкал ни на минуту. Словом, атмосфера во дворе царила дружелюбная и веселая.

Наш двор считался элитным. В большом доме жили начальник областной милиции, начальник народного контроля и несколько работников обкома партии. Да и в целом народ подобрался интеллигентный: читали книжки, занимались спортом. Рядом находилась школа со спортивной площадкой, и мы играли там в футбол, в баскетбол, в ручной мяч — он тогда пользовался большой популярностью. Бывало, конечно, и так: не поделим что-то во время игры, поссоримся и подеремся, но эти происшествия не разрушали нашу дружбу. Ниже по улице попадались хулиганистые дворы, и иногда ребята оттуда приходили к нам на площадку поиграть в футбол: то дружно играли, то дрались двор на двор. Но серьезных стычек

не случалось — просто иногда махали кулаками от избытка сил и азарта.

В общем, детство мое прошло безоблачно и счастливо, как и у большинства карабахцев моего поколения. Наверное, я при- страстен, но я и сейчас уверен, что наш край был особенным. Во- круг — и в Азербайджане, и в Армении, и на всем Кавказе — процветало взяточничество, пользовались авторитетом воры в законе. А Карабах оставался оазисом законности и порядка, слово «взя- точник» воспринималось как самое страшное оскорбление, и люди всерьез считали, что строят коммунизм. Видимо, идея о всеобщем равенстве и братстве оказалась созвучна традиционным ценностям, на которых воспитывались многие поколения карабахцев, и мечта об идеальном обществе прижилась на нашей земле. Жители На- горного Карабаха, добропорядочные советские граждане, искренне верили в светлое будущее.

Так мы и жили — просто и спокойно, и казалось, никакие по- трясения не потревожат наш тихий и уединенный край — лишь поколения будут сменяться поколениями.

МОСКОВСКИЙ СТУДЕНТ

В десятом классе я точно знал свой следующий шаг: поеду в Москву и буду поступать в технический вуз. Дальше не заглядывал: вся остальная жизнь казалась чистой страницей, на которой можно написать любую историю. Технический вуз я выбрал потому, что естественно-научные дисциплины мне нравились гораздо больше, чем гуманитарные. Москву — потому, что единственным институтом в Степанакерте был педагогический, и я его вообще не рассматривал как вариант. Если ребята из Степанакерта хотели получить хорошее образование, чаще всего они ехали в Ереван или Москву. Уехать учиться в другую страну тогда было невозможно: границы закрыты, лучшее образование в Советском Союзе — в Москве, значит, мой путь лежит в Москву.

Сдав школьные экзамены за десятый класс на отлично, я собрал чемодан и отправился в столицу. В Москве меня встретила сестра — она жила с мужем в Реутове. На время экзаменов я поселился у них. На следующий день поехал подавать документы в Московский энергетический, смотрю — все столбы вокруг института пестрят объявлениями: репетиторы предлагают свои услуги. Оказывается, у москвичей совсем другая подготовка! У нас-то даже и слова такого — «репетитор» — не существовало. Считалось, что достаточно просто хорошо учиться в школе. Стало быть, надо наверстывать! До экзаменов еще оставалось время. Я нашел себе репетитора по математике, договорился о занятиях и с головой погрузился в подготовку. Так что первые две недели жизни в Москве запомнились мне как кошмар кругло-точной учебы.

Вопреки своим опасениям, я неплохо сдал экзамены и поступил на факультет энергетики. Позвонил отцу. Сотовой связи тогда не было — чтобы позвонить в другой город, нужно было идти на почтаamt, заказывать звонок, причем заранее говорить телефонистке, на сколько минут разговор, и сидеть ждать соединения. Отец, услышав, что я стал студентом, обрадовался. Несмотря на присущую ему сдержанность, я почувствовал: он гордится тем, что его сын будет учиться в столице.

Только теперь я впервые поднял голову и осмотрелся. Мне уже доводилось бывать в Москве раньше, классе в седьмом или восьмом, но это была совсем короткая поездка, и я тогда мало что запомнил. Теперь же меня, парня из небольшого горного городка, Москва впечатлила по-настоящему: иные масштабы, атмосфера, метро с его подземными дворцами, совершенно другой народ. Потерянным я себя не ощущал — радовался, гордился, наслаждался летом, целыми днями бродил по городу, впитывая дух столицы.

С осени начались занятия в институте. Учиться оказалось легче, чем я ожидал, но и не так уж увлекательно. Может быть, потому, что в моей жизни появился очень интересный и образованный человек, настоящая живая энциклопедия — муж моей сестры Ким Григорян. Человека такой эрудиции я никогда не встречал прежде — да, наверное, и до сих пор. Ким тоже был родом из Степанакерта, окончил текстильный институт в Москве. Возглавлял конструкторское бюро на каком-то большом заводе. Я поселился в студенческом общежитии в Лефортово, но почти все выходные проводил в Реутове, у Кима и моей сестры. Именно в этой маленькой квартирке и началось мое неформальное образование.

Вечера мы с Кимом просиживали на кухне. Он говорил непривычные вещи. Я вырос в семье, где справедливость и эффективность советского строя никогда не подвергались сомнению. Обычный советский мальчик, сын коммуниста, я считал, что живу в лучшей стране в мире. И вот день за днем, вечер за вечером Ким показывал мне реальность. Я узнал про репрессии Сталина,

узнал про миллионы людей, умерших от голода во время коллективизации, узнал про арестованных перед самой войной красных командиров, узнал о тайном сговоре Сталина и Гитлера, решивших разделить Европу.

Ким не был деятельным диссидентом — он просто очень трезво мыслил и бескомпромиссно критиковал существующий строй. Мало кто в Союзе тогда понимал, каким страшным на самом деле был режим Сталина и каким затхлым — брежневское время. Во мне Ким нашел благодарного и, вероятно, редкого слушателя и обрушивал всю эту правду на меня. А глубоко ночью, устав от долгих разговоров, мы вместе ловили сквозь шум глушилок «Радио “Свобода”» или слушали джаз.

С собой Ким давал мне книги. Не самиздат, а политическую, философскую, богословскую литературу — но она тоже меняла сознание.

Началось с «Богословско-политического трактата» Спинозы. Никогда прежде я не читал ничего подобного. Было очень сложно, но безумно интересно. После этой книги мир раскрылся передо мной по-новому, я поверил, что только общественный договор, основанный на разуме и добровольно принятый людьми, способен обуздать страсти и пороки отдельного человека. С советской действительностью подобные идеи не имели ничего общего, но тогда я и не пытался увязывать их между собой, а просто впитывал в себя. Хотя, возможно, десятилетия спустя, когда уже стал президентом постсоветской Армении, на многие из моих решений исподволь влияла эта, написанная в XVII веке, книга, которую я прочел в 17 лет.

Однажды Ким подарил мне Библию. Это была маленькая карманная книга в гибкой обложке, которая содержала тысячу страниц — само по себе уже маленькое чудо. Прочитал я ее бегло, не до конца понимая, зачем мне это. Верующим, конечно же, не стал, но тот идеологический каркас, который тогда встраивали в каждого из нас, пошатнулся: Библия выглядела человечнее морального кодекса строителя коммунизма, висевшего в коридорах каждой школы как наглядная агитация.

Хотя беседы с Кимом и книги стали для меня в тот год мощным потрясением, я не превратился в философа или диссидента. К учебе, правда, охладел — технические дисциплины не давали ответа на философские вопросы, а такие вопросы приходили мне в голову все чаще. У меня появилось ощущение, что, может быть, я неправильно выбрал вуз, но продолжал заниматься и неплохо сдал первую зимнюю сессию. И еще успевал при этом жить полноценной студенческой жизнью — у меня появились друзья, мы вместе гуляли по Москве, ходили в кино, в кафе — развлечений и соблазнов, отвлекающих от учебы, в столице хватало. Среди студентов почему-то очень популярна была «Метелица» на Калининском (теперь это Новый Арбат) — набеги туда считались высшим шиком. По субботам заглядывали на дискотеку в нашем общежитии. Одна из дискотек стала поворотной точкой в моей студенческой жизни.

Как-то в конце мая, прямо перед сессией, на дискотеке появился незнакомый нагловатый парень. Вел он себя вызывающе — полагал, что вправе делать что угодно, и явно напрашивался на конфликт. Я вспылил. Друзья пытались меня остановить, говорили, что он чей-то сынок — мол, не связывайся лучше, отойди... Я не отошел, и дело кончилось дракой. Я его ударил, и, как оказалось, сильно. Ничего не повредил, не сломал, но фонарь под глазом поставил большой. Сам я этой истории особого значения не придал: подумаешь, всякое бывает — помахаться, потом остынешь, и даже подружиться можно.

Через день меня вызвали в деканат. Потребовали написать объяснительную, грозили отчислением. Я неумело оправдывался: «Он сам лез...» Оказалось, что этот парень — родственник кого-то из институтского начальства, поэтому инцидент на дискотеке внезапно стал предметом чрезмерного внимания. Сразу меня не исключили, пожалуй, только потому, что уж слишком очевидна была вина этого парня: он был изрядно выпившим и сам спровоцировал драку. Но история тянулась, в деканат мне приходилось ходить снова и снова, отношения с руководством факультета сильно

испортились, и мой интерес к учебе, и без того слабый, на этом фоне угас вовсе. Родителям рассказать об этом происшествии я не мог категорически, с сестрой и Кимом тоже почему-то не поделился.

В конце концов я сказал декану, что переведусь в другой институт, и попросил дать мне возможность уйти по собственному желанию. На этом и договорились.

Снова настало лето, еще один июнь. Год назад я приехал в Москву, сдал экзамены, увидел себя в списке зачисленных и позвонил отцу сказать, что стал студентом. Отец так гордился своим сыном... Теперь я держу в руках документы об отчислении. Сам уход из института меня не особо расстроил, но мне было невыносимо стыдно перед отцом, и я долго откладывал разговор с ним. Я понимал, что для него эта новость станет настоящей трагедией.

Но дальше тянуть было некуда, и я пошел на почтамт.

Протягиваю девушке бумажку с нашим домашним номером телефона, сажусь и жду соединения. Время ползло невыносимо. Минуты казались часами. И вот, наконец, далеко в трубке, через помехи и треск я слышу радостный голос отца — сын звонит!

— Папа, я ушел из института.

Отец ошеломлен неожиданной новостью.

— Почему? Что случилось?

Я мучительно пытаюсь подобрать ответ: про конфликт рассказать не могу, а в то, что я не справился с учебкой, отец не поверит — я всегда был отличником.

— Не сложилось. Не хочу больше учиться. Пойду в армию.

Отец молчит. Он не знает, что сказать.

— Поеду в Харьков.

В Харькове жили родные братья матери. Домой я ехать не мог — не знал, как посмотреть отцу в глаза.

Месяц я проболтался в Харькове и вернулся в Степанакерт. Я видел, что отец расстроен, но расспрашивать меня он ни о чем не стал. Я тоже всячески избегал разговоров о прерванной учебе.

Устроился слесарем-сборщиком на электротехнический завод. Пять дней работал, а на выходные с друзьями уходил в горы, часто

Часть I. Мирная жизнь

с ружьем. Наступившая осень, невероятно живописная в Карабахе, раскрашивала горы разноцветьем ярких красок. Иногда даже охотиться не хотелось, чтобы не нарушать царящие здесь мир и тишину, и я просто бродил по горным тропам. Московское студенчество отступало все дальше в прошлое и потихоньку забывалось.

ГЛАВА 3

АРМИЯ

Никаких планов на будущее я не строил, ждал призыва в армию. У всех моих друзей была повестка на 9 ноября, и я хотел призываться с ними — в надежде, что мы попадем служить вместе. Но обо мне в военкомате забыли: я ведь уезжал на учебу, и, видимо, мои учетные документы где-то задержались. Пришлось просить отца помочь. Отец позвонил военному, которого хорошо знал: так мол и так, сын срочно, прямо сейчас, хочет служить. Военком страшно удивился, говорит: «Вы первый человек, кто мне звонит для того, чтобы сына поскорее в армию взяли! Обычно просят не забирать или призвать попозже!» Просьбу отца он выполнил, и сразу после ноябрьских праздников я ушел в армию.

Попал я в железнодорожные войска, о существовании которых раньше даже не подозревал. Решил, что, наверное, мы будем разъезжать из конца в конец страны по железной дороге, выполняя военные задачи. А оказалось, что нам предстоит строить эти самые железные дороги, по которым разъезжать будут другие. Отличие от стройбата заключалось лишь в том, что в железнодорожных войсках за работу ничего не платят... Романтика армейской службы исчезла сразу же.

Сначала была учебка в Череповце. Город запомнился мне только трубами металлургического комбината. До горизонта — сплошные трубы, трубы, трубы, и каждая дымит своим цветом, от оранжевого до черного. Пошел снег — и на следующий день он весь разноцветный, раскрашенный сажей из этих труб. В учебке собрались группы из разных республик, разных регионов страны; нас, карабахцев, там оказалось человек десять, и среди них — никого из моих друзей.

Учебка — это явление особенное. Множество парней одного призыва попадает в непривычные условия, где они должны понять и прочувствовать, что такое воинская служба. Отчасти это понимание происходит через процесс притирки и выстраивания внутренней неформальной иерархии, а именно: кто будет спать на нижнем и кто на верхнем уровне двухъярусной кровати или кто из напарников будет в наряде отвечать за чистоту туалетов. Туалеты чистить мне совсем не хотелось.

Именно здесь я глубоко осознал суть «естественного права» из «Политического трактата» Спинозы. Единственным инструментом самоутверждения стали кулаки и постоянная готовность их применить. Я был в хорошей форме, годы занятия вольной борьбой оказались очень кстати, а воли и духа хватало через край. Непонятно откуда появились дерзость и агрессия, которых я в себе никогда не замечал. Очень скоро меня все стали уважать. Парень, выросший в интеллигентной семье, в спокойном городе, в элитном дворе, вдруг оказался в обстановке, где за место под солнцем надо бороться жестко и беспощадно. Я столкнулся с той частью реального мира, от которого был защищен в детстве и юности, и этот период стал очень важным этапом моего становления. Я приобретал навыки поведения в недружелюбной, а порой и чрезвычайно агрессивной среде. Возможно, без них я не прошел бы те испытания, которые судьба мне уготовила в будущем.

Из учебки меня направили сначала в Пушкино под Ленинградом, затем в Вологду. Везде была одна и та же история: притирка и самоутверждение, но проходили они уже гораздо проще.

Вообще такую службу в армии трудно назвать воинской: на стрельбище я побывал всего раз, отстрелял девять патронов, а боевой техники за все годы и в глаза не видел — только тракторы и самосвалы. В Ленинграде два месяца я и вовсе жил вольной жизнью. Первый месяц мы втроем работали в мастерских Минобороны по ремонту прицепов. Жили там же в мастерских, работали много, но были абсолютно свободны по вечерам. Тогда я весь Ленинград объездил в спортивном костюме. Никаких начальников над нами

не было, только пенсионер-охранник. Еще месяц провел под Выборгом в военном совхозе, где мы — восемь солдат — помогали на сельхозработах, зарабатывая картошку и овощи для нашей части. Жили в местном клубе, я был за старшего: ни устава, ни строевого шага. Здесь, как и в Пушкине, мы напряженно трудились весь день, зато вечерами ходили на танцы, где пользовались большим успехом у местных девиц.

Последний год я служил в Монголии: в Дархане и Эрдэнэте. Служба там сильно отличалась от того, что я видел в стационарных войсковых частях. Когда понадобилось построить железную дорогу из Дархана в Эрдэнэт, к молибденовым месторождениям в Монголии, начальство распорядилось сформировать специальный новый батальон для выполнения этой задачи. Каждая воинская часть железнодорожных войск должна была направить несколько человек из своего личного состава, по квотам, на формирование этого батальона.

Командиры подразделений, чтобы избавиться от своих «траблмейкеров»* — тех солдат, которые создавали им постоянные проблемы, — написали им хорошие характеристики и сослали в новый батальон. Я тогда служил в Вологде и сам напросился в этот батальон из-за друга, которого туда включили первым номером. Коля, парень из Брянска, был большой головной болью комбата. Хулиганистый до невозможности, завсегдатай гауптвахты, притом начитанный и толковый, он достал все начальство своими очень грамотными письмами-жалобами в разные инстанции. Писал он их постоянно, и после каждой жалобы в часть приезжала какая-нибудь комиссия с проверкой. Командир части, конечно, был в ярости.

Помню, как после очередной проверки на утреннем разводе командир, весь багровый от злости, орал перед строем: «Тут в стенгазету заметку написать некому! А этот х... — целое письмо накатал, причем аж самому министру!» Думаю, наш командир больше

* Troublemaker — смутьян, нарушитель спокойствия (англ.).

всех обрадовался строительству важной железной дороги в братской Монголии.

И вот нас, этот новый батальон, загрузили в плацкартный состав, и десять дней мы добирались до места назначения. Представьте себе поезд, в который собрали самых строптивых, пьющих, буйных, и никто не знает, кто на что способен, кто «салага», кто «дед», а впереди — десять дней пути. Притирка началась сразу же, на этот раз под стук колес движущегося железнодорожного состава. Своего нового комвзвода за всю дорогу мы видели лишь дважды: при посадке и в день приезда, уже с большим фонарем под глазом. Где он его заработал — не знаю, но было видно, что комвзвода не просыхал всю дорогу. Оказалось, что офицеров и прапорщиков отбирали почти так же, как солдат: тех, от кого начальство хотело избавиться. Правда, командиром и замполитом батальона поставили сильных офицеров, но им пришлось приложить немало усилий, чтобы сделать этот бедлам управляемым.

На место дислокации мы прибыли ночью. Вокруг голая степь, и нам предстоит в ней обустраиваться. Разбили палатки. Все пришлось начинать с нуля: и работы самим организовывать, и технику подгонять, и быт налаживать. За много километров во все стороны — никаких населенных пунктов, можно три часа по степи на машине колесить, максимум, что встретишь, — пару юрт или стадо скота, больше ничего.

В этих непростых и очень специфичных условиях жизни и работы у нас в батальоне складывались совершенно иные, нежели в обычной, стационарной войсковой части, отношения. Система поощрений и наказаний не работала. Гауптвахта — далеко, в Улан-Баторе, в увольнения ходить некуда, вокруг — дикая природа. Весь досуг — турник, брусья, поднятие тяжестей и боксерские перчатки. Для офицеров в поле стоял бильярдный стол, но лишь до тех пор, пока во время песчаной бури смерч не поднял его метров на пятьдесят и не грохнул о землю так, что тот весь рассыпался.

Внутренние вопросы обычно решались не по уставу. Наша троица друзей — Гена из Риги, Коля из Брянска и я — оказались

на вершине внутренней солдатской иерархии, хотя все мы были рядовыми. С офицерским составом мы поладили, наше подразделение выполняло свои задачи с опережением. Но требовать классических уставных отношений, какие выстраиваются, например, в Москве или в Германии, где есть хорошие казармы, нормальные бытовые условия, баня, четкий распорядок дня, нормальная еда, у нас было невозможно.

Казарм у нас не было вообще — мы жили в палатках.

Трижды наша войсковая часть перемещалась по мере продвижения строительства железнодорожного полотна, чтобы быть ближе к строящимся участкам. Каждый раз приходилось обустраиваться заново. Места были удивительно красивые. Очень своеобразные пейзажи, непривычные для моего глаза: пологие горы, словно растянутые по степи, подчеркивали необъятность просторов нетронутой природы. Климат в тех краях резко континентальный, суровый: зимой до минус тридцати пяти, летом под сорок, в мае — ночью минус три, днем плюс двадцать семь. А мы — в палатках по тридцать человек, с печкой и длинной трубой, где зимой на нижней кровати холодно, на верхней жарко и все старослужащие — на втором ярусе. Летом мясо до нас не доходило, портилось по дороге, холодильников в степи не было. Чтобы не сидеть все лето на консервах, комбат позволил создать бригаду рыбаков, куда я попал из-за моих охотничьих навыков. Ночами мы ловили налимов на реках Орхон и Селенга на всю войсковую часть, а днем отсыпались. Иногда стреляли антилоп, гоняя их ночью по степи на машинах ГАЗ-66, хотя это и не очень поощрялось. Так прошло все лето.

Армия стала для меня хорошей школой, благодаря которой я приобрел бесценный жизненный опыт и серьезную закалку.

После службы отношения с армейскими друзьями продолжались недолго. Наши пути разошлись, а общение на расстоянии в те времена, без соцсетей и сотовой связи, требовало немалых усилий.

ЧЕРЕДА ПЕРЕМЕН

Лимитчик

Из армии я демобилизовался в конце декабря, под Новый год, и как раз успел домой к празднику. К этому времени и все мои сверстники, отслужив, уже вернулись в Степанакерт — друзья, одноклассники, знакомые, бывшие соседи по двору. Почти каждый день звонки: «О, ты тоже уже здесь? Надо увидеться!» Каждый день встречи — то с одним, то с другим, со всеми хотелось пообщаться. На одной из таких встреч я впервые в жизни перепил. К счастью, понял это, уже оказавшись дома.

Полтора месяца пролетели мгновенно.

Когда дембельское настроение постепенно утихло, я задумался, что делать дальше. Первым делом решил попытаться устроить свою жизнь в Москве. Поехал в столицу, поселился у сестры в Реутове. Пришел в МЭИ и увидел, что там ничего не изменилось, восстановление мне не светит. Махнул на институт рукой и начал искать работу. Приехавших, как и я, в столицу (их тогда называли страным словом «лимитчики» или, пренебрежительно, «лимитá»), заманивая перспективой московской прописки, активно приглашали на стройки, в «Метрострой», на заводы — в те места, куда москвичи шли неохотно. Москва активно строилась, и постоянно требовались рабочие руки. Газеты пестрели объявлениями: «требуются-требуются-требуются».

Вскоре я устроился рабочим в филиал ЖБК-11 недалеко от станции «Серп и Молот». Я понятия не имел, что такое ЖБК — выбор пал на него случайно. Мне хотелось пойти на стройку, но сестра дотошно изучила все объявления и отыскала предприятие,

которое, по московским меркам, находилось недалеко от ее дома. К тому же от комбината давали место в хорошем рабочем общежитии квартирного типа, в недавно построенной высотке, и это обстоятельство стало решающим фактором.

Так я начал работать бетонщиком. Если меня спрашивают про этот период, я в шутку отвечаю, что благодаря ему получил большой опыт общения с рабочим классом Москвы и обрел навыки проживания в рабочем общежитии, где требовалась изрядная воля, чтобы не напиваться по воскресным дням, как все. Хотя в остальном мои соседи были хорошими людьми.

Мы делали бетонные колонны для строительства высотных домов. Это трудоемкий процесс: сначала в специальную форму устанавливали арматурный каркас будущей конструкции, ставили на вибратор и заливали бетоном. Затем крановщик перемещал эти заготовки в сушильные камеры. Камеры закрывались, и заготовки просушивались там всю ночь. На следующий день колонны освобождали от форм. Готовые изделия еще пару дней отлеживались и только после этого отправлялись на стройки.

Работа была довольно тяжелой физически, но я, спортивный и крепкий парень, с нагрузкой справлялся. К тому же она неплохо оплачивалась: рублей двести чистыми в месяц, что в те годы считалось достойной зарплатой. Мне одному, без семьи, этих денег вполне хватало на жизнь, а страсти к накопительству я никогда не имел.

Наше общежитие в Новогиреево оказалось всего лишь в одной остановке электрички от Реутова, где жили моя сестра с мужем, так что судьба способствовала продолжению общения с Кимом. Спортом в тот год я вообще не занимался — моя работа вполне его заменяла. Да и негде было заниматься: какой спорт в начале 70-х в рабочем общежитии?

Так незаметно, не оставив в памяти никаких особенных событий, прошел год. В основном я работал, а в свободное время занимался самообразованием, много читал. Впрочем, читал я много всегда, с самого детства, за исключением разве что армейского периода.

В Монголии библиотека не радовала разнообразием, однако и там я перечитал все, заслуживающее хоть мало-мальского внимания, притом что армейская жизнь, конечно, не особо настраивает на чтение. Как и тюрьма. Уже во времена карабахского конфликта один из активистов, Мурад Петросян, просидевший в тюрьме лет десять, все время цитировал Ленина. Я его как-то спросил: «Слушай, с твоей-то биографией — и вдруг цитируешь классиков марксизма?» А он ответил, что выучил Ленина наизусть, поскольку в тюремной библиотеке просто больше нечего было читать.

Меня все сильнее увлекала философия. Я запоем читал первоисточники, а если и брал в руки художественную литературу, то только авторов вроде Анатоля Франса, у которого философия искусно вплетена в ткань повествования. Прочитанное мы подолгу обсуждали с Кимом. Сейчас, вспоминая тот период, я себе удивляюсь: как я смог все это прочитать? Как осилил скучных авторов, например Фрэнсиса Бэкона? Но тогда — тогда я читал их безостановочно, с азартом, взхлеб. Кого я только ни прочел — все, что издавалось, все, что можно было достать!

Очень понравился Ламетри. Может быть, он не столь глубок, но у него очень интересный язык. Ну и, конечно, читал классиков: Руссо, Монтеня, Гегеля, Канта, Ницше в самиздате. У Гегеля понравилось самое раннее его произведение «Жизнь Иисуса и его судьба», оно читается легко. Все остальное — просто кошмар! У него одно предложение на полстраницы, с причастными и деепричастными оборотами, и каждое предложение надо перечитывать, чтобы понять его смысл, который часто весьма прост. «Философию религии» Гегеля осилил, но когда попытался прочесть «Философию права», то завяз в самом начале — может, из-за языка. Немецкие философы мне запомнились своим тяжелым слогом, словно они сознательно усложняли язык, чтобы подчеркнуть научность своих взглядов. Возможно, чрезмерная лаконичность моей устной речи — это реакция на страдания от чтения Гегеля.

Шучу, конечно.

Многое из прочитанного тогда быстро забывалось. Я читал философию для удовольствия, а не изучал ее. Но уверен, что потратил время не зря: эти занятия стали хорошей тренировкой ума и повлияли на мою личность. Я испытывал сильнейшую потребность развиваться интеллектуально, постоянно усваивать что-то новое. Возможно, столь интенсивным самообразованием я компенсировал свою тягу к знаниям, пока не учился в вузе.

Друзей в Москве я завел немного. В рабочем коллективе дружбы ни с кем не получилось, да и не могло получиться. Неплохие ребята, почти все они любили выпить: дождавшись полочки, тут же бежали или в пивную, или в магазин за бутылкой. Такой образ жизни не имел ничего общего с моими привычками и представлениями о жизни. Зато я познакомился и легко сдружился с парнем из соседнего дома. Звали его Давид Воронов. Умный, интеллигентный, намного старше меня, он уже успел жениться и развестись с женой. Страстный собачник и не менее страстный филателист, Давид постоянно выменивал, продавал, покупал марки — фарцевал, как тогда говорили. Занятие это считалось полулегальным, за фарцовку можно было попасть в тюрьму. Давид и меня пытался приобщить к этой деятельности, и я даже начал немного разбираться в марках, но дальше простого любопытства дело не пошло: к торговле меня совершенно не тянуло.

С Давидом и еще одним парнем, Валерой, я и проводил свободное время. Какие развлечения тогда были доступны? Почти никаких: поход в кафе или на дискотеку по выходным. Летом выбирались за город — за грибами, или купаться, или просто побродить по лесу — иногда с друзьями, иногда с родственниками, с Кимом. Ездили, конечно, на электричке, машин тогда ни у кого из нас не было. Благодаря этим поездкам я для себя открыл невероятно красивые места в Подмосковье, особенно по Горьковскому направлению. Несколько раз ко мне приезжали в гости друзья из Степанакерта, наведалься армейский друг, который жил в Риге, я тоже съездил как-то к нему — вот и все выходящие за рамки привычного течения жизни события за тот год.

Через год я решил, что пора возвращаться домой, в Степанакерт. Не хотел задерживаться на работе, которая мне не нравилась, жить в среде, которая меня совсем не привлекала, и заполнять свою жизнь монотонной и отупляющей рутинной, не сулящей никакой перспективы. С завода меня отпускали неохотно: видимо, был на хорошем счету — я действительно неплохо работал. И вообще всегда серьезно относился ко всему, что делаю, будь то учеба, работа или тренировки. Директор филиала пригласил меня к себе, попытался уговорить: «Знаешь, мы тебя можем на другую работу перевести, сварщиком, там полегче и перспективы есть для роста». Но я отказался: «Да нет, я ухожу не из-за того, что мне тяжело. Просто — ну не мое это!»

Встряска

Родители, конечно, обрадовались моему возвращению, но я понимал, что не оправдываю их ожиданий. Они не представляли, что их дети могут не получить высшего образования, для родителей оно являлось чем-то не переменным, обязательным. Когда-то в детстве мать с трудом смирилась с мыслью, что мы с братом не стали учиться музыке, но что сын не окончит институт — это было невообразимо. Впрочем, я прямо сказал им, что сейчас не готов к учебе, и они не стали меня допекать. Хотя это и огорчило отца, он не сказал ни слова: давно уже понял, что бессмысленно мне что-то навязывать.

А пока... пока я наконец-то дома. После хаотичной и нервной Москвы, где заметную часть жизни съедает общественный транспорт, — все свое, знакомое, родное, спокойное, а главное — все рядом. Семья, близкие с детства старые друзья. Устроился на работу электриком на Шелковый комбинат, крупнейшее предприятие в Карабахе. Жил, как все парни моего возраста: активно занимался спортом, который всегда любил, по-прежнему много читал, общался с друзьями. У нас сложилась отличная компания — Юра, мой школьный друг, с которым мы сидели за одной партой с первого класса,

Альберт — умница и интеллектуал, одноклассник моего брата и я. Нам было интересно и весело вместе, мы постоянно придумывали себе занятия, почти все выходные проводили на природе. Я часто ходил на охоту, но уже с другой компанией или с братом. Охотиться я всегда любил и хорошо знал наши горы еще с раннего детства.

Кажется, это был самый спокойный и счастливый период моей жизни. Ведь счастье — это когда просто живешь в согласии с самим собой, а не копаешься в себе в поисках предназначения и смысла жизни. Как человек не задумывается о своих внутренних органах, пока они не напоминают о себе болью, так и с душевным равновесием: когда оно есть, ты не анализируешь его причины.

Незаметно пролетели три года.

Мысли об институте у меня периодически возникали, но не задерживались надолго — они плохо сочетались с моей насыщенной и приятной жизнью. Я постоянно был занят: то мы с друзьями едем на охоту на пару дней, то еще что-нибудь придумываем, и я не мог заставить себя переключиться на другие задачи. «Надо все-таки ехать поступать в институт... Надо. Поеду, но не сейчас, попозже. Непременно...»

И вот однажды — помню, это было весной — приходит повестка из военкомата. Требуют завтра явиться, какие-то сборы. Меня это насторожило. Звоню своему знакомому, работающему в военкомате, спрашиваю: что за сборы? Он говорит: а, это в Казахстан народ собирают, то ли сажать, то ли собирать урожай, то ли еще что. В общем, «на целину» — так это тогда называлось. «Надолго?» — спрашиваю. «Месяца на три-четыре». Ого! На лето я запланировал Черное море, а не Казахстан. Поднимать целину мне категорически не хотелось, да и вообще — какая целина? Опять степь? Я уже честно отслужил свое в монгольских степях!

Все учебники у меня дома лежали наготове — ведь я все время собирался приступить к занятиям, да все некогда было. Раз за разом откладывал — думал, что успею. А тут...

В общем, в военкомат я не пошел. За один день уволился с работы, собрал вещи, побросал в чемодан все нужные книги. Позвонил

брату (он тогда в Грузии служил, недалеко от Цхалтубо): «Привет, — говорю. — Ну, все: я решил поступать! Еду к тебе с учебниками, готовиться буду». А его как раз в командировку куда-то послали, и он отвечает: «Меня не будет здесь почти месяц, приезжай, живи». На следующий день я уже был в Грузии. Служебная квартира брата располагалась в уединенном и очень живописном месте. Приехал — ничего и никого вокруг не знаю, ни единого человека, с собой только чемодан книг, и у меня — месяц на подготовку к вступительным экзаменам.

Как я там занимался! С какой страстью! Просто невероятно. Я и не думал, что так мобилизуюсь. Уже через несколько дней я настолько втянулся в процесс подготовки, что целыми днями сидел за учебниками, отрываясь только на жизненно необходимое — сон и еду. И даже сны мне снились математические. Обстановка идеально подходила для такого погружения: вокруг никого, только войсковая часть, тюрьма и чайные плантации, где зеки собирали под конвоем чай. Неподалеку от дома протекала речка, и в ней я ловил себе рыбу. На маленьком мотоцикле брата ездил за продуктами, сам готовил. Так прошел месяц. Через месяц я знал, что готов сдавать экзамены в любой технической институт. Приехать — и поступить.

Я выбрал Ереванский политехнический. Сразу же из Грузии, не заезжая в Степанакерт, отправился в Ереван и подал документы на электротехнический факультет. Мне предстояло два экзамена по математике: письменный и устный. На самом деле вступительных экзаменов было четыре, еще сочинение и физика, но в те годы средний балл аттестата выше 4,5 давал право сдавать только два из них. Для поступления требовалось набрать не меньше девяти баллов в сумме.

Первым экзаменом шел письменный. Я был абсолютно уверен в себе, легко и быстро все решил, написал и ушел; и вдруг получаю за него четверку! Обидно, сделал дурацкую ошибку просто по невнимательности, поспешил и не перепроверил. Значит, теперь за устный я должен получить пять. Прихожу на экзамен, отвечаю все по вытянутому билету и сразу же говорю экзаменатору: «Мне

нужна только пятерка». — «Почему?» — спрашивает. Я объясняю: «У меня высокий средний балл, я рассчитывал сдавать два экзамена. А следующий — физика, и к физике я не готовился». На самом деле готовился, конечно, но мало. «Задавайте любые вопросы, гоняйте по всему материалу, но мне нужна пятерка». Он написал пять задач и сказал: «Если их решишь — будет тебе пятерка». Я сел и легко минут за двадцать решил все задачи. Раз-раз-раз... Экзаменатор пробежался взглядом и говорит: «Молодец, пять».

И я поступил.

А все эта повестка... До сих пор помню фамилию нашего военкома — Курочкин. Я благодарен этому Курочкину, что он вовремя вытолкнул меня из привычной колеи. Так бывает иногда в жизни: происходит неприятное событие, которое вроде бы не сулит ничего хорошего. А потом оказывается, что оно тебя встряхивает, заводит и настраивает на решительные действия. Вызов в военкомат меня отрезвил. До меня дошло: пора менять свою жизнь.

Снова студент

Ереван я почти не знал. Как ни странно, я, армянин, за всю свою жизнь до учебы приезжал туда лишь дважды. Видимо, потому, что родственников в Ереване у меня было мало. Из всей нашей семьи там жил только брат бабушки по отцу, очень обаятельный, невероятно скромный отставной полковник. Как-то раз, уже будучи студентом, я решил его навестить. Дед болел и считал, что жить ему осталось недолго. Когда я пришел, он лежал в постели и перебирал коробочки с медалями. Я удивился, говорю: «Что это?» Стал их рассматривать: орден Боевого Красного Знамени, орден Ленина, очень редкая медаль «За Халхин-Гол»², дореволюционные награды и даже наградной крест, еще с царских времен, «Участнику парада в Одессе» — единственного парада с участием царя. Остальные награды я не запомнил, но их было очень много. В отдельной коробочке лежал пистолет, очень красивый маленький «вальтер» с наградной надписью: «Майору Карапетяну от наркома обороны

Клима Ворошилова». Я и не подозревал, что мой дед — участник всех войн, от Первой мировой до Великой Отечественной! Оказывается, я вообще ничего о нем не знал. В 20-е годы он был первым связистом в Армении. И все это выяснилось случайно — только потому, что я зашел его навестить в тот день.

Учился я хорошо, относился к учебе гораздо серьезнее, чем в ранней юности. С учетом моих оценок и службы в армии деканат назначил меня старостой группы. Обеспечивал я себя сам: как отличнику, мне полагалась повышенная стипендия, а кроме того, я подрабатывал в лаборатории нашей кафедры. Вскоре нашел дополнительный заработок: устроился охранником в музей резьбы по дереву. Попал я туда случайно благодаря моему товарищу — он там работал и помог мне устроиться его сменщиком.

Музей оказался очень интересным местом, своего рода богемным клубом, где регулярно собиралась творческая интеллигенция пообщаться за чашкой кофе. Я познакомился там с массой интересных и обаятельных людей. Вечерами иногда прямо в музее мы устраивали застолья, о которых директор, Генрих Солахян, ничего не знал. Пару раз сделали шашлык на мангале — музейном экспонате. Однажды забыли его почистить от копоти и попались, когда директор случайно об него измазался. Конечно, он поскандалил, но увольнять нас не стал. После этого происшествия мы купили простой мангал, и директор с удовольствием присоединялся к нам вечерами.

Работа в музее идеально подходила студенту, предоставляя и общение, и доход, и все условия для занятий. Вопрос самостоятельного заработка стоял остро: когда я учился на первом курсе, в декабре внезапно умер отец: инфаркт. Хотя никогда не жаловался на сердце, был в хорошей физической форме и даже почти не болел. Отца я очень любил и безгранично уважал. Его доброе имя еще очень долго потом помогало мне устраивать свою жизнь: отношение к отцу переносилось на сыновей, а это в маленьком Карабахе, где все знают друг друга, большая ценность. Хорошо, что он успел порадоваться моему поступлению...

Назад в Карабах

Я окончил третий курс электромеханического факультета ЕрПИ без единой четверки и неожиданно для всех перевелся на заочное отделение. Сдал экстерном экзамены, перешел на курс выше и уехал в Степанакерт. Заведующий кафедрой, декан, некоторые из преподавателей уговаривали меня не делать этого. Они не могли понять, почему студент, имеющий хорошие шансы остаться на кафедре, продолжить учебу в аспирантуре, вдруг все это бросает и уезжает в Карабах. Они ожидали услышать от меня какую-то вескую причину. Но никакой особой причины не существовало. Скорее, был целый набор факторов, подтолкнувших меня к этому осознанному и рациональному решению. Базовый курс по фундаментальным наукам за три года уже был пройден, и следующие два предполагали глубокую специализацию по электрическим машинам. Работы в этой области у нас в Карабахе нет — значит, меня бы послали по распределению на какой-нибудь из заводов Армении или оставили работать на кафедре. Ни первый, ни второй вариант меня не устраивали: переселяться в Ереван я не собирался. К тому же я видел, что осваиваю материал быстро и у меня остается много свободного времени; почувствовал, что мой внутренний темп гораздо выше заложенного в программу обучения. Решил, что помимо учебы за два года могу успеть еще многое сделать.

Дальше я продолжил учиться на заочном: занимался самостоятельно, приезжал на месяц в Ереван, сдавал все экзамены за год, большинство экстерном, и возвращался домой. Институт я окончил с красным дипломом, правда, одна четверка туда все же затесалась — по теплотехнике. Ереванский политехнический 70-х годов остался в моей памяти первоклассным вузом с очень сильным профессорско-преподавательским составом. Мой завкафедрой, который тогда не смог отговорить меня от перевода на заочное отделение, до сих пор считает, что я уехал для участия в организации карабахского движения. Видимо, я так и не смог его в этом переубедить...

Переезд в Степанакерт очень быстро привел к важному событию в моей жизни: к женитьбе.

С будущей супругой мы ходили в один детский сад. В школе тоже попали в один класс и проучились вместе четыре года, потом оказались в разных школах, потом снова в одной, но уже в параллельных классах. Она мне всегда нравилась, но лирической подростковой дружбы между нами не случилось — Белла меня почти не замечала: я был не в меру скромным, в школьной жизни почти не участвовал, а она — активистка, образцовая отличница. После школы я потерял ее из виду, и судьба снова свела нас, когда я приехал домой на каникулы, но уже с твердым решением перейти на заочное отделение. Встретились случайно в городе. Я ехал на машине... и заметил ее, идущую вверх по улице. Обрадовался, притормозил, предложил подвезти домой. Не виделись мы давно, и я ничего про нее не знал: как у нее сложилась жизнь, чем она занимается. Разговорились, решили продолжить общение, обменялись телефонами.

Пожились мы осенью 1980 года. Все как у всех: обручение, помолвка, потом свадьба. Свадьба получилась запоминающаяся! В самом ее начале уже подвыпивший свояк Виктор, открывая красное шампанское, облил им невесту с головы до ног. Беллу это расстроило, а меня не на шутку рассердило. Единственным способом спасти свадьбу и Виктора было от души повеселиться.

Жить стали у меня — сначала вместе с моей матерью и семьей старшего брата. Потом Валера, работавший в редакции газеты «Советский Карабах», получил квартиру, они переехали, и мы остались втроем. В 1981 году родился наш старший сын Седрак, а потом, с интервалами в два года, дочь Гаяне и сын Левон.

Белла оказалась на редкость стойким человеком. Она никогда не жаловалась и даже в самые трудные минуты молча переносила все тяготы. Человек искренний и отзывчивый, моя жена всегда стремилась помогать другим, умела строить отношения с людьми и поддерживать бесконфликтную атмосферу в доме.

В семейной жизни я счастлив. Почему? Никогда не задумывался. Я считаю, что незачем копать в отношениях, анализировать их. Если тебе комфортно, если ты не ищешь причин пойти

домой попозже, готов посвятить семье воскресные дни и не считаешь это великой жертвой, то просто живи как живешь и не ищи объяснений, почему это так и что у тебя хорошо, а что плохо. Воспринимай все как есть, иначе придумаешь себе проблемы, которых на самом деле нет.

Комсомол

Шел 1980 год. Я устроился инженером-технологом на электротехнический завод (был у нас в советское время такой завод, производил светотехнику). Но проработать мне там довелось совсем недолго, меньше полугода. Как-то раз звонит мне секретарша директора: «Тебя на завтра вызывают в горком комсомола, к первому секретарю, он сказал, что срочно хочет увидеть Кочаряна». — «Меня? Увидеть? Зачем? Да откуда он вообще про меня знает, первый секретарь?» — спрашиваю. Оказалось, горком комсомола ищет новые кадры, и на заводе назвали мою фамилию.

А я к комсомолу вообще никакого отношения не имел. Нет, я, конечно, был комсомольцем, но тогда все были комсомольцами! Никогда в жизни никакой общественной активности я не проявлял, более того, комсомольских лидеров не любил, считая их выскочками. С секретарями комсомольских организаций у меня всегда складывались натянутые отношения, а с одним из них — в ЕрПИ даже вышел конфликт. Как-то раз он вместе со свитой зашел к нам в комнату в общежитии, не постучавшись. Кажется, шла какая-то проверка. Я читал, сидя на кровати, и, видимо, посмотрел на него недружелюбно: мне не понравилось вторжение. Комсорга это задело, и он командным голосом как рявкнет на меня: «Вставать надо, когда начальство входит!» Я вспыхнул мгновенно: «Послушай, начальник, тебя в детстве не учили в дверь стучать? Имей в виду, если я встану, то это плохо кончится!» Один из сопровождавших шепнул ему что-то на ухо, комсорг пригрозил вызвать меня на комитет и обсудить мое неподобающее поведение и ушел. Вызова на комитет так и не последовало — ребята передали, что обсуждать меня

сочли неуместным. Напротив, после этого инцидента держались со мной подчеркнуто вежливо.

Интересно, что, несмотря на всю мою резкость и негативное отношение к комсомольскому начальству, взаимной неприязни с их стороны не возникало. Наоборот, меня всячески пытались втянуть в общественную деятельность: «Ты отличник, тебя студенты уважают, к тебе прислушиваются. Ты мог бы стать комсомольским лидером!» Ну да, я всегда хорошо учился, особенно мне нравились математика, теоретическая механика, физика. Легко справлялся с любой задачкой из учебника. Ко мне часто обращались с вопросами по учебе, если в чем-то не могли разобраться, и я никому не отказывал в помощи. К тому же в общезитии у нас быстро сложилась дружная компания студентов. Хорошую учебу мы сочетали с активным времяпрепровождением. Придумывали веселые занятия, розыгрыши — делали свою жизнь интересной. Однокурсники меня уважали за знания, за действия, за характер — я это чувствовал. Но при чем тут общественная работа? Почему меня постоянно пытаются в нее втянуть? Я совсем не хочу этим заниматься! Публичность меня никогда не привлекала. Даже в детстве я был стеснительным ребенком, в школьной самодеятельности ни разу в жизни не участвовал, избегал шумных сборищ. Мне гораздо больше нравилось бродить с ружьем в горах или по лесу, одному или с самыми близкими друзьями.

Короче говоря, тяги к комсомольской работе я никогда не испытывал, и вдруг меня приглашают в горком комсомола! Но пришлось идти.

Захожу к первому секретарю, Виктору Кочаряну, и он предлагает мне у них работать. Говорит, что они рассматривают новые кадры, им меня порекомендовали, я им подхожу и есть срочная вакансия: секретарь комсомольской организации на одном предприятии. Я отказался категорически. «Да вы что, — говорю, — я инженер по образованию, никогда комсомольской работой не занимался, понятия не имею, что это такое, да и вообще — зачем мне все это нужно? Не хочу, это не мое!» — «Ты все-таки подумай, это же

возможность карьеры. Не спеши отказываться. Подумай, а через пару дней скажешь...»

Я, конечно, размышлял над его предложением. Я понимал, что это не только новое для меня дело, но и возможность карьерного роста. Я занимался спокойной и скучной работой, которая не требовала напряжения и азарта. Что обычно делает технолог? Проводит несколько часов в цехе и следит, чтобы все технологии соблюдались. Я пытался внести в работу разнообразие, размышлял, что можно изменить, улучшить на производстве. Мне было интересно делать чуть больше, чем от меня требовалось.

Виктор Кочарян, мой однофамилец, тот первый секретарь, который меня пригласил работать в горком, всего через месяц после разговора со мной ушел в КГБ и дослужился до руководителя спецслужбы НКР. Позже мы с ним породнились, женившись на сестрах. Но тогда, в момент нашей первой встречи, всего этого еще не произошло, я его совсем не знал и не мог предположить, что судьба свела нас надолго.

Через пару дней, поскольку сам я не появился, мне снова позвонили из горкома: «Ну, что решил?» Я в ответ буркнул что-то неопределенное: мол, ничего не решил, не знаю. А сам думаю: черт, а может, это как раз то, что мне надо? Во всю эту идеологию я уже не верил, но... у меня ведь совсем нет навыков работы с людьми, а тут как раз подворачивается возможность их получить — научиться делать то, чего я не умею, не пробовал и от чего всегда бежал как от огня. Я вдруг увидел в предложении вызов моим способностям, а это меня всегда притягивало и заводило.

Через день я сам позвонил в горком и сказал: «А что, давайте попробуем» — и... оказался на комсомольской работе.

Все мои друзья здорово удивились — хорошо меня зная, они даже представить себе не могли, что я соглашусь. Помню, что чувствовал неловкость перед ними: всегда с неприязнью относился к комсомольским вожакам, а тут вдруг сам решил стать одним из них. Но я пошел на это сознательно, без всяких идейных соображений. И это решение оказалось поворотным в моей судьбе.

Меня назначили освобожденным секретарем первичной организации, причем самой застойной в городе и самой непонятно устроенной, с загадочным названием — КБОН. Расшифровывалось оно так: комбинат бытового обслуживания населения. Идти туда секретарем не хотел никто, и вакансия эта висела в горьком году два. Она считалась провальной: все мои предшественники вскоре после назначения вылетали с выговорами. Работать там действительно было сложно. КБОН представлял собой множество различных ателье, столовых, прачечных, разбросанных по всему городу. На любом заводе или фабрике, где люди каждый день вместе идут через одну проходную, ощущение коллектива возникает естественно, само собой. А мои комсомольцы работали в совершенно разных местах, не были между собой знакомы и никогда друг с другом не пересекались. Комсомольская работа, судя по всему, у них не велась уже давно.

Такого я совершенно не ожидал. Думаю: черт возьми, а что мне со всем этим делать-то? Что это вообще такое — комсомольская работа и как ее ведут? Начинал с абсолютного нуля: просто знакомился с людьми. Вот где была целина для развития коммуникативных навыков! Я заходил в какое-нибудь ателье, здоровался, представлялся: «Я ваш новый секретарь комсомольской организации, Роберт Кочарян, а где такой-то? Нет на месте? Где я могу его найти?» Оказалось, что не так уж это и сложно, просто надо больше улыбаться и быть готовым общаться не только с теми, кто тебе нравится. За короткое время мне удалось собрать из своих комсомольцев неплохую активную команду.

В качестве первой задачи я решил познакомить всех между собой. Говорю ребятам: «А давайте мы хоть раз соберем всех вместе, в одном зале, и проведем вечер отдыха. Они же друг друга в глаза никогда не видели!» Подходящее помещение мы нашли легко: все залы для проведения торжеств в городе принадлежали нашему комбинату. Подготовкой и обслуживанием всех мероприятий занимались тоже наши люди, так что и с организацией сложностей не возникло. Собрались, провели вечер — всем очень понравилось. С этого все и началось.

Я вдруг обнаружил в себе качества, о которых никогда не подозревал. Вернее, интуитивно я чувствовал и в детстве, и в школьные годы, и в армии, и в институте, что к моему мнению прислушиваются, что я могу влиять на людей, увлекать и объединять их вокруг себя. Но теперь это стало моей главной задачей и получалось естественно, само собой, не требуя никакого напряжения. Спустя короткое время организация реально заработала! Причем произошло это без всякой идеологии — я никогда не произносил пафосных речей.

Заметив, что мои усилия дали хорошие результаты, месяцев через восемь мне предложили повышение — и я стал инструктором в орготделе горкома комсомола. Там меня ждала совсем другая деятельность — в основном организационная: львиную долю дня я проводил у телефона, общаясь с первичными организациями, которых существовало огромное множество. Благодаря этому я познакомился с большим количеством новых людей и хорошо изучил город.

Но перемены, похоже, меня преследовали: примерно через год я ушел в горком комсомола вторым секретарем (произошла цепочка перемещений: второй секретарь стал первым, а первого перевели в обком). На новой должности у меня заметно прибавилось как задач, так и ответственности. Я отвечал за молодежный спорт в городе, за туризм, за военно-патриотическое воспитание. Соревнования, молодежные летние лагеря, игры «Зарница» и «Орленок» — список мероприятий был внушительным, график — плотным, так что если кто-то представляет себе комсомольскую работу как просиживание кресла в кабинете и бесконечные резолюции, то пусть знает: это совершенно не так.

Я был занят с утра до вечера живой работой с людьми, к которой к тому моменту у меня уже появился вкус. Комсомол оказался отличной школой! Он действительно учил такой работе, развивал лидерские качества и инициативность, ведь приходилось постоянно придумывать что-то новое. Конечно, еще требовалась энергия, чтобы все придуманное воплотить в жизнь, но энергии-то мне всегда хватало с избытком.

Среди моих задач были и более формальные: регулярно проводить пленумы и заседания бюро. Подходили мы к этому делу ответственно, но без энтузиазма, считая обязательной рутинной. Это были 80-е годы, в стране никто уже не верил в светлое коммунистическое будущее, а очереди за маслом, мясом и туалетной бумагой совсем не вдохновляли на подвиги. В киосках «Союзпечати» журналы «Коммунист» и «Агитатор» — издания ЦК КПСС — давали в нагрузку к гламурному журналу «Советский экран». У нас в горкоме все партийные функционеры, за редким исключением, относились к идеологии утилитарно, как к инструкции для стиральной машины. Вряд ли где-то еще в городе рассказывали столько анекдотов про Брежнева, как в наших стенах. А специфическую дикцию Леонида Ильича лучше всех копировал заворотдела горкома партии.

Коммунистическая идеология, которая служила фундаментом и цементом для огромной страны, повсеместно разлагалась, а дряхлеющее партийное руководство не могло предложить взамен ничего нового и привлекательного.

В то время пост первого секретаря нашего горкома партии занимал Завен Мовсесян — человек правильный и добрый, прошедший путь от рабочего до партийного лидера. Мы все очень его уважали. Как-то раз после одного из пленумов он пригласил меня к себе: «Я вижу, ты хорошо работаешь — с энтузиазмом, энергии у тебя много. Но в твоих выступлениях нет ссылок на решения ЦК и вообще отсутствуют цитаты из Брежнева». Я немного напрягся — я действительно избегал фразы «как сказал Леонид Ильич» — и честно признался: «Да как-то язык не поворачивается». А Мовсесян вздохнул, посмотрел на меня пристально и очень мягко, по-отцовски, сказал: «А ты думаешь, мне все это нравится? Но надо хоть раз-то сказать... Ну, просто принято это делать». Этот человек честно делал свою работу, пытаясь приносить максимальную пользу там, где был.

Вторым секретарем я проработал около двух лет, а потом вступил в КПСС и ушел инструктором в горком партии. Из горкома

меня направили на наш Шелковый комбинат секретарем парткома. Комбинат являлся самым крупным предприятием области — как тогда говорили, «флагманом нашей индустрии», — и это назначение напоминало самое первое в моей комсомольской карьере: всех, кого туда посылали в последние годы, потом «награждали» партийными выговорами.

На комбинате меня встретил огромный рабочий коллектив — хороший, но очень непростой: профессионалы высокой квалификации, которые знали цену своему труду. Несколько из моих ткачих имели звание Героя Социалистического Труда, правительственные ордена и медали, одна из них была членом бюро обкома партии, другая — депутатом Верховного Совета СССР. А инженерно-технический состав считался настолько сильным, что наших специалистов приглашали на другие предприятия в Азербайджане, когда местные инженеры не справлялись с монтажом новой техники или настройкой высокотехнологичного оборудования. И тут перед ними я — новый молодой парторг, присланный из горкома. Поначалу я чувствовал к себе настороженное внимание: «Что он будет делать? Поведет себя как большой начальник? Или станет нашим?»

У меня было хорошее стартовое преимущество, ведь я более двух лет проработал там электриком. Я знал многих сотрудников, понимал особенности работы, имел представление о технологии. Без глубокого знания производства симпатии коллектива завоевать невозможно независимо от того, какую должность ты занимаешь. С другой стороны, совершенно недопустимо в погоне за симпатиями заигрывать с рабочими, изображая «своего парня». Думаю, это и стало основной проблемой моего предшественника.

Добротное инженерное образование в сочетании с опытом, полученным за время трудовой деятельности на рабочих должностях, позволили мне очень быстро вписаться в коллектив и установить хорошие и прочные деловые отношения как с рабочими, так и с инженерно-техническим персоналом.

Словом, работать мне было интересно.

Здесь я приобрел новые знания и навыки, которые в будущем мне оченьгодились. Я научился лучше понимать коллективную психологию людей, причем людей из незнакомой мне социальной среды, научился правильно вести себя с ними. В отличие от комбината бытового обслуживания, на котором я когда-то начинал свою комсомольскую карьеру, тут коллектив объединяло мощное чувство локтя: каждое утро все идут через одну и ту же проходную, все друг друга знают и вместе болеют за общий результат.

Я не верю в классовую теорию, но видел и знаю: несмотря на все внутренние противоречия, рабочая солидарность существует. Наверное, это то, что в нынешнее время психологи называют «корпоративной солидарностью». Чувство единения с коллективом наделяет каждого его участника дополнительной силой. В Карабахе эта сила проявила себя в полной мере очень скоро — когда возникло и моментально набрало мощь карабахское движение.

ЧАСТЬ II

КАРАБАХ

НАЧАЛО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Сбор подписей за воссоединение с Арменией

Началось все осенью 1987 года с мирных и законных действий: со сбора подписей под обращением в ЦК КПСС, Горбачеву, с просьбой о передаче Нагорно-Карабахской автономной области из состава Азербайджана в состав Армении. Когда-то такой же точно процесс — сбор подписей и обращение в ЦК — случился при Хрущёве, во время оттепели 1966–1967 годов, и был жестоко подавлен властями. Но в этот раз ситуация кардинально отличалась от предыдущей: не мы вдруг начали требовать перемен, а перемены сами ворвались в нашу жизнь. Ворвались стремительно, вместе с лозунгами «демократия», «перестройка», «гласность». Оказалось, что можно говорить обо всем, что наболело, и впервые за многие десятилетия у нас появилась вера, что мы, обычные люди, можем влиять на происходящее.

Это был невероятно интересный и наполненный надеждами период. Шел I Съезд народных депутатов СССР, и люди по всей стране следили за его трансляцией, не отрываясь от телевизоров и радиоприемников. На трибуне Съезда появились интересные и грамотные ораторы, говорящие на всю страну такое, о чем за год до этого люди предпочитали шептаться на кухнях. Они мгновенно превращались в звезд, становились гостями телепередач, интервью

с ними публиковались в прессе. Телевидение, газеты и журналы стали чрезвычайно интересными и притягивали к себе внимание миллионов зрителей и читателей. По утрам в киоски «Союзпечать» выстраивались очереди за свежими газетами, и тиражи самых популярных изданий уже к обеду раскупались подчистую.

Как будто вдруг распахнули окна в комнате, которую не проветривали десятилетиями, и от избытка политического кислорода у всех голова пошла кругом. Непривычная свобода рождала веру в то, что все мы вольны сами выбирать, принимать решения, создавать собственное будущее — будущее своего Арцаха. Ну, по крайней мере, мы действительно поверили в то, что перемены к лучшему и в нашей жизни, и в нашем государственном устройстве наконец-то стали реальными.

Однако параллельно шел и процесс эрозии власти, сначала незаметный, но уже набравший обороты. В крайне централизованной, идеологизированной и многонациональной стране власть сама ломала привычные стереотипы и барьеры, но при этом вряд ли осознавала, что одновременно разрушает устои государственного устройства СССР. Прямо на глазах страна становилась неуправляемой, плановая экономика ушла в свободное падение, а нарастающие центробежные силы сделали процесс необратимым.

Меня часто спрашивают: «Разве развал СССР начался не с карабахского движения?» Я отвечаю отрицательно: конечно, нет. Просто противоречия вскрылись там, где они изначально существовали, и произошло это в точках наивысшего напряжения. Каждый раз в истории Карабаха ослабление центральной власти неминуемо приводило к обострению межэтнических противоречий. Любые политические потрясения в центре, которые нарушали привычный ход вещей и создавали ощущение политической бесхозности, пробуждали стремление карабахцев к воссоединению с Арменией. Так было и в 1917–1920 годах: после революции, с падением имперской власти Карабах стал ареной столкновений между армянами и азербайджанцами. В царской России административное территориальное деление шло по губерниям без учета этнических особенностей

территорий. Карабах входил тогда в Елизаветпольскую губернию, а большая часть нынешней Армении — в Эриванскую. Развал Российской империи сопровождался формированием новых независимых государств в Закавказье. Каждое из них провозглашало свои границы, и в некоторых местах произошло наложение территорий, поскольку в Баку считали, что границы нужно проводить по территориальному делению уже не существующей Российской империи, а в Ереване — по этническим границам проживания армян. Армяне отстаивали свой подход, поскольку он давал возможность реализовать многовековое стремление к воссоединению и восстановлению армянской государственности. Но, когда Красная Армия вошла в Баку и Ереван, спор по Карабаху был решен в пользу Баку. Нагорный Карабах оказался в составе Азербайджана, хотя подавляющее большинство населения области составляли армяне.

Мы, карабахцы, постоянно чувствовали, что наши интересы игнорируются и ущемляются. Наличие автономии не ограждало нас от административного доминирования Баку. В советские годы его основные усилия были направлены на то, чтобы заселить область азербайджанцами, изменив этнический состав края. Это нас очень тревожило, ведь мы уже видели почти полную деармянизацию Нахичевани. Союзные власти с крайней подозрительностью воспринимали любые отношения НКАО с Арменией и пытались максимально их ограничивать. Советский атеизм на практике внедрялся весьма избирательно. Последняя церковь в Карабахе была закрыта еще в 20-е годы, а все армянские храмы стояли без крестов, и азербайджанские историки называли их албанскими. При этом в соседнем с Карабахом Агдаме весь советский период функционировала мечеть. Даже за право говорить на своем языке нам приходилось постоянно бороться. Сталкиваясь на каждом шагу с проявлениями неравноправия, мы чувствовали себя хозяевами в Карабахе, но чужими в Азербайджане.

Я как-то назвал наши отношения с азербайджанцами «этнической несовместимостью» и потом долгое время подвергался резкой критике за свои слова. Возможно, я действительно выразился

неудачно, но ведь очевидно, что у наших народов абсолютно разные этнические, религиозные и культурные традиции, разный бытовой уклад. У нас разные предпочтения и представления о моделях государственного устройства наших стран и их геополитических приоритетах. Думаю, мы можем стать хорошими соседями, но мы никак не должны находиться в подчинении друг у друга.

Стремление воссоединиться с Арменией существовало на протяжении всего советского периода. Внешне незаметное, оно подспудно дремало в армянском обществе, готовое прорваться на поверхность в любой момент, как только позволят обстоятельства. Инициатива по сбору подписей возникла в Ереване и очень быстро охватила Карабах. Процесс запустила армянская интеллигенция — в основном выходцы из Карабаха, по разным причинам живущие за его пределами. У всех на слуху оказались тогда имена Зория Балаяна³, Баграта Улубабяна⁴, Игоря Мурадяна⁵, но движение не имело формальной структуры — оно было стихийным, как лесной пожар: так пламя, вспыхнувшее в сухом лесу, распространяется стремительно и неудержимо, захватывая все вокруг.

Я в то время по-прежнему работал секретарем парткома Шелкового комбината. Жизнь текла размеренно — спокойная, понятная, стабильная и предсказуемая. Коллектив на комбинате был дружный, сплоченный. Можно сказать, одна большая семья.

И вот однажды, в самый обычный день, ко мне подходят двое наших рабочих. Говорят: «Везде собирают подписи под обращением в ЦК о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией, и мы хотим в нашем коллективе тоже собрать — все же крупнейшее предприятие области. Вы не против?» Я, конечно, не был против: я видел, что происходит в городе, — правда, особого значения этому еще не придавал: «Давайте! Раз везде собирают — может, и получится что-то». Через пару дней я узнал, что под обращением в ЦК подписался почти весь наш комбинат, спустя еще неделю — все предприятия Степанакерта, а к концу месяца — уже все жители города! В очень короткий промежуток времени, месяца за три, свои подписи поставило чуть ли не все взрослое армянское население

Карабаха. Исключением стали только самые высокопоставленные партийные работники, которые на такой шаг не решались в силу своей должности, но и они смотрели на происходящее с симпатией, сопереживали и поддерживали.

Сбор подписей велся подпольно, поэтому сложно сказать, кто управлял этим процессом, — никакой оформленной структуры не существовало (по крайней мере, я о такой никогда не слышал). Явных лидеров тоже не наблюдалось, но, пожалуй, среди всех активистов заметно выделялся Аркадий Карапетян (позднее, во время войны, он станет заниматься формированием отрядов самообороны). При этом вовлеченность в движение, начатое маленькой группой энтузиастов, росла в геометрической прогрессии и очень быстро стала всеобщей. Этот удивительный яркий процесс эмоционально глубоко захватил и объединил наш народ. Нас переполняли оптимизм и искренняя вера в то, что раз в стране гласность, перестройка, то ко мнению людей, конечно же, прислушаются. Мы были убеждены в собственной правоте и не совершали ничего антисоветского — просто подписали законное обращение в ЦК КПСС, в Политбюро, к Горбачеву.

1 декабря 1987 года наша карабахская делегация поехала в Москву и передала обращение, под которым стояло несколько десятков тысяч подписей, в приемную ЦК КПСС. В нем мы объясняли свою позицию и приводили в ее защиту документы, касающиеся истории, этнографии, культуры Нагорного Карабаха. Через месяц, в январе 1988-го, в Москву отправилась еще одна делегация. Каждая из них пыталась донести до центральной власти простую идею: проблема есть — и серьезная; раз она уже поднялась на поверхность, ее нельзя игнорировать — ее надо решать. Можно действовать поэтапно, можно искать различные формы, но нельзя делать вид, что ее не существует, — иначе начнутся неконтролируемые процессы. В ЦК нашим делегатам отвечали, что относятся к сложившейся ситуации с пониманием, но рассматривать ее готовы только в социально-экономической плоскости. Говорили, что схожих проблем в СССР около двадцати, и решение одной из них повлечет за собой

цепную реакцию. Вести из Москвы не вдохновляли — напротив, они только нагнетали напряжение, гальванизировали до предела известное упрямство карабахцев, и в какой-то момент накопившаяся неудержимая энергия просто вытолкнула людей на улицы. Начались массовые митинги и демонстрации.

Мирные выступления

Для Советского Союза это было невиданное дело: митинг, не организованный сверху, а, как сейчас говорят, несанкционированный, стихийный, народный, зародившийся в самых низах. Такого не случалось, наверное, со времен царя. Самые первые выступления происходили мирно, под искренними и наивными лозунгами — мы все еще верили, что решение центральной власти будет справедливым. Люди выходили на улицу с плакатами «Ленин, Партия, Горбачев». С каждым днем митинги становились все более многочисленными, все чувствовали, что происходят очень важные исторические события, и никто не хотел оставаться в стороне.

Процесс захватил даже тех, кто занимал высокие должности и поэтому, казалось бы, должен был вести себя более осторожно. Но так не получалось: если, скажем, первый секретарь райкома партии не присоединился к стихийному митингу, который собрался у здания райкома, то сразу же терял всякий авторитет.

Появились первые неформальные лидеры — те люди, которые активно выступали на митингах, смело говорили о происходящем, умели увлечь за собой. Некоторые из них придерживались радикальных взглядов, другие — более умеренных, но многих из них знали и уважали по прошлым делам и поступкам, их мнению доверяли, к ним прислушивались. Среди этих лидеров были и директора предприятий, и партийные работники, и преподаватели вуза, писатели и представители рабочих коллективов.

Пошел интересный и необычный для советской действительности процесс самоорганизации движения. Инициативно образовалась неформальная группа, которая принимала все решения

о митингах: где и когда их проводить, как обеспечивать порядок. Никто нас не избирал, все произошло само собой: активистов, взявших на себя организационные функции, объединила совместная деятельность. Стояла зима, очень холодная в тот год, и мы заботились о том, чтобы люди имели возможность согреться: привозили горячую воду, заваривали для всех чай, обеспечивали питание. Медики устроили на площади дежурство «скорой» — мало ли что может произойти.

Мы собирались в любом подходящем месте — на работе или дома у одного из нас, — обсуждали текущую ситуацию и принимали решения. В это же время на всех карабахских предприятиях шли общие собрания коллективов и первичных партийных организаций. Тема обсуждения — одна, насущная, волнующая всех: переход Нагорного Карабаха в подчинение Армении. Собрания единогласно принимали постановление: «Просить вышестоящие органы решить вопрос о воссоединении НКАО с Арменией положительно». Затем постановления передавались выше, и везде — на пленумах и партхозактивах райкомов, горкома партии и советов народных депутатов всех уровней — принимались единогласно.

Руководство Азербайджана пыталось повлиять на нас. Приезжали разные партийные деятели, должностные лица из ЦК компартии республики и уговаривали прекратить митинги. Держались они не очень уверенно — нам казалось, что власть растерялась и не вполне понимает, что со всем этим делать.

В середине февраля в Степанакерт ввели союзные войска, а Баку направил дополнительные милицейские силы из соседних с областью азербайджанских районов. Такая попытка силового давления не вполне вписывалась в заявленную центральной властью политику и сразу вызвала у всех волну возмущения и негативное отношение к союзному центру. Теперь на улицы вышел весь город, и митинги продолжались безостановочно. Основное требование — созвать сессию народных депутатов области и принять решение о воссоединении НКАО с Арменией. Начался сбор подписей депутатов областного совета за проведение 20 февраля внеочередной

сессии с единственным вопросом на повестке дня: о передаче области из состава Азербайджана в состав Армении. Собрать нужное по регламенту количество подписей в той атмосфере не представляло ни малейшего труда.

19 февраля азербайджанское агентство «Азеринформ» сообщило, что ЦК КПСС никаких территориальных вопросов не рассматривал и рассматривать не собирается. В знак протеста в Карабахе объявили всеобщую забастовку. В советские годы забастовка считалась невероятным, из ряда вон выходящим событием. Уже на следующий день в Степанакерт прибыла делегация — Багиров⁶, Яшин⁷ и еще кто-то из членов бюро ЦК КП Азербайджана, чтобы предотвратить проведение сессии.

Багиров дал установку силовым структурам всячески препятствовать сбору депутатов, и мы весь день перевозили их окольными путями, чтобы обеспечить явку и не дать сорвать сессию. Добравшихся до Степанакерта мы тут же снабжали необходимыми материалами и списком аргументов для выступлений. Ведь тогда советы формировались партийными органами с обязательным процентом охвата рабочих и колхозников, фактически — по разрядке, и далеко не все депутаты обладали ораторскими навыками. К вечеру мы смогли обеспечить кворум, и сессия началась в 21:00. Площадь перед зданием облисполкома была переполнена людьми. На сессию неожиданно пришли Багиров, Яшин, Кеворков⁸, а также члены бюро обкома партии. Первым выступил Багиров. Он говорил о братской дружбе наших народов, о том, как мы вместе счастливо 70 лет бок о бок живем в Азербайджане, и что небольшая группа безответственных националистов подбивает народ на необдуманные действия. Обещал в кратчайшие сроки исправить все допущенные по отношению к области ошибки. Подчеркнул, что сессия не вправе решать территориальные вопросы и что Карабах останется в составе Азербайджана. В таком же ключе выступил и Яшин.

В ответ начали выступать депутаты. Они эмоционально говорили о систематических ущемлениях интересов области и о том, что сессия вправе принимать решения абсолютно по всем вопросам,

касающимся НКАО. Багиров и Яшин часто прерывали ораторов, сыпали обещаниями и заявляли, что проблемы области отныне будут находиться в центре внимания Баку. Однако все их усилия изменить ход сессии были тщетны. Потеряв всякую надежду добиться своего, они ушли, и сессия приняла историческое для Карабаха решение о выходе из состава Азербайджана и воссоединении с Арменией уже в их отсутствие.

На следующий день, 21 февраля, вышло постановление Политбюро ЦК КПСС «О событиях в Нагорном Карабахе», в котором наше требование о включении области в состав Армянской ССР назвали «принятым в результате действий экстремистов и националистов» и «противоречащим интересам Азербайджанской ССР и Армянской ССР». Республиканские радио и телевидение тут же во всеулышание заявили, что волнения в НКАО — дело рук «отдельных экстремистских группировок». Но обращение к Политбюро ЦК было принято на заседании Областного совета народных депутатов, чему предшествовали решения партийных и советских органов области всех уровней! Постановлением Политбюро практически все армяне Карабаха вдруг стали экстремистами. У нас тогда шутили: как истинные коммунисты, теперь мы должны соответствовать данной оценке.

Действия Политбюро являлись критически ошибочными и недальновидными. Не знаю, понимала ли власть, что, назвав народное движение за воссоединение с Арменией действиями кучки националистов-экстремистов, она безвозвратно и непоправимо перевела происходящее в другую плоскость. Мы начали осознавать, что Москва не намерена решать проблему, что скоро мы можем стать объектом давления и к этому надо готовиться.

Уже 22 февраля в Степанакерт прилетели Демичев⁹ и Разумовский¹⁰, чтобы реализовать постановление Политбюро «О событиях в Нагорном Карабахе». Они созвали областной партхозактив в здании обкома партии, и, по задумке руководства, именно партийному активу предстояло развернуть деятельность «по противодействию националистическим настроениям в НКАО». Видимо,

власти считали, что жесткое постановление Политбюро отрезвит партийное руководство области, но для большей уверенности решили провести предварительную работу с участниками.

Накануне заседания партхозактива ко мне в партком Шелкового комбината неожиданно пришла целая делегация: секретарь ЦК компартии Азербайджана, кажется, вместе с заотделом ЦК, первый секретарь нашего горкома партии и Борис Кеворков, первый секретарь обкома партии. Кеворков родился в Карабахе, но всю свою карьеру сделал в Баку. Люди его побаивались — он имел славу очень жесткого руководителя, преданно служившего интересам Азербайджана. Разговор со мной происходил примерно так: «Ну вот ты — молодой, перспективный... Впереди блестящая партийная карьера. У тебя есть авторитет. Посодействуй, помоги нам. Надо уже как-то прекратить эти митинги, надо успокоить людей». Следом шли обещания всевозможных радужных перспектив: дальнейшая карьера, учеба в Академии ЦК КПСС* и еще целый ряд привилегий. Угрозы не звучали, напротив, тон разговора был очень мягким и дружественным, и даже слишком — для беседы секретаря ЦК Компартии республики с секретарем парткома предприятия. Они понимали, что им понадобится поддержка местных руководителей, и пытались заранее ею заручиться.

У меня они такой поддержки не нашли. Я прямо сказал: «Ну, допустим, уговорите вы меня. Уговорите еще одного, второго, третьего. Но это ничего не изменит! Кажется, вы недооцениваете глубину происходящего». Позже выяснилось, что они заходили не только ко мне.

Началось заседание областного партхозактива. Обстановка в зале царила напряженная, все нервничали. Кроме жесткого постановления Политбюро, нам подпортила настроение еще и неприятная новость из Еревана: ЦК Компартии Армении не поддержал решение нашей областной сессии народных депутатов о выходе из состава Азербайджана. Выступления были критичные и хорошие,

* Академия общественных наук при ЦК КПСС. — *Прим. ред.*

но из-за того, что участники держались скованно, они не передавали той страсти и экспрессии, в которой пребывал Карабах.

Я попросил слова и выступил очень резко. Кажется, мне удалось эмоционально выплеснуть настроение бурлящего Карабаха с трибуны пленума. До сих пор хорошо помню этот момент: я обращаюсь к залу и, естественно, к президиуму стою спиной. В разгар выступления слышу, как кто-то позади меня цедит сквозь зубы: «Хватит, Роберт, хватит! Хватит, остановись!» Я обернулся и вижу, что это побагровевший от ярости Кеворков. Я даже обрадовался и продолжил, обращаясь уже к нему: «Хорошо, что вы о себе напомнили! А то я совсем забыл! Именно вы и несете прямую ответственность за происходящее!» В общем, высказал все, что о нем думаю, и закончил свою речь предложением снять Кеворкова с занимаемой должности.

В итоге партхозактив прошел совсем не так, как рассчитывало высокое начальство. А Кеворкова действительно через день сняли с формулировкой «за недостатки в работе».

На его место назначили нашего председателя агропрома, Генриха Андреевича Погосяна¹¹, который хотя и недолго оставался первым секретарем, но проявил себя на этой должности очень достойно. Когда в Карабахе расформировали областные органы власти и создали Комитет особого управления, Погосян уехал в Москву, но это произошло гораздо позже. А тогда на некоторое время эта смена власти очень нам помогла, поскольку предоставила дополнительную трибуну. К тому же местные руководители, вливаясь во власть, добавляли сил нашему движению.

Наверняка многие задаются вопросом: а можно ли было вообще избежать военного развития конфликта? Если бы Москва активно вмешалась в происходящее, если бы Горбачев решился действовать? Думаю, что с распадом СССР обострение конфликта и его военная фаза были неизбежны. Лишь сильная центральная власть могла бы контролировать процесс. Но Москву охватили растерянность и сомнения, там не вполне понимали происходящее и не видели выхода из ситуации в парадигме перестройки, гласности и демократизации.

Противостояние

Ситуация стала полностью зеркальной: у нас митинги за отделение от Азербайджана, а у них — за удержание Карабаха в своем составе. Вспыхнули волнения в Шуше — городе, расположенном в горах выше Степанакерта, где в основном жили азербайджанцы. Когда-то город служил резиденцией персидского наместника, в нем стояли древние персидские мечети и армянские церкви, и Шуша являлась культурным центром для обоих народов.

Начались столкновения между армянами и азербайджанцами и в самом Карабахе, и в приграничных районах. В конце февраля на центральной площади азербайджанского Агдама собрался большой митинг. Обстановка к тому моменту и так уже была далека от спокойной, а тут еще ораторам удалось разжечь агрессию в собравшихся. Откликнувшись на призывы немедленно наказать непокорных армян, многотысячная толпа агдамцев, вооруженная камнями, дубинками и арматурными прутьями, двинулась в сторону армянского райцентра Аскеран, громя все на своем пути. У окраины Аскерана их встретили собравшиеся на защиту сельчане и милиция. Произошла стычка, завязалась перестрелка, двое азербайджанцев были убиты. Кто виноват, кто первый начал стрелять — так и не разобрались. Как, впрочем, никто не смог предоставить разумных объяснений: а что вообще делала толпа вооруженных азербайджанцев на окраине армянского поселка? Правовых оценок этому факту также дано не было. Но Азербайджанское телеграфное агентство тут же распространило новость, во всеуслышание объявив об убийстве двух азербайджанцев «в результате столкновения между жителями Агдама и Аскерана». Информацию незамедлительно подхватили местные СМИ, с экранов телевизоров во всех выпусках новостей смаковались подробности события.

На митингах в Баку этой историей сразу же воспользовались наиболее экстремистские группировки; зазвучали призывы к мести. Армяно-азербайджанские отношения неотвратимо сползали в межнациональную вражду. Напряжение становилось запредельным.

Сумгаит

Взрыв случился 27 февраля в Сумгаите.

Сильно высказался о Сумгаитской трагедии Анатолий Мостовой¹²: «Государство рухнуло не в Беловежской Пуще — там делили власть, а не страну; Советский Союз развалился в тот самый миг, когда приравнял геноцид к бытовому хулиганству. Это для поэта трещина мира проходит через сердце. Для Советского Союза трещина прошла через Сумгаит».

Мы проводили митинги в Степанакерте, а за триста километров от нас, на другом конце Азербайджана пострадали проживавшие в Сумгаите армяне, многие из которых были выходцами из Карабаха. Когда-то они приехали строить Сумгаит по призыву комсомола и потом остались там работать — промышленный город в рабочих руках очень нуждался. Армянский погром в Сумгаите длился несколько дней, с 27 по 29 февраля, при полнейшем попустительстве властей и бездействии милиции, которая никак не вмешивалась в происходящее. Людей жестоко убивали, насиловали, выкидывали из окон, сжигали заживо. Лишь на третий день в город ввели войска, было объявлено военное положение, комендантский час. Кровавое пролитие было остановлено, армянское население начали эвакуировать.

О том, кто стоял за этими событиями, есть разные мнения, за прошедшие годы все они были изложены не раз и не два, так что я этого подробнее касаться здесь не буду. Да я и не знаю, какими словами можно описать трагедию, всколыхнувшую всю Армению. Но она стала поворотным моментом, после которого наше восприятие реальности резко изменилось. Если предшествующий период можно назвать периодом «перестроечного романтизма», когда мы по-провинциальному наивно ждали решения от центральной власти, когда мы верили, что достаточно лишь изъявления воли народа, писем, делегаций, то после погромов в Сумгаите все эти иллюзии растаяли. Стало ясно, что свои проблемы нам придется решать самим и что легких решений не будет.

НА ГРАНИ ВОЙНЫ

Конец иллюзий

Случившаяся в Сумгаите трагедия задала иной вектор последующим событиям. Надежда на то, что ситуация в Карабахе разрешится быстро и бескровно, исчезла в один день. Описания погромов и убийств шокировали, не умещались в сознании людей и напоминали описанные в литературе картины армянских погромов в Шуше начала века. Ничего подобного в Советском Союзе никогда не случалось, и никто даже не думал, что такое возможно. Очень скоро по схожему сценарию погромы разрушили жизнь и изгнали со своей земли армян Кировабада, затем — Геташена, Чардахлу, Зурнабада и многих других сел. Все эти события породили волну взаимной агрессии между нашими народами, разом вспомнившими все взаимные обиды за последние двести-триста лет, и многократно увеличили масштаб протеста. В Баку, где к этому моменту уже сформировался народный фронт, сотни тысяч людей вышли на митинги.

В то же самое время многолюдные митинги в Степанакерте продолжались безостановочно. Всем в Карабахе стало понятно, что обратной дороги нет и оставаться в составе Азербайджана нельзя — речь уже идет не об ущемлении наших интересов, а об угрозе физического существования. Лозунги и выступления отражали именно такое восприятие происшедшего. Нам казалось, что трагедия в Сумгаите продемонстрировала: безопасное проживание армян в Азербайджане невозможно, и теперь центральная власть пересмотрит свое отношение к карабахскому вопросу. Думаю, что решение о выводе НКАО из состава Азербайджана сразу же после

сумгаитских погромов было бы наиболее адекватным ситуации и, возможно, предотвратило будущую войну.

Впрочем, само руководство, кажется, еще не осознавало серьезности происходящего и надеялось успокоить людей словами и обещаниями. 29 февраля по республиканскому радио и телевидению выступил Багиров, сообщил о массовых беспорядках в Сумгаите и Кировабаде, о фактах грабежа, мародерства, насилия над армянами и призвал азербайджанцев к спокойствию. В этот же день в Степанакерт, где на центральной площади шел непрерывный стотысячный митинг, прилетел Демичев. Он выступил перед взволнованными людьми и попытался их успокоить сообщением, что Политбюро ЦК КПСС повторно вернулось к вопросу о Нагорном Карабахе, собирается более тщательно изучить все материалы и еще раз рассмотреть его. Но к этому моменту таким призывам, обещаниям и заявлениям уже мало кто верил.

Совершенно спонтанно, прямо на митинге, был сформирован комитет «Крунк». Потребность в структуре висела в воздухе, а идею подал Аркадий Манучаров¹³, директор Степанакертского комбината стройматериалов, и мы обсудили ее между собой, стоя у трибуны. Идею все поддержали, Манучаров тут же взял слово и предложил митингу создать комитет. Присутствующие стали выкрикивать имена тех, кто уже успел проявить себя и заслужить доверие людей. Кто-то назвал мое имя.

Это была самая первая попытка создать некий координирующий орган — в будущем нам предстоит это делать еще не раз. Название имело двойной смысл: с одной стороны, в переводе с армянского «крунк» означает «журавль» и символизирует возвращение на родину и домашний очаг. С другой стороны, по-русски это акроним: Комитет революционного управления Нагорного Карабаха. Официально «Крунк» был заявлен как «общественно-политическая организация», но на самом деле он взял на себя руководство разгорающимся освободительным движением. Дальше уже все делалось от имени этого комитета. В «Крунк» вошли новые лидеры — люди, проявившие наибольшую активность во время последних событий.

Главой комитета выбрали Аркадия Манучарова, я же возглавил идеологическую секцию и написал программу и устав.

Комитет действовал полностью легально. Мы собирались открыто в самом центре Степанакерта, прямо напротив райкома партии, в здании редакции местной областной газеты «Советский Карабах», или у кого-то из нас на предприятии по очереди — в «Крунке» было немало директоров предприятий и секретарей парткомов. Заседания проходили не по графику, мы не успели его выработать, да и ситуация вокруг менялась каждый день. Собирались по необходимости, а она возникала довольно часто. Протоколов не вели, делопроизводства, конечно, тоже не было. Все мы имели достаточный опыт партийной и хозяйственной работы, организационные навыки, но в той атмосфере «Крунк» до конца своего существования так и оставался продуктом митингового движения. Обязанности мы между собой не распределяли, каждый просто брал на себя те функции, которые у него получались лучше, — каждый хотел быть максимально полезным. Заседания проходили бурно, эмоционально, возникали споры о том, насколько мы можем быть радикальными: кто-то выдвигал более жесткие требования, кто-то — менее. Радикальность выражалась в подходах, в лозунгах, в текстах обращений. Одни предлагали ограничиться уговорами: «Все-таки мы обращаемся к Москве, надо попытаться их убедить»; другие считали, что пора от уговоров переходить к требованиям, а третьи — что одних слов, как бы убедительно они ни звучали, недостаточно и нужны более действенные методы, такие как забастовка. Радикальность и сдержанность скорее отражала темперамент участников, а не отношение к будущему Карабаха — здесь разногласий между нами не возникало.

Конечно, вся эта сдержанность и радикальность со стороны, для Москвы, выглядела одинаково. Это как в анекдоте про разговор заключенных в тюрьме: ты лежишь, а я стою, но для тех, кто снаружи, мы оба сидим. С позиции сегодняшнего дня все эти споры — кстати, весьма серьезные — могут показаться наивными. Но в советское время всерьез обсуждать забастовку? Да даже само

это слово тогда воспринималось только в контексте борьбы рабочих за свои права где-то на Западе! И вдруг — сидит группа директоров предприятий, преподавателей вузов, артистов, поэтов, партработников, человек двадцать пять, все с партбилетами — и обсуждают всеобщую забастовку. Всего за пару недель произошел невероятный сдвиг в сознании людей, отразивший невиданную прежде ситуацию в стране. Не знаю, в каком состоянии в СССР существовала социальная психология как наука — по крайней мере, о ней тогда мало говорили. Но я думаю, социологам было бы интересно понаблюдать, как быстро и кардинально в такие периоды идет трансформация людей и общества в целом — как у дисциплинированного и законопослушного гражданина за считанные дни разрушаются встроенные в сознание всей предыдущей жизнью модели поведения, как рушатся барьеры личного и коллективного восприятия дозволенного и недозволенного.

Я не входил в умеренный лагерь, но и чрезмерно радикальных взглядов не придерживался. Я старался вести себя рационально, не поддаваться эмоциям, оценивать риски и последствия принимаемых решений, руководствуясь интересами дела. Я понимал: чтобы добиться успеха, нужно использовать все имеющиеся возможности; помимо проведения акций протеста, важно продолжать работать с Москвой — пытаться воздействовать на союзное руководство, приобретать сторонников среди влиятельных людей, рассказывать правду о происходящем у нас, убеждать в своей правоте, обосновывать свою точку зрения, добиваться решения.

Мы не собирались воевать — тогда это казалось чем-то невероятным. Мы хотели справедливости и мира. Мы продолжали отправлять наши делегации в Москву, запрашивали встречи в Политбюро, общались с народными депутатами, выступали на различных форумах. В начале марта с одной из делегаций в Москву полетел и я. Встречались с Лигачевым¹⁴, услышали опять все те же слова о неготовности решить наш вопрос. Лигачев приводил прежние аргументы, словно не было Сумгаита. Все члены нашей делегации (М. Мирзоян¹⁵, С. Орбелян¹⁶ И. Атаян¹⁷ и другие) высказались

очень достойно, продемонстрировав твердость убеждений и готовность продолжить борьбу. Встреча прошла довольно прохладно; мы не увидели ни понимания, ни сочувствия — все опять переводилось в плоскость социально-экономического развития НКАО. Лигачев не произвел на меня никакого впечатления, а разговор оставил неприятный осадок.

Тогда же состоялась моя первая встреча с Евгением Примаковым. Организовал ее друживший с Примаковым Константин Гейвандов¹⁸, работавший тогда в «Известиях». Встретились дома у Евгения Максимовича. В самом начале встречи Примаков спросил, готовы ли мы к откровенному разговору? Получив положительный ответ, он начал объяснять, что наилучшим выходом из сложившейся ситуации он считает особый автономный республиканский статус Нагорного Карабаха в составе Азербайджана. Обстоятельно представив преимущества этого статуса, Примаков намекнул, что в случае нашего согласия азербайджанское руководство возражать не будет. Много лет спустя он рассказал о нашей встрече в своей книге воспоминаний: «Беседа была настолько непринужденной, что я сказал, не рискуя обидеть своих гостей: армяне исторически славились как ученые, негоцианты, деятели культуры и искусства, полководцы, но не политики. Может быть, поэтому были такие потери, как Западная Армения, отошедшая к Османской империи. Сегодня нужно быть очень зрелыми политиками. Максим Мирзоян склонялся к тому, что, возможно, на сегодняшний день статус автономной республики — наилучшее решение. Роберт Кочарян отпарировал: наш народ в Нагорном Карабахе этого не примет»¹⁹.

Это была моя первая поездка в Москву с начала карабахского движения, и я стремился провести ее с максимальной пользой. Официальной информации о происходившем в Карабахе почти не поступало, а та, что просачивалась, слабо отражала действительность. Мы постарались восполнить этот пробел, рассказывая правду как можно более широкому кругу людей, способных понять, услышать, оказать нам поддержку. Общались с людьми, имевшими

влияние, — московскими армянами, которые занимали достаточно высокие позиции в ЦК и в разных органах власти. Встречались с представителями зарождавшихся тогда демократических движений. Мы пытались использовать все доступные ресурсы.

Из Москвы мы вернулись с убеждением, что власть не намерена решать нашу проблему, но зато увидели, что у нас в Москве много друзей и сторонников. Сдаваться мы не собирались, оставалось думать, что делать дальше, и наращивать давление.

Через неделю к нам приехала высокопоставленная делегация из ЦК, Совмина и Госплана, чтобы ознакомить руководителей области с проектом плана социально-экономического развития НКАО. Члены бюро обкома и облисполкома заявили, что народ требует другого решения и никто не верит в реализацию каких бы то ни было планов в составе Азербайджана. Делегация уехала ни с чем.

Через день, 17 марта, был созван Пленум обкома партии. Пленум принял решение просить Политбюро ЦК КПСС рассмотреть и положительно решить вопрос присоединения НКАО к АрмССР. На этом же заседании освободили от занимаемых должностей секретарей обкома В. Богословского и Д. Мирзояна и на их место избрали Б. Малькова и В. Атаджаняна²⁰. Обком партии под руководством Г. Погосяна стал частью карабахского движения, продемонстрировав тем самым очередное проявление непокорности карабахцев. В ответ на него покатила новая волна антиармянских публикаций в центральных изданиях. Мы пытались нейтрализовать их воздействие, но тщетно: началась целенаправленная подготовка почвы для последующих решительных шагов. Особенно постаралась газета «Правда», опубликовав статью Овчаренко²¹ «Эмоции и разум», в которой нас еще раз громко, на всю страну, назвали экстремистами.

Заседания органов власти — и центральной, и республиканской — следовали одно за другим.

23 марта Президиум Верховного Совета СССР принял решение «О мерах, связанных с обращением союзных республик по поводу

событий в Нагорном Карабахе, Азербайджанской и Армянской ССР». Меры подразумевались простые и жесткие: в тот же день в область ввели десантные войска.

В ответ в Карабахе началась всеобщая забастовка.

24 марта вышло постановление Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР «О задачах по выполнению постановления Президиума Верховного Совета СССР от 23 марта 1988 года». Отдельным указом комитет «Крунк» объявлен распущенным, запрещено проведение несанкционированных митингов и демонстраций на всей территории НКАО.

Было очевидно, что власти не собираются с нами церемониться и от уговоров переходят к давлению и устрашению. Такой подход явно не вязался с заявленной руководством страны политикой гласности и демократизации. Все эти действия спровоцировали новую мощную волну митингов и демонстраций в Армении и привели к созданию комитета «Карабах». В его состав вошли будущие президент и премьер-министр Армении Левон Тер-Петросян²² и Вазген Манукян²³. Сформировалась структура из сильных, революционно настроенных, романтичных и прагматичных лидеров, обладающих незаурядным талантом публичных политиков.

Официальная власть в Армении теряла влияние с огромной скоростью. Чтобы остановить этот процесс, ЦК КПСС решил произвести кадровые перестановки и 21 мая освободил от занимаемых должностей первых секретарей ЦК Компартий Армении и Азербайджана Демирчяна²⁴ и Багирова. Вероятно, в Политбюро посчитали, что новые лица отвлекут и успокоят взбудораженные массы. Вместо Демирчяна назначили Сурена Арутюняна, личность незаметную и не сыгравшую никакой роли в те исторические дни. В Карабахе новость восприняли с ликованием: мы помнили и известное телеобращение Карена Демирчяна о том, что решение Облсовета НКАО от 20 февраля о присоединении к Армении противоречит интересам братских народов, и то, что при нем власти Армении отказались принять Карабах в состав Республики.

Членов комитета «Карабах» в НКАО еще не знали, и я тоже не был с ними знаком. Но у нас появилась надежда на то, что теперь, с появлением новой влиятельной структуры, Армения и ее руководство станут больше поддерживать нас. Мы начали активно налаживать связи и взаимодействие с комитетом. Вскоре наши надежды оправдались. Под давлением десятков тысяч митингующих в Ереване Верховный Совет Армении был вынужден созвать сессию. Она длилась несколько часов, и все это время прямо перед зданием Верховного Совета шел многотысячный, очень эмоциональный митинг. При такой массовке добиться принятия нужных решений не составляло труда. 15 июня Верховный Совет Армении, ссылаясь на Конституцию СССР, проголосовал за включение НКАО в свой состав. Надо ли говорить, с какой радостью карабахцы восприняли это известие? Всех охватило мощное чувство полного единения Армении и Карабаха. Стало очевидно, что реальная власть в Армении уже принадлежит комитету «Карабах».

Но наша судьба решалась не в Армении.

18 июля Президиум Верховного Совета СССР в очередной раз рассмотрел обращения Еревана и Баку, заявил о «невозможности изменения территориальных границ между республиками» и принял постановление о сохранении НКАО в составе Азербайджана.

В Карабахе тут же возобновилась забастовка и началась новая волна непрерывных митингов.

* * *

Происходившее вызывало огромный интерес и в СССР, и за его пределами. Именно в тот период у нас появилось много друзей и в европейских странах. Можно сказать, мы обрели мировую славу: в Карабахе постоянно присутствовали журналисты из известных информационных агентств, печатных изданий, телеканалов; встретить в Степанакерте сотрудника *Le Monde* или ВВС было обычным делом. Приезжал со своей съемочной группой Генрих Боровик, снял фильм для российского телевидения, впервые адекватно показавший происходящее у нас. Прилетал и Андрей Дмитриевич

Сахаров²⁵ — знаменитый ученый и правозащитник, который написал несколько писем Горбачеву в попытке убедить того услышать «ясно выраженную волю большинства населения автономной области».

Я оказался в гуще этих событий, активно работал с регулярно прибывающими в Карабах гостями: группами народных депутатов, делегированных к нам прямо с проходящего в тот момент съезда, представителями СМИ. Давал огромное количество интервью — все журналисты, которые тогда к нам приезжали, непременно хотели встретиться со мной. Им было интересно мое мнение — мнение человека, сделавшего партийную карьеру, и одновременно — одного из лидеров освободительного движения. К тому же я хорошо говорил по-русски, а образование и общая эрудиция позволяли мне достаточно широко смотреть на вещи, находить слова и аргументы, понятные любому собеседнику. Передо мной стояла очень конкретная задача: чтобы из этих многочисленных интервью как можно больше людей узнали правду о происходящем. Я хотел заявить всему миру о том, чего мы хотим, чего добиваемся. Было крайне важно максимально распространить информацию, потому что в СССР, несмотря на объявленную гласность, действовала цензура: в СМИ запрещались упоминания о Карабахе, не совпадающие с официальной точкой зрения.

Помимо журналистов в Степанакерте постоянно находились представители разных народных фронтов из Прибалтики, Украины, Молдавии. Идея об обретении собственной независимости была им близка, и они воспринимали происходившее в Карабахе как репетицию будущих событий в их странах.

Встречался я и с московской армянской интеллигенцией — в те годы в разных журналах Москвы работало много армян, большинство из которых были выходцами из Карабаха. Они активно помогали нам наладить первые контакты, устраивали встречи с имеющими влияние в ЦК людьми, а позднее и с народными депутатами СССР. Огромную роль в налаживании этих контактов, особенно с депутатским корпусом, сыграл Зорий Балаян — он обладал обширными связями с писателями и политиками. В основном мы

встречались с людьми из демократического крыла: с Юрием Афанасьевым²⁶, Галиной Старовойтовой²⁷, Анатолием Собчаком²⁸ и многими другими. С демократами было легче работать, они поддерживали нас. Мы приглашали депутатов к себе, чтобы дать им возможность увидеть все происходящее своими глазами и составить собственное мнение, и многие действительно приезжали. Мы устраивали для них встречи в коллективах, и, пообщавшись с людьми напрямую, наши гости понимали, насколько реальная картина отличается от той, которую пытались представить официальные источники.

Аркадий Вольский и его комитет

Впервые Вольского направили к нам в июле 1988 года представителем Политбюро ЦК. Уже в сентябре в Нагорном Карабахе ввели чрезвычайное положение и комендантский час, запретили проводить любые массовые мероприятия. Теперь в области постоянно присутствовали внутренние войска, численность которых, в зависимости от ситуации, колебалась от 8000–9000 до 10 000–12 000. Спустя всего несколько месяцев, в январе 1989 года, вышел указ Верховного Совета СССР о введении в НКАО режима особого управления²⁹. Наши собственные местные органы — Областной совет народных депутатов и обком партии — упразднились, а власть передавалась Комитету особого управления. Возглавил комитет Аркадий Вольский³⁰.

Аркадий Иванович был личностью незаурядной. Умный, с прекрасным чувством юмора, он обладал мощной харизмой и невероятным обаянием, даже шармом. Его способность выстраивать контакт с любым собеседником, мастерство убеждать самых непримиримых оппонентов не могла не восхищать. Великолепный рассказчик — как он рассказывал анекдоты, обыгрывая и привязывая их к местным особенностям!

Комитет особого управления располагался в здании бывшего обкома. Кабинет Генриха Погосяна на третьем этаже теперь занимал

Вольский. Там всегда было многолюдно: Аркадий Иванович любил общение и действительно искренне стремился нормализовать обстановку, не прибегая к жестким карательным мерам. Известно его решительное выступление на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 1 декабря 1989 года, в котором он осудил антиармянскую пропаганду на бакинском телевидении.

Мы часто с ним встречались. Будучи политиком мудрым и опытным, Вольский понимал, что без сотрудничества с людьми, влияющими на процессы в Карабахе, он не выполнит стоящую перед ним задачу — всё и всех успокоить. Сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что он старался это делать с максимальной пользой для нас. Так, как он сам представлял себе эту пользу.

Работал Вольский много и энергично, постоянно проводил встречи с директорами предприятий, собирал партийно-хозяйственные активы. Не знаю, до какой степени искренне, но он делал вид, что со всеми советуется. С нами он вел себя дружелюбно, всячески демонстрируя, что желает нам добра, и в его поведении не было лицемерия, он действительно хотел, чтобы наши проблемы разрешились. Вольский хорошо разбирался в людях, умело использовал их сильные и слабые стороны, знал, как завоевать их лояльность. Его усилиями заметно улучшилось снабжение области, наши директора зачастили в Москву, чтобы напрямую договариваться с союзными ведомствами о фондах. Для командированных бронировали номера в известных гостиницах рядом с Красной площадью, и это не только повышало их самооценку, но и существенно улучшало отношение к Вольскому.

Иногда Аркадий Иванович с горящими глазами выдвигал невероятные, фантастически нереальные проекты по развитию Карабаха, что-то вроде Нью-Васюков. Призывал карабахцев предлагать свои идеи по социально-экономическому развитию области. Верил ли он в эти проекты сам, я не знаю, но энтузиазм у слушателей вызывал немалый. Иногда энтузиазм этот перехлестывал через край, да так, что даже сам Вольский диву давался. Помню, на очередной встрече Максим Мирзоян, в то время директор автобазы и один

из активных участников движения, предложил выращивать в области чеснок. Мирзоян рисовал радужные картины: сыпал цифрами, сравнивал себестоимость производства с ценами на чеснок на севере СССР — словом, увлеченно доказывал, что этот товар с высокой маржинальностью совершит революцию в сельском хозяйстве области. Вольский с преувеличенным вниманием слушал его, а когда выступающий закончил, сделал паузу и с нарочитым воодушевлением сказал: «Максим, ну ты даешь!.. Аж яйца зачесались!» Мы долго смеялись. На Вольского никто не обижался.

Однажды к нам приехали японцы, изучавшие секреты долгожительства. Карабах тогда лидировал в СССР по числу долгожителей на душу населения, и у нас искренне верили, что один из секретов этого — карабахская тутовка. В наших деревнях старики привыкли начинать утро с рюмки тутовки, но при этом никто не спивался. Вольский сообщил всем, что японцы очень заинтересовались тутовкой и взяли ее с собой в Японию, чтобы изучить ее влияние на продолжительность жизни. Примерно через месяц на одной из встреч Вольский говорит, что уже получено заключение японцев о тутовке. Делает многозначительную паузу и заявляет: «Японцы уверены, что тутовка влияет на продолжительность жизни карабахцев. Если бы они ее не пили, то жили бы вдвое дольше!» Мне кажется, никаких японцев и не было, Вольский их придумал. Во всяком случае, я их не видел. Но точно знаю, что с первого же дня своего пребывания в Карабахе Аркадий Иванович пил только тутовку.

Как он умел говорить! Выступая перед аудиторией, с самой первой минуты Вольский полностью захватывал ее внимание. Его мягкий, обволакивающий, гипнотический голос завораживал слушателей: «Чтобы у вас не осталось никаких противоречий с Азербайджаном, надо на практике вывести Карабах из его подчинения. Вот мы потихонечку, не спеша, все это и сделаем — переориентируем все предприятия на Москву, переподчиним их напрямую московским министерствам и фактически получим именно то, что вам и нужно!»

Увещевания подкреплялись конкретными делами: некоторые предприятия действительно переподчинили Москве, и для того

времени это оказалось благом: появились фонды, началась поставка товаров, и все это — в условиях тотального дефицита! Вольский казался очень убедительным, и часть директорского корпуса в какой-то момент и впрямь поверила, что его план может привести нас к решению проблемы.

Мой взгляд на происходившее не отличался оптимизмом: я считал, что мы должны наращивать давление и готовиться к худшим сценариям; что любое благодушие обернется нашим поражением. Ведь уже случились армянские погромы в Сумгаите, уже шла «дорожная война», и стычки с азербайджанцами стали делом привычным. Нас отделяла от Армении полная транспортная блокада, а комендантский час и блокпосты военных по всему Карабаху никак не настраивали на оптимизм. Я чувствовал, что центральную власть лихорадит, Москве не до нас и рано или поздно мы останемся один на один с Азербайджаном.

Я думаю, Аркадий Иванович, человек очень проницательный, хорошо понимал, что происходит в стране, но он не допускал и мысли о том, что всего через пару лет Советского Союза не будет. Мы часто спорили с ним — я стал одним из самых непримиримых его оппонентов. Но несмотря на то, что я активно сопротивлялся планам Вольского и серьезно мешал их реализации, у нас сложились теплые и дружеские отношения, которые и оставались такими до самой его смерти.

Со временем моя тревога переросла в предчувствие скорого распада Советского Союза. Надежда на помощь центральной власти исчезла окончательно.

Разрешить карабахскую проблему Комитет особого управления не смог, да это и не входило в его задачи. Вольский должен был выиграть время, отвлечь нас экономическими вопросами, снять напряжение, а процесс политического урегулирования затянуть и спустить на тормозах. В таком подходе я видел опасность — я понимал: чем дольше откладывается решение нашей проблемы, тем сложнее будет это сделать. Решать ее все равно придется, но уже в гораздо более тяжелых условиях.

К тому моменту Комитет особого управления полностью осуществлял все руководство областью. Создали комендатуру, комендантом особого района, как и начальником МВД, стал русский: руководителей всех силовых ведомств назначала Москва. Таким образом, нас полностью лишили легальных рычагов управления, которыми мы пользовались раньше, и вынудили создавать неформальные структуры. В условиях жестких ограничений режима чрезвычайного положения мы могли действовать только подпольно. Совет директоров, который стал руководящим органом движения вместо запрещенного «Крунка», к этому времени потерял свою «боеспособность». Многие его участники поверили в планы Вольского и активно сотрудничали с КОУ. Они увлеченно занимались хозяйственной деятельностью — выбивали себе фонды, руководили предприятиями, налаживали производственные связи, осваивали полученные из центра ресурсы. Словом, занимались именно тем, что подразумевали их должности. Пришло время отказаться от совета директоров: в его рамках стало гораздо сложнее обсуждать планы радикальных действий. Требовалась другая структура, способная вести и публичную, и подпольную деятельность.

Так возник «Миациум», или, по-русски, «Воссоединение».

«Миациум»

30 июня, выступая на центральной площади Степанакерта на многотысячном митинге, я объявил о создании «Миациума». Я написал устав, а через несколько дней на учредительной конференции был избран Совет «Миациума», в который вошли одиннадцать человек. Я стал его председателем, а Серж Саргсян³¹ — моим заместителем. Формально «Миациум» объявлялся общественной организацией, но опубликованный устав лишь частично отражал то, чем мы в действительности занимались.

Это было очень сложное время. Конфликты национального характера по всему периметру НКАО и в населенных пунктах

с этнически смешанным населением заметно участились. Армян уже изгнали из Шуши. Разгорались «дорожные войны»: проехать через азербайджанскую деревню на машине стало делом опасным, все пользовались объездными проселочными дорогами, а рейсовые автобусы сопровождали бэтээры. Все чаще звучали сводки о взорванных мостах, перестрелках, раненых и убитых. В деревнях формировались отряды самообороны, которые несли постоянные ночные дежурства по периметру села. Несмотря на присутствие в области многих тысяч военнослужащих, конфликт только усугублялся.

Запрещенные в условиях чрезвычайного положения митинги продолжались беспрерывно, и каждый из них завершался шествием вокруг города. Митинги не разгоняли — не стрелять же в людей, а специальных отрядов милиции, вооруженных резиновыми дубинками, тогда еще не было. Но, пытаясь остановить или хотя бы приглушить эту активность, власти начали применять другие меры: аресты лидеров движения, распространение порочащих их листовок, постоянные вызовы в комендатуру и всевозможные угрозы.

В помещении областной прокуратуры сидела специальная следственная группа Прокуратуры СССР, которая копала подо всех, и нас регулярно таскали туда на профилактические допросы. В то время могли задержать всего лишь за одно выступление на митинге, и мы жили в постоянной готовности к аресту. Все наши активности по очереди побывали в Ростовской тюрьме: их имена были известны, и в комендатуре существовал целый список, которым пользовались коменданты. Вручали повестку, в ней — приказ явиться в комендатуру, а из комендатуры дорога лежала в Ростов. Могли арестовать и без всякой повестки: человек приходит домой, а там его уже ждут — забирают с порога и увозят на месяц... Был даже специальный рейс, работавший на Ростовскую тюрьму.

Расчет властей был прост: устроить лидеров и обезглавить движение. Они хотели заставить людей, от которых что-то зависело, к которым прислушивались, которые активно участвовали в процессе, организовывали акции и выступления, прекратить свою деятельность. Однако жесткая политика силовых структур

почти не повлияла на ход событий; да, некоторые поддались страху, но большинство наших активистов относились к арестам философски и даже с юмором. Вернувшиеся из Ростова при встрече рассказывали смешные истории о своих приключениях. Мало кто после тюрьмы переставал заниматься тем, за что его туда отправили. Да и относились к задержанным в Ростове нормально: не было побоев и издевательств, ростовские милиционеры не проявляли враждебности. Гораздо хуже приходилось тем, кто оказывался в азербайджанских тюрьмах.

Довелось побывать в Ростовской тюрьме и Аркадию Гукасяну³², главному редактору газеты «Советский Карабах». Хоть он и не выступал на митингах, но писал весьма острые статьи. За одну из них, осуждавшую организаторов и исполнителей армянских погромов в Баку, в январе 1990 года его арестовали и отправили в Ростов на стандартные тридцать суток. Одновременно с ним попал в заключение наш начальник дорожно-строительного управления, Ролес Агаджанян³³. Вернувшись, Аркадий заявил, что провел незабываемый месяц в прекрасной компании интеллигентных людей. Для него, прирожденного рассказчика с незаурядным чувством юмора, тюремные злоключения стали очередным источником веселых историй и анекдотов.

Сложнее пришлось Аркадию Манучарову. В конце ноября 1989 года его арестовали по сфабрикованному обвинению в хозяйственных преступлениях. В тюрьме он провел чуть меньше года. Сначала его пытались схватить в Степанакерте, но ему чудом удалось ускользнуть от спецназа внутренних войск. Друзья помогли Аркадию перебраться в Армению, но там его все-таки нашли, думаю, не без помощи КГБ Армении, и задержали. Административным арестам подверглись несколько десятков представителей интеллигенции, директоров, преподавателей вузов.

И в этой ситуации «Миацуму» предстояло взять на себя ответственность за продолжение борьбы в публичной плоскости.

Теперь мы в большей степени опирались на людей, не занимавших заметные должности, — на тех, кто не был на виду, и это

позволяло нам действовать намного свободнее. В организацию вошла специальная рабочая группа, которую я создал раньше. Она состояла из сотрудников разных предприятий Степанакерта, а руководил ею Рафик Габриелян, начальник цеха мебельной фабрики. Члены группы распространяли листовки, мобилизовали людей на митинги и шествия, разъясняли в коллективах текущую ситуацию и предстоящие задачи. Вскоре к листовкам добавилась газета «Миацум», которую мы начали выпускать. Я никогда не предполагал, что стану редактором подпольного издания! В типографии мы, конечно же, нашу газету печатать не могли, поэтому использовали ксерокопирование.

Люди откликались на наши призывы массовым участием во всех акциях протеста, которые мы устраивали. Еженедельно мы проводили запрещенные массовые митинги, за каждым из них следовали аресты выступавших, но для следующих митингов мы находили новых ораторов. Эта живая ежедневная, кропотливая и небезопасная работа велась в сложных условиях: в НКАО по-прежнему действовали чрезвычайное положение и комендантский час.

Безопасность под вопросом

В августе 1989 года в Кировакане я занял место выбывшего депутата Верховного Совета Армянской ССР 11-го созыва, а в феврале 1990 года стал членом Президиума ВС Армении. Парламент в то время не был постоянно действующим органом, но это не умаляло депутатского статуса. Депутатом меня избрали почти без моего участия, по инициативе кироваканских активистов: я не вел никакой предвыборной деятельности и даже на встречу с избирателями приехал лишь однажды, по их настоятельной просьбе.

Кстати, это стало первым случаем в нашей истории, когда депутатом от Армении был избран житель Карабаха. Тогда между нами и Арменией существовала очень тесная эмоциональная связь. Мы походили на два сообщающихся сосуда: обо всем происшедшем в Карабахе сразу же узнавали в Армении, а все новости из

Армении тут же становились известны в Карабахе. Мое имя было на слуху и становилось все более популярным. Организация митингов в Карабахе, постоянные выступления, поездки в Москву, серия интервью различным изданиям — все это способствовало моей известности, в том числе и в Армении. Армянские журналисты постоянно снимали все, что у нас происходило, и транслировали в новостях.

Если я приезжал в Армению, меня везде узнавали, даже прохожие на улице. Знали по именам и в лицо едва ли не всех наших активистов: Аркадия Манучарова, Зория Балаяна, который жил в Ереване, Бориса Дадамяна³⁴, народного депутата СССР, Жанну Галстян³⁵ и многих других. Люди подходили, здоровались, им хотелось познакомиться, пообщаться, расспросить — особенно карабахцев. Тогда еще не началась война, но уже появилось ощущение, что в Карабахе происходят важные события национального масштаба — и вот приехали люди из эпицентра этих событий, которые несут на себе всю их тяжесть...

Точно такой же популярностью пользовались у нас лидеры комитета «Карабах»: Левон Тер-Петросян, Вазген Манукян, Ашот Манучарян³⁶ и все остальные — благодаря активной публичной деятельности они быстро приобрели всеобщую известность.

Второй раз меня избрали в ВС АрмССР 12-го созыва в мае 1990 года от того же избирательного округа, и выборами занималась та же команда. Но тогда уже четырнадцать представителей Карабаха стали депутатами парламента Армении: двенадцать в округах, образованных в Карабахе, а я и Аркадий Манучаров — в Армении. Манучаров тогда находился под арестом и при этом был избран депутатом в Чаренцаване.

Я благодарен ребятам из Кировакана за то, что они тогда сделали. Депутаты республиканских Верховных Советов пользовались депутатской неприкосновенностью на всей территории СССР. Это не было мотивом моего избрания, но стало чрезвычайно важным обстоятельством, позволившим мне эффективнее бороться за будущее Карабаха. Меня постоянно вызывали в комендатуру

повестками, но я ни разу туда не явился. Официально арестовать меня не могли, сфабриковать злоупотребления — тоже: какие злоупотребления у секретаря парткома комбината? Поэтому и в Ростовскую тюрьму я ни разу не попал. Я понимал, что военные могут незаконно задержать меня и передать Азербайджану, поэтому мне, как и многим из нас, приходилось носить с собой оружие и менять места ночевок.

Ситуация постепенно ухудшалась, и на первый план вышли вопросы безопасности. Самой главной задачей стало формирование собственных вооруженных структур, которые могли бы защитить армянское население области уже не просто от стычек с азербайджанцами, а от беспредела отрядов ОМОН, дислоцированных по всем азербайджанским селам. Эти группировки состояли из местных боевиков, которых одели в милицейскую форму, дали им боевое стрелковое оружие и разрешили его применять. Рассчитывать на защиту союзных войск не приходилось; азербайджанские вооруженные формирования вдруг стали считаться законными, в отличие от наших отрядов самообороны. К тому же на азербайджанцев работали их близкие отношения с комендантом района чрезвычайного положения.

Наше ополчение состояло из локальных отрядов, вооруженных в основном охотничьими ружьями, а иногда — старыми карабинами. В какой-то момент появилось самодельное оружие, отличавшееся очень низким качеством, — в Армении возник массовый порыв, и все вдруг стали оружейными мастерами. Взаимодействие велось лишь между защитниками соседствующих деревень, общая координация почти отсутствовала.

Требовалось все перестраивать: создавать новые мобильные отряды, координировать их деятельность в масштабах области, вооружать. Мы понимали, что охотничьи ружья нас не защитят.

* * *

С лидерами комитета «Карабах» у меня с самого начала сложились хорошие отношения — и рабочие, и дружеские. Теперь комитет

уже стал реальной силой в Армении. Позже, в ноябре 1989 года, он переоформился в АОД³⁷, и меня избрали в состав Правления, правда, узнал я об этой новости из газет.

На митинги АОДа собирались десятки, а иногда и сотни тысяч людей. Они могли заставить руководство страны принимать решения, идущие вразрез с командами из Москвы. По влиянию на общество АОД фактически уже являлся альтернативной властью.

Начались мои поездки в Ереван: мы старались наладить необходимое взаимодействие как с комитетом «Карабах», так и с другими партиями и организациями. Координацией вопросов безопасности в АОДе тогда занимался Вазген Манукян, а позже подключился и Вазген Саргсян³⁸. Ситуация в НКАО становилась настолько сложной, что мы уже не просто просили — мы требовали у Армении оружие и боеприпасы. Прямых контактов с первыми лицами властей у меня в то время не было, и работа шла по неформальным каналам. Вопрос собственной безопасности с каждым днем становился для Армении все актуальнее: уже начались стычки на границе с Азербайджаном.

Помогали нам все, кто имел хоть малейшую возможность, даже милиция, в обход руководства республики: у одного дома спрятан карабин, у другого есть полезные связи, третий исхитрился раздобыть пару автоматов — все переходило в наше распоряжение. Выходцы из Карабаха, давно живущие в Ереване, сделавшие там карьеру и занимавшие солидные должности, использовали все свои связи, чтобы помочь. Для них это означало безопасность родной деревни, родственников; они на свои деньги покупали и привозили оружие. Вообще в тот период приехать в Карабах и не привезти с собой что-то для отряда самообороны считалось непростительным грехом. А чем сильнее расшатывался Советский Союз, тем проще становилось достать оружие у военных. Начались захваты оружия и боеприпасов, иногда реальные, иногда инсценированные, — тогда уже продавалось все.

Для переброски вооружения из Армении мы использовали вертолеты. Садились они чаще всего в лесу чуть выше села Колатак,

реже — у сел Ванк и Атерк. Основная площадка располагалась возле Колатак, в невероятно живописном месте долины реки Хачен. Чуть дальше этого села мягкий альпийский пейзаж сменяется более суровым, но тоже очень интересным и необычным: горы становятся высокими и скалистыми, и причудливые скалы напоминают громадные торчащие вверх редкие зубы. Когда-то, еще в советское время, это было одно из моих самых любимых мест. Я часто приезжал сюда поохотиться и порыбачить, один или с друзьями. Ставили палатки, ловили рыбу в речке. Речка кишела рыбой, хоть и некрупной: два-три человека за пару часов могли легко наловить полное ведро на самую обычную удочку. Сюда же лет с пяти-шести я водил и старшего сына, и ему очень нравилось ночевать в палатке. Сейчас, несмотря на войну, рыба в этой реке плескалась по-прежнему, только нам было не до рыбалки.

Мне часто приходилось летать в вертолетах, где были военные грузы. Во время одной из таких поездок со мной в вертолете сидели еще несколько сельских жителей с довольно увесистыми тюками. Перегруженная машина стала терять высоту над Кельбаджаром, и пилоту пришлось посадить, а точнее, почти уронить ее прямо на узкое горное плато. Чтобы лететь дальше, требовалось срочно облегчить вертолет. Помню, как с трудом оторвал одного из мужчин от мешка муки, который тот обнимал изо всех сил. Половину тюков и ящиков вывалили на снег, вертолет снова взлетел и взял курс на Колатак. Высадив там пассажиров, он вернулся и забрал груз, предназначенный для отрядов самообороны.

* * *

Важную роль в организации сил самообороны сыграла в те годы партия «Дашнакцутюн»³⁹. Настроенная на вооруженную борьбу, она активно создавала в Карабахе партийные структуры и собственные отряды, которые позднее сольются в отдельный батальон в составе Армии обороны НКР. К батальону навсегда приклеится название «дашнакский». Все действия дашнаков велись в свойственной партии атмосфере секретности с элементами

фидаинского* романтизма — клятвой на оружии, уставе и гербе партии, и вплоть до конца 1991 года партия избегала публичной активности.

По мере того как отрядов и оружия становилось больше, росла необходимость координации военных поставок и деятельности отрядов. Требовалось упорядочить все вопросы, касающиеся безопасности. Тогда мы создали нечто вроде координационного совета, в который вошли я, Серж Саргсян, Самвел Бабаян⁴⁰, а от партии «Дашнакцутюн» — Георгий Петросян⁴¹, Жанна Галстян и Валера Балаян⁴². Работали слаженно, раз в неделю встречались, обсуждали ситуацию и намечали дальнейшие действия. В то время между нами не возникало особых противоречий. Всем этим мы занимались в рамках «Миацума» вплоть до 1990 года, хотя формально я продолжал оставаться секретарем парткома — от этой должности меня никто не освобождал.

Но «Миацум» являлся общественной организацией, как и его предшественник — совет директоров. Структуры власти НКАО были распущены центром. Мы понимали, что нужно создавать орган, который олицетворял бы целостность Нагорного Карабаха и имел право говорить и принимать решения от имени области. И уже через месяц после создания «Миацума» мы начали большую организационную работу по учреждению Национального совета НКАО, которая завершилась 16 августа 1989 года съездом представителей населения области. Кстати, в нашей истории нечто подобное — создание народного совета — уже случалось в 20-е годы. Сейчас все происходило по тому же принципу: все административные единицы Карабаха, все районы, город Степанакерт делегировали своих представителей на народный съезд, ставший аналогом Совета народных депутатов. На съезде избрали Национальный совет из восьмидесяти человек, и двадцать человек вошли в Президиум. Председателем стал Вачаган Григорян⁴³, народный депутат СССР от НКАО. Выбор пал на него не случайно. Мы заранее

* Фидаин (арм.) — партизан.

подстраховывались: если власти вдруг пришла бы в голову идея арестовать председателя Национального совета, его депутатский статус не позволил бы это сделать. Я стал членом Президиума.

Не могу сказать, что Национальный совет заработал в полную силу именно как областной орган исполнительной власти. Скорее, через него мы выступали с различными политическими заявлениями. Наиболее значимым событием с его участием стало совместное заседание ВС Армении и НС Нагорного Карабаха, на котором было принято решение о присоединении НКАО к Армянской ССР. Произошло это в Ереване 1 декабря 1989 года, сразу после роспуска комитета Вольского. Мы понимали, что упразднением КОУ Москва умывает руки, и видели противовес ожидаемым репрессиям Баку в нашем единстве с Арменией. Я помню, как в составе делегации Национального совета Карабаха с трудом продирался сквозь огромную массу людей, собравшихся у места заседания в Ереване. Когда нас узнавали, люди тут же создавали коридор и — скандируя «Карабах, Карабах» — провожали нас во дворец. Это было очень яркое, запоминающееся эмоциональное событие — оно демонстрировало энергию национального единения с Арменией.

Очень скоро, когда начнет работать Азербайджанский оргкомитет по Карабаху, наступит совсем другой, гораздо более тяжелый период, и тогда именно в Национальном совете мы сконцентрируем реальную власть. Но, пока это время еще не наступило, в Арцахе параллельно действовали Национальный совет и Комитет особого управления — официальная власть уходящих Советов и власть неофициальная, стремившаяся защитить свою страну и обеспечить выживание ее народа.

Комитет особого управления упразднили 28 ноября 1989 года. Главной причиной его роспуска стало давление на союзную власть со стороны Азербайджана, который не мог смириться с существованием комитета. Азербайджан настаивал, что действия КОУ абсолютно неприемлемы, и обвинял Вольского в потакании сепаратистам — руководство республики считало, что именно он препятствует силовому подавлению Арцаха. В результате Азербайджан

добился своего — вероятно, в Политбюро существовали разные точки зрения на происходившее, и в какой-то момент победило консервативное крыло. Возможно, слабеющая центральная власть просто уступила давлению Азербайджана и избавилась от Комитета особого управления. Был создан так называемый Республиканский комитет по НКАО, призванный заменить КОУ. Его возглавил второй секретарь ЦК КП Азербайджана Виктор Поляничко⁴⁴.

И началось самое кошмарное время.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Каратели

После армянских погромов в Баку в январе 1990-го и ввода туда советских войск стало очевидно, что резня в Сумгаите не просто роковая случайность и наши народы совместно проживать в обозримой перспективе не смогут. Армяне спешно покидали Азербайджан, а азербайджанцы — Армению. Ручьи становились потоками.

Москва, видимо, осознала, что не владеет ситуацией и не сможет обеспечить безопасность людей, и фактически отдала на откуп Азербайджану армянское население маленькой непокорной автономной области. Другими словами, согласилась на управляемые этнические чистки. Депортация армян из Геташена и Мартунашена в марте того же года проходила уже при участии ВВ МВД СССР.

Это было очень тяжелое время — психологически даже тяжелее, чем более поздний период масштабной войны, которая развернулась после развала Советского Союза. Во время войны, по крайней мере, твердо знаешь, с кем и почему воюешь, и ясно понимаешь, что это единственный способ выжить и не стать беженцем. При Поляничко Азербайджан стал методично сгонять армян с их земель, прикрываясь внутренними войсками МВД СССР. Теперь наше сопротивление приводило к столкновениям уже не только с азербайджанским ОМОНОм, но и с союзными войсками. Весь 1990 год состоял из череды драматических событий, вопивших о грядущем развале великой страны.

Но — попробую по порядку.

Аркадий Иванович улетел в Москву. Мы тепло попрощались с ним, не зная, что в Карабах он больше не вернется и что судьба Комитета особого управления уже предreshена. Вместо него создали новый Республиканский оргкомитет, который возглавил второй секретарь ЦК КП Азербайджана Виктор Поляничко (тогда во всех республиках СССР вторыми секретарями ЦК назначались русские).

Поляничко был ставленником Азербайджана, новый комитет подчинялся республиканским властям и создавался для того, чтобы «бороться с армянскими националистами-экстремистами», что для Баку означало — со всеми армянами Карабаха.

Это был инструмент, с помощью которого Азербайджан собирался сломить нашу волю и сохранить НКАО в своем составе как территорию. И желательно без армян, как выяснилось позже.

Название «комитет» лишь создавало иллюзию коллегиальности. На деле был создан карательный орган, где Поляничко с энтузиазмом взял на себя роль палача. Все силовые структуры передали в его ведение. Фактически ему подчинялись даже дислоцированные у нас советские войска — через комендатуру района, которая отвечала за соблюдение режима чрезвычайного положения. Это полностью изменило их поведение: они начали действовать как оккупанты. Никаких личных обид в наш адрес военнослужащие не испытывали, но с их стороны появилась откровенная враждебность. Соответствующим образом изменилось и наше восприятие этих войск.

Вновь созданный комитет запретил деятельность последних из оставшихся у нас собственных органов власти: областного и районных советов народных депутатов, всех партийных и общественных организаций по всей области. Исключением был Шушинский район, где все конституционные органы сохранились: большинство населения района составляли азербайджанцы, и их запрет не коснулся. Более того, в азербайджанских селах партийные организации не только не упразднили — им дали дополнительные права. Некоторые приравнивали по статусу чуть ли не к райкомам партии.

География территорий, на которых действовало чрезвычайное положение, расширилась. Теперь она охватывала не только всю Нагорно-Карабахскую область, но даже смежные армянские и азербайджанские районы. В самом Степанакерте ужесточился режим ЧП: закрыли драматический театр, все кинотеатры, музеи; запретили проведение спортивных и развлекательных мероприятий — даже в дни государственных праздников. В январе 1990-го приказом коменданта района чрезвычайного положения была запрещена деятельность движения «Миацум». Комендантский час стал гораздо строже, теперь нельзя было не только появляться на улице, но даже собираться во дворах — тут же раздавались грозные окрики солдат, патрулирующих улицы: «Армяне! По домам!»

За соблюдение режима ЧП отвечала комендатура района, ей подчинялись подразделения внутренних войск МВД СССР, туда же входили отряды особого назначения — Азербайджан создал свою огромную армию ОМОН. Отряды разместили в каждом азербайджанском селе внутри Карабаха — по большей части это были местные жители, которым выдали милицейскую форму и оружие и платили зарплату.

Представьте себе две деревни рядом: одна азербайджанская, другая наша. Их деревню охраняет хорошо вооруженный отряд ОМОНа человек под восемьдесят; в армянской — лишь несколько человек ополчения с охотничьими ружьями. Условия были абсолютно неравными. В этот период заметно участились нападения, грабежи, угон скота из армянских сел. И это не совпадение. Действуя от имени республиканских властей, омовцы — в форме, при оружии, с милицейскими удостоверениями — не стеснясь совершали против армян преступления, которые прикрывались всей правоохранительной системой Азербайджана. Именно поэтому азербайджанский ОМОН стал основной целью военных операций армянского подполья того периода.

Кольцо блокады вокруг области стремительно сжималось. Нас пытались отрезать уже не только от Армении, но и от всего

остального мира. Было перекрыто железнодорожное сообщение: сначала прекратились пассажирские перевозки, а вскоре встали и грузовые. Еще недавно до Еревана можно было добраться на машине, пусть и в сопровождении военного конвоя, — теперь автомобильные дороги были заблокированы. Начались перебои с продовольствием, промышленными товарами, топливом.

Под прикрытием внутренних войск власти взяли под полный контроль Степанакертский аэропорт — последнюю транспортную связь с Арменией для населения области. Количество авиарейсов из Степанакерта резко сократилось, в аэропорту постоянно дежурил ОМОН. Любая поездка в Ереван самолетом для молодых парней могла закончиться их арестом. Велась осознанная политика, направленная на окончательное закрытие аэропорта: прилегающее азербайджанское село Ходжалу под предлогом размещения бежавших из Средней Азии турок-месхетинцев застраивали вплоть до самого летного поля — так, чтобы аэропорт стало нельзя использовать из-за опасной близости к жилым домам. В строительство вкладывались огромные средства.

Область закатывали в полную изоляцию, и единственное, что у нас осталось для связи с внешним миром, — это вертолеты.

* * *

В Степанакерте на центральной площади по сей день есть два правительственных здания. Они стоят рядом — буквально в сотне метров друг от друга. В одном из них сейчас находится президентская резиденция, а во втором заседает правительство Нагорного Карабаха. В советское время это были здания обкома партии и Областного совета народных депутатов.

Республиканский оргкомитет расположился там же, где до этого был комитет Вольского — в помещении бывшего обкома, а в соседнем здании продолжал как ни в чем ни бывало работать упраздненный исполком Областного совета. Должность председателя исполкома занимал Леонард Петросян⁴⁵, а пост его первого заместителя — Олег Есяян⁴⁶. Так и существовали параллельно две

власти: одна — упраздненная ими, вторая — категорически не признаваемая нами.

Никто из нас в здание, где сидел оргкомитет, никогда не ходил; они к нам тоже. Коменданты несколько раз пытались установить между нами контакт, но безуспешно: Поляничко и его «комитет» представляли враждебную нам сторону, мы воспринимали их как врагов, они платили нам взаимностью. Здание обкома обнесли по всему периметру колючей проволокой, установили усиленные блокпосты, нагнали спецназ. Вся территория находилась под тщательной круглосуточной охраной, пройти можно было только по специальным пропускам. Они сидели в полнейшей изоляции — в город выходить опасались, приезжали и уезжали под прикрытием бронетехники. Там, в этом здании за колючей проволокой, вынашивались все планы по подавлению национально-освободительного движения армян Нагорного Карабаха.

В то время приняли массовый характер операции по «проверке соблюдения паспортного режима в районе ЧП». Эти операции разрабатывались комендатурой по приказу оргкомитета, а осуществлялись силами внутренних войск и ОМОНа. По сути это были просто облавы: окружали село, обыскивали все дома, проверяли жителей — искали оружие и боевиков. Проверки, разумеется, касались исключительно наших населенных пунктов: подразумевалось, что боевики могут быть только армянские. Вот данные из сводок МВД того периода, которые приводит в своей книге «Мятежный Карабах» Виктор Кривопусков — офицер, служивший в те годы начальником штаба следственно-оперативной группы МВД СССР в НКАО:

В 1990 году проведено 160 оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима и выполнению Указа Президента СССР от 25 июля 1990 года «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения». Из них 156 — в городах и селах, где живут только армяне.

Каждая такая операция заканчивалась массовыми арестами — оснований для них не требовалось. Задержанными оказывались,

как правило, случайные люди, не имевшие никакого отношения к отрядам самообороны: бойцы наших отрядов понимали, что их ищут, вели себя очень осторожно и попадались гораздо реже.

Арестованных обычно передавали правоохранительным органам Республики, и в итоге все они оказывались в азербайджанских тюрьмах, лишены каких-либо прав на защиту. К этому моменту национальная вражда и взаимная ненависть достигли такого накала, что тюремщики просто вымещали свою злость на задержанных, и армяне, попадавшие туда, неминуемо подвергались насилию и издевательствам. (Была, впрочем, и еще одна причина, стимулировавшая массовые аресты, — деньги: из родственников арестованного часто вымогали выкуп.)

В этот же период комендатура ужесточила контроль за дорогами внутри НКАО. Повсюду расставили блокпосты, и объехать их даже по сельским дорогам стало непросто. Чтобы свободно передвигаться, незаметно перебрасывать людей, оружие, мы построили огромное количество своих внутренних дорог в объезд азербайджанских сел и блокпостов. Брали за основу заброшенные проселочные дороги, а где их не было, пробивали новые, расчищая и утрамбовывая непроходимые участки тракторами. Фактически мы покрыли область альтернативной дорожной сетью, благодаря которой теперь могли доехать из Степанакерта до Гадрута — самого дальнего райцентра, не попав ни на один блокпост.

В ответ военные изменили тактику: стали размещать передвижные блокпосты, пытаясь каждый раз устраивать засады в новых, неожиданных местах, — но и этот прием быстро перестал работать. Небольшой Карабах населен довольно плотно, и, если где-то местные жители замечали, что через деревню едет БТР, да еще в сопровождении уазика, это сразу вызывало подозрение: куда едет? Зачем? Ага: поставили пост! Так что новость мгновенно разлеталась по всем дворам, и уже через несколько минут на дорогах всех проезжающих предупреждали о засаде. Те, в свою очередь, понимая, что передвижение военных ничего хорошего армянам не сулит,

спешили распространить информацию дальше по всей области, и заставить врасплох наши отряды было нелегко.

Законы партизанской войны работали на нас: мы находились в среде, которая полностью нас поддерживала, а для них была враждебной. Это давало нам огромное преимущество.

Друзья и враги

Чтобы противостоять нарастающему давлению, мы старались не только наращивать наши военные возможности, но и минимизировать потери, устанавливая контакты и налаживая сотрудничество с военными. С некоторыми комендантами районов и старшими офицерами внутренних войск у нас складывались хорошие отношения. Союзные войска были направлены к нам в горячую точку по долгу службы — причин для враждебности ни у них, ни у нас не было. Военные прекрасно понимали, что у нас находятся временно — каждые полгода их меняли; видели они и то, что в стране царит полный бардак — Советский Союз катится к распаду. Проявлять особенное служебное рвение в такой ситуации не было никакого смысла: зачем наживать себе врагов среди людей, против которых ты лично ничего не имеешь и которые способны тебе отомстить, если можно — и проще — спокойно отслужить свой срок и через шесть месяцев вернуться домой. Немало военных, особенно из среднего звена, относились к нам с искренней симпатией, сопереживали, стремились помогать. Действия и решения оргкомитета они в душе не поддерживали, а кто-то даже старался им препятствовать по мере своих возможностей.

Одним из первых силовиков, с кем у нас установился хороший контакт, был Концевенко, возглавивший областной КГБ. Он повел себя порядочно по отношению к нам с самого начала. Первым с ним сблизился Леонард Петросян. Присмотрелся — вроде человек адекватный, никакого предубеждения против нас не имеет, напротив, демонстрирует лояльность. Через Леонарда договорились с ним о встрече, причем инициатором выступил

сам Концевенко. Я поначалу даже отнесся к этому с некоторым подозрением.

За чертой города у нас стояли павильоны, куда в обычное время люди приезжали поесть шашлык, посидеть за беседой, просто отдохнуть... В одном из таких павильонов мы и встретились. Концевенко сразу сказал: «Ребята, я сюда не напрашивался — судьба занесла. Действовать против вас я совершенно не хочу. Готов вас поддерживать — вы мне симпатичны». Так начались наши с ним отношения, которые мы, конечно, не афишировали. Дружба с Концевенко, возможно, кому-то из нас спасла жизнь. Может быть, и мне.

* * *

Мы понимали, что стоим поперек горла у властей и что они способны пойти на крайние меры. Провокации со стороны азербайджанских спецслужб участились, и все лидеры движения стали постоянно носить с собой оружие.

Я по-прежнему находился под защитой депутатского статуса, а в какой-то момент меня выбрали еще и в Президиум Верховного Совета Армении, в котором мне, правда, так ни разу и не довелось побывать, но решиться на мой официальный арест стало сложнее. Тем не менее из комендатуры продолжали регулярно приходить с повестками ко мне домой, а однажды военные даже явились к жене на работу, в санэпидстанцию, требуя немедленно признаться, где ее муж. Белла, обладающая прекрасной выдержкой, ответила им, наивно хлопая ресницами: «Ой, я сама хотела бы это знать! Нескольким месяцам его не видела. Вы уж, пожалуйста, если его найдете, сообщите мне».

Концевенко меня тогда предупредил: «Роберт, будьте осторожны, к Поляничко приехала какая-то специальная группа, им поставлена задача физически уничтожить лидеров. Есть поименный список, кого должны убрать, есть разработанный план. Трупы собираются подкинуть на границу с Арменией, чтобы свалить убийство на армян — якобы те сами расправились со злостными националистами. Ты в этом списке первый». Предупреждение мы услышали,

но продолжали вести свою обычную деятельность, только с усиленными мерами предосторожности. Я пересмотрел маршруты перемещений, чтобы нельзя было предугадать, где и в какой момент окажусь, просто изучив мои привычки. В моем дневном графике все осталось почти по-прежнему, лишь время от времени я менял место ночевки. Помню, пару месяцев подряд мы с Сержем Саргсяном ночевали в гараже у моего брата. Как-то раз я взял туда с собой старшего сына, Седрака, чтобы хоть немного побыть вместе.

Страху мы не испытывали. К опасности довольно быстро привыкаешь, к тому же сама ситуация казалась до примитивности простой: они охотятся на нас, мы на них — вот так все сложилось. Кроме того, мы понимали, что организовать покушение на нас в нашем родном городе — в городе, который мы же и контролировали и все население которого нас поддерживало, — для заезжей группы очень сложно. Думаю, они в конечном итоге просто на это не отважились.

* * *

Начальник УВД Владимир Ковалев, присланный из Москвы, был очень интересным и непростым человеком. На вид — невысокий, подтянутый, жилистый, спортивный. По характеру — энергичный и смелый: пока оргкомитет отсиживался за забором из колючей проволоки, Ковалев в одиночку ездил по городу за рулем своей «нивы», каждое утро устраивал пробежки на стадионе — в общем, всячески демонстрировал, что никого и ничего не боится. Говорили, что он прошел какую-то специальную подготовку во время своей службы в Афганистане.

Приехав в Степанакерт, он тут же с рвением включился в работу. Нам это добавило головной боли. Мы попытались наладить с ним отношения — для начала хотя бы договориться о встрече, но ничего не выходило: ни на какие контакты с нами он не шел категорически.

Пришлось менять тактику.

Однажды, когда Ковалев в очередной раз куда-то ехал, в хвост «нивы» пристроился грузовой уазик — небольшая машина

с маленьким наглухо закрытым кузовом и дверцами сзади. Такие автомобили тогда часто встречались, поэтому ее появление никаких подозрений у Ковалева не вызвало. На мосту рядом со стадионом уазик резко обогнал «ниву». Ковалев, не сбавляя скорости, помчался за ним, не придавая значения тому, что уазик начал слегка притормаживать. Когда расстояние между машинами сократилось метров до 10–15, задние дверцы уазика внезапно распахнулись, и оттуда раздалась длинная автоматная очередь — весь магазин был выпущен в лобовое стекло «нивы», практически в упор. В такой ситуации человеку, сидящему за рулем, выжить абсолютно невозможно! Но Ковалев не просто выжил, его даже не зацепило — невероятный случай! Спасла его уникальная реакция, хладнокровие и, видимо, афганский опыт: увидев, что дверцы уазика открываются, он в ту же секунду соскользнул под приборный щиток и лег на педали — маленький и юркий, он ушел туда весь и свернулся клубком. Машина пролетела остаток моста и, съехав с него, свернула в кювет и там заглохла.

Буквально несколько дней спустя — не помню, через Концевенко или Кривопускова, — Ковалев сам попросил о встрече. Мы согласились.

Встречу назначили в пригороде Степанакерта в павильоне Хамза, и наш собеседник в очередной раз показал себя смелым человеком, приехав в одиночку в незнакомое для него место. Его встретили я и Серж Саргсян, пригласили пообедать. Особых разносолов у нас не было, но шашлыки и традиционная тутовка на столе стояли. К моему удивлению, Ковалев оказался здравомыслящим и порядочным человеком. Он прямо сказал: «Ребята, я вам не враг, меня прислали служить — я честно служу. Воевать с вами не собирался и не собираюсь — это ваша земля». По его рассказам стало понятно, что репрессивные меры против армян — не его инициатива и что Поляничко его особо не жалует как раз за те черты, которые вызывали симпатию у нас: принципиальность и твердость характера. В общем, вышел хороший и откровенный разговор. Тутовку, правда, Ковалев так и не попробовал — кажется, был непьющим.

Прощаясь, мы искренне пожали друг другу руки и расстались почти на дружеской ноте.

После он не раз поможет нам. Именно благодаря ему нам несколько раз удастся вызволить некоторых своих самых ценных бойцов, схваченных спецназом. К сожалению, в ноябре 1991 года он погибнет в вертолетной катастрофе.

* * *

К тому моменту, создав вооруженные отряды, карабахцы уже продемонстрировали, что способны не только проводить митинги, но и подрывать мосты и коммуникации; карабахцы дали понять, что готовы не только просить о чем-то власть, но и бороться с ней, отстаивая свои права, свою свободу. Карабахцы показали, что могут наказывать своих врагов — что у них есть способности и воля делать это.

Эти действия привели к тому, что количество желающих быть нашими врагами буквально за несколько месяцев существенно уменьшилось, и выстраивать отношения с военными стало гораздо проще. Новые коменданты особого района шли с нами на контакт сразу по прибытии — правила игры они уже знали от предшественников. Они же снабжали нас специальными пропусками для свободного перемещения по области. Мы сами вписывали свои фамилии в пустые бланки с печатью и подписью комендантов.

Мотивация для сотрудничества с нами была простой: когда ты отвечаешь за личный состав в войсковой группе, тебе, конечно, хочется, чтобы не было никаких ЧП, чтобы все спокойно отслужили и вернулись домой. Самый надежный способ осуществить это — наладить взаимоотношения с теми, кто способен создать тебе головную боль. Надеюсь, что иметь с нами дело было к тому же и приятно: с некоторыми из военных у нас завязалась дружба, и мы продолжили общаться даже после их отъезда из Карабаха.

* * *

Хорошие отношения с представителями силовых ведомств, офицерами внутренних войск и службы безопасности позволяли нам

отчасти смягчать последствия их деятельности. Если кто-либо из наших оказывался арестован, мы могли с их помощью добиться перевода пленника в больницу — а оттуда ночью «эвакуировали». Часто нашим товарищам после ареста действительно требовалась медицинская помощь: многие оказывались жестоко избитыми, но получить разрешение генерала Сафонова⁴⁷ (о нем я еще расскажу) на их госпитализацию было нелегко. Особенно когда Сафонов понял, какую усиленную охрану ни приставляй к этим пленным, наутро палата все равно окажется пустой. И никаких свидетелей, никто ничего не видел, в палату никто не входил, из больницы никто не выходил...

Бывали и другие случаи, когда наших бойцов, схваченных ОМОНОм совместно со спецназом, вывозили в Баку, в печально знаменитую Баиловскую тюрьму. Тогда оставался единственный способ выволить своих: обмен пленными. Для этого нужно было захватить кого-то важного, ради кого будут стараться.

Именно так мы вызволяли будущего командующего нашими войсками Самвела Бабаяна.

Самвела арестовали 1 июня 1991 года, когда он только что вернулся в Степанакерт из Гадрутского района, где собирал отряд для участия в освобождении села Хандзадзор. Конечно, это был наш провал: его схватили прямо в центре города, у нас под носом. Полгода Самвел провел по тюрьмам: сначала в Шушинской, затем в Баиловской в Баку. Вскоре после того, как его опять перевели в Шушу, в Степанакерт прибыл заместитель главного прокурора Азербайджана Шукюр Аббасов. Ничего личного мы против него не имели, работники прокуратуры отзывались о нем, как о хорошем человеке. Но нам требовался кто-то, представляющий собой определенную ценность, — это была единственная возможность обменять Самвела. Аббасов принадлежал к известной и влиятельной семье, так что шансы на обмен были высокими.

Водителем нашего прокурора Роберта Айрапетяна тогда работал молодой парень Ашот — участник подполья и друг Каро, брата Самвела. Ашот сообщил друзьям о приезде важной персоны, и буквально через час группа во главе с Каро ворвалась в здание

прокуратуры, захватила Аббасова и, выйдя через внутренний дворик, вывезла его в горную деревню. Айрапетян, случайно оказавшийся во время этой операции рядом, тогда страшно перепугался — кажется, даже больше, чем сам пленник.

Переговоры об обмене шли около двух месяцев. Самвел уже тогда играл важную роль в формировании и управлении нашими вооруженными отрядами, так что переговоры через военных вел я сам. Мы предоставили для обмена целый список арестованных армян, чтобы не выдать, насколько важен для нас один из них. Наконец договорились и назначили дату.

Обмен пленными обычно происходил при посредничестве военных на кладбище на границе с Агдамом. Так было и в этот раз. Когда мы приехали туда на уазике, уже смеркалось. Два бэтэра — по одному с каждой стороны — ждали нас в условленном месте. Между ними было метров сто. Я забрался на один из них, бронемшины двинулись навстречу друг другу и, сблизившись, остановились.

Из второго бэтэра военные с трудом, как пробку из бутылки, вытянули какого-то полного мужчину, как потом оказалось, родного брата пленного прокурора. Человек грузный, да еще в бронезилете, видимо, застрял в узком люке. Они все вместе подошли к нам, заглянули в машину, чтобы удостовериться, что мы привезли именно того, кого обещали, и вдруг начали возмущаться:

— Вы что ж, хотите за одного нашего прокурора 10 своих получить?

Я пошутил:

— Так вы гляньте, какой он упитанный! — друзья Самвела неплохо кормили Аббасова в деревне. — В нем же килограммов сто пятьдесят живого веса! А наши вон, все тощие и измученные...

— Ладно, — говорят. — Забирайте своих.

— Пойдите, — отвечаю, — я же тоже должен убедиться, что вы кого нужно привезли. Залезаю на их бэтээр, смотрю сверху через люк. Кругом темнота, лампочка внутри машины тусклая — почти ничего не видно. Свечу в лица фонариком, всматриваюсь — не вижу Самвела! Говорю:

— Э, погодите, тут не все!

И вдруг слышу, как один из пленных мне шепчет:

— Да все в порядке, это я, я здесь!

Смотрю — действительно Самвел. Не сразу его узнал: за полгода в плену он сильно изменился — похудел, да и потрепали его изрядно. Но держался при этом хорошо, молодец.

Самвелу и нам повезло: арестовавшие его просто не поняли, кто был у них в руках, — иначе мы вряд ли когда-нибудь его увидели бы.

* * *

Благодаря нашим контактам с главами силовых ведомств стычек с военными стало гораздо меньше. Когда нас предупреждали о намеченных облавах, это было хорошо для обеих сторон: мы успевали вовремя вывести своих людей из опасной зоны, а значит, не приходилось потом проводить операции по их вызволению — они выполняли свою задачу, не вызывая нареканий начальства.

Конечно, конструктивные отношения удавалось выстроить не всегда и не со всеми. Были и такие, кто враждовал с нами невероятно усердно. Уверен, что это усердие опиралось на щедрую материальную подпитку — деньги и подарки. Страна разваливалась, все в дефиците, будущее в непроглядном тумане — в таких условиях моральной стойкости хватало не всем. Конкурировать с Азербайджаном, перекупая военных, мы не могли — таких денег у нас просто не водилось. В наших силах было лишь наглядно показать закон физики: всякое действие рождает противодействие — рвение, направленное против нас, будет наказано и в попытке заработать деньги можно потерять гораздо больше. Где-то я вычитал такую фразу: «Пуля оставляет в голове глубокий след, даже если попадает в задницу».

Самым ненавистным человеком в Карабахе после Поляничко был генерал Сафонов. Его не выносили все, в том числе остальные коменданты. Люди военные в выражениях не стеснялись — самыми мягкими эпитетами в адрес Сафонова служили «сволочь»

и «продажная скотина». Он каким-то чудом уехал из Карабаха живым. Не знаю, как у него сложилась жизнь дальше и как он договаривается со своей совестью после всего, что совершил. Впрочем, у таких, как он, совесть молчаливая. К счастью, похожих на Сафонов среди военных было немного.

Когда Сафонов, отслужив свой срок, уехал, его заменил Косолапов, комендант, о котором моя память не сохранила ничего, кроме фамилии. А вот генерала Жинкина, который появился у нас после Косолапова, помню очень хорошо. Жинкин оказался человеком интересным, обаятельным, из тех, кто сразу к себе располагает. У нас с ним выстроились добрые и доверительные отношения. Жинкин приходил в ужас от того, что творилось вокруг. К Поляничко он относился крайне негативно, называя его в частных беседах «абсолютно безнравственным и аморальным типом», и, насколько было в его власти, игнорировал приказы оргкомитета.

* * *

Как-то меня спросили, доводилось ли мне видеть Поляничко. Я пошутил: «Ни разу не видел, даже в оптический прицел». Руководитель оргкомитета всегда находился в здании с зашторенными окнами. Охота за ним велась долго, он пережил несколько покушений, но каждый раз что-то шло не так.

Третья попытка была самой дерзкой. В кабинете Поляничко на третьем этаже здания обкома партии собралось совещание, посвященное операции «Кольцо»⁴⁸. Операцию как раз только что приостановили, и планировалось обсудить дальнейшие действия. К Поляничко съехались все ответственные за ее проведение — кабинет был полон руководителей силовых ведомств.

Колючая проволока по периметру территории, усиленная охрана спецназом — собравшиеся чувствовали себя в полной безопасности. Сидели, неторопливо и расслабленно обсуждали... И вдруг в самый разгар совещания раздался грохот, и, вдребезги размолив оконное стекло, в комнату влетел снаряд и разорвался прямо над головой у Поляничко! Шарахнуло сильно. Посыпалась штукатурка,

пыль, комнату заволокло дымом. Все, кто был в кабинете, оглохли, многих контузило.

Благодаря точному расчету выстрел из гранатомета был сделан буквально под носом у охраны — метрах в пятнадцати от блокпоста. Стрелявшему — его звали Карен — сыграл на руку рельеф местности: здание обкома стоит на возвышении, а он расположился в низине. Крутой склон перед зданием закрывал его от солдат на блокпосту, и он оставался незамеченным до самого выстрела. А вот выбор оружия и боеприпасов в Карабахе был невелик, так что стреляли из РПГ тем, что имелось в наличии, — кумулятивным снарядом. Такой снаряд эффективен против бронетехники — мощная струя прошивает броню, но осколков он дает мало. Участникам совещания повезло: пробило дырку в потолке прямо над креслом Поляничко, а оставшиеся от снаряда куски разлетелись в разные стороны, никого не задев. Однако напугались все очень серьезно: а вдруг сейчас еще раз рванет?! Никто не понимал, что творится. Люди ползком выбирались из кабинета в приемную, ничего не видя в дыму и в пыли.

Солдаты высыпали с блокпоста в полной растерянности: «Что произошло?! Кто стрелял?! Откуда?!» К этому моменту Карен — парень спортивный — уже сбежал вниз, где его ждала машина. Гнаться за ним никто не стал: советские солдаты не больно-то рвались рисковать своими головами на чужой войне.

Двое из участников этого совещания — Концевенко и Ковалев — позже в лицах рассказали мне, как все это выглядело внутри. Описывали с юмором, посмеивались, так что если обида на нас поначалу и возникла, то быстро прошла.

От нас Поляничко ушел, но своим чрезмерным усердием в сочетании с полной безнравственностью он быстро наживал врагов везде. Позже, уже на Северном Кавказе, куда он отправился после Карабаха с подобной же миссией, его все же достали местные.

Кстати, не так давно, читая одну книгу о событиях тех лет, я наткнулся на выдержки из отчетов о проделанной работе, которые Поляничко направлял в Баку. Из этих материалов я с изумлением

узнал, что в одном из своих донесений он гордо рапортует о нашей готовности пойти на уступки — якобы такое решение мы приняли на заседании Областного совета народных депутатов. Это чистой-шей ложь: такого решения не было и быть не могло. Видимо, сидя в полнейшей изоляции за колючей проволокой, глава «оргкомитета» попросту врал, демонстрируя руководству, что активно работает и даже добивается каких-то результатов.

Операция «Кольцо»

Эта беспрецедентная в советской истории операция началась в конце апреля 1991 года. По сути это была насильственная депортация армянского населения с территории Карабаха, которую осуществлял азербайджанский ОМОН под прикрытием советских войск и с использованием советской техники. Азербайджан решил, что таким образом «армянский вопрос» можно решить кардинально — одним махом, раз и навсегда. Судя по дальнейшим событиям, по их масштабу и способу реализации, операция проводилась с согласия Москвы, которая окончательно утратила способность защищать армянские анклавы в Азербайджане. Официально, конечно же, о депортации речи не шло: в плане, который Муталибов⁴⁹ представил союзному центру, говорилось о «масштабной операции в целях изъятия у армянского населения НКАО и прилегающих к ней районов незаконно хранимого оружия». Но 27 апреля, выступая по азербайджанскому телевидению, он призывал «немедленно решить проблему армянского населения Азербайджана» и говорил, что если Москва окажется на это неспособна, то «у республики хватит своих сил и средств».

Началась операция с Северного Карабаха. Первыми пострадали села Геташен и Мартунашен. Нападавшие действовали по такой схеме: сначала из сел выводили внутренние войска, которые могли бы помешать карательным действиям, а потом село атаковал азербайджанский ОМОН. Одновременно с проведением боевых рейдов в намеченных к депортации населенных пунктах отключали

электроснабжение и телефонную связь, чтобы жить там стало физически невозможно. Атака на Геташен была отбита местным отрядом самообороны — и тогда в ход пошла артиллерия: село подверглось массированному артиллерийскому обстрелу. Войска, которые вошли туда на следующий день, занялись депортацией уже безо всяких препятствий. Людей хватали, не позволяя взять с собой ничего — даже одежду, заталкивали в автобусы и просто отвозили на границу с Арменией, где их никто не ждал. С молодыми мужчинами поступали по-другому: в каждом из них видели потенциального боевика, поэтому их арестовывали и помещали в тюрьмы.

Так были зачищены несколько сел в Северном Карабахе — Манашаи, Теркеч, Бузлук, юг Гадрутского района. В общей сложности депортации подверглось население двадцати шести армянских населенных пунктов, которые потом полностью разграбили мародеры из ближайших азербайджанских сел. 10 000 армян лишились крова, более шестисот мужчин оказались в заложниках, более ста человек погибли в ходе операции. Я думаю, что если бы Советский Союз не распался, то — кто знает? — может быть, им удалось бы шаг за шагом осуществить свой план до конца.

Мы пытались воспрепятствовать депортации на юге Гадрутского района, но тщетно. Вступать в прямое противостояние с войсками мы тогда были еще не готовы. В Северном Карабахе вся нагрузка легла на отряды Шаумяновского района, но силы оказались слишком неравными. Войсковые подразделения, дислоцированные в НКАО, в операции «Кольцо» задействованы не были, так что и наши контакты с военными никак не помогли.

Армяне повсеместно пытались привлечь максимальное внимание общественности к происходящим событиям. Зорий Балаян писал о геноциде, творящемся в Карабахе, в каждом номере «Литературной газеты». Все наши друзья-журналисты поддерживали нас, публикуя материалы об этих событиях. Народные депутаты — особенно демократическое крыло — старались оказать какое-то воздействие по своим каналам. Российская интеллигенция — писатели, журналисты, ученые, экономисты, которых объединило стремление

нам помочь, создали в Москве Комитет российской интеллигенции «Карабах» — КРИК. Своей главной задачей КРИК называл прорыв информационной блокады вокруг Арцаха.

В середине мая в самом центре Москвы, на Манежной площади, Комитет «Карабах» провел митинг протеста против нарушения прав армян в республике. В конечном итоге поднялся довольно большой шум, подключилась западная пресса, международные организации — и операция была приостановлена. Думаю, что в Баку взяли паузу, пытаясь подобрать этому беспределу хоть сколько-нибудь убедительное оправдание. А может, просто решили согласованную с Москвой задачу по депортации армян по периметру НКАО — и на этом остановились.

МЕЖДУ ЭЙФОРИЕЙ И ОТЧАЯНИЕМ

Посредники

Вторая половина 1991 года оказалась богатой на драматические события, изменившие ход истории и создавшие новую геополитическую ситуацию на постсоветском пространстве. Центральная власть, даже сильно ослабевшая, все же служила сдерживающим фактором. Ее окончательное падение привело к полной политической бесхозности на Южном Кавказе и разворачиванию полномасштабных войн. Случившийся в Москве 19–21 августа путч мы восприняли с большим опасением, понимая, что его успех обернется массовыми репрессиями: другим способом вернуть страну в прежнее состояние уже не удастся. Для нас это означало новую волну давления и возобновление депортации армян.

Оргкомитет Поляничко сразу же выступил с заявлением в поддержку ГКЧП. Путчисты считали Карабах фактором, раскачивающим страну, а нас — экстремистами-националистами, которых следует поскорее запереть в тюрьме. Центральной темой для всех в Карабахе стали события в Москве, и мы напряженно следили за их развитием, понимая, что сейчас определяется и наше будущее. Мы жарко обсуждали действия путчистов, особенно фокусируясь на их очевидной неуверенности и нерешительности. Дрожащие руки Янаева не внушали ни страха, ни уважения, и все же... Мы вздохнули с облегчением, когда путч провалился, но понимали, что центробежные силы теперь возрастут и мы окажемся в совершенно новой ситуации.

Начался парад суверенитетов. 30 августа принял решение о своем выходе из состава СССР Азербайджан, после чего возникла интереснейшая ситуация! Дело в том, что Азербайджан объявил не просто о своей независимости, но о «восстановлении азербайджанской государственности 1918–1920 годов». А в те годы Карабах вовсе не входил в его состав! Получилось, что де-юре мы оказались вне этого нового, независимого Азербайджана. Решение о выходе из СССР принималось главным законодательным органом республики, без предшествующего референдума. Никаких переговоров или консультаций с НКАО, конечно, не вели.

Тут же возникал вопрос: а мы? Советская Конституция оговаривала право выхода союзной республики из СССР, и порядок выхода определялся законом, принятым в апреле 1990-го. В нем ясно указывалось, что в таком случае за автономными образованиями сохраняется не только право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в СССР, но и право ставить вопрос о своем государственно-правовом статусе! Даже для компактно проживающих национальных групп результаты референдума должны учитываться отдельно! Требовалось действовать быстро, чтобы не упустить время, пока еще была возможность опираться на Конституцию и законы СССР, и мы не медлили.

2 сентября, через два дня после решения Азербайджана, на абсолютно законных основаниях, в соответствии с Конституцией и законами СССР, на совместном заседании Областного совета НКАО и Шаумяновского районного совета мы объявили о создании Нагорно-Карабахской Республики.

Решение о присоединении к Армянской ССР от 1 декабря 1990 года теряло актуальность. Очевидно, что в случае развала страны правовой основой нашей независимости становилась реализация права на самоопределение. Над декларацией работал я вместе с Кареном Бабуряном⁵⁰. Консультировались с юристами из Института философии и права Армении. Получился очень добротный политико-правовой документ, прошедший испытание временем и ставший основой образования НКР.

Мы создали Республику, но в стремительно меняющейся ситуации сознательно оставили в декларации открытым вопрос выхода или пребывания в СССР. Произошедшее означало, что фактически в процессе распада Советского Союза на территории бывшей Азербайджанской ССР появились два государственных образования: Республика Азербайджан и НКР. Председателем исполкома НКР избрали Леонарда Петросяна.

Вскоре, 21 сентября, в Армении прошел референдум о независимости. При почти стопроцентной явке независимость выбрали 99 процентов участников голосования.

* * *

Это было время, когда Советский Союз вроде бы еще существовал, но глава Российской Федерации Ельцин, бросивший вызов и победивший ГКЧП, стремительно набирал силу: его влияние выходило за рамки Российской Федерации и уже затрагивало многие агонирующие союзные органы.

Решение Ельцина выступить посредником в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта стало одним из проявлений зарождающейся новой геополитической реальности. Представители Ельцина и Назарбаева приехали в Степанакерт на пару дней раньше готовить визит. Сами же президенты прибыли 22 сентября 1991 года. На президентском самолете их доставили из Баку в Кировбад, а уже оттуда — военным вертолетом в Степанакерт. С нашей стороны гостей встречали Леонард Петросян, Олег Есяян и Зорий Балаян, тогда народный депутат СССР. Я в это время находился в здании исполкома. С улицы доносился шум голосов: вся площадь перед зданием настолько плотно заполнилась людьми, что казалось, будто там собрался весь город.

Настроение у всех было торжественное и почти праздничное — с визитом Ельцина многие связывали надежды на перемены к лучшему. Площадь окружали военные, но напряжения, которое обычно возникало в таких ситуациях, не чувствовалось. Люди стояли спокойно, никаких лозунгов не выкрикивали, просто переговаривались

между собой. Многие держали в руках транспаранты с приветствиями в адрес Ельцина и Назарбаева.

Как оказалось, вместе с президентами России и Казахстана прилетел и Муталибов. Появившаяся передовая группа готовящих визит президентов лиц прямо с порога заявила, что во встрече должен участвовать и президент Азербайджана. Мы отказались наотрез. Они попытались выдвинуть условие: не примете Муталибова — не состоится встреча с Ельциным, но мы стояли твердо: нет так нет. Муталибова мы не звали, пусть идет через дорогу общаться с Поляничко. Тогда они потребовали снять со здания исполкома государственный флаг Армении. Говорят Олегу Есяну: «Прикажи, пусть снимут флаг!» Олег ответил: «Если я прикажу, они все флаги снимут, а флаг Армении оставят. Не трогайте. Пусть висит».

Наконец, в сопровождении группы «Альфа» прибыли президенты. Народ на площади очень тепло приветствовал Ельцина, и он, явно не ожидая такого приема, расчувствовался. Они с Назарбаевым вошли в здание исполкома, а Муталибову ничего не оставалось, как отправиться в Оргкомитет. С нашей стороны во встрече с Ельциным и Назарбаевым участвовали Леонард Петросян, Олег Есян, Зорий Балаян и я, а состоялась она в кабинете председателя исполкома. Конечно, накрыли небольшой стол с нашей традиционной тутовкой и закусками.

Для нас самой главной, жизненно важной задачей было предотвратить малейшую возможность использования советских войск против Карабаха. Страна — в подвешенном состоянии: Советский Союз то ли еще есть, то ли его уже нет, и поэтому совершенно непонятно, что будет происходить с союзными войсками в самом ближайшем будущем, — мы стремились максимально обезопасить себя. Обрисовали Ельцину текущую ситуацию: детально, с фактами и цифрами. Рассказали и продемонстрировали на конкретных примерах, что советские войска в Карабахе служат карательным инструментом в руках Азербайджана, рассказали и о том терроре, который обрушился на армянских жителей. Попытались объяснить, что мы вынуждены защищаться и, если ничего не изменить, ситуация

вылется в серьезный вооруженный конфликт с огромными жертвами с обеих сторон.

Ельцин слушал нас очень внимательно, разговор мы вели прямо и откровенно, и мне показалось, что Борис Николаевич искренне сочувствует происходящему и готов нас поддержать. В какой-то момент он подозвал коменданта района — кажется, тогда эту должность занимал Косолапов, — и они несколько минут негромко, почти шепотом, что-то обсуждали между собой, но мы слышали, что Ельцин давал установку сотрудничать с нами.

Договорились, что дальнейшие переговоры будут продолжены на Северном Кавказе, в Железноводске, куда Ельцин с Назарбаевым собирались вылететь на следующий день. Мы предложили гостям тутовку, Ельцин охотно выпил рюмку, Назарбаев воздержался, и все перешли в зал заседаний. Там под председательством Олега Есяна состоялась встреча с депутатами и активом области, точнее, уже Республики — НКР.

Народ на площади все это время не расходился, ждал выхода Ельцина. Мы очень надеялись, что президент согласится выступить перед собравшимися, и на всякий случай приготовили для него импровизированную трибуну: грузовик с опущенными бортами, украшенный коврами и флагами. После встречи, когда мы вышли на улицу и Ельцин увидел, с какой надеждой к нему обращены тысячи глаз, он не смог отказать нам в просьбе и согласился принять участие в спонтанно вспыхнувшем митинге. Забираясь на трибуну, сказал Назарбаеву: «В Баку вот выступать не стали, а тут — давай поговорим с людьми!» И пошутил: хорошо, хоть грузовик, а не танк, как было недавно в Москве. Речь Ельцин произнес короткую, но очень эмоциональную, и я видел, что он по-настоящему тронут теплым приемом. Спустя столько лет, конечно, детали выступления уже стерлись из памяти, но я помню, что он начал со слов: «Мы с нашими братьями-армянами...» — и говорил о том, как он рад, что прилетел к нам и своими глазами увидел настроение людей в Карабахе. Обращаясь к военным, Ельцин призвал их относиться к «братьям-армянам поаккуратнее». После митинга оба

президента вместе с Муталибовым и Поляничко уехали в Шушу, а затем, через Ереван, в Железноводск.

После этого визита мы почувствовали кардинальную перемену в отношении к нам со стороны командования военной комендантуры — его верхушки. Со средним звеном у нас и до этого контакт был хороший, а вот высшие чины относились к нам крайне сдержанно и с опаской. Спецназ же, который всегда держался особняком, подчинялся напрямую коменданту особого района, поэтому его отношение к нам зависело от личности действующего коменданта. При Сафонове оно было особенно плохим, и у нас постоянно происходили конфликты с военными, при других комендантах жилось чуть полегче. Теперь же все резко изменилось. Установка на смягчение режима из уст первого лица новой России сработала практически мгновенно.

Улетая, Ельцин и Назарбаев оставили своих представителей, по одному человеку от России и Казахстана, которым поручили следить за соблюдением законности в республике. Но что эти представители могли сделать в той ситуации? Угон скота, грабежи в деревнях, взятие заложников продолжались по-прежнему. Зато прекратились бесконечные операции по проверке паспортного режима, остановилась волна арестов, да и само общение с военным руководством стало другим — более открытым и доброжелательным. Позже, уже став президентом Армении, я напомнил Ельцину о его приезде в Карабах и рассказал, как минутная установка коменданту радикально облегчила нам жизнь. Он признался, что не знал о такой реакции и очень рад об этом услышать.

* * *

На переговоры в Железноводск мы с Леонардом Петросяном добирались через Армению, вылетев туда сразу после митинга вертолетом, который за нами специально прислали из Еревана. Железноводская инициатива стала первой попыткой начать переговорный процесс и последней — остановить надвигающуюся войну. Кроме Ельцина и Назарбаева на встрече присутствовала

делегация Армении во главе с Тер-Петросяном и делегация Азербайджана: Муталибов, председатель парламента Тамерлан Караев и Гасан Гасанов, министр иностранных дел. Караев произвел на меня впечатление спокойного и уравновешенного человека. Гасанов же вел себя истерично и агрессивно, и общаться с ним было крайне неприятно. Предполагалось, что переговоры завершатся совместным подписанием декларации, но азербайджанская сторона попыталась внести в документ неприемлемые для нас пункты, и мне пришлось выступить с категоричными возражениями. Во время перерыва у меня состоялся короткий и весьма эмоциональный диалог с Гасановым. Они с Караевым подошли ко мне и Леонарду, и Гасанов с вызовом сказал: «Соглашайтесь, пока не поздно! Подумайте о том, что вы будете делать и где окажетесь, когда русские уйдут?!»

Я довольно резко парировал: «Пока русские только вам и помогли! Подождем, пока они уйдут, а там и посмотрим, кто где окажется». Через пару лет, в Москве, на очередном раунде переговоров с участием Козырева, Алиева, Гукасяна и Тер-Петросяна я напомнил Гасанову этот разговор. К этому моменту мы уже одержали внушительную серию побед над азербайджанской армией и наши войска контролировали территорию, вдвое превосходящую площадь НКАО. Глава внешнеполитического ведомства Азербайджана тогда метал молнии в присущей ему экспрессивной манере, поминая «оккупированные территории». «Ну что ты нервничаешь, Гасан? — сказал я ему. — Видишь, чем все закончилось? Русские ушли и, как я тебя предупреждал в Железноводске, кто и где сегодня оказался?»

В Железноводске же тогда по итогам переговоров был подписан «план мирного урегулирования», так называемое и широко известное Железноводское коммюнике, своего рода декларация о намерениях сторон урегулировать конфликт. Но никакого практического смысла оно не имело, и можно сказать, что посредническая миссия Ельцина и Назарбаева закончилась безрезультатно. Уже через день после встречи в Железноводске начались массивные

обстрелы Степанакерта. Азербайджан перешел к открытым боевым действиям против Карабаха.

Референдум

1991 год заканчивался на фоне агонии Советского Союза. Стороны активно готовились к войне, оружия и боеприпасов у всех становилось больше, интенсивность обстрелов и столкновений росла каждую неделю. Попытки комендатуры влиять на происходящее были малоэффективны и сводились скорее к регистрации инцидентов, чем к их предотвращению.

На расследование одного из таких случаев в Мартуни в конце ноября из Агдама отправили вертолет, в котором находились высокопоставленные азербайджанские чиновники, руководители силовых ведомств, депутаты, журналисты и наблюдатели из России и Казахстана. До места назначения вертолет не долетел, потерпев крушение в нескольких километрах от села Каракенд. Проводилось расследование катастрофы, выдвигались разные версии случившегося. Мы до сих пор уверены, что причиной стали плохие метеоусловия: из-за сильного тумана машина задела дерево хвостовым винтом, потеряла управление и рухнула. Азербайджанская сторона утверждала, что вертолет сбила ракета, выпущенная нашими вооруженными отрядами. Комиссия, которая вела расследование, так и не пришла к окончательному выводу. Я не буду спорить и доказывать нашу непричастность — скажу лишь, что в этом вертолете вместе с нашими врагами погибли и те, кого мы считали друзьями³¹. И только по счастливой случайности в него не сел Леонард Петросян, который тоже собирался лететь в Мартуни с группой наблюдателей.

К этому моменту вопросы безопасности поглощали большую часть нашего времени и энергии. Но тем не менее мы должны были завершить процесс оформления официального статуса НКР и сделать все возможное для создания безупречных правовых основ нашей независимости. Для этого решение о создании Республики требовалось закрепить на всеобщем референдуме, а затем избрать

республиканские органы власти и управления. Референдум прошел 10 декабря при поразительной активности населения: явка составила 82 процента — все армянское население Карабаха. Людей не испугал даже непрерывный артиллерийский обстрел Степанакерта и других населенных пунктов. За независимость проголосовали 98 процентов.

Вывод советских войск

Войска простояли у нас всю осень, а 366-й мотострелковый полк — до февраля 1992 года. Хотя Советский Союз уже перестал существовать, войска не могли уйти «в никуда», не имели права покинуть часть по собственному желанию. Военные подчиняются приказам, и они ждали приказа об эвакуации и распоряжения высшего руководства о выводе техники и вооружения — как и куда выводить. Но страна разваливалась, и в охватившем ее хаосе было непонятно, кто и когда может отдать такой приказ, а распоряжения, доходившие до военных, часто противоречили друг другу.

Поляничко вместе со своим Оргкомитетом сбежал еще до вывода внутренних войск, хотя с самого начала обстрелов Степанакерта он и так уже крайне редко появлялся в здании обкома партии. Видимо, почувствовал, что происходящее полностью вышло из-под контроля и ситуация становится опасной. Почувствовал верно: останься он чуть дольше, вряд ли вообще смог бы уехать. Я даже не знаю, когда именно он исчез. Судя по всему, бегство произошло ночью: несмотря на постоянное наблюдение, мы этой срочной эвакуации не видели. Просто в какой-то момент заметили, что вокруг здания прекратилось всякое движение: никто больше не ездит ни туда, ни оттуда, и стало понятно, что внутри пусто. Военные подразделения, охранявшие его, еще какое-то время оставались, а потом и они ушли. Очень скоро в подвале здания обкома расположился первый военный госпиталь в Карабахе.

Официальный вывод войск начался только в декабре 1991 года, после того как Верховные Советы бывших союзных республик

повсеместно заявили о том, что все советское вооружение, находившееся на их территории к этому моменту, становится собственностью самоопределившейся республики. В Нагорном Карабахе располагались четыре военных подразделения: 366-й мотострелковый полк, традиционно стоявший у нас с 50-х годов — я помню его еще с детства; милицейский полк, дислоцированный уже во время конфликта, химбат — батальон химической защиты и погранотряд в Гадруте, обслуживавший советско-иранскую границу.

Первыми уехали комендатуры и внутренние войска. В отличие от военных 336-го мотострелкового полка, они не были обременены ни особым военным имуществом, ни тяжелым вооружением, ни семьями с домашним скарбом. Спецназ, дислоцированный в палаточном городке за чертой города, неподалеку от железнодорожной станции, тоже быстро собрался и незаметно исчез.

Азербайджан, который продолжал считать Нагорный Карабах своим, естественно, претендовал на вооружение расположенных у нас воинских частей. Мы же считали, что оно принадлежит нам. Кроме того, с уходом советских войск исчезал последний фактор, хоть как-то сдерживавший военную агрессию Азербайджана против Карабаха, и мы понимали, что стоим на пороге войны. В такой ситуации мы не могли упускать вооружение дислоцированных у нас подразделений, иначе оно досталось бы Азербайджану и ущерб оказался бы двойным.

Сначала наши отряды взяли под контроль милицейский полк. Там все прошло без инцидентов, очень мирно: мы просто зашли и забрали вооружение, не встретив никакого сопротивления. Оснащение полка оказалось неплохим, мы получили четыре машины БМД*, которые нам оченьгодились в первые месяцы войны, около шестисот единиц стрелкового оружия, автоматы, пулеметы и снайперские винтовки. Точные цифры уже стерлись из памяти, но зато я хорошо помню, как расстроился их командир: просил у нас справку, что вооружение мы у него приняли. Спрашиваю его:

* БМД — боевая машина десанта.

— Зачем тебе справка?

— Да чтобы с прокуратурой проблем не было, а то вдруг под суд отдадут...

— Ладно, — говорю.

Сели с ним, составили список: столько-то автоматов, пулеметов, БМД. Написали, что он все это сдал местным властям, кто-то поставил свою подпись, спрашиваем: «Ну что, все? Тебе это поможет?» — «Поможет, надеюсь», — отвечает. Пожали друг другу руки, и он уехал.

С химбатом и погранотрядом тоже никаких проблем не возникло. Оставался 366-й мотострелковый полк, серьезное и самое крупное подразделение. Помимо стрелкового оружия, в полку насчитывалось около ста боевых машин пехоты, девять танков, полковая артиллерия, противотанковые средства, «Шилки»* и ПЗРК**. С командиром полка, Юрой Зарвиговым, меня связывали хорошие отношения. Абсолютно адекватный человек, он трезво оценивал происходящее и никогда не вмешивался ни в какие политические дела. Основной его заботой оставался личный состав, и Юра старался действовать так, чтобы с ним ничего не случилось. Помимо Юры, у нас было много друзей в полку: офицерами там служили и армяне. Например, Сейран Оганян⁵², ставший впоследствии министром обороны Карабаха, а потом — Армении, в то время командовал батальоном. Еще один офицер, Мовсес Акопян⁵³, командир роты разведки, позже стал министром обороны НКР, а потом и начальником Генштаба ВС Армении. Благодаря им мы вовремя получили информацию о запланированном выводе подразделения. Мы понимали, что не можем отпустить это вооружение ни при каких обстоятельствах. Но нам не хотелось портить отношения с Россией, поэтому мы пытались обойтись без конфликтов.

Видимо, Азербайджан обратился за помощью к России, и в Карабах отправили подразделение российского спецназа

* «Шилка» — зенитная самоходная установка.

** ПЗРК — переносной зенитно-ракетный комплекс.

с генералом, имени которого я уже не помню. От наших друзей из 366-го мотострелкового мы узнали, что его задача — вывести полк, отправив личный состав домой, а вооружение передать Азербайджану. Ничего отдавать Азербайджану мы не собирались. Это оружие уже принадлежало НКР и требовалось нам для собственной обороны.

Первая же попытка спецназовцев вывести из части несколько БМП подтолкнула наши отряды к срочному захвату полка. К сожалению, при этом погиб один человек, но 366-й мотострелковый полк в тот же день полностью перешел под контроль сил самообороны республики. Несколько вывезенных спецназом БМП не успели отъехать далеко: их заблокировали у села Балуджа, куда военные пытались перебросить всю боевую технику для дальнейшего вывода из Карабаха. В итоге спецназовцы просто подожгли эти машины: если уж не получается их вывезти, лучше просто уничтожить. Ситуация могла обернуться большим кровопролитием, поскольку мы отступать от своих целей не собирались. Мы решили встретиться с приехавшей в Степанакерт группой высокопоставленных российских военных чинов во главе с генералом Грековым⁵⁴ и попытаться договориться. На первую встречу, которую организовали дома у одного из наших ребят, поехали мы с Сержем Саргсяном.

Посидели, пообщались. Выпили, конечно. Мы дали понять, что вывезти технику они в любом случае не смогут, мы ее просто так не отпустим. Если они предпримут такую попытку — будем сражаться. Я спросил, готовы ли они, российские военные, воевать с нами ради сомнительной для них цели, по сути — ради укрепления боевой мощи Азербайджана? Ответ меня не удивил: воевать никто из них не стремился. Мы договорились, что они ограничатся тем, что уже сделали: десятком сожженных БМП, а что покажут на бумагах — не наше дело. Могут отчитаться, что всю технику уничтожили из-за невозможности вывоза из Карабаха. Так что в целом, по существу вопроса — о том, что все вооружение полка остается нам, — удалось договориться сразу. Позднее состоялась

еще одна встреча, в которой я уже не участвовал, и переговоры с нашей стороны вел Серж Саргсян. На ней в деталях расписали всю последовательность взаимных действий.

Личный состав 366-го полка уехал — военных организованно вывезли на автобусах до Кировабада и оттуда уже самолетами отправили в Россию. А вооружение осталось — с него началось оснащение зарождающейся Армии обороны Нагорно-Карабахской Республики. Использовали мы и всю инфраструктуру воинских подразделений, доставшуюся нам по наследству, — склады, казармы: теперь там расположились наши бойцы. Несколько советских офицеров полка уезжать не захотели — в основном это были люди, у которых за годы, проведенные в Карабахе, сложилась крепкая дружба с нашими ребятами. Добровольно остались и некоторые сослуживцы Сейрана Оганяна и Мовсеса Акопяна. Нам в то время остро не хватало профессиональных военных, а эти люди искренне хотели помочь. Кто-то уехал через месяц-два, а некоторые задержались дольше и, даже когда уже началась полномасштабная война, участвовали в ней на нашей стороне.

Жизнь под обстрелами

Все это время продолжались обстрелы Степанакерта. Сначала они велись из противораковых установок «Алазань». У обычной ракеты меняли головку — вытряхнув реагент для рассеивания облаков, заменяли его аммонитом: так изобретение, созданное для защиты полей и урожая, превращалось в орудие разрушения и убийства. Позднее, научившись на горьком опыте, мы тоже будем использовать «Алазани» в качестве артиллерийского оружия, но пока — пока оно было направлено против нас. Били по городу из Шуши и соседних с ней азербайджанских сел: благодаря своему расположению, близости от Степанакерта и выше него, они оказались идеальной огневой точкой, откуда беззащитный город был виден как на ладони. Прицельной дальностью это оружие не обладало, поэтому стреляли просто по всей площади.

На смену «Алазаням» очень скоро пришла боевая артиллерия. Азербайджану повезло: на его территории располагалось множество советских воинских частей, три военных аэродрома и окружной склад боеприпасов ЗакВО. Военного добра там хранилось во много раз больше, чем в Армении, и все это сразу стало собственностью Азербайджана.

Из Баку через Лачин вооружение доставлялось в Шушу и в азербайджанские села, расположенные в горах над Степанакертом. Каждую новую поставку мы сразу ощущали на себе: слышали и видели по все более разрушительным последствиям обстрелов. Калибр орудий постоянно увеличивался. Вскоре на города и села НКР обрушили свой огонь «Грады», а в 1992 году к артиллерии добавились еще и авиационные налеты. В некоторые дни только на Степанакерт ложилось по триста-четыреста снарядов, и город был сильно разрушен.

Лишь после взятия Шуши Степанакерт стал недостижим для многих артиллерийских средств, и сразу уменьшилась интенсивность артобстрелов. Но полностью город избавился от них лишь к лету 1993 года, после успешного наступления наших войск на Агдамском направлении. Правда, тогда участились авиационные налеты с использованием как обычных, так и шариковых бомб.

Сейчас я хорошо представляю, что происходит в зонах вооруженных конфликтов: ситуация везде развивается по схожей логике. Нет особой разницы, где вспыхивает конфликт: на Украине ли, в Донецке или в Сирии. Мне понятно, как себя ведут и что чувствуют люди, долго живущие под обстрелами, в зонах боевых действий. Со стороны может показаться, что они находятся в атмосфере постоянного ужаса. Возможно, мои ощущения субъективны, но я уверен, что это не совсем так. Нарастание конфликта, напряженности, интенсивности обстрелов происходит не в один момент. Привычный жизненный уклад ухудшается постепенно, опасность становится частью повседневности, естественной средой. Люди живут с ощущением постоянной тревоги, но это уже не страх.

Так же развивалась ситуация и у нас.

Поначалу, когда нас обстреливали из «Алазаней» и в основном по ночам, город еще пытался вести обычную жизнь, взрослые по-прежнему ходили на работу, а дети — в школу. Правда, тех, кто пережил эти обстрелы, до сих пор передергивает при воспоминании о специфическом чмокающем звуке падающей и разрывающейся «Алазани» — «Тсчяк!». Потом появлялось более мощное оружие, увеличивались частота и интенсивность обстрелов, возрастала степень опасности, но люди приспособлялись и к этому — перебирались в наименее опасные районы, уходили жить в подвалы.

Мы с детьми несколько лет прожили в подвале, как и многие семьи в Степанакерте. Мало кто смог вывезти своих родных в относительно безопасные села. Жители домов, где не было подвалов или которые оказались в самой простреливаемой зоне, перебирались к соседям, в более безопасные места. Наш небольшой, всего с четырьмя квартирами, двухэтажный дом стоял в относительно удачном месте. Хотя в него пару раз и попадали снаряды, серьезных разрушений они не нанесли. Владельцам каждой квартиры принадлежало отдельное помещение в подвале, и в нашем постоянно жили три-четыре семьи из соседних домов.

Для большей безопасности маленькие окна подвала изнутри обложили мешками с песком, которые защищали от осколков. Кроватей, конечно, на всех не хватало, на них спали дети. Остальные устраивались, как могли. Например, снятая дверь служила кроватью для моей жены, ее сестра спала на щите от теннисного стола — когда-то, в мирное время, мы играли на нем в пинг-понг. Женщины старались и в таких условиях создать уют: развесили на стенах ковры, а на Новый год даже наряжали елку. Ковры служили дополнительной теплоизоляцией: зимой у нас сыро, и стены становились ледяными от холода. Спали мы в одежде, мерзли, хоть и поставили в подвале жестяную печку. Электричества в городе уже не было, пользовались керосинкой. Так и жили все вместе года два. Впрочем, наша коммуна оказалась не самой многочисленной: в некоторых домах с просторными подвалами одновременно помещались и по пятнадцать-двадцать семей.

Человек ко всему привыкает и приспосабливается.

На время артиллерийских атак все прятались по подвалам, а как только наступала тишина, жизнь возвращалась. Люди выходили на улицы и как ни в чем не бывало принимались за дела: что-то ремонтировали, восстанавливали разрушенное, убирали мусор. В эти короткие промежутки женщины умудрялись, поднявшись из подвалов в дома, быстро испечь хлеб. Пекли, с опаской передвигаясь по квартире, торопясь закончить до нового обстрела.

У меня плохо получается выражать эмоции, почему-то я этого стесняюсь. Спросил жену, что она помнит о том времени, было ли ей страшно. Она рассказала: «Был, наверное, страх. Но не просто страх: вместе с ним была и уверенность в победе, уверенность, что мы должны пройти через это. Помню свой день рождения — 31 января 1992 года. Мы с сестрами сварили плов, я ждала подруг, и в это время начался сильнейший обстрел. Жуткий! Было очень страшно! Никто, конечно же, не пришел. Мы спустились в подвал, и вдруг я подумала: “Чего я боюсь? Ведь все когда-нибудь умрем...” И это помогло! Страшнее всего на самом деле сам страх, потому что он сковывает, парализует человека. На следующий день я поднялась и начала гладить белье, напевая как ни в чем не бывало. Мне казалось очень важным, чтобы все шло как раньше. Дети всегда ходили опрятными. Несмотря на нехватку воды, мы купали детей, потом в этой воде стирали белье и даже гладили его. Надо освободить себя вот в таких экстремальных ситуациях — освободить от страха. Но за детей, конечно, я боялась...»

Дети на войне очень быстро взрослеют. Мой десятилетний сын ходил под обстрелами за водой. Он приспособил для этого старую детскую коляску: снял с нее верх, поставил вместо него большой алюминиевый бидон, и получилось что-то вроде тачки, с которой он вполне справлялся. Изобретение не было новым — подобные кадры с детьми, везущими на колясках ведра и бидоны, все мы видели давным-давно в фильмах о Великой Отечественной войне. Иногда в то время, когда сын вместе с другими детьми шел за водой, внезапно начинала работать артиллерия из Шуши. Дети мгновенно

ориентировались и очень быстро научились находить подходящие укрытия. Спрячутся, отсилятся, а потом, когда все утихнет, идут дальше.

Во время одного из особенно интенсивных обстрелов, 20 февраля 1992 года, осколком снаряда ранило мою жену. Стреляли из села Кесалар. Белла собиралась что-то взять из квартиры, вышла из подвала, и, пока она поднималась по лестнице, начался очередной обстрел. Снаряд разорвался во дворе, но через открытую дверь в подъезд влетел осколок, рикошетом отлетел от стены и попал в Беллу. В этот момент она стояла как раз напротив квартиры нашей соседки, и та втащила ее, раненую, к себе. Оказалось, ранение в бедро. Сквозное, серьезное. К счастью, кость не задело. Быстро отправили Беллу в госпиталь, сообщили мне по рации. Я примчался туда, когда ее как раз оперировали. Электричеством от маленького движка освещалась только комната, где шла операция, в остальной части подвала — бомбоубежища здания обкома партии, в котором тогда размещался госпиталь, — мерцал тусклый свет керосиновых ламп.

Через несколько дней, как только Белла немного пришла в себя, я ее отправил вместе с детьми к родственникам в деревню лечиться и восстанавливаться. Отправил на пару месяцев, несмотря на ее сопротивление, — в Степанакерте как раз начались особенно жестокие обстрелы, я почти не появлялся дома, а Белла нуждалась в уходе.

Все эти годы моя семья оставалась рядом со мной. Конечно, я мог бы перевезти своих близких в Армению, где они находились бы в безопасности. Такая возможность была у многих, ведь почти все имели в Армении родственников. Мы обсуждали эту тему в кругу лидеров движения. Некоторые говорили, что если семья в безопасности, то мужчина может всецело отдавать себя службе. Я же считал, что эвакуация семей подорвет у карабахцев веру в успех: раз руководители вывозят детей и родных, значит, они сами сомневаются в победе. В критических ситуациях, особенно на войне, доверие людей чрезвычайно важно, и мы не хотели его терять. К тому же нет более сильной мотивации воевать

до последнего, чем чувство, что ты защищаешь собственную семью с оружием в руках. Мы не принимали никакого специального решения, но между собой договорились не вывозить свои семьи.

Азербайджан воевал за территорию, на которой мы жили. Мы, карабахцы, ему были не нужны. Обстрелы населенных пунктов в глубине Карабаха должны были напугать нас и заставить навсегда покинуть нашу землю. Именно так мы воспринимали происходящее. Сегодня я могу признаться, что решение оставить своих детей, жену и мать в Карабахе в годы войны было самым трудным из всех, которое мне когда-либо приходилось принимать в жизни.

Выборы в парламент

В конце декабря 1991 года состоялись выборы в парламент НКР. Несмотря на то что они проводились на фоне разворачивающихся военных действий, под постоянными артиллерийскими обстрелами, многие пришли голосовать, и большинство депутатов выбрали в первом же туре. Азербайджанские районы, представителям которых предназначались десять мест из восьмидесяти одного, участвовать в выборах отказались. Конечно, парламентское правление в тот период было не самой удачной формой, но времени для обсуждений не осталось и мы просто скопировали модель, которая применялась в Армении. В стране шла реальная война, и мы не могли предугадать, насколько эффективным окажется такой подход. Раньше мы не имели дела с государственным управлением: занимались партийной работой, умели взаимодействовать с людьми, обладали организационными навыками — и все. Мы понимали, что стране срочно нужны собственные законные органы власти, но все наши представления о них основывались на прошлом, советском опыте.

В предвыборной деятельности я не участвовал — мне было не до выборов. Я занимался организацией обороны Мартунинского района и весь этот период безвылазно провел там. На встречи с избирателями не мог не то что ездить, а даже вспомнить о них не успевал.

Помню лишь, что подписывал бумагу о своем согласии баллотироваться, с которой ко мне кто-то приехал от имени жителей одного из районов Степанакерта. Но, несмотря на это, меня все же избрали депутатом. Мой конкурент — девушка, имени которой я уже не помню, — не набрала голосов. На первое заседание парламента я опоздал, примчавшись прямо из Мартуни, и даже не успел зайти домой переодеться, так и вошел в военной форме. В этот день выбирали председателя парламента, и как раз шло обсуждение. Атмосфера в зале мне показалась несколько напряженной, странной, но я не сразу понял почему. Сел, наблюдаю за происходящим, слушаю речи, звучащие с трибуны, разговоры в зале, и вдруг — по отдельным репликам, по реакциям, по выступлениям понимаю: ого, оказывается, в парламенте-то у нас большинство дашнаков!

Для меня это стало полнейшей неожиданностью.

* * *

Одна из самых старых армянских партий, созданная около ста лет назад, — «Дашнакцутюн» объявилась у нас в 1988 или 1989 году. В Карабах постоянно приезжали их эмиссары, создавали свои структуры, формировали ячейки: активно занимались партийным строительством. Для них этот процесс был очень важен, поскольку в советский период «Дашнакцутюн» действовала только за рубежом. Ее усилия в основном сконцентрировались на общинной работе, дашнаки успешно конкурировали с другими армянскими партиями за влияние на армянские общины и, как правило, доминировали. Многие десятилетия такого существования сформировали у «Дашнакцутюн» представление о себе как о некой форме национальной власти, и доля истины в этом была. Дашнаки несомненно сыграли важную роль в сохранении национальных устремлений и традиций в диаспоре. Теперь они нацелились на власть в независимой Армении, где начали активную деятельность, и частью их стратегии был Карабах.

Длительная работа за рубежом партии с революционной идеологией, причем в странах с очень разными моделями государственного

устройства, от Ближнего Востока до США, придала определенную специфику как ее структуре, так и методам работы. Существовало два типа членства: открытый и скрытый партиец, практиковались секретные процедуры вступления в «Дашнакцутюн» с клятвой на оружии, сохранившиеся еще с начала XX века. В наше время старинные обычаи, подпитываемые революционной романтикой, казались нелепыми — в собственной стране, к тому же воюющей, — и постепенно они отмирали. Психологически для дашнаков 90-х годов значимость партийной структуры так и осталась первичной, а претензия на власть воспринималась ими как нечто естественное: кто, как не «Дашнакцутюн», старейшая армянская партия, возьмет на себя ответственность за будущее Армении?

Мы же никаких партий не создавали и не собирались этого делать. Я считал это в той ситуации абсолютно неприемлемым: надо было защищать Карабах, а не драться между собой за власть. К тому же все наше время уходило на решение вопросов безопасности. Безусловно, нам требовался парламент, но как собственный легитимный орган власти, а не как арена внутривосточной борьбы. Мы неоднократно обсуждали это между собой, и большинство из нас понимало, что после войны, конечно, будут создаваться партии, будет политическая конкуренция, но — не сейчас.

Как выяснилось, в «Дашнакцутюн» думали по-другому. Они активно занимались партийным строительством, создавая структуры во всех районах республики. В отличие от нас, они сделали своим приоритетом победу на выборах, а мы, как оказалось, выборы полностью упустили, хотя наше влияние в НКР было доминирующим. Дашнаки выставили кандидатов по большинству избирательных округов, не раскрывая их партийной принадлежности. Многих из них мы поддержали, не зная, что они скрытые дашнаки, и вообще не догадываясь о происходящем. Очевидно, что этот обман являлся частью предвыборной стратегии, и это нас сильно задело. История оставила в душе неприятный осадок, и, хотя мы и продолжали общаться с дашнаками, доверие к ним пропало, отношения стали формальными.

* * *

Когда начались выборы председателя Президиума Верховного Совета, кто-то попытался выдвинуть мою кандидатуру, но я отказался наотрез. Я и раньше не представлял себя в роли члена парламента; теперь же решил однозначно, что в такой атмосфере не хочу и не стану работать. Со своей стороны мы предложили Леонарда Петросяна, человека, имевшего большой управленческий опыт, но большинством голосов был избран Артур Мкртчян.

Артура я знал хорошо.

Хороший парень, позитивный, очень светлый, обаятельный, мягкий, интеллигентный. Личность сама по себе интересная, но, как мне представлялось, совершенно не подходящая на роль лидера, особенно сейчас, в военное время. Кандидат наук, историк, до войны Артур работал директором маленького музея в райцентре Гадрут, в котором было всего два сотрудника. Харизматичности, управленческого опыта и волевых качеств, необходимых для влияния на людей, ему явно не хватало. В должности председателя парламента ему пришлось нелегко. Не зная, как решать стоящие перед ним задачи, Артур часто спрашивал у меня совета, интересовался моим мнением о тех или иных вопросах. Человек умный, тонкий и чувствительный, он, конечно, ощущал себя неловко в сложившейся ситуации.

Не только председатель парламента чувствовал себя беспомощным, избранный Верховный Совет тоже оказался органом символическим. Реальной власти он так и не получил, поскольку не имел возможности управлять происходящими событиями или хотя бы воздействовать на них. Даже влияние на сформированную им же исполнительную власть было чисто формальным. Отношения с руководством Армении также не сложились из-за конфликта между правящим АОДом и партией «Дашнакцутюн». В результате все видели, что вроде бы номинально Верховный Совет есть, но он не способен контролировать в Карабахе ничего, кроме своей же деятельности. Парламент существовал сам по себе, а реальные события — сами по себе.

Несколько раз со мной встречались разные делегации, как-то домой приехал наш епископ Паргев, уговаривал меня стать заместителем председателя Президиума ВС. С таким же предложением обращался и сам Артур. Я не соглашался: «Нет, не хочу. Вы же понимаете, что формально я стану как бы заместителем, а фактически, по степени моего влияния, — лидером. Как только я там появлюсь, вся власть сконцентрируется на мне и я просто деформирую иерархию Президиума ВС».

Это было правдой, но основной внутренний мотив моего отказа все-таки состоял в другом. Я не мог перешагнуть через барьер недоверия, которое появилось после истории с выборами и усилилось в последующие дни. Артур пригласил меня на встречу и явно хотел сгладить ситуацию, восстановить прежние доверительные отношения. Я пристально посмотрел ему в глаза и задал прямой вопрос: «Артур, я не могу понять и хочу услышать от тебя: ты все-таки дашнак или нет?» Он немного замешкался и ответил, что нет! А я уже успел выяснить, что он член партии, причем давно. Его ответ разочаровал меня еще больше. Естественно, восстановить доверие не удалось, а без него нормальные отношения и сотрудничество выстроить невозможно.

Может быть, дай мне тогда Артур честный ответ — я бы принял другое решение.

Председателем парламента Артур Мкртчян оставался недолго. Через несколько месяцев после своего избрания, весной 1992 года, он погиб в результате несчастного случая у себя дома, в присутствии жены. Чистил оружие после того, как накануне стрелял по мишени, и не заметил, что там остался патрон...

Исполняющим обязанности председателя Президиума ВС стал Георгий Петросян.

Комитет самообороны

Верховный Совет сформировал Совет Министров, председателем которого назначили Олега Есяяна. Задачи перед правительством

стояли тяжелейшие, а ресурсы на их решение были крайне скудными. Любопытно, что при абсолютном большинстве «Дашнакцутюн» в Верховном Совете в правительстве не оказалось дашнаков. Все известные партийные активисты предпочли занять ключевые позиции в Президиуме Верховного Совета.

Олег, человек хорошо образованный, контактный, с незаурядным чувством юмора, умеющий строить личные отношения, имел экономическое образование. В прошлом он преподавал в вузе, имел опыт управленческой работы областного масштаба. Мы успели с ним сдружиться и активно общались и сотрудничали многие годы. Одним из первых решений Есяяна на посту главы правительства стало создание Комитета самообороны, руководителем которого назначили Сержа Саргсяна, а его заместителем — Самвела Бабаяна. Так впервые была формализована деятельность по координации сил самообороны — работа, которой и Серж, и Самвел уже давно занимались без официального статуса. В то время Комитет самообороны представлял собой самую влиятельную и значимую структуру в Карабахе: там концентрировались все основные ресурсы, и во многих вопросах гражданские власти не могли без нее обойтись.

Сначала комитет располагался в одном из зданий в центре города, но вскоре переехал на окраину Степанакерта, в помещение бывшего детского сада, который уже давно не работал. Параллельно с ведением боевых действий, буквально на ходу, мы создавали армию Нагорного Карабаха. Требовалось сгруппировать все наши возможности, объединить все отряды и на их базе создавать боевые армейские структуры — роты, батальоны, полки. Необходимо было подчинить всех единому командованию. Состав вооруженных сил оставался очень неоднородным. Основной их костяк составляли отряды самообороны, созданные когда-то жителями для защиты своих населенных пунктов. К началу войны за плечами у этих ребят уже было несколько лет подполья, обладали они и опытом ведения оборонительных действий, партизанской войны. Многие из них вскоре стали командирами рот, батальонов и полков в армии обороны Нагорно-Карабахской Республики. Кроме наших местных,

воевали у нас и постоянно сменяющие друг друга добровольческие отряды из Армении. Обычно они приезжали специально для участия в конкретной операции, а после ее завершения часть бойцов уезжала, часть оставалась. Этот фидаинский подход сейчас, когда интенсивность военных действий стремительно нарастала, становился неэффективным, и требовалось срочно от него уходить.

К 1992 году в наших войсках начали появляться профессиональные военные. Представьте: человек всю жизнь служил в каком-то уголке Советского Союза. И вдруг страна распалась, перестала существовать, его военную часть расформировали. Все, что он в жизни умеет делать и к чему привык, — это служить в армии и подчиняться командованию, а теперь стало непонятно: где служить, кого считать командованием, кому подчиняться? Никакого союзного министерства обороны уже нет и что делать этому человеку? Он возвращается домой, в Армению, идет в министерство обороны, и оттуда его отправляют в Карабах. А кто-то и сам приезжал к нам, безо всяких назначений, потому что был отсюда родом. Так у нас появились Аркадий Тер-Тадевосян⁵⁵ (по прозвищу Коммандос), артиллерист Жора Гаспарян, зампотех Вячеслав Уснунц и многие другие. Получилось необычное сочетание: наши бойцы, отслужившие срочную службу в Советской Армии и накопившие боевой опыт в партизанской войне, и профессиональные военные, которые обучались военному искусству, но никогда не воевали в подобных условиях. Их готовили к ведению совсем других войн. Но одно дело — когда друг с другом сталкиваются две армии, и совсем другое, когда в операции участвуют и армия, и разрозненные отряды, и ополченцы. Профессиональные знания военных, их умение обращаться с военной техникой, знание тактических принципов постепенно синтезировались с простой смекалкой и здравым смыслом, которыми в избытке обладали наши местные бойцы и которые были необходимы в этой пока еще «полупартизанской» войне.

Происходило взаимное влияние: бывшие партизаны набирали опыт, знания, учились использованию военной техники, дисциплине, получали навыки, которыми владели профессиональные

военные. Те же, в свою очередь, оказавшись в новой и незнакомой для себя ситуации, учились той тактике ведения боевых действий, которая ей соответствовала. Результат получился интересный: прямо на глазах наши ребята становились профессиональными военными, а профессиональные военные становились немножко партизанами. А еще через некоторое время все окончательно смешалось и разделение на профессионалов и непрофессионалов исчезло. Это было естественно: если человек, даже не имеющий военного образования, воюет уже год-полтора, то он неизбежно становится профессионалом. Вероятно, он не сможет сделать расчеты, наверняка не стал за это время специалистом в военной топографии, но местность он знает лучше того, кто умеет читать карты.

Когда у нас появились средства ПВО, все преподаватели Степанакертского педагогического института с кафедры математики и физики поголовно стали пэвзошниками или артиллеристами. Для ведения артиллерийских расчетов знание математики оказалось весьма кстати. Переквалифицировались они быстро — вот что значит высшее техническое образование! Взяли в руки учебники и по ним освоили азы этой науки, а в остальном здорово помогли разобраться приехавшие к нам офицеры-армяне и наши друзья — военные, задержавшиеся после вывода союзных войск. А еще чуть позже у нас появился уникальный специалист, благодаря которому мы подняли нашу артиллерию на совершенно иной уровень.

Христофор Иванович Иванян⁶, советский генерал, артиллерист, приехал к нам из Ленинграда в самом начале войны. Приехал, как он сам говорил, просто взглянуть, что у нас происходит, а остался на несколько лет. Опытom обладал огромным, прошел всю Великую Отечественную войну, был награжден орденами и медалями. После войны служил начальником артиллерии в дивизии, занимал различные высокие командные должности. Человек действительно феноменальный! В свои семьдесят — казалось бы, уже старик — он обладал столь неумной энергией, что ей могли бы позавидовать молодые. Генерал влезал во все дела, участвовал во всем происходящем, дважды его машина подрывалась на минах, но как только

он приходил в себя, тут же снова рвался в бой и лично участвовал в операциях, несмотря на возраст. Иванян был асом в артиллерийском искусстве, активно занимался обучением наших бойцов, и до сих пор именно благодаря ему Карабах может гордиться своей артиллерийской школой.

В целом картина, которую представляли собой наши вооруженные силы к началу 1992 года, была довольно пестрой, и теперь Комитету самообороны предстояло сконцентрировать и объединить все отряды под своим началом. Кроме того, в обязанности комитета входило снабжение отрядов вооружением и боеприпасами, а также планирование и координация военных действий.

Неудивительно, что руководителем комитета выбрали Сержа Саргсяна: он уже года три активно занимался отрядами самообороны, хорошо знал всех командиров и тонкости взаимоотношений между ними. Опыт партийно-комсомольской работы и терпеливый характер позволяли ему строить доверительные отношения с непростым и весьма разношерстным в то время составом руководителей отрядов, как карабахских, так и прибывающих из Армении. Трудолюбие и готовность вникать в детали помогали управлять сложным процессом материально-технического снабжения в ситуации, когда армия еще структурно не оформилась, но обеспечивать отряды всем необходимым уже требовалось.

Таким же органичным было и назначение Самвела Бабаяна. Военного образования Самвел не имел, но он обладал особой внутренней силой, харизмой, заставлявшей людей подчиняться ему, умением четко ставить задачи и предельно жестко требовать их выполнения. Именно эти качества на войне становятся чрезвычайно ценными, особенно если есть острая необходимость объединить все отряды в жесткую армейскую структуру. Остальные командиры Самвела уважали и побаивались. Отсутствие специальных знаний компенсировалось его интуицией и смелостью. При разработке операций он часто предлагал неожиданные и дерзкие решения, которые никому другому и в голову не могли прийти: «Вот так можно пойти, вот так давайте сделаем, а потом вот так!» Его абсолютная

уверенность в успехе заражала всех, хотя сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что многие из идей Самвела включали в себя изрядную долю авантюры. Азартность была у него в характере, а уровень риска часто оказывался весьма высоким; однако, несмотря на это, предложенный им план чудесным образом приводил к успеху. В комитете Самвел выполнял всю непосредственную работу с отрядами по разработке и организации военных операций. Разделение обязанностей между ним и Сержем произошло само собой, естественно, под влиянием текущих событий.

Позднее, в начале 1993 года, когда шел процесс активного преобразования отрядов в армейские структуры, отношения между ними осложнились. Некоторые командиры принялись лавировать между Сержем и Самвелом, что в корне противоречило армейскому принципу единоначалия. Ситуация разрешилась сама собой, когда Вазген Саргсян попросил направить Сержа на пару месяцев в Москву для налаживания системных отношений с Минобороны и Генштабом России. А когда в августе 1993 года с поста министра обороны Армении ушел в отставку Вазген Манукян, я получил звонок от Тер-Петросяна: «Если я заберу Сержа в Армению министром обороны, как ты на это посмотришь?» Я, конечно, обрадовался и сразу согласился: чем больше карабахцев займет в Армении должности, связанные с обороной, тем теснее будет наше сотрудничество.

Правда, и ответственность за военные успехи и провалы полностью ложилась на карабахцев.

Штурм Ходжалу

Руководство Азербайджана пыталось решить карабахскую проблему «демографически»: резко нарастить в области численность азербайджанского населения. Переселенцев привлекали всевозможными субсидиями и льготами, но, несмотря на все усилия властей, азербайджанцы очень неохотно селились в уже слишком беспокойном Карабахе. Тогда туда отправили турок-месхетинцев — тех

самых беженцев, которые из-за этнических конфликтов и погромов были вынуждены покинуть Среднюю Азию в 1989 году и получили приют в Азербайджане. Именно турки-месхетинцы стали новыми жителями Карабаха: в течение всего 1990 года их активно расселяли в области. Некоторым сразу же давали готовое жилье в бывших армянских селах, откуда перед этим депортировали местных жителей, остальным помогали деньгами и стройматериалами. Особенно энергично застраивались азербайджанские села вокруг Степанакерта. Новые кварталы росли как грибы в Малибейли, Кесаларе, Гасанабаде. Именно на заселение Карабаха Азербайджан потратил практически все деньги, выделенные тогда Москвой на «социально-экономическое развитие НКАО».

Главным центром внимания для азербайджанского руководства стало село Ходжалу. Особую важность селу придавало географическое расположение: неподалеку от единственного в Карабахе аэропорта. Благодаря целенаправленным усилиям азербайджанского руководства Ходжалу за полтора года превратилось из маленькой деревушки в городок. Строили его ударными темпами, все необходимые грузы доставляли под конвоем внутренних войск СССР через Аскеран, по небезопасной уже тогда, но самой короткой дороге: спешили.

К 1991 году население Ходжалу увеличилось до 6500 человек, а само село разрослось во все стороны так, что из-за близости домов к взлетной полосе появился предлог для закрытия аэропорта «по соображениям безопасности». А один из новых районов Ходжалу выполз прямо на дорогу, ведущую из Степанакерта в райцентр Аскеран, и полностью перекрыл по ней проезд. Теперь попасть в Аскеран стало невозможно.

Нам пришлось проложить объездной путь через горы. Мы нашли заброшенный лет сто назад проселок, слегка расширили его и укрепили. Получилась сносная, хотя и экстремальная, грунтовая дорога, которая поднималась из долины до самой вершины горы и по другому ее склону уходила вниз к Аскерану. Эта дорога надолго стала для нас единственной связью с райцентром.

Взятие Ходжалу, расположенного всего в десяти километрах от Степанакерта, представляло для нас стратегически важную цель. Помимо того что Азербайджан превратил его в серьезный военный укрепленный район, заблокировавший единственный в Карабахе аэропорт и дорогу к нашему райцентру Аскеран, имелись и другие веские причины. Регулярная артиллерийская стрельба по Степанакерту из установленных в Ходжалу орудий приводила к многочисленным жертвам и разрушениям. В городе был сосредоточен большой контингент войск и подразделения азербайджанского ОМОНа, бойцы которого постоянно нападали на близлежащие населенные пункты, убивали и захватывали в заложники мирных жителей. Дилемма была очевидной: либо мы берем Ходжалу, либо теряем райцентр Аскеран с несколькими армянскими селами.

Маховик войны набирал обороты, и жизненно важным вопросом безопасности стало установление контроля над внутренними этническими анклавами в Карабахе. Почти все азербайджанские села внутри Карабаха за три года превратились в военные опорные пункты с большой концентрацией вооружения и военных. Внутренние войска СССР и комендатуры следили за использованием дорог и сдерживали открытые столкновения, однако после их ухода борьба за анклавы и дороги оказалась вопросом нашего выживания. Превращение деревень в крепости объяснялось заботой о безопасности, но на деле обернулось прямой угрозой для их жителей. Размещение в населенных пунктах боевой техники и артиллерии подвергало опасности живущих там людей. Если из этих деревень идут постоянные обстрелы, разрушающие наши города и села, то, конечно, они сами становятся целью для армянских отрядов. Взятие Ходжалу стало задачей первостепенной важности. Операцию назначили на конец февраля.

Впервые сборным силам, состоящим из различных отрядов, предстоял совместный штурм крупного населенного пункта, где все еще проживало гражданское население. Наши ребята рассчитывали добиться военного успеха с минимальными потерями и по возможности избежать жертв среди гражданских. Командиры

отрядов самообороны и тогда еще немногочисленные профессиональные военные, вовлеченные в национально-освободительное движение, собрались в здании военкомата, чтобы обсудить операцию. Для людей, взявших оружие в руки по зову сердца, и советских офицеров-армян, вставших у истоков формирования армии обороны НКР, это был период сложной притирки друг к другу — то и дело возникало недопонимание. Когда в конце обсуждения один из офицеров закончил свой доклад фразой «наши потери могут достигнуть двадцати процентов личного состава» (так его учили планировать в военном училище и в академии), сказанное не на шутку возмутило командиров отрядов. Они переглянулись между собой. «Э-э-э... о чем это он? — воскликнул Каро Бабаян. — Это же мы сколько человек положим? Еще три-четыре деревни возьмем — и кончимся, что ли?!» Остальные тоже отреагировали весьма эмоционально. Когда я узнал о случившемся конфликте, мне пришлось поговорить с офицером — объяснить, что отряды сформированы не приказами сверху. В них объединялись друзья из одного квартала или из одной деревни, выросшие вместе, одноклассники, родственники, для которых двадцать процентов — это не просто абстрактные цифры, а конкретные и близкие люди.

Каро Бабаян был ранен в бою при штурме Ходжалу, но его отряд провел операцию без потерь. Я навесил Каро в госпитале днем позже, и мы вместе остряли, обыгрывая тему двадцати процентов, хотя из-за ранения Каро с трудом мог смеяться.

* * *

Всю войну мы прилагали большие усилия, чтобы избежать жертв среди гражданского населения. Всегда оставляли коридор, по которому люди могли свободно уйти до начала штурма. Случалось, что мы временно останавливали боевые действия, чтобы дать возможность гражданским покинуть опасную зону. Точно так же мы действовали и в Ходжалу. Более того, азербайджанское руководство

заранее знало о запланированной операции и у него оставалось достаточно времени для эвакуации населения. Мы видели, что несколько раз в Ходжалу прилетали вертолеты, но только потом узнали, что они доставляли боеприпасы, а вывозили вовсе не людей, а какое-то имущество. За несколько дней до штурма города наши отряды окружили его с трех сторон, оставив открытой пойму реки Каркар. Наши военные по-прежнему давали жителям возможность покинуть город и призывали их к этому, методично оповещая и по радио, и через мощные мегафоны о предстоящем наступлении. Эти призывы оставались без внимания, и, только когда в ночь с 24 на 25 февраля начался штурм, после нескольких часов ожесточенного боя по оставленному нами гуманитарному коридору в темноте, в спешке и панике побежали местные жители, а вместе с ними и защитники города — местные вооруженные отряды и ОМОН. По уходящим наши отряды не стреляли, и все они беспрепятственно покинули Ходжалу.

А утром большинство этих людей обнаружили убитыми. Трагедия произошла не в самом Ходжалу, а за несколько километров от него, на границе Аскеранского и Агдамского районов, у села Нахичеваник, между нашими и азербайджанскими постами. Кто и зачем повел туда людей? Почему они оказалась ночью на стыке наших позиций с азербайджанскими, а вовсе не там, где предлагался коридор для выхода гражданских? Все жертвы трагедии погибли именно здесь.

Всех нас шокировало случившееся. Пытаясь понять, что же произошло, я долго расспрашивал наших командиров отрядов, ответственных за оборону Аскеранского участка, и других очевидцев. По их словам, никто не понимал, что творится вокруг: царил полная неразбериха, по этой зоне вели огонь и наши минометы, и минометы противника — все стреляли по всем. Позже анализ радиоперехвата показал, что ночью азербайджанцы приняли толпу гражданских и ОМОНа за продвижение наших отрядов, а наши войска решили, что это азербайджанские отряды из Агдама идут на помощь защитникам Ходжалу. Это происходило

в начале 1992 года, в то время когда и мы, и азербайджанцы еще только приобретали военный опыт, а приборов ночного видения у нас тогда, разумеется, не было. Обе стороны в темноте приняли движущуюся массу за наступающего противника и начали стрелять. Люди оказались под перекрестным огнем, к тому же шли они, сбившись в толпу, и любое прямое попадание многократно увеличивало количество жертв. Кроме того, передний край позиций, куда они вышли, всегда минировался обеими сторонами, и уцелевшие при перекрестном обстреле подрывались на противопехотных минах.

Существует точка зрения, что беженцев привело в опасное место не роковое стечение обстоятельств, а вполне сознательные действия НФА Азербайджана с целью дискредитировать Муталибова и добиться его отставки. По крайней мере, в одном из своих интервью он прямо обвиняет их в этом. Возможно, так и было, но я все же склонен считать причиной случившегося стечение обстоятельств, которое впоследствии использовалось для достижения политических целей, а именно для смены власти в Азербайджане. Как бы то ни было, это событие — большая трагедия. Это единственный за всю историю войны случай, когда при проведении карабахцами войсковой операции погибло неоправданно много мирных жителей.

* * *

Когда наши отряды вошли в поселок, который считали оставленным, они неожиданно обнаружили в новом, только что отстроенном районе группы напуганных людей — пожилых мужчин, женщин, детей. По одежде, заметно отличавшейся от принятой у азербайджанцев, наши бойцы сразу узнали недавних переселенцев — турок-месхетинцев. То ли про них просто забыли и не сказали, что надо уходить, то ли они не смогли тронуться с места от страха. Их было человек сто тридцать – сто сорок, и, слава Богу, никто не пострадал. Судьба опять оказалась к этим людям несправедлива и жестока: совсем недавно их прогнали из родных мест, и вот

теперь, уже во второй раз, они оказались в пекле. Как власти могли поселить несчастных беженцев в эпицентре конфликта?

Занималась ими Жанна Галстян. Людей разместили в административном корпусе автобазы, кормили, как могли: еды нам самим тогда едва хватало. Обратились за помощью в Красный Крест, я провел с ними переговоры, и через пару дней на границе с Агдамом мы передали им всех спасенных.

Первая миссия Международного комитета Красного Креста приехала к нам в конце 1991 года или в начале 1992-го, и с того момента до самого конца войны они оставались в Карабахе. Раньше мне никогда не приходилось сталкиваться с этой организацией, и я впервые увидел, как они работают, как борются с негативными проявлениями в отношении военнопленных. Профессионализм и увлеченность сотрудников Красного Креста своим делом заслуживают самой высокой оценки и вызывают искреннее уважение. Война всегда провоцирует жестокость, но присутствие Красного Креста помогало ее сдерживать. Уже будучи председателем ГКО и понимая, что содержание пленных — тема очень деликатная, любой промах может запятнать нашу репутацию, я обеспечил к пленным беспрепятственный доступ представителей миссии. Сам встречался с ними регулярно: если им что-то не нравилось или возникали проблемы, они всегда обращались ко мне. Помню, как-то раз приходит ко мне представитель миссии и говорит: «Пленных плохо кормят». Спрашиваю: «Как, с чего вы взяли? Они жалуются?» — «Нет, — отвечает. — Но есть признаки: по языку видно». Я и не знал, что есть такой индикатор истощенности человека. Тут же вызвал ответственного и дал очень жесткие установки: «Плохо людей кормите! Найдите возможность, сделайте так, чтобы мы выдерживали хотя бы самые минимальные гуманитарные нормы». Эта обратная связь от Красного Креста здорово помогла: после пары таких ситуаций все поняли, как важно относиться к пленным по-человечески. Красный Крест еще много лет активно участвовал в обменах пленными, выдаче тел убитых, поисках без вести пропавших.

* * *

Заняв Ходжалу, мы передвинули туда наши войска. Один из недавно построенных и незаселенных кварталов городка использовали под казармы, поселив в них бойцов: в каждом доме как раз хватало места для одного взвода. Сюда же переехала и часть офицерского состава вместе с семьями. На этой базе мы создали элитное подразделение — танковый полк. Этот полк, в организации которого активно участвовал генерал Иванян, сыграл огромную роль в дальнейших военных действиях: он стал нашей основной ударной силой во всех наступательных операциях.

Сразу после взятия Ходжалу открыли аэропорт — правда, действовал он недолго: летать стало слишком опасно. Всегда, даже в мирное время, взлеты и посадки в нашей местности были делом непростым: кругом горы, и единственное безопасное направление для захода на посадку проходит над Агдамом. А теперь летчикам приходилось осуществлять все маневры в узком пространстве между горами. И если при ясной погоде это еще получалось, то при малейшем ухудшении видимости риск врезаться в гору многократно возрастал.

Именно так разбился наш самолет в 1989 году. Тут же появилась версия, что его сбили, и мы с Максимом Мирзояном, попросив у Вольского вертолет, лично отправились на место падения. Картину мы увидели жуткую, но не допускавшую никаких двусмысленных толкований: было очевидно, что самолет буквально вонзился в скалу. Низкая облачность, самолет забит под завязку, словно автобус, и сильно перегружен, — вероятно, пилот не рассчитал высоту и слишком рано начал снижение...

Теперь же вдобавок к сложным условиям противник начал бить по аэропорту из установок «Град». Во время одного из обстрелов осколок снаряда попал в самолет, который стоял на летном поле и готовился к взлету. Этого осколка оказалось достаточно для того, чтобы самолет мгновенно вспыхнул и за считанные минуты сгорел. От него остался лишь черный искореженный каркас — все остальное дочиста уничтожил огонь. Я раньше и не знал, что самолеты

сгорают так быстро... К счастью, никто не погиб: людей к тому моменту посадить в него еще не успели.

После этого случая нам пришлось прекратить все полеты.

Мой брат

Конец марта оказался для меня очень тяжелым. При испытании самодельной гранаты получил серьезное ранение мой брат.

С Валерой мы были не только братьями, но и близкими друзьями, хотя по характеру очень различались. Он любил отмечать дни рождения, а я их терпеть не мог и всегда отказывался праздновать. Он любил гостей и большие компании, а я предпочитал уединенные прогулки в горах. Впрочем, горы Валера любил не меньше моего, и мы с ним вдвоем облазили множество интересных мест. Особенно ему нравилось находить и исследовать пещеры.

Мне всегда нравились точные науки, а брат любил литературу. Прекрасный рассказчик, он обладал незаурядной фантазией и мог прямо на ходу сочинить невероятную захватывающую историю, а один и тот же анекдот в его исполнении каждый раз обрастал новыми подробностями, такими забавными, что все могли слушать его бесконечно и каждый раз хохотать. Уже офицером Валера начал писать интереснейшие рассказы и писал всю жизнь. Публиковался, у него вышло несколько книг. Творческий талант сочетался в нем с недюжинной силой. Человек очень спортивный, он с детства серьезно занимался вольной борьбой и самбо. Увлекался дельтапланеризмом — его всегда тянуло к экстремальным видам спорта. В войсковой части у нас один офицер сделал дельтаплан, и Валера на этом дельтаплане научился летать.

Удивительным образом в нем уживались противоположные качества: романтизм, даже некоторая наивность, и одновременно смекалка и прагматизм, особенно ярко проявившиеся позднее, когда он успешно занимался бизнесом. Брат с детства мечтал быть летчиком, но для поступления в летное училище надо было сдавать математику и физику. Ему, талантливому гуманитария, технические дисциплины

плины не очень давались, и он выбрал карьеру военного. Окончил в Ленинграде Высшее военно-политическое училище МВД СССР, а после учебы служил во внутренних войсках: сначала в Грузии, потом в Азербайджане. После смерти отца, когда мать осталась одна, брат уволился, чтобы поселиться рядом с ней, и проработал несколько лет в редакции газеты «Советский Карабах». Позже его взяли на службу в милицию в Степанакерте.

Когда началось движение за независимость Карабаха, а затем и партизанское движение, Валера служил в УВД милиции начальником отдела охраны общественного порядка. Он нам очень помог: в тот период милиция, в которой служили наши же ребята, вела себя очень достойно. Профессиональные знания брата и его экспертное мнение, особенно по вооружению, очень пригодились нашим отрядам. В первый период войны, когда нам катастрофически не хватало оружия, Валера начал сам его изготавливать. Он хорошо разбирался во взрывчатых веществах: испытывал к ним профессиональную страсть, но тянулась она из детства. Я думаю, Валера и военным решил стать из-за того, что ему нравилось оружие и все, что с ним связано, — стрельба, взрывы. Еще мальчишкой он устраивал у нас во дворе рискованные эксперименты со взрывчатыми веществами, и в результате одного из них у него в ноге осталось два осколка. Брат про осколки поначалу даже и не знал, их обнаружили уже после того, как рана зажила, на рентгене. Врачи только развели руками и удалять не стали: «Ладно, раз не мешает, лучше их уже не трогать».

В конце марта 1992 года в Карабах прилетел Вазген Саргсян. Мы вместе с Вазгеном, Зорием Балаяном и Сержем собирались куда-то поехать, но Валера уговорил нас заглянуть на его «полигон» — так он называл небольшую площадку на берегу водоема, где изготавливал и испытывал свое оружие. Брат придумал новый запал для гранат и очень хотел нам его показать: «Вроде уже получается нормально, давайте быстренько заедем, посмотрите!» Я отказывался, говорил: «Да не надо» — мне почему-то не хотелось туда ехать. Но Валера был так воодушевлен и горд своим изобретением, ему

так не терпелось нам его продемонстрировать, что мы не могли не согласиться.

Приехали, брат стал показывать, и во время испытания граната взорвалась у него в руке. Валера чудом остался жив, но ранение оказалось очень тяжелым: оторвало кисть руки, вырвало часть бедра, раздробив бедренную кость, выбило глаз, словом, переломало и искорежило все тело. Мгновенно перевязав брата тем, что оказалось под рукой, мы помчались в госпиталь, и Валеру тут же унесли в операционную. Это был один из самых черных дней в моей жизни. Я не думал, что он выживет. Операция шла много часов, которые показались мне сутками. Это время помню смутно. Я просто сидел в коридоре и ждал. Потом из операционной вышел Зорий Балаян, который часто помогал хирургам в то тяжелое время, подошел ко мне и сказал: «Будет жить».

Когда Валере стало немного лучше, мы переправили его в Ереван. Там ему пришлось перенести серию сложнейших операций по трансплантации мышц, чтобы спасти ногу. Микрохирурги Арто Саакян и Артур Кочарян сделали все возможное и невозможное. Потом — еще несколько операций в Германии по наращиванию бедренной кости. Переносил их брат очень мужественно.

Лечился он очень долго. От матери тщательно скрывали случившееся, не решались сказать. Сначала в больнице по очереди дежурили мои племянницы, живущие в Ереване. Очень помогал Зорий Балаян. В конце концов мы рассказали матери, и она сразу поехала ухаживать за Валерой.

Лишь спустя два года брат встал на ноги. Пользовался тростью, вместо одной кисти — протез, на другой руке не хватало пальцев, одна нога короче другой. Еще год ушел на полную реабилитацию. В первое время Валера, конечно, оставался в подавленном настроении, но, как только немного пришел в себя, его оптимистичная натура взяла верх. Силой духа он обладал невероятной. Заново научился ходить, сам водил машину, несмотря на протез, и левой рукой, тремя пальцами, очень хорошо стрелял из пистолета.

Как-то раз мы поставили в двадцати пяти метрах от него бутылку. Валера говорит: «Горлышко!», и — раз! — выстрелил из своего ПСМ (это такой маленький пистолет для командного состава) и сбил горлышко. Он всегда был очень хорошим стрелком, но я и предположить не мог, что после ранения мастерство сохранится.

Брат попытался реализовать себя в бизнесе и преуспел: придумал и осуществил несколько успешных проектов. Присущая ему фантазия и смекалка вновь забили ключом.

Однажды Валера познакомился с каким-то человеком из Болгарии, и они решили организовать совместный бизнес. Брат поехал в Болгарию и там на пляже увидел мотодельтаплан, на котором катали людей. Дельтаплан, да еще и с мотором! Валера тут же загорелся, купил себе такой же и привез в Армению. Дельтаплан его вдохновил! Ведь брат с детства мечтал быть летчиком, но свою мечту так и не осуществил. К тому же, летая, он мог забыть о тех ограничениях, которые постоянно ощущал на земле из-за ранений.

С того дня Валера каждую неделю регулярно ездил на машине в Арзни, маленький городок, где была полоса для спортивных самолетов, и летал. Часто приглашал с собой друзей, сажал их рядом, катал. Вскоре он полностью освоил мотодельтаплан, и ему стало скучно просто летать. Брат решил научиться разным сложным фигурам пилотажа. Отличный водитель, теперь он стал таким же дельтапланеристом. Обожал рискованные трюки — например, вогнуть дельтаплан в крутое пике, а потом резко взмыть наверх. Наверное, ему нравилось ощущение свободного падения. В один из первых январских дней 1999 года Валера в очередной раз поехал летать. Сделал круг над горами, потом, как обычно, резко спикировал, но, когда попытался выйти из пике, что-то случилось. Может быть, он слишком круто взял вверх, а может, внезапно дунул сильный встречный ветер. Дельтаплан перевернуло, его крылья сложились, и он рухнул на землю.

Валера погиб.

Взятие Шуши

После Ходжалу мы провели серию успешных военных операций, которые позволили нам установить контроль практически над всеми азербайджанскими селами — опорными пунктами внутри Карабаха — и разблокировать дороги везде, кроме Шушинского района. Это давало нам бóльшую свободу действий, но общая блокада Карабаха продолжалась. Связь с Арменией, а значит, и внешним миром осуществлялась лишь несколькими вертолетами Ми-8. Они доставляли самое необходимое, в основном горючее и боеприпасы, и каждый полет проходил на грани риска: в любой момент вертолет могли сбить.

Обстрелы, идущие из Шуши, многократно усилились после переброски туда нескольких ракетных установок «Град». Из высокогорной Шуши, расположенной всего в шести километрах по прямой от Степанакерта и на четыреста метров выше него, город был виден как на ладони, до мельчайших деталей, и каждый дом, каждая улица представляли собой идеальную мишень. Стреляющие корректировали огонь на глаз, они и без приборов отлично видели, куда попали снаряды. Впрочем, стреляли бессистемно, беспорядочно и жестоко, стреляли днем и ночью, с очевидной целью — стереть Степанакерт с лица земли. Говорят, что азербайджанские военные иногда даже просто развлекались таким образом, и один из них (офицер Азай Каримов) позднее рассказывал в интервью, которое часто цитировали в различных СМИ: «Любой мог проснуться утром с похмелья, после ночной попойки, пойти к оружию и стрелять, стрелять, стрелять по Степанакерту без цели, без каких-либо координат — куда-нибудь да попадешь».

Еще совсем недавно в перерывах между обстрелами степанакертцы выбирались из подвалов на улицы, что-то ремонтировали, восстанавливали, пытались наводить порядок; теперь все это стало невозможно да и бессмысленно. Огонь велся непрерывно, лишь иногда вдруг неожиданно затихая на короткое время, может, на час — наверное, когда солдаты отвлекались на обед. Каждый день приносил новые жертвы, и люди покидали свои убежища лишь по

острой необходимости. Город разрушался на глазах, ни в одном из пока еще уцелевших домов в окнах не осталось стекол. Мы уже давно жили без света и тепла, с острым недостатком еды, а теперь к этому добавилась новая проблема: ходить за водой стало рискованно. Удивительно, но даже в эти тяжелейшие дни карабахцы мужественно переносили все невзгоды. Никаких жалоб, стенаний. Даже убитых стали хоронить почти без слез. Видимо, и впрямь наше упрямство какое-то особенное, даже иррациональное.

В такой атмосфере взятие Шуши стало всепоглощающей идеей, и чем больше оттуда стреляли, тем навязчивее эта идея становилась. Мы должны были взять Шушу, чтобы остановить уничтожение Степанакерта. Мы должны были взять Шушу, чтобы двинуться дальше, на Лачин, пробить дорогу на Армению, от которой мы уже давно были отрезаны, и выйти из многолетней истощающей блокады. Кроме того, захват Шуши — древней столицы Карабахского ханства, города с драматической историей, принадлежность которого издавна вызывала много споров и конфликтов между нами и Азербайджаном, — имел и политическое значение. Наконец, Шуша была важна и стратегически: она находилась в центре, в самом сердце Карабаха. Но у нас, жителей Степанакерта, в мае 1992 года была своя причина брать Шушу: эти бесконечные обстрелы всех достали.

Взять одну из самых неприступных крепостей в мире с точки зрения военного искусства крайне сложная задача. Когда-то Шуша выдержала две долгие осады персидских войск: в 1795 и 1826 годах. Место для строительства древнего города, раскинувшегося на горном плато, выбрали не случайно — с трех сторон он окружен ущельями, а подход к нему преграждают отвесные скалы. С четвертой стороны Шушу защищают крепостные стены. Военная наука считает, что победа при подобном штурме предполагает огромные потери и в принципе невозможна без значительного силового превосходства над противником. Никаким превосходством мы не обладали и понимали, что перед нами стоит не самая простая задача, но выбора у нас не было.

Весть о скором штурме Шуши облетела город мгновенно. Из добровольцев, желающих вступить в отряды, образовались очереди — записываться пришел чуть ли не весь город. Непрерывные обстрелы Степанакерта до такой степени допекли жителей, что каждый считал своим долгом принять участие в операции. Приходили и очень юные ребята, и совсем старики: никто не хотел оставаться в стороне, считая делом чести быть вместе со всеми. Стариков пытались отговаривать: мол, отец, ты свое уже отвоевал, побереги себя! — жгучая обида в ответ: «Если я от снаряда погибну на улице или в подвале, мне почетнее смерть будет, что ли?» Давали оружие и им, формируя из них отдельные отряды.

Это стало мощным кульминационным моментом, общим единым эмоциональным порывом, захватившим людей. Точно так же, как люди всем миром терпеливо сносили лишения и тяготы под постоянно сыпавшимися на город снарядами, так и всем миром были готовы идти в бой. Словно одна на всех, общая чаша терпения в один момент переполнилась и выплеснулась наружу, обернувшись потоком народного гнева, способным снести всё и всех на своем пути. Эти настроения со скоростью урагана разнеслись по всей Армении, став поистине общенациональной идеей.

Может быть, потому мы и победили?

Я уверен, что успех любой операции зависит не только от количества накопленных сил, вооружения и боеприпасов — ведь по всем этим параметрам наш противник значительно превосходил нас. Способность одержать победу определяется прежде всего тем, сколько у тебя людей, готовых идти в бою до конца, готовых умереть. В те годы нам казалось, что все население Нагорного Карабаха готово идти до конца. А еще, думая о событиях тех лет, я вспоминаю людей, волей и стараниями которых успех стал возможным. Благодаря Вазгену Саргсяну из Армении перебросили вертолетами многочисленные отряды добровольцев, рвущихся принять участие в историческом штурме. Нам доставили боеприпасы и горючее для обеспечения потребностей операции. Конечно, их не хватало: много ли можно привезти

несколькими вертолетами? Но в той ситуации любая помощь была очень ценной.

Вспоминаю командиров отрядов: их смелость, энтузиазм и патриотизм компенсировали недостаток военных знаний и опыта. Важную роль сыграл Самвел Бабаян, который настоял на масштабности операции, на необходимости действовать сразу по нескольким направлениям: штурмовать Шушу и несколько сел Шушинского района одновременно, проникнуть глубоко в тыл противника, за Шушу, создать угрозу ее полного окружения и не допустить возможного подкрепления. Предполагалось, что все эти действия должны вызвать у противника панику. С учетом ограниченности наших ресурсов план казался совершенно авантюрным.

Была и еще одна сложность.

К тому моменту мы еще не успели сформировать регулярную армию, и наши вооруженные силы состояли из множества разрозненных отрядов. Центральное командование только-только зарождалось и представляло собой скорее некий центр координации. Каждый отряд возглавлялся своим командиром, привыкшим решать локальные задачи и самостоятельно принимать решения, а не подчиняться чужим командам сверху. Для масштабных операций такая самостоятельность абсолютно не годилась: успех зависел от четкости и скоординированности всеобщих действий. Все тогда держалось на личном авторитете и влиянии конкретных людей, и это определялось только их персональными качествами, а не субординацией.

Серж Саргсян уже давно координировал деятельность отрядов, но теперь должность руководителя Комитета самообороны была закреплена за ним официально. Волевые же качества Самвела Бабаяна естественным образом сделали его наиболее влиятельным из командиров. В Армении такой влиятельной личностью, несомненно, уже был Вазген Саргсян. А тогда, перед штурмом Шуши, общее руководство операцией было поручено Аркадию Тер-Татевосяну по прозвищу Коммандос, профессиональному военному, находившемуся в Карабахе уже несколько месяцев.

Меня беспокоило, что дату проведения операции по разным причинам уже несколько раз переносили. Мы могли растратить в позиционных боях горючее и боеприпасы, с таким трудом доставленные из Армении специально для этой задачи. Азербайджанцы в любой момент могли сбить наши вертолеты, пролетавшие через Лачинский и Кельбаджарский районы, и полностью лишить нас связи с Арменией. Это привело бы к катастрофическим последствиям. Я боялся, что если мы будем медлить, то упустим удачный момент: всеобщее ожидание грандиозного события и мобилизация коллективной воли просто не выдержат длительного напряжения.

Первым тревожным сигналом для меня стала встреча с командиром одного из отрядов, прибывших из Армении. Это был отряд АОДа, и встретились мы по их просьбе во временном расположении тыловой службы недалеко от автобазы. Неожиданно командир и его заместитель стали дружно убеждать меня, что взятие Шуши может обернуться для нас катастрофой. Что это историческая ошибка, что если мы проведем эту операцию и возьмем город, то последует крайне негативная реакция международного сообщества! Что все это приведет к тяжелым последствиям для Нагорного Карабаха. При этом ссылались они на Ашота Манучаряна, в то время советника президента Армении, и утверждали, что говорят и от его имени.

Я отреагировал очень резко. Не взять Шушу сейчас — это значит завтра сдать Степанакерт, этого ли они хотят?

— Вы вообще-то понимаете ситуацию?! Какие тяжелые последствия? Что может быть тяжелее того, что уже есть? Если международное сообщество существует, если оно имеет какое-то влияние на происходящие события — почему тогда не останавливает ежедневные обстрелы Степанакерта? Так что забудьте о международном сообществе и его реакции! Если вы не хотите участвовать в операции, если считаете это неправильным — зачем вы тогда здесь? Можете не участвовать, можете уезжать обратно.

Если эти двое рассчитывали уговорить меня отложить взятие Шуши, то добились прямо противоположного. Разговор с ними лишь убедил меня в необходимости форсировать сроки штурма.

Сразу же после этой встречи мы с Самвелом Бабаяном и Сержем Саргсяном поехали в штаб, исполненные решимости окончательно определиться с датой. Там опять возник спор — очередная попытка отложить операцию! Почему? А потому, что теперь, совершенно неожиданно (ведь уже наступил май), в горах выпал сильный снег! Важная часть плана заключалась в том, что одна из групп направляется глубоко в тыл, обходит Шушу, поднимается на Лысогорский перевал и закрывает его. Таким образом она блокирует дорогу, связывающую Шушу с Лачином и, лишая азербайджанцев возможности получить подкрепление, как бы замыкает окружение Шуши. Общий замысел был таков: если люди уходят из Шуши по этой дороге — их не трогать, а в обратную сторону никого не пропускать. К Лысогорскому перевалу вел сложный маршрут, и командир, возглавлявший эту группу, засомневался в возможности выполнить задачу.

Отстаивал эту точку зрения в штабе Валера Балаян, несомненно, преданный участник движения, но плохо знающий местность, один из руководителей подполья дашнаков:

— Нет, мы не сможем там пройти, в горах сейчас слишком много снега. Добраться до перевала к назначенному времени физически невозможно. Надо подождать, пока снег сойдет, и уже потом...

Я его перебил:

— Стоп. Слушайте, не рассказывайте мне этих историй. В мае в горах всегда можно пройти по южным склонам куда угодно. Я сам туда пойду. Меняем группы. Вы пойдете по другому маршруту, а сюда пойдем мы со второй ротой.

Второй ротой командовал Каро Бабаян, брат Самвела. Сам Самвел заявил, что идет вместе со мной. Я попытался его отговорить: «Ты что? У тебя совсем другие задачи! Ты должен быть на командном пункте!» Но мои уговоры на него не подействовали. Самвел сказал: «Раз ты идешь, то и я тоже пойду. Я не могу остаться. Не могу отпустить тебя одного». Такие у нас с ним тогда были отношения...

Итак, дату наступления, наконец, назначили: 8 мая.

Так вышло, что в этот же день состоялся визит Тер-Петросяна в Тегеран, где обсуждались мирные инициативы Ирана по

урегулированию карабахского конфликта с участием азербайджанской делегации. Мы даже не подозревали об этом визите: нас полностью захватила подготовка операции, да и жили мы в условиях блокады, без электричества, оторванные от информационного поля Армении. Ситуация, конечно, неприятная: во время визита президента Армении начинается штурм Шуши. Потом мы долго и, кажется, безуспешно убеждали обиженных на Тер-Петросяна иранцев, что это случайное совпадение. Они не могли поверить, что президент Армении не знал о начале столь масштабных военных действий.

Накануне вечером наша группа, человек пятьдесят-шестьдесят, вышла из села Схнах. За пару дней до этого я надел солдатские сапоги, в которых собирался идти в горы, и носил их не снимая, чтобы дать ногам привыкнуть к необычной для них обуви: знал из опыта, что в горах это совсем не мелочь.

Шли всю ночь. Двигались очень осторожно: нормальная разведка не проводилась, а мы забирались очень глубоко в тыл противника. Не имея достоверных данных ни о позициях азербайджанцев, ни об их постах, ни о возможных заминированных участках, мы ждали любых сюрпризов и неожиданностей. С нами шел проводник — парень из этого села, охотник. Мы должны были остаться незамеченными, а он знал, какие склоны не просматриваются с дороги, говорил, в каких местах следует быть осторожнее, где можно спрятаться, на каких участках не стоит курить. Маршрут оказался действительно непростым. На северных склонах еще лежал глубокий снег, и нам пришлось пробиваться сквозь него, иногда проваливаясь по пояс. Тяжелые вещи, кроме оружия и боеприпасов, побросали по дороге, решив, что подберем на обратном пути. Все мерзли — сказывалась высота. И чем выше мы поднимались, тем холоднее становилось.

К утру 8 мая мы вышли на гору прямо над Лысогорским перевалом, и... неожиданно наткнулись на азербайджанский пост! Впервые за весь переход! Неожиданно, потому что разведка рисовала нам их позиции совсем по-другому. Там, где, по нашим данным, предполагалось присутствие противника, никого и ничего

не оказалось, а встретили мы его, где вовсе не ожидали. Это был небольшой пост, скорее всего, просто наблюдательный пункт. Завязалась короткая перестрелка, закончившаяся поспешным бегством противника. Преследовать не стали: в наши задачи не входило ввязываться в бой. Один из наших бойцов получил легкое ранение в руку выше локтя, но остался в строю.

Вот она, дорога, за которой мы должны вести наблюдение, — под нами. Никто не сможет пройти незамеченным.

Несмотря на холод, мы не разводили огонь: нас могли обнаружить. Чтобы не замерзнуть, садились небольшими группами в тесный круг и грелись, прижимаясь друг к другу. Днем выглянуло солнце, и стало даже жарковато. Мы наблюдали за дорогой, не сводя с нее глаз, но все наши мысли были о том, как там, внизу, разворачиваются события. В чудовищном напряжении ожидали вестей. Что там происходит? Взят ли город? Вошли или не вошли наши в Шушу? Связь держали по радиии, Самвел почти не отрывался от нее, поддерживая постоянный контакт с командным пунктом. Мы видели идущий по дороге безостановочный поток людей, автобусов, машин: Шушу в беспорядке покидало гражданское население. Мы надеялись, что раз уходит население, то военные наверняка тоже рано или поздно оставят город — но когда? По радиоперехватам слышали, что они напуганы, слышали их отчаяние, слышали, что они просят прислать подкрепление. Просят безрезультатно: весь день мы наблюдали движение только в одну сторону — из города. Никакого встречного движения не было. Никакого подкрепления. Никто даже не пытался пробиться на помощь. Мы слышали, что среди военных нарастает паника. Конечно, когда противник видит, что у него в глубоком тылу вдруг появляются армянские отряды и одновременно, уже с другой стороны, в другом районе, но опять-таки в глубоком тылу, тоже появляются отряды... и еще, и еще... и эти отряды возникают то тут, то там, — создается впечатление, что наших войск намного, гораздо, значительно больше, чем на самом деле. Противнику кажется, что он попал в окружение и что кольцо вокруг города вот-вот сомкнется.

Тем не менее Шуша продолжала обороняться. Основные бои шли с северной и восточной сторон города, там, где была возможность к нему подняться. При наступлении по главному направлению, прямо на дороге, был подбит наш танк. Его экипаж, за исключением командира, не успел выбраться и погиб.

Вечером мы узнали, что город взять не удалось.

Получив это известие, мы с Самвелом уже в сумерках спустились вниз, в штаб, оставив небольшую группу на перевале наблюдать за дорогой. В штабе подводили итоги первого дня и планировали дальнейшие действия. Поставленную задачу мы решили лишь частично: окрестные деревни захвачены, но наступление на Шушу отбито, обе стороны понесли потери. Нужно было сконцентрировать все силы, чтобы утром предпринять новую попытку штурма. Часть нашего отряда спустилась с перевала и присоединилась к остальным. Ночь пролетела незаметно: все были напряжены и взбудоражены, ждали боя.

Утром, когда мы уже собирались начать наступление, наблюдение показало, что в городе нет никакого движения. Что это? Военная хитрость противника? Стали осторожно выдвигаться — никого! На подходе к Шуше — никого. Никто не защищает город? Отряд за отрядом постепенно шли дальше, дальше, дальше — так и вошли в Шушу, не сделав ни единого выстрела...

Никого. Город пуст.

Оказалось, что ночью последние защитники оставили его. Мы не видели их ухода, потому что они, заметив на перевале над основной дорогой наш отряд, выбирались из города окольными путями, через деревни. Наш план — напугать, посеять панику — сработал! Бежали они в спешке, побросав множество техники, вооружения и боеприпасов. Когда наши военные увидели количество доставшихся нам трофеев, их радости не было предела. В знаменитой Шушинской церкви Казанчецоц*, где защитники Шуши устроили склад — в уверенности, что по церкви армяне стрелять

* Собор Сурб Аменаприкч Казанчецоц (арм.) — собор Св. Христа Спасителя. — *Прим. ред.*

не будут, — мы обнаружили сотни ящиков с ракетами для установки «Град». Эти ракеты уже больше никогда не полетят в сторону Степанакерта!

Сложно описать охватившее нас ликование, когда мы осознали, что город взят. У меня сразу исчезла боль в мышцах от изнурительного ночного похода в горы. Люди бросались обнимать друг друга, смеялись и плакали одновременно, некоторые пустились в пляс, другие, не в силах сдерживать переполнявшие их эмоции, подпрыгивали, кричали, палили в воздух...

Это была первая операция такого масштаба и наша первая крупная победа в этой войне.

Сейчас, вспоминая те события, я думаю, что защитники города просто психологически проиграли нам. Если бы они решительно настроились стоять до конца, если бы они твердо вгрызлись в Шушу, то взять ее оказалось бы очень сложно — ведь это действительно неприступная крепость. Нам пришлось бы окружать ее и начинать осаду. Мы все равно взяли бы ее — я уверен в этом, но ценой больших потерь и истощения всех сил.

Однако решимости стоять до конца у них не оказалось...

Прорыв блокады

Враг был деморализован потерей Шуши, мы же, напротив, вдохновленные победой, рвались вперед и продолжали наступать в направлении Лачина. Нам было жизненно важно пробить коридор в Армению и вывести страну из блокады. Требовалось удерживать темп, чтобы не дать противнику возможности оправиться и перегруппироваться для организации обороны. Наступление велось стремительно, наши отряды брали село за селом, почти нигде не встречая сопротивления. Противник в панике отступал, бросая все — оружие, технику, боеприпасы. Благодаря этому мы постоянно пополняли свои ресурсы, причем не только военные: во всех покинутых селах обнаруживались запасы продовольствия, горючего, брошенный скот, — все то, в чем мы отчаянно нуждались. Мирное

население уходило вместе с защитниками села, такова была специфика этой войны: огромное количество беженцев с обеих сторон. Часть людей уходила вниз, к реке Аракс, другие — на север в Кельбаджарский район, выбираясь потом в Азербайджан.

Всего за неделю наши войска освободили весь Лачинский район, и 18 мая заняли Лачин. Заняли почти без боя, мы даже не разрабатывали никакой операции. Все произошло по тому же сценарию, что и в Шуше: защитники Лачина просто покинули его накануне штурма, и мы вошли в пустой город.

Дорога, ведущая из Шуши через Лачин в Армению, наконец-то была открыта — она лежала перед нами! Блокада, продолжавшаяся более трех лет, закончилась! Этот день стал всеобщим праздником. Отмечали кто как мог, в воздухе витал запах шашлыка, вокруг сияли веселые лица. Трофейных барашков хватило на всех, а тутовка у карабахцев всегда найдется, был бы повод.

Уже через день по этой дороге в Степанакерт двинулись колонны с гуманитарной помощью. В первую очередь везли самое необходимое — продукты и медикаменты. Снабжение Карабаха, которое едва-едва теплилось все эти годы благодаря мастерству наших вертолетчиков, проделавших героическую работу, восстановилось. Мы снова могли напрямую доставлять из Армении и военные, и хозяйственные грузы.

* * *

После серии блестящих и быстрых побед наступило затишье. Эйфория, охватившая всех на фоне военных успехов, радость от прорыва блокады и воссоединения с Арменией притупили чувство опасности. Многие — и в Армении, и в Карабахе — поверили, что это конец войны. Большинство отрядов, приехавших к нам из Армении, вернулись домой, а наши бойцы зачастили в Ереван, где население принимало их как героев. Только-только начавшийся процесс объединения всех отрядов в армию с жестко выстроенной вертикалью управления затормозился — он перестал казаться первоочередным.

Военный успех не был закреплен наступлением на Кельбаджарский район. Более того, мы ничего не сделали для создания рубежа обороны по хребту, разделяющему Лачинский и Кельбаджарский районы, хотя условия для этого в тот момент создались идеальные. После того как мы пробили коридор на Армению, азербайджанцы впали в такую панику, что полностью ушли из всего Лачинского района и вся эта огромная территория оказалась пустой. Совершенно беспрепятственно, без боя, без сопротивления мы могли занять очень выгодную для нас позицию по хребту, которая в дальнейшем позволила бы нам контролировать весь район и обеспечивать безопасность дороги на Армению.

Впрочем, даже если бы мы и приняли тогда такое решение, скорее всего, не хватило бы ресурсов его осуществить: это потребовало бы совсем других сил и больших возможностей. Нужна была регулярная армия, выстроенная логистика, общая координация всех действий — постоянное снабжение, смена постов. Армия, которую мы имели на тот момент, не была к этому готова ни количественно, ни структурно.

В конечном счете мы так ничего и не предприняли, и ответственность за эту зону тогда закрепили за Арменией, силы же самообороны Карабаха отвечали за все остальные районы НКР.

Конечно, я наслаждался победой вместе со всеми, но радость не могла заглушить растущую тревогу: я понимал, что Азербайджан не смирится с потерей Карабаха и что все происходящее просто краткая передышка в боевых действиях. Затишье на линии соприкосновения наступило лишь в результате полной деморализации Азербайджана из-за тяжелых военных поражений, вызвавших внутривосточные потрясения. Начало масштабной войны было лишь вопросом времени.

Я делился своим беспокойством и в Карабахе, и в Армении на всех уровнях, со всеми, с кем общался. Почти везде я встречал понимание — и только, в практические действия это понимание не вылилось. Всем казалось, что времени у нас много и Азербайджан еще не скоро придет в себя. Возможно, после нескольких лет

запредельного напряжения наша коллективная воля нуждалась в расслаблении. Словом, нам так и не удалось вовремя стряхнуть с себя эйфорию победы, за что очень скоро мы заплатили высокую цену.

Кроме того, серьезной проблемой для Карабаха стала сама модель его управления, абсолютно не адекватная нависшей над нами угрозе: смесь парламентской республики полусоветского образца, органов местного самоуправления советского образца и действующих полностью автономно от них отрядов самообороны. Сложившаяся ситуация объяснялась как объективными, так и субъективными причинами. Никто из нас не имел опыта государственного строительства; люди делали то, о чем имели смутное представление, но научиться было негде; катастрофически не хватало времени, оно поглощалось текущими неотложными делами. В отношениях между ветвями власти ощущалась напряженность, партийность руководства ВС воспринималась неоднозначно, сотрудничество оказывалось номинальным. В это экстраординарное время требовались совсем другие методы, другой уровень мобилизационных усилий и, соответственно, другие люди в руководстве. Республика остро нуждалась в консолидации власти, способной сконцентрировать все ресурсы для выполнения одной главной цели: выжить и победить.

Наш Президиум Верховного Совета после взятия Шуши и Лачина полностью оторвался от реальности, в парламенте царила такая безоблачная и оптимистичная атмосфера, будто война осталась позади и надо вовсю планировать мирную жизнь. Я был тогда депутатом парламента и помню, как спорил на одном из заседаний по поводу закона о воинской службе, который принимался в начале июня. Парламент на полном серьезе обсуждал сокращение срока службы в армии с двух до полутора лет, предлагая ввести непонятные и совсем уж неуместные в той ситуации льготы для призывников.

— Ребята, да вы что? Что вы делаете? Думаете, война кончилась? Да нам сейчас нужно объявлять всеобщую мобилизацию, принимать закон о военном положении, создавать военную прокуратуру

и трибунал! Вводить военное положение, наконец, а не льготы прописывать по призыву!

Помню, что не досидел до конца этого заседания, ушел разозленный и расстроженный.

Наши позиции не совпадали и по многим другим вопросам, но тема безопасности для меня тогда была центральной. В собственной правоте я укрепился еще больше, побывав в июле на переговорах в Риме в качестве представителя Карабаха. Первые раунды переговоров в рамках созданной по решению Минской группы ОБСЕ прошли без участия наших представителей. Президиум ВС НКР почему-то категорически отказывался от участия в переговорах, несмотря на настоятельные обращения руководства Армении. Я считал, что наше участие необходимо — это возможность высказать и отстаивать свою позицию, если мы намерены добиваться признания нашей независимости. Послать делегацию, минуя Верховный Совет, было бы неправильно, и я решил встретиться с членами Президиума ВС. Помню, что их аргументы меня шокировали: дескать, карабахскую делегацию заставят подписать неприемлемый для нас документ. Как заставят? Кто заставит? Мне показалось, что просто никто не хочет брать на себя ответственность, и я настоял на более широком обсуждении. Собрались члены Президиума ВС, часть правительства, депутаты, человек двадцать — двадцать пять. Нам с Олегом Есяяном пришлось приложить немало усилий и проявить настойчивость, чтобы убедить их в необходимости отправить представителей в Рим. Когда речь пошла о том, кому же ехать, прозвучала очень простая идея: кто считает это правильным, тот пусть и едет. Я сказал, что готов поехать, и предложил Бориса Арушаняна, заместителя председателя Совмина в руководители делегации. Так карабахцы впервые оказались в Риме за столом переговоров в формате Минской группы ОБСЕ.

Два дня размеренных бесед с ланчами и кофе-брейками скорее напоминали дискуссионный клуб, чем встречу людей, всерьез озабоченных карабахским конфликтом. Все выглядело так, будто в Карабахе все спокойно и ничего особенного не происходит. И сам

формат этой встречи с участием послов из девяти стран, и то, как она проходила, — все это еще сильнее укрепило меня в мысли, что только успехи на фронтах могут привести к успеху на переговорах.

Теряем Карабах

Азербайджан готовился к войне.

И именно в это время, в мае 1992 года, реализовалось соглашение о передаче советского военного имущества. Сам вывод войск начался значительно раньше, и все их имущество предполагалось вывезти вместе с личным составом. Но в хаосе, который творился из-за распада Советского Союза, отследить перемещение оружия было невозможно. Да и не существовало уже никакой силы, которая могла бы контролировать этот процесс. В беспокойном регионе спрос на оружие чрезвычайно возрос, и за деньги решались любые вопросы: на бумаге показывалось, что военное имущество вывезено, но по факту этого не происходило, и оно оставалось на местах. Теперь же, в рамках соглашения, Азербайджану доставалось на законной основе все, что было расположено на его территории и еще не разворовано. Все, что находилось в НКАО, к этому времени мы уже забрали.

По количеству размещенных на территории воинских частей Азербайджан значительно превосходил Армению. Например, в Гяндже базировалась 23-я, крупнейшая дивизия 4-й армии, и все ее вооружение, включая большое количество бронетехники, досталось Азербайджану, причем вместе с частью командного состава. Из-за развала страны будущее для многих советских офицеров представлялось настолько туманным, что некоторые охотно согласились повоевать на стороне Азербайджана в надежде заработать выходное пособие.

Почему-то в СССР основное вооружение Закавказского военного округа концентрировалось в Азербайджане и Грузии. Именно в Азербайджане были сосредоточены почти все окружные склады боеприпасов, а в Армении их не существовало вообще. Возможно,

это определялось логистическими удобствами, или, может быть, так союзное руководство оценивало потенциальный театр военных действий. Ведь Ереван расположен всего в десяти-пятнадцати километрах от границы с Турцией, и Москва опасалась, что Армения в случае войны может временно оказаться под турецкой оккупацией. Какой бы ни была причина, но то, что досталось нам, не выдерживало никакого сравнения с количеством военного имущества, полученного Азербайджаном.

У них же находились три военных аэродрома: один недалеко от Баку, второй в Кировабаде и третий, самый неприятный для нас, в Кюрдамире. В общей сложности в их собственность перешло более пятидесяти боевых самолетов. Таким образом, у Азербайджана появилась своя авиация; а поскольку пилотов у них не было, всю войну нас бомбили наемники — бывшие советские летчики. Мы знали об этом и из радиоперехватов, да и в ходе войны обнаруживали, что все пилоты сбитых нами самолетов — либо русские, либо украинцы. Лишь в самом начале войны мы сбили самолет, которым управлял азербайджанец: кажется, Курбанов. В воздухе Азербайджан имел абсолютный перевес. На территории Армении из военной авиации дислоцировался только вертолетный полк, и мы ничего не могли противопоставить боевой авиации противника.

В целом к лету 1992 года военный потенциал противника оказался весьма серьезным и существенно превышал наш. Кроме того, политический кризис, в котором постоянно пребывал Азербайджан в последние годы, разрешился приходом к власти Эльчибея, которого поддерживал Народный фронт, и это событие ощутимо подняло моральный дух азербайджанских войск.

* * *

Мирная передышка оказалась недолгой, не больше месяца. 12 июня 1992 года началось внезапное наступление азербайджанских войск на севере Карабаха — на Аскеранском, а затем на Шаумяновском направлении. Прекрасно вооруженные, с колонной бронетехники под управлением профессиональных военных в авангарде, они

имели перед нами неоспоримое силовое преимущество. К тому же оборона Шаумяновского района фактически не была интегрирована в Карабахскую, и они взаимодействовали с нами крайне слабо. Шаумяновский район не входил в НКАО и с самого начала движения за независимость имел дело с Арменией напрямую. Даже после провозглашения НКР руководство района стремилось сохранить уже сложившиеся прямые отношения с Арменией как в оборонной, так и хозяйственной деятельности. Я обсуждал пару раз тему полной интеграции Шаумяновского района в НКР с Вазгеном Саргсяном и Шагеном Мегрянном, руководителем района, но безуспешно. Шаумянцы настаивали на автономных отношениях с Арменией, а интеграцию в НКР считали вопросом отдаленного будущего.

И вот сейчас армянские отряды — все еще лишь отряды, а не регулярная армия, — столкнувшись с огромным количеством артиллерии и боевой техники, не смогли оказать серьезного сопротивления. Они понесли большие потери, и им пришлось отступить. За считанные дни весь Шаумяновский район был сдан.

Тяжелая ситуация сложилась у села Срхавенд в пойме реки Хачен. Целью наступления противника являлся единственный мост через реку, ведущий в Мардакертский район. Взяв мост, они полностью расчленили бы наши силы и лишили нас возможности перебрасывать бронетехнику на север Карабаха, где в это время также шли ожесточенные бои. Ситуация стала настолько критической, что Вазген Саргсян впервые решился прислать вертолет для боевой поддержки наших отрядов с воздуха.

Я был у командно-штабной машины на площадке перед монументом «Карабахцы», когда туда приземлился вертолет Ми-24. Пилот совершенно не знал эту местность. Мы попытались ему объяснить, но я сомневался, что он все понял и по ошибке не отстреляет НУРСы* по нашим отрядам. Я же отлично представлял здешние горы — когда-то охотился тут на фазанов, — поэтому сел

* НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.

в вертолет, чтобы помочь пилоту сориентироваться. Не успели мы взлететь, как подъехал Лева по прозвищу Дональд. Он был родом из соседнего с Срхавендом села Колатак и вызвался лететь вместо меня, поскольку вырос в этих краях и знал их лучше. Они взлетели. А минут через пятнадцать мы услышали по рации, что вертолет сбит, он взорвался в воздухе, все погибли.

Когда-то Лева одним из первых активно включился в создание отрядов самообороны. Он же несколько лет отвечал за прием и транспортировку грузов по Карабаху: большинство поставок оружия и боеприпасов до взятия Лачина осуществлялось вертолетами, и приземлялись они у села, где жил Лева. За эти годы я успел с ним сдружиться...

Тот критический бой под Срхавендом мы выиграли, противник потерял убитыми более семидесяти солдат и офицеров.

Азербайджанские войска вернулись и в Лачинский район. Они пытались перекрыть нам дорогу в Армению, и бои здесь шли очень тяжелые. Ценой огромных потерь армянские отряды удерживали коридор, но он оказался значительно сжат и непрерывно обстреливался артиллерией. Мне часто приходилось туда ездить, и вокруг машины постоянно рвались снаряды. Горько было осознавать свою ошибку: займи мы в свое время Лачинский хребет — контролировали бы сейчас весь район и даже близко не подпустили противника к этой дороге.

В тот период Верховный Совет НКР не собирался: большинство депутатов воевали в своих районах. А вот Президиум Верховного Совета заседал почти ежедневно — он выпускал обращения к населению, принимал беспорядочные решения и даже объявил частичную мобилизацию: члены Президиума искренне переживали за происходящее и, конечно, хотели быть полезными. Однако все эти меры оказывались запоздалыми и недостаточными и никак не могли повлиять на происходящее, к тому же их было некому осуществлять: мы не успели сформировать соответствующие структуры, так что даже такие половинчатые решения — и те повисали в воздухе.

Азербайджанская армия продолжала наступать, захватывая село за селом уже в Мардакертском районе, и вскоре началось наступление на райцентр Мардакерт. Я ездил туда дважды. Ожесточенные бои за город шли с переменным успехом. Отряды наши воевали героически, но оба раза я возвращался удрученный: я понимал, что личного героизма уже не хватает и нужно многое менять, иначе все потеряем. Велась полномасштабная война с применением артиллерии, бронетехники и авиации, и я отчетливо видел, что победить в такой войне фидаинскими отрядами, с их особой психологией, нельзя. Так мы проиграем войну, зато у нас появится много героев, о которых будут слагать песни.

Все это время я находился на связи с Вазгеном и, конечно, с Сержем, Самвелом и другими командирами. Вазген оперативно перебросил несколько отрядов из Армении. В отчаянии они даже сформировали и направили в Карабах отряд бойцов, называвших себя «смертниками», но тем не менее доминирование противника продолжалось.

Начались авиационные налеты. Жители Степанакерта, не успев перевести дух после недавно прекратившихся артиллерийских обстрелов, снова вернулись в подвалы. Каждый день город бомбили, причем Азербайджан начал массово использовать шариковые бомбы, запрещенные к применению против мирного населения международными конвенциями. Такие бомбы представляют собой бочку, из которой во время падения рассыпаются шарики. Снаружи каждого шарика — керамическая оболочка, напичканная мелкой картечью, и, когда шарик взрывается, картечь разлетается во все стороны, поражая огромную площадь. Случалось, что какой-нибудь из шариков попадал на дерево и, затормозив в листьях, не взрывался; если такие шарики находили, то обезвреживали и делали из них сувениры.

От разрывов шариковых бомб в окнах оставались дыры. В Степанакерте уже давно затягивали окна полиэтиленовой пленкой вместо стекол, и после очередного авианалета можно было по оставшимся в ней дыркам подсчитать число попаданий. Я считал: обычно на каждом окне их оказывалось пять-шесть...

Как-то раз мы сидели у меня в кабинете и разговаривали с приехавшим из Еревана Зорием Балаяном, когда начался очередной обстрел. Зорий, услышав грохот взрывов, решил открыть окно и посмотреть, что происходит. Я еле успел его остановить, сгреб в охапку: «Давай ложись, быстро!» Он попытался сопротивляться: «Да что такого-то? Что может со мной случиться?» Почти силой заставил его лечь на пол, в укрытие, за колонну: «Да нельзя перед окном стоять, вы что? Это же не игра!» После налета, когда все стихло, говорю: «А теперь подойдите и посчитайте, сколько там дырок». Кажется, их оказалось штук десять, и некоторые — как раз в том месте, где он только что стоял. Зорий сразу же посерьезнел и перестал со мной спорить. Мы выглянули из окна — прямо на мостовой лежал человек. Видимо, перебежал улицу во время бомбежки и его ранило. Мы выскочили, погрузили пострадавшего в мою машину, и водитель отвез его в госпиталь. К счастью, ранение оказалось легким.

Подобных историй в эти годы происходило много, мы к ним привыкли и воспринимали как ежедневную рутину.

Степанакерт наводнили беженцы из захваченных армянских сел Шаумяновского и Мардакертского районов. В здании исполкома, где располагался мой кабинет, все коридоры заполнились людьми. Ночевали они там же, на полу, идти им было некуда. За некоторыми родственники из Армении присылали машины, чтобы вывезти их через Лачинский коридор к себе. Многие уходили в Армению пешком. По дороге из Степанакерта в Ереван тянулся сплошной поток беженцев; грузовики, даже телеги, заполненные всевозможным скарбом, двигались вперемежку с людьми, бредущими с тюками за спиной. Начался массовый исход. Райцентр Мардакерт удержать не удалось. Остановили наступление азербайджанцев лишь у села Кичан в долине реки Хачен. Под нашим контролем осталось только четыре села района, расположенных в той же долине.

Позиции азербайджанцев находились всего в паре километров от монастырского комплекса Ганзасар. Монастырь постоянно обстреливался с вертолетов неуправляемыми ракетами. Одна из них

не разорвалась и долгое время торчала из монастырской стены, пока саперы ее не обезвредили. Настоятель Ганзасара, в рясе и с автоматом в руках, был готов лично защищать его.

Противник вел тяжелые наступательные бои, бросая на фронт все новые и новые силы, и нес большие потери в технике и живой силе.

В Аскеранском районе линия обороны прошла возле села Ханабад, всего в двух-трех километрах от райцентра, практически разрушенного азербайджанской артиллерией. В этом героическом селе всю войну жили люди, никто из него не уехал, несмотря на непрерывные жесточайшие обстрелы. В те дни я туда ездил, и увиденное меня поразило. В домах жить было невозможно, и все перебрались в колхозные гаражи, расположенные на защищенном склоне холма на окраине села. Жили все вместе, общиной, как в казарме, для детей оборудовали отдельную секцию. Организовали все очень четко, почти по-военному. Иногда, если не хватало чего-то из нужных вещей, кто-нибудь с риском для жизни отваживался на короткую вылазку домой и тут же возвращался назад. Когда я приехал, мать командира сельского отряда самообороны Санасара, колоритная женщина, в больших котлах готовила еду на все село. Вокруг рвались снаряды, а тут, вопреки всему, было по-домашнему уютно и тепло: женщина варит еду, да еще и детвора вокруг. Я остался с ними на ужин. Поговорили об обстановке с бойцами, шутили, рассказывали свежие анекдоты.

В соседнем Храморте у жителей не нашлось укрытия от обстрелов, и им пришлось покинуть село. Когда позднее мы освободили его, там не уцелел ни один дом, от всего села остались только камни и пыль. Никакого стратегического значения эти населенные пункты не имели, но их безостановочно обстреливали из Агдама. Под огнем оказались Аскеран, Ханабад, Храморт, другие села, до которых могла достать азербайджанская артиллерия. Видимо, в Агдаме, где находились оружейные склады, просто некуда было девать боеприпасы...

В боях возле Ханабата погиб Юра Погосян⁵⁷. Он воевал на БМД, и его машину подбили, когда мы удерживали наступление из

Агдама. Все происходило «с колес», очень быстро, наши отряды не успевали нормально окопаться и укрепиться. Наступление остановили, но Юра погиб. Я его хорошо знал. Интересный парень, маленький, заводной, веселый, он одним из первых овладел БМД, овладел блестяще и такие чудеса вытворял на этой машине, что его пример многих вдохновил осваивать ее. У нас вообще ребята оказались способными и осваивали бронетехнику очень быстро.

Драматичные события развивались и в Лачинском районе. В тяжелых боях мы остановили азербайджанцев, наступавших с двух сторон с целью закрыть коридор, у села Гочаз на севере и в 5–7 километрах от райцентра Лачин на юге. Ответственность за удержание коридора по согласованию с Вазгеном лежала на вооруженных силах Армении. Все наши войска были сосредоточены на севере и востоке НКР, где продолжались ожесточенные бои.

К августу под контролем противника оказалось уже больше половины территории НКР. Сложилась критическая ситуация: отряды истощены, боевой дух оставляет желать лучшего. Поток беженцев из Шаумяновского и Мардакертского районов оказал сильнейшее психологическое воздействие на людей, многим стало казаться, что все потеряно. Прорыв противника на любом направлении мог обернуться для Карабаха непоправимой катастрофой. Азербайджан, вдохновленный своими военными успехами, уже готовился праздновать победу. В эти дни на одном из митингов в Баку Эльчибей⁵⁸ заявил, что через месяц он будет пить чай в Степанакерте.

ГЛАВА 9

ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ ВОЙНЫ

Создание Государственного комитета обороны

Эти дни оказались чрезвычайно тяжелыми для карабахцев, а для меня, может, вдвойне тяжелыми. Меня все знали как одного из самых последовательных и решительных лидеров карабахского движения, как человека, стоявшего у истоков организации отрядов самообороны. Где бы я ни появлялся, с кем бы ни встречался, будь то командиры отрядов, депутаты, бойцы, просто незнакомые мне люди, везде звучал один и тот же вопрос: почему все пошло не так? Что делать? Есть ли выход? Я пытался держаться уверенно, говорил, что выход есть и мы его найдем, переломим ситуацию и прочее, хотя внутренне такой уверенности не ощущал.

В один из первых дней августа, с утра, ко мне в здание Совмина пришел депутат парламента Борис Бабаян⁹⁹ и с ним еще человек пять активистов движения (некоторые из них были депутатами Верховного Совета). Бориса я знал давно, но сдружился с ним только в последние полтора года. Уравновешенный, рассудительный, из тех людей, кто вызывает уважение своим поведением, манерой говорить и даже просто внешностью. Вопросы звучали те же: все ли потеряно? Что делать? Почему я не беру всю ответственность на себя?

Я изложил им все, о чем думал в последнее время, — изложил системно, просто и понятно, хотя к разговору не готовился. Видимо, подсознание упорядочило мысли, которыми я в той или

иной форме уже месяц делился во время общения с разными людьми. Речь шла о необходимости полной концентрации власти, военной и гражданской, введении военного положения, полной мобилизации людских и материальных ресурсов, жестком и неукоснительном объединении отрядов в армию с беспрекословным единоначалием. Меня спросили: уверен ли я, что это спасет ситуацию?

— Не уверен, но шансы многократно возрастут. Все будет зависеть от того, как быстро и решительно эти меры будут реализованы.

— Почему же мы этого не делаем?

— Решение должен принять Верховный Совет, в виде закона, или хотя бы его Президиум. Иначе это будет выглядеть военным переворотом, а я не хочу быть его инициатором. Речь ведь идет о передаче всей полноты власти новому органу, другим людям. Власть обычно передают крайне неохотно.

Ребята отправились в здание Верховного Совета прямо через улицу, а я занялся своими делами. К концу дня у меня появились уже человек пятнадцать: депутаты, военные — те, с кем я был хорошо знаком. Мы перешли в другую комнату в том же здании, более просторную, где все могли поместиться для беседы. Выяснилось, что Борис провел день во встречах, предлагая реализовать мои предложения, и все были согласны. К процессу активно подключился Самвел Бабаян, всего за сутки идея стала всеобщей, и уже вечером следующего дня я обсудил ее с Олегом Есяном — председателем Совмина НКР, руководителями силовых ведомств и, конечно, с Сержем Саргсяном. Все меня поддержали. Я же тогда настоял, что готов взять на себя ответственность лишь в том случае, если получу на законной основе все полномочия, необходимые для реализации этой ответственности. Нужно было сформулировать в виде документа, в какой форме и какие полномочия мне необходимы.

Ночью, дома, под керосиновой лампой я провел несколько часов за Большой советской энциклопедией, изучая опыт СССР начала Великой Отечественной войны. Другого доступного

материала просто не нашлось. Наконец набросал список моих условий: создание Государственного комитета обороны и абсолютная концентрация всей власти у этого комитета; введение военного положения и всеобщая мобилизация. Воевать должны не только добровольцы, но все, кто подходит по возрасту и здоровью. Чтобы эффективно осуществлять режим военного положения, требовалось создать военную прокуратуру, военную комендатуру, ужесточить наказания по некоторым статьям УК и принять целый ряд других мер. Уже не помню, сколько в списке было пунктов, но я попытался на бумаге узаконить любые будущие действия, необходимые для мобилизации всех сил. Название — ГКО — позаимствовал из истории: так назывался орган, созданный Сталиным в начале Великой Отечественной войны в 1941 году. Кое-что я взял оттуда и по сути. Помню, что даже выдрал эту страницу из энциклопедии. Решение было простым: все распоряжения ГКО имеют законную силу и обязательны для выполнения на всей территории НКР. Я считал, что полномочия ГКО должны быть адекватны сложившейся ситуации, а именно угрозе существования республики.

Пару дней мы обсуждали предложенные решения, но процесс трансформации власти уже пошел. 12 августа Президиум ВС объявил военное положение и еще раз обсудил прошение Георгия Петросяна об отставке. Через день после этого в здании Совмина собрался Президиум ВС. Заседание получилось недолгим, а началось оно с отставки Олега Есяяна. Выступления в основном касались будущего Совмина: остается он или распускается? Я разъяснил, что правительство должно остаться, но уже в подчинении ГКО. Других вопросов или возражений не было. Я тогда сказал: «Для меня это очень сложный выбор, но это те условия, без которых я не вижу никакой возможности выхода из сложившейся ситуации. Если принимаете — готов взять на себя ответственность». Все проголосовали «за». Таким вот образом и приняли решение о создании нового высшего органа власти — Государственного комитета обороны, к которому перешли все полномочия Совмина

и большая часть полномочий Президиума Верховного Совета. Меня назначили на пост его председателя.

Так впервые моя власть получила формальный статус.

Все понимали, что положение дел крайне тяжелое, а я предложил конкретный план действий и брал на себя ответственность за его реализацию. Все были готовы принять любое решение, дающее хоть какую-то надежду, даже иллюзорную, и хорошо, что тогда общий интерес перевесил личные амбиции, да и привлекательность власти казалась очень сомнительной. Еще в середине июля Георгий Петросян просил об отставке, которую Президиум ВС не принял. Парадоксальная ситуация: власть, за которую обычно всегда и везде борются, оказалась обузой, от которой охотно избавлялись. Стать главным в тот момент, когда все рушится, — чрезвычайно трудное решение. Звучит забавно, но пост председателя ГКО оказался едва ли не единственной за всю мою политическую карьеру должностью, которую никто не пытался у меня оспорить. Потом желающих побороться со мной за власть и полномочия будет достаточно...

Конечно, у меня оставались сомнения: абсолютная уверенность в успехе в тех обстоятельствах была невозможна. Но я видел, что на меня с надеждой смотрят люди. Я оказался в ситуации, где нет выбора, особенно когда понимаешь: если не ты, то никто этого не сделает. Вопрос ведь стоял так: ты теряешь — или не теряешь родину, в самом прямом смысле. Моя вовлеченность в борьбу за Карабах была настолько сильной, что я тогда почти утратил ощущение границ между своей судьбой и судьбой страны. Я был одним из тех, кто вдохновлял народ бороться за свободу, и победа в этой борьбе стала всепоглощающим делом моей жизни. Мог ли я уклониться от этого решения? Наверное, мог бы, но тогда мне следовало просто собрать чемоданы, уехать и строить жизнь в другом месте, например в Москве. Я уверен, что нашел бы, чем там заняться. Может, стал успешным бизнесменом или еще кем-то — не знаю. Но тогда всю жизнь мне пришлось бы прятать глаза от тех, кто нам поверил и кого мы подняли на борьбу.

Первые успехи

Передав власть ГКО, Верховный Совет на некоторое время перестал функционировать, хотя официально его никто не распускал. ГКО обладал неограниченными полномочиями, и у него не было необходимости ни с кем согласовывать свои действия. Уже через день после создания ГКО стало ясно, что его деятельность не регулируется никакими нормативными актами. Как принимать решения, как проводить заседания, как взаимодействовать с министерствами — ответов на эти и другие вопросы не было, и нам предстояло их найти.

К этому моменту мы просто создали высший орган власти с чрезвычайными полномочиями, и все. Разработать необходимую нормативно-правовую базу не успели. Шла война, и мы находились в незавидном положении. Однако отсутствие законов и норм стало преимуществом: я буквально с колес, сразу после обсуждения с соответствующими ведомствами, решал вопросы так, как считал нужным. Действовал как президент и премьер-министр в одном лице, причем с чрезвычайными полномочиями, при отсутствии парламентского контроля. Заседаний проводил крайне мало, управлял путем прямых распоряжений. Ритм работы был бешеный.

Моя ключевая задача состояла в построении сильной власти и боеспособной армии. Требовалось создать механизмы, позволяющие мобилизовать все людские и материальные ресурсы для достижения единственной цели — обеспечения эффективной обороны. На это были направлены все мои действия, ведь враг уже контролировал больше половины территории республики. Первые решения, принятые в срочном порядке, касались мер по укреплению военного положения, всеобщей мобилизации, созданию военной прокуратуры, комендатуры и военного трибунала. Участие в войне перестало считаться делом добровольным, мы провели жесткую мобилизацию, отменив льготы и призвав на службу всех, кто мог держать в руках оружие. Бронь по всему Карабаху имели максимум четыреста пятьдесят — пятьсот человек. Активно и четко

действовали только что сформированные репрессивные структуры. Без них мы не смогли бы решить задачу всеобщей мобилизации и дисциплины в армии и стране.

Материальные ресурсы были в дефиците и в первую очередь передавались армии, так что если в семье никто не воевал, то прокормиться удавалось с трудом. С уклоняющимися от службы не церемонились, вплоть до конфискации их пустующих домов, которые отдавали семьям воюющих и погибших; таких решений за первые полгода мы приняли более пятисот. Действовала простая логика: люди, защищающие нашу землю, а значит, и стоящие на ней дома, приобретают первоочередное право в них жить. На месте уничтожалось или конфисковывалось имущество тех, кто пытался его вывезти без особого разрешения, а таковые не давались никому. Все это делалось вполне законно: тогда еще не была проведена приватизация жилфонда, пустые квартиры оформлялись как бесхозные и распределялись. Исключений не существовало вообще. Ни для кого! Первыми своих квартир лишились уехавшие из Карабаха родственники знаковых личностей Карабахского движения: сын Аркадия Манучарова и зять Генриха Погосяна. Меры, конечно, жесткие, применять их было совсем не просто, но и сработали они очень эффективно: отток людей прекратился сразу.

Восстанавливать работу коммунальных служб нам пришлось в условиях постоянных обстрелов: за первые несколько месяцев после создания ГКО возобновилось электроснабжение Карабаха, заработал водопровод, начал поступать газ из Армении. Снова открылся хлебозавод, а «Сельхозмаш» переоборудовали в танкоремонтный завод, и всю войну он эффективно восстанавливал бронетехнику. В Степанакерте были сформированы мобильные группы рабочих, которые после прекращения обстрелов и бомбежек сразу начинали латать крыши, убирать мусор — ликвидировали последствия разрушений. Едва стихали сирены и взрывы, как на крышах начинали стучать молотки. Психологический эффект оказался потрясающим! Этот стук действовал мобилизующе: ведь если крыши чинят, значит, мы живем и боремся.

Всеми хозяйственными вопросами с энтузиазмом занимался мой заместитель Жирайр Погосян⁶⁰, маленький, энергичный, внешне очень похожий на знаменитого шансонье Шарля Азнавура.

Как-то раз во время очередной воздушной тревоги мы с Жирайром работали у меня в кабинете. В бомбоубежище спускаться не стали, я никогда этого не делал и за всю войну так ни разу и не побывал там. Каждый день нас постоянно то обстреливали, то бомбили — и что? Все это время работать в подвале? Сотрудников аппарата мы заставляли туда уходить, а сами оставались наверху.

Слышу, шарахнуло по крыше здания, и уже по звуку понимаю, что это очередной залп из установки «Град». Думаю, надо посмотреть, что там. Побежали с Жирайром наверх, видим — крышу разворотило, одна панель упала, разломившись надвое, и провалилась в чей-то кабинет. Взрывом все раскидало: на полу, вперемешку с раскаленными осколками от ракеты, валяются кипы бумаг, обломки мебели, и все это полыхает.

Воды у нас на пятом этаже не было, и мы с Жирайром, сорвав с себя одежду, бросились ею сбивать пламя. С большим трудом, но все же смогли потушить огонь, иначе здание сгорело бы полностью.

* * *

Параллельно со всеобщей мобилизацией мы кардинально реформировали силы самообороны: создали шесть оборонительных районов, переформировали все отряды в армейские структуры по схеме «взвод, рота, батальон» с подчинением единому командованию. Зачастую попытки объединения фидаинских отрядов вызывали сопротивление: не все полевые командиры признавали армейскую дисциплину и субординацию. Не все были готовы отказаться от той фактической власти, которую привыкли иметь на местах. В этот сложный период даже боевых, зарекомендовавших себя ребят приходилось наказывать: кого-то разоружали, кого-то арестовывали, по-другому мы не смогли бы привести всех под единое командование. Все делалось очень быстро и жестко, и важную роль на этом этапе сыграл Самвел Бабалян. Именно ему, человеку с железной

волей, пришлось выполнять практическую работу по объединению отрядов в регулярные воинские подразделения. Благодаря предпринятым усилиям через несколько месяцев под ружьем у нас было уже более 15 000 бойцов, а в войсках появилась дисциплина. Вот так, прямо на ходу, в боях, создавалась Армия обороны Нагорно-Карабахской Республики. Управлялась она Генштабом, в котором наши опытные полевые командиры сотрудничали с профессиональными военными. Совместная работа людей с различными подходами и разным опытом позволяла находить оптимальные решения военных задач.

Все эти меры сработали очень быстро. Настроение людей менялось буквально на глазах. После периода отчаяния и безысходности у них появились надежда и уверенность. Люди почувствовали, что есть сильная власть, которая знает, что делает. Доверие к власти сказалось и на боевом духе армии, возвращая ей веру в победу.

В сентябре 1992 года шли ожесточенные бои в Мардакертском районе. Ценой больших потерь враг овладел селами Вагус и Арутунагомер, взяв под полный контроль трассу на Кельбаджарский район. Октябрь и ноябрь прошли в тяжелых боях на всех направлениях. Противник вел наступления на Мартунинском, Мардакертском, Аскеранском направлении, на юге Гадрутского района — и одновременно двигался на Лачинский коридор с севера и с юга, чтобы закрыть «дорогу жизни», как ее называли люди.

Помню одну из поездок в полевой штаб по северному направлению. Ответственный за направление Сейран Оганян доложил обстановку, рассказал о принимаемых мерах. Совещание шло под непрерывный грохот канонады: линия фронта проходила совсем рядом. Ситуация была очень тяжелой, все выглядели вымотанными: шла третья неделя непрекращающихся боев. Завершив совещание, мы вышли из штаба и двинулись к машине. Не успели сделать и двадцати шагов, как из-за холма вынырнули два самолета и понеслись к нам на бреющем полете. Мы бросились врассыпную и упали ничком. Один самолет отбомбился подальше, а второй прошел прямо над нами. Я увидел, как на нас спускается здоровая

бомба с маленьким парашютом. Подумал: неужели моя? Сильнее прижался к земле и зажал уши руками. Прележал так несколько минут, но взрыва так и не услышал, а вроде уже должно было грохнуть. Подождал еще немного — тишина. Встал, сделал несколько шагов и сразу увидел бомбу. Она не разорвалась и торчала из земли метрах в двадцати пяти от нас. Бомба была исписана колоритной руганью, адресованной карабахцам. В этот раз нам повезло... А через неделю Сейран был тяжело ранен, и врачам пришлось ампутировать ему ногу.

* * *

Выбор средств ПВО у нас был невелик: только ПЗРК, несколько «Шилок» и зенитных ракетных комплексов «Оса». Хотя мы уже научились сбивать самолеты, азербайджанская авиация очень досаждала постоянными налетами на наши войска и населенные пункты в долине реки Хачен.

Во время одного из авианалетов в селе Ванк от шариковой бомбы погиб Борис Бабаян, человек, который фактически подтолкнул процесс создания ГКО. Когда к сентябрю 1992 года мы потеряли почти весь Мардакертский район — один из самых больших районов Карабаха, где жило более 45 000 человек, — под нашим контролем осталось всего четыре села на границе в долине реки Хачен. Для жителей этого района ситуация сложилась катастрофическая: фронт в паре километров, села оказались бесхозными, в них царил полнейший разлад. Чтобы люди не бросили села, требовалось срочно восстановить там местное управление и наладить жизнь, а для этого нужен был человек, который способен это сделать и которому поверят. Таким человеком оказался Бабаян. Осенью — кажется, в конце сентября — он сам пришел ко мне и попросил направить его туда. Борис был родом из Мардакертского района, переживал за его судьбу и решил взять на себя тяжелейшую ответственность в ситуации, когда мы почти потеряли эту территорию. Я тут же назначил его руководителем местной администрации, он сразу отправился туда, и мы начали активную совместную работу. Довольно быстро

в села провели линию электропередач — 10 000 вольт, стали налаживать быт, и люди действительно не покинули свои дома, остались, доверившись нам. А потом Борис погиб...

* * *

Наши усилия по построению боеспособной армии дали результат. К середине осени азербайджанцы почувствовали, что ситуация в Карабахе изменилась. На всех направлениях мы стали действовать увереннее и агрессивнее. Появились первые успехи, а уже поздней осенью мы взяли инициативу в свои руки.

К ноябрю 1992 года на севере Карабаха линия обороны пролегла по горам, разделяющим долины рек Тер-Тер и Хачен. Отсюда в середине ноября мы начали наступление, которое определило перелом в ходе боевых действий. Наши войска стремительным броском за несколько дней заняли высоты над селами Вагуас и Арутюнагомер, обеспечив нам возможность контролировать трассу Кельбаджар — Мардакерт. Все отчаянные попытки противника вернуть контроль над высотами провалились, несмотря на переброшенные сюда большие резервы. Нам удалось удержать позиции и закрепиться, при этом нанеся большой урон наступающему врагу.

Конец 1992 и начало 1993 года прошли относительно спокойно для всего Карабаха. Азербайджан понес большие потери в живой силе и технике, и было видно, что армия противника выдыхается и нуждается в передышке. Мы понимали, что будет вторая волна наступления, готовились к нему, но с настроением уже не на оборону, а на развитие успеха и освобождение Мардакерта. В те дни на северном направлении смелостью и дерзостью особо отличились Рафаел Сайинян, которого называли Бородой за то, что он отрастил бороду, как у священника, и Аркадий Ширинян по кличке Холостой.

Как мы и ожидали, в середине января 1993 года азербайджанские войска возобновили военные действия почти по всем направлениям. Началось все с интенсивных артобстрелов и авиабомбежек городов и сел Карабаха, затем развернулось наступление по направлению села Чартар Мартунинского района, а через день и на севере

Мардакертского. Все атаки были успешно отбиты, противник понес серьезные потери, и стало ясно, что нам наконец-то удалось переломить ситуацию на фронте в свою пользу.

Мы тут же приступили к освобождению Мардакертского района: перебросили туда дополнительные силы, ударное подразделение ЦОР и отдельный мотострелковый батальон, а также некоторые подразделения 3-го и 4-го оборонительных районов (эти подразделения лучше всего подходили для наступательных штурмовых операций).

Наступление началось 5 февраля и велось стремительно, мощно и дерзко. Всего за две недели мы выбили врага из большей части района, полностью взяли под контроль дорогу Мардакерт — Кельбаджар, освободили множество сел и вышли к плотине Сарсангской ГЭС. Село Вагуас Мардакертского района в тяжелейших боях несколько раз переходило из рук в руки. Когда нам удалось, наконец, его окончательно отвоевать, я сразу туда приехал. Картина была удручающая: все дома полностью разрушены, более пятидесяти бойцов из числа жителей села погибли в боях на Мардакертском направлении.

Во дворе одного из разрушенных домов увидел старика. Я подошел, поздоровался с ним, спросил, что он делает. «Пришел посмотреть, как тут мой дом. Надо его восстанавливать, нам ведь здесь жить». Узнал, что у него четверо сыновей, один погиб неделю назад, трое воюют. В двух-трех километрах от села еще шли бои. Эта сцена врезалась в мою память и держится в ней до сих пор.

Тогда я решил, что восстановление района мы начнем с этого села. Сразу после окончания войны в 1994 году я попросил помощи у армянской общины Буэнос-Айреса. Они с энтузиазмом откликнулись, и группа армян из Аргентины на свои средства полностью отстроила заново семь разрушенных и дотла сожженных сел республики. Первым восстановили село Вагуас.

Кельбаджар

Природа в этих местах поразительно красива и разнообразна: обрывистые отвесные скалы словно прорастают сквозь массив

величественных, покрытых лесом гор. Ущелье то сужается, образуя тесный каньон, на дне которого ревет река, то расступается в широкую и светлую долину. А дальше живописность пейзажа вдруг исчезает, ландшафт становится строгим и напоминает пустыню, среди которой в самых неожиданных местах вздымаются желто-коричневые, будто сделанные из песка и вулканической лавы горы и каменные столбы. Ближе к Мардакерт картина полностью меняется: здесь по всему горизонту тянутся высокие пики Муровдагского хребта, почти круглый год покрытые снегом.

В войсках царило воодушевление, все предчувствовали скорое освобождение Мардакерта. Пытаясь спасти ситуацию, противник предпринял безуспешную попытку наступления из Кельбаджарского района дислоцированными там войсками.

Для нас этот высокогорный район Азербайджана представлял исключительную важность из-за своего географического расположения. Примыкая с севера к Лачинскому, он вклинивался между Карабахом и Арменией. Наши войска в Мардакертском районе оказывались в уязвимой ситуации, поскольку их могли атаковать не только с севера и востока, но и с запада, со стороны Кельбаджара. Контроль над Кельбаджарским районом позволил бы нам сосредоточить все силы на восточном и северо-восточном направлениях. На севере от соседнего района Азербайджана Кельбаджар отделял высокий горный хребет. Через Омарский перевал на высоте более 3200 метров проходила одна-единственная дорога, и, чтобы ее удержать, от нас не потребовалось бы больших сил и средств. При этом линия фронта сокращалась в разы. В общем, захват Кельбаджарского района стал для нас военной необходимостью, без которой успех на Мардакертском направлении оказался бы краткосрочным. Для проведения этой операции, одной из самых значимых в ходе войны после Шушинской, мы, как и недавно в Мардакерте, сосредоточили штурмовые подразделения из всех оборонительных районов и свою основную ударную силу — отряд ЦОР. Руководство операцией было поручено Монте Мелконяну⁶¹.

Наступление началось 27 марта, и уже ко 2 апреля наши войска, захватив с боями несколько сел, вышли на важный перекресток, откуда по узкому ущелью дорога вела на Омарский перевал. Опасаясь оказаться в полном окружении, противник запаниковал и начал беспорядочно отступать. Вслед за военными потянулось и население. Мы приостановили продвижение наших войск, чтобы избежать жертв среди гражданских, и более суток наблюдали, как люди уходят через Муровдагский хребет в сторону Гянджи. 5 апреля наши подразделения заняли Омарский перевал и установили полный контроль над Кельбаджаром. А вскоре выяснилось, что с жителями Кельбаджара в панике ушло и все население Лачинского района.

Погибших непосредственно от боевых действий среди гражданских оказалось совсем немного, лишь позже мы узнали из азербайджанских источников, что не все осилили переход через горный хребет: ночь выдалась холодной, и были замерзшие в пути. Мы потеряли четырнадцать человек убитыми. В ближнем бою был тяжело ранен в живот командир подразделения ЦОР Самвел Карапетян, один из самых заслуженных боевых офицеров Карабаха.

Во время операции не обошлось без неприятных сюрпризов. В самый разгар наступления мне доложили, что по национальному радио второй день идет передача о недопустимости и безответственности захвата Кельбаджара и о возможных непредсказуемых последствиях для Армении. Я пришел в ярость! Во время военной операции такая передача на национальном радио? Бойцы, которые прямо сейчас выполняют там боевые задачи, должны слушать этот бред? Это пахло предательством! Я связался с Зорием Балаяном и попросил выяснить на радио, кто за этим стоит. Через пару часов он сообщил, что звонок к ним поступил из президентского аппарата; прислали человека по имени Сергей (фамилию уже не помню) из комитета по особым программам — того самого комитета, который занимался Карабахом, — с готовым аналитическим материалом. Я поручил найти этого Сергея и выяснить, кто дал ему такое

задание. Его задержали прямо на работе, доставили в Карабах и допросили. Оказалось, что он действовал по указанию Ашота Манучаряна, главного советника президента Армении по национальной безопасности. Ашот, один из ярких членов комитета «Карабах» митингового периода, впоследствии оказался совершенно непригоден для государственной службы. Его заикленность на создании непонятных теневых структур одних ведомств под крышей других разрушала зарождающиеся зачатки институциональности власти. Бурное воображение Манучаряна закручивало в сложнейшие виртуальные схемы самые простые события, с которыми он боролся одному ему ведомой логикой теневого управления мировыми процессами. Хотя происшедшее было похоже на Ашота, мне не хотелось верить, что он приложил к этому руку. Но... Прочитал объяснения Сергея, написанные им на четырех листах мелким ровным почерком. Искренность и правдивость описанного не вызвала сомнений.

Через неделю после успешного завершения операции я выехал в Ереван, чтобы решить несколько вопросов. Зашел и к Тер-Петросяну, рассказал о радиопередаче и попросил объяснения. Тер-Петросян категорически отрицал свое участие в неприятной истории, сказал, что это самодеятельность Ашота, о которой он ничего не знал. Обещал разобраться. Встречаться с Ашотом я не стал, опасаясь сорваться на грубость. Сказал пару теплых слов по телефону. Через пару недель Манучарян ушел в отставку и превратился в одного из самых яростных оппозиционеров.

* * *

Убегающий из Кельбаджара противник бросил все, что не смог унести. Мы существенно пополнили свои ресурсы обнаруженными в этом котле бронетехникой, боеприпасами, горючим и продовольствием. В Кельбаджаре разместили отряды, находящиеся в подчинении МО Армении, и передали район под контроль республики. Наши силы самообороны были переброшены на восточное направление, где им предстояло завершить освобождение Мардакерта.

Конец апреля и май прошли относительно спокойно. В боях локального значения мы отвоевывали важные высоты на Мартунинском и Гадрутском направлениях, прочно удерживая инициативу на фронтах. В середине июня началась операция по освобождению райцентра Мардакерт и близлежащих сел, и к концу месяца мы полностью восстановили контроль над Мардакертским районом.

* * *

После взятия Кельбаджара посредники начали оказывать на нас сильнейшее давление, требуя вернуть район Азербайджану. Вероятно, им показалось, что наш успех изменил ситуацию, появился предмет торга — Кельбаджар — и можно найти формулу урегулирования конфликта. Руководство Армении серьезно беспокоилось из-за этого давления, опасаясь, что наша неуступчивость может обернуться для страны санкциями и международной изоляцией. Нам было проще: у нас не было выбора. Шла война за выживание, и возвращение Кельбаджара мы воспринимали как самоубийство. Суицидальных наклонностей мы не имели и вдобавок уже ощутили вкус побед. Конечно, нас волновали подобные резолюции, но не настолько, чтобы делать очевидные глупости. Карабах оставался непризнанной республикой, рычагов прямого воздействия на нас не существовало, и, естественно, все давление сфокусировалось на Армении. Логика понятна: поскольку Армения поддерживает Карабах, на нее ложится ответственность за происходящее у нас.

События в Карабахе стали постоянной головной болью для Тер-Петросяна, который опасался, что они могут привести к тяжелым последствиям для страны. Я с пониманием относился к его тревоге, но считал ее преувеличенной. Меня не покидала уверенность, что за резолюциями никаких санкций не последует. Распад СССР произошел настолько быстро, что вряд ли мировые и региональные игроки успели определиться со своими долгосрочными интересами на Южном Кавказе. А значит, они не станут делать никаких резких движений и многое будет зависеть от складывающейся де-факто ситуации. Поэтому мы спешили закрепить военный успех

и получить максимум преимуществ к тому времени, когда распад СССР будет всеми геополитически переварен.

Реакция руководства Армении была понятна: оно чувствовало себя ответственным, прежде всего, за свою страну. Да еще накладывалась специфика мышления в постсоветских странах; многим казалось, что после советского Политбюро над ними стоит некое мировое политбюро в Брюсселе или Вашингтоне. У нас же, в непризнанном мировым сообществом Карабахе, в международных делах царила анархия.

На 12 июня Совбез Армении назначил выездное заседание в Горисе, и на него пригласили руководство Карабаха. Цель заседания — добиться от нас принятия решения о возвращении Кельбаджара Азербайджану. Предлагалось вернуть Кельбаджар, прекратить военные действия и ввести сюда миротворческие силы. Все это абсолютно не соответствовало нашему видению ситуации и, как нам тогда казалось, в большей степени исходило из собственных интересов посредников. Я считал, что в той ситуации никакие миротворческие силы не обеспечат безопасность Карабаха. Словом, Кельбаджар сдавать мы не собирались — не для того мы его брали.

Накануне поездки в Горис у меня состоялось несколько телефонных разговоров с Тер-Петросяном, в которых он очень категорично высказывался о сдаче Кельбаджара, называя ее неизбежным шагом. Я понял, что он не изменит свою точку зрения, поэтому встреча в Горисе ожидается непростая: давление на нас будет сильным. Ссориться с Тер-Петросяном я не хотел, ведь с Арменией предстояло решать множество вопросов и хорошие отношения были очень важны. А вот если бы против передачи Кельбаджара выступили члены Президиума ВС, это стало бы идеальным вариантом. Большинство в Президиуме составляли дашнаки, а у их партии и без того с руководством Армении отношения не складывались. И я предложил Тер-Петросяну пригласить в Горис все руководство парламента Карабаха. Они уже работали с зимы 1993 года, хотя заседаний не проводили. «Знаешь, — говорю Левону, — это очень серьезный вопрос. В обсуждении должно участвовать все

руководство Верховного Совета, чтобы потом не было никаких спекуляций. Тем более что большинство там составляют дашнаки и, если они проголосуют за возврат Кельбаджара, это не даст разгореться протестным настроениям у «Дашнакцутюн» в самой Армении». Тер-Петросян согласился. Оставалось договориться о поддержке со стороны руководства нашего парламента.

В Горис я отправился с нашим министром иностранных дел Аркадием Гукасяном и Самвелом Бабаяном. По пути обогнали машину, в которой ехали представители Президиума ВС, и прямо на дороге переговорили с ними. Я сказал прямо:

— Ребята, вы ведь против сдачи Кельбаджара. Не хочу портить отношения с президентом Армении, мне с ним каждый день работать. Возьмите на себя инициативу категорического отказа — объясните, что это создаст угрозу безопасности Карабаха. Договорились?

— Да, конечно, мы все объясним! Кельбаджар сдавать никак нельзя, — закивали они.

Приехали в Горис, маленький город, расположенный у Лачинского коридора. Совбез должен был проходить в оставшемся с советских времен гостевом доме — небольшом здании, расположенном в паре километров от города, у небольшого пруда. Армению, кроме президента, представляли Бабкен Аракцян⁶² — председатель парламента, Вазген Саргсян, Давид Шахназарян⁶³ — советник президента, активно ведущий переговоры по Карабаху, и кто-то еще, уже не помню. От Карабаха кроме нас с Аркадием и Самвелом приехали Левон Мелик-Шахназарян⁶⁴, Валера Балаян и еще несколько членов Президиума ВС. Ко всеобщему удивлению, неожиданно обнаружилось, что отсутствует председатель Президиума Верховного Совета Георгий Петросян. Остальные парламентарии уверяли, что он скоро будет, выехал одновременно с ними; в дороге они его, правда, потеряли, но считали, что он их обогнал и уже на месте. Но здесь Георгия не было.

Началось заседание Совета безопасности. Тер-Петросян взял слово. Харизматичный, властный от природы, убедительно говорить он всегда умел, а в этот раз выступил особенно красноречиво.

Рассказал про всю тяжесть текущей ситуации, перечислил причины, по которым, как он считал, необходимо прислушаться к мнению международного сообщества, припугнул негативными последствиями и в заключение безапелляционно заявил:

— Никакой альтернативы нет и быть не может, Кельбаджар необходимо вернуть по схеме, предложенной посредниками. Мне даже звонил Ельцин. Какие есть мнения по этому вопросу?

Смотрю на наших парламентариев... а они все сидят и молчат!

Понимаю, что Тер-Петросян их не переубедил, но вижу, что никто не решается возразить, а значит, пойти на конфронтацию. Я попытался подтолкнуть ногой сидящего рядом, искал взгляды остальных, но безуспешно — все отводили глаза. Тогда я начал возражать сам, сначала осторожно, а потом, постепенно заводясь, все резче и резче. Я говорил о том, что страх перед всевозможными резолюциями мирового сообщества не должен перевешивать ответственность за население НКР. Напомнил, что совсем недавно, когда перевес был на стороне Азербайджана, то же самое мировое сообщество нимало не утруждало себя резолюциями о нависшей над армянами Арцаха угрозе истребления. Почему же сейчас мы должны жертвовать безопасностью своей страны, чтобы угодить этому сообществу? Завязалась дискуссия с членами Совбеза РА, подключились и карабахцы. Poleмика мгновенно приобрела острую форму, и пошло-поехало... Иногда я вел себя излишне резко и грубо, и могло сложиться впечатление, что я специально провоцирую конфликт, чтобы сорвать заседание. Но это было абсолютно не так, просто обсуждалась настолько болезненная тема, что я не сумел остаться спокойным. Тер-Петросян слушал, слушал, а потом посмотрел на меня пристально и говорит:

— Подожди, Роберт... Так ты что, больше всех против?

— Ну конечно, против! — взорвался я — Не для того мы Кельбаджар брали, чтобы потом отдавать!

И тут, в самый разгар бурного спора, появляется Георгий Петросян! Мне показалось, что он пришел подвыпившим; во всяком случае, был очень возбужден. Опоздал Георгий часа на полтора, и к его

приходу страсти уже накалились до предела. А он, едва ввалившись в комнату, где шло заседание, прямо с порога взволнованно заявил: «Все, я все решил, дайте я скажу, я...» — «Что ты решил?» — «Я беру ответственность на себя!» Я бросаюсь к нему: «Какую ответственность? Кто ты такой?» А он упрямо: «Я беру на себя ответственность, я все понимаю! Понимаю, что это неправильно! Понимаю, что... но... Да! Кельбаджар надо сдать!» Тут его же однопартийцы наехали на него: «Ты что, Жора!» Но он упрямо твердил свое. Все недоуменно переглядывались, не понимая, что это вдруг нашло на Георгия, зато Тер-Петросян очень обрадовался и сразу же ухватился за его слова. Говорит Давиду Шахназаряну: «Все! Председатель Президиума согласен! Нужно немедленно сообщить в Москву, что решение принято!» А в Горисе, в этом райцентре, единственным средством связи с Москвой в то время был факс, который стоял у руководителя администрации в кабинете. Тер-Петросян командует: «Идите и отправьте Казимирову факс, что армянская сторона принимает условия сдачи Кельбаджара!» Давид Шахназарян вышел сразу, а Георгий через пару минут следом за ним.

Мы остались ждать. Тер-Петросян сияет, у карабахцев настроение траурное; сидим злые, друг с другом не разговариваем. Перед нами накрытый стол, но кусок в горло никому не лезет. У меня в голове лишь одна мысль: черт, как из этой истории выпутываться? Минут через сорок Тер-Петросяну звонит Давид: «Я давно в администрации, где Георгий?» Видимо, наша реакция на Петросяна была такой бурной, что, выйдя на улицу, он вдруг одумался: «Что же я делаю?» — и сбежал. Просто пропал, как и по дороге в Горис. Толковый, хороший парень, просто чересчур эмоциональный.

Факс в Москву так и не отправили, поскольку формально наше согласие должен был подтвердить председатель Президиума ВС. Но, поскольку председатель исчез, согласия со стороны Карабаха не получилось...

На этом мы расстались и уехали бы в хорошем настроении, если бы не весть о гибели Монте Мелконяна, легендарного

командира Мартунинского оборонительного района. Удивительно обаятельный, кристально честный романтик, Монте родился в Калифорнии, получил блестящее университетское образование, а позднее оказался в Бейруте, где защищал армянские кварталы во время гражданской войны в Ливане. Там он и приобрел опыт боевых действий. Жители района полюбили его сразу, и очень быстро он завоевал доверие и уважение всех наших командиров своей смекалкой и бесстрашием. Убили Монте в бою под Агдамом у села Марзили, где его группа столкнулась с подразделением противника во время разведки местности.

* * *

Через два дня мне позвонил Тер-Петросян и сказал: «Это невозможно так оставить. Со мной связывался Ельцин. Он крайне недоволен, настаивает на том, что Кельбаджар нужно вернуть Азербайджану». Я понимал, что президент Армении сильно переживает из-за сложившейся ситуации, опасается испортить отношения с Россией, боится новых резолюций СБ ООН. Да и в первой, уже принятой 30 апреля резолюции по конфликту в Нагорном Карабахе, кроме требования к обеим воюющим сторонам прекратить боевые действия, содержалось и особое обращение к Армении: «Немедленно вывести оккупационные силы из Кельбаджара».

Для нас же вопросы практической безопасности Карабаха были важнее всего. Я полагал, что дальше резолюций дело не пойдет и переход к санкциям будет не мгновенным, мы успеем отследить его и отреагировать. При этом я понимал всю сложность положения президента Армении и, не желая открытого конфликта, выразил готовность еще раз обсудить вопрос.

Тер-Петросян прилетел в Степанакерт. Мы собрались в парламенте: практически весь Президиум ВС, ГКО, все ключевые лица исполнительной власти. Президент Армении вел себя решительно. Он предупредил, что приехал сказать свое последнее слово; что не намерен спорить с нами, поскольку аргументы сторон известны. К тому, что он говорил прежде, хотел бы добавить только одно:

сейчас мы успешно воюем с Азербайджаном, но если откажемся выполнять требования резолюции, то воевать нам придется уже со всем миром. Нельзя шутить с международным сообществом, когда оно требует ответа. Более того, своим отказом мы приобретем конкретного врага. И это будет не Турция, не Азербайджан, не Иран, а Россия, которая не простит нам, если мы отвергнем ее план. Речь идет о международном авторитете России, об авторитете Ельцина. Не дай бог сделать врагом такого человека, как Ельцин. Прекратится сотрудничество с Россией, мы погубим трехсотлетние отношения с нашим союзником. Сказал, что останется у нас как заложник хоть на десять дней, но без нашего согласия не уедет. Я видел, что он сильно волнуется и искренне верит в то, о чем говорит. Высказавшись, Тер-Петросян оставил нас одних обсудить между собой его слова, сам же ушел в соседнюю комнату.

Обсуждение получилось сложным и сумбурным. Тер-Петросян обострил вопрос до предела, сделал его восприятие черно-белым, не оставив промежуточных оттенков. Никто не хотел возвращать Кельбаджар, но все понимали, что отказ Тер-Петросяну сейчас, при такой постановке вопроса, навсегда испортит наши отношения и породит новую проблему. Некоторые члены Президиума, дашнаки, высказались против; однако представители исполнительной власти предлагали согласиться с Тер-Петросяном, но выдвинуть свои условия, продлить период реализации плана, выиграть время и действовать по ситуации. Подавляющее большинство поддержало этот вариант, на нем мы и остановились. Тут же Георгий Петросян ушел в отставку, и исполняющим обязанности стал Карен Бабурян⁶⁵, которому предстояло подписать письмо, подтверждающее наше согласие с предложением посредников. За отставку проголосовало восемь человек против одного и еще один воздержался.

Пригласили Тер-Петросяна, и я подвел итоги нашего обсуждения:

— Мы согласны вернуть Кельбаджар, но нам нужно время, чтобы вывезти оттуда все трофеи. Кроме того, мы должны создать

линию обороны между Кельбаджарским и Мардакертским районами, чтобы исключить угрозу наступления оттуда.

— Сколько времени вам нужно? — обрадовался он.

— Пару месяцев как минимум, если Армения поможет, — отвечаю.

В конце концов Тер-Петросян согласился с нашими условиями и улетел в Ереван.

Вечером того же дня мы с Самвелом Бабаяном уже обсуждали следующий шаг: как ускорить взятие Агдама. Оттуда продолжались постоянные артобстрелы наших городов и сел, и захват Агдама входил в наш план создания пояса безопасности вокруг Карабаха. К тому же мы рассчитывали, что, как только мы возьмем новый район, все посредники тут же переключат свое внимание на него и забудут про Кельбаджар.

Аргументы президента Армении меня не убедили. Очевидно, что возвращением Кельбаджара Россия хотела привлечь к себе Азербайджан, показать ему свою лояльность в ситуации, когда народный фронт Азербайджана и Эльчибей бросились в объятия Турции. Но все это выглядело как ситуативные, тактические попытки хоть как-то сохранить влияние. Они основывались не на расчете, а на предположении: вдруг сработает? Азербайджан к тому времени погрузился в политический хаос, и было непонятно: кто должен оценить усилия России? Мы считали, что жертвовать своей безопасностью в такой ситуации крайне неразумно. Опасения Тер-Петросяна мне вновь показались неоправданно преувеличенными, и его приезд лишь ускорил реализацию нашей главной задачи: создать пояс безопасности. Времени было в обрез.

В Азербайджане в тот период царила полная неразбериха, с каждым военным провалом у них менялась власть. Каждый раз, с потерей нового района, в Баку собирались многотысячные митинги, скидывали очередного лидера, на его место приходил другой — и так до следующего поражения на фронте. Муталибова скинули после того, как мы взяли Шушу. Эльчибей сбежал после потери Кельбаджара и успешных действий наших войск по ряду других направлений. Когда мятежный Сурет Гусейнов⁶⁶ двинулся на Баку,

Эльчибей отправился пить чай в родном селе Келлеки, хотя еще недавно на митинге клялся сделать это в Степанакерте. Мы даже шутили, что судьба президентов Азербайджана решается у нас в Карабахе. Конечно, чехарда с властью мешала им нормально отобилизовываться, решать военные вопросы, порождала разноречивую и междоусобицу в армейском командовании и приводила к военным поражениям. А новые поражения приводили к тому, что очередная власть, так и не успев укрепиться, опять менялась. Получался заколдованный круг: с одной стороны, политическая нестабильность не давала Азербайджану возможности успешно воевать в Карабахе; с другой стороны, происходящее в Карабахе создавало эту самую нестабильность.

Ситуация работала на нас, но мы понимали, что вечно это не продлится, поэтому надо использовать момент и безостановочно наступать, пока мы имеем преимущество: у нас была консолидированная власть, нас не раздирали никакие внутренние противоречия, мы ощущали подъем и были намного мотивированнее нашего противника. Мы строили свою стратегию на том, что чем динамичнее будем действовать, тем выше наши шансы на победу, и шли вперед не останавливаясь. К концу июня мы полностью вернули себе Мардакертский район, следующей целью был Агдам.

Агдам

Причин двинуться на Агдам, где находился центральный штаб азербайджанской армии, у нас хватало. Там же располагались оружейные склады, и именно из Агдама велся огонь по армянским селам; оттуда же били по Степанакерту из установок «Град». Большое расстояние от Агдама до Степанакерта затрудняло обстрелы города, но узкий участок азербайджанской территории здесь значительно выдавался вперед, образуя длинный язык. Каждый день, а то и несколько раз за день азербайджанцы выезжали к самому краю этого языка, пускали залп и быстро возвращались к себе в тыл, так что пару залпов из «Града» мы получали регулярно. В Агдаме было

полно и другой артиллерии: например пушки «Гиацинт», дальности которых вполне хватало для непрерывных обстрелов Степанакерта.

Операция началась во второй половине июля. Прямой лобовой штурм города мы не планировали. Наши подразделения стали обходить Агдам с севера и юга, используя рельеф местности. Отсутствие фортификационных сооружений и непрерывной линии обороны сыграло нам на руку — мы смогли вклиниться глубоко в тыл, просто огибая город. Один из отрядов проник намного дальше других по пустому оросительному каналу. Кольцо вокруг города мы не замкнули, на это у нас не хватило бы сил и средств. Но при этом создалось впечатление, что город окружают, — в этом и состоял замысел операции — и люди в спешке стали его покидать. А когда началось наступление на основном направлении, воля обороняющихся была окончательно сломлена. 23 июля наши войска вошли в Агдам и, преследуя противника, погнали его дальше.

Еще не иссяк поток бегущих из города людей, а во всех азербайджанских газетах уже появилась новость: «Агдам оккупирован армянскими сепаратистами!» Мне сразу же позвонили из Еревана: «Что там у вас творится?!» Естественно, там ничего не знали: мы же никого заранее не предупреждали, что собираемся брать Агдам, да и теперь признаваться в этом было рискованно. Мировое сообщество ждет, что мы вот-вот вернем Кельбаджар, а тут...

«Да вроде ничего особенного», — отвечаю. (На самом деле к этому моменту мы уже были в городе.) А звонки из Армении продолжаются — звонит Бабкен Аракцян, председатель парламента:

— Слушайте, в Азербайджане всюю пишут, что армяне взяли Агдам! Вы где?

— Да вроде нет, не брали, — отвечаю, — сами не понимаем, что происходит. Заняли несколько сопков, сидим на них, наблюдаем, как они почему-то из города бегут.

— Какую черта вы делаете на этих сопках?!

— Ну, так у них артиллерия там была, нас оттуда обстреливали, пришлось их немного подвинуть, — говорю. Но чувствую себя

страшно неудобно: с Бабкеном у нас очень теплые, дружеские отношения и врать ему крайне неприятно.

Мои объяснения, видимо, звучат неубедительно, и он звонит Гукасяну: «Слушай, ну хоть ты-то нормальный парень! Ты можешь мне честно сказать: что у вас там?!» Гукасян искренним и невинным тоном вторит моей версии: «Никуда не входили, сидим на сопках, наблюдаем: почему-то бегут из города».

Так мы никому в руководстве Армении, кроме Вазгена Саргсяна, и не сказали о реальной ситуации, пока не завершили операцию. Дня два на ходу сочиняли и рассказывали различные истории, а сами тем временем продвинулись еще дальше за Агдам, заняли значительную территорию и создали безопасную зону вокруг Степанакерта и прилегающих к нему сел. Теперь обстреливать нас теми средствами вооружения, которыми тогда располагал Азербайджан, стало невозможно. Нам предстояло окапываться на новом рубеже и укреплять линию обороны.

После потери Агдама Сафар Абиев, исполнявший в то время обязанности министра обороны Азербайджана, через Казимирова⁶⁷ обратился к нашему командующему армией Самвелу Бабалян с просьбой о передышке в военных действиях. Впервые при посредничестве России удалось подписать прямое соглашение с карабахской стороной о прекращении огня с 25 по 28 июля.

Кстати, в Агдаме, как и в Шуше, воевал Шамиль Басаев. Рассказывая в послевоенном интервью об этом периоде, он упомянул, что его сильно разочаровали азербайджанские войска. В то время имя Басаева нам ничего не говорило — мы знали лишь, что на стороне Азербайджана воюет немало чеченских боевиков. В горисполкоме Грозного, на втором этаже, была специальная комната, где записывали наемников, формировали отряды и посылали их в Карабах. Впервые мы узнали о чеченцах, услышав переговоры противника по радию на чеченском языке, а вскоре у нас появился и пленный, и убитые чеченцы. Удостоверения, которые имел каждый из них, не оставляли никаких сомнений в том, что против нас действуют чеченские наемники. Среди убитых оказался даже член

Центризбиркома Чечни. Захваченного пленного мы в качестве жеста доброй воли вернули в Чечню, Дудаеву, по их просьбе, под обещание, что они эту лавочку закроют. Сдержали они слово или нет, точно сказать не могу — но через некоторое время боевиков из Чечни действительно стало меньше.

* * *

Мои ожидания оправдались. После взятия Агдама внимание мирового сообщества переключилось на него, а про Кельбаджар уже никто не вспоминал. Теперь схожая история развернулась вокруг Агдама. 29 июля вышла резолюция Совета безопасности ООН № 853 с осуждением взятия Агдама, требующая незамедлительного вывода оттуда наших войск. Мы обсудили ее на ГКО и решили, что никакие резолюции не помешают нам выполнить главную на тот момент задачу: выйти на рубежи, формирующие самую короткую линию фронта, чтобы не оставить противнику возможности атаковать нас с тыла или флангов. Линия эта шла восточнее Мардакерта на юг до реки Аракс, по которой проходила граница с Ираном. Она же обеспечивала нам владение господствующими высотами, а значит, и преимуществами рельефа местности. Мы понимали, что неразбериха с властью в Азербайджане рано или поздно прекратится и мы столкнемся с более организованным противником. С нашими ограниченными людскими ресурсами растянутая линия соприкосновения не обеспечит устойчивую безопасность при затяжных боях.

После Агдама были Физули, Джабраил, Кубатлу, Зангелан и Горадиз. Мы брали все новые и новые районы, следуя первоначальному плану: создать линию обороны, которую можно будет долго удерживать. Мы последовательно выстраивали пояс безопасности вокруг НКР. В результате безостановочного наступления мы закрыли огромную зону до самого юга и вышли на реку Аракс. Население этих районов в панике ушло в Иран еще до прихода наших войск.

В ноябре 1993 года в южных районах мы столкнулись со множеством наемников, воевавших на стороне Азербайджана. Это были целые подразделения моджахедов из Афганистана, несколько тысяч

бойцов. Впервые мы услышали их речь на фарси по радиоперехвату в сентябре, а позднее, когда мы с боями заняли их казармы, обнаружили там материалы и карты на персидском языке. Пленный афганец рассказал нам, что они люди Хекматияра, одного из известных полевых командиров в Афганистане. По просьбе руководства Армении все найденные материалы мы передали им. Позже я узнал, что в попытке прекратить отправку наемников в Азербайджан советник президента Армении встречался с Хекматияром в Афганистане.

История раз за разом повторялась: мы брали очередной район, тут же прежний район терял актуальность, следовала новая резолюция, тут же включались посредники: «Сдавайте район в обмен на уступки от Азербайджана». После каждой успешной операции раздавался звонок из Москвы от Казиминова: «Вот, кажется есть предпосылки для заключения перемирия...» Мы соглашались, заключали краткосрочное перемирие, которое очень скоро нарушалось противником, и тут же быстро брали другой район. В этом нам помогали сами азербайджанцы: они начинали наступательные действия с целью вернуть себе территорию и в результате отступали с потерями, а мы продвигались вперед, с каждой операцией получая новые трофеи. Каждый район давал достаточно боеприпасов, оружия, техники и продовольствия, обеспечивая нас ресурсами для взятия следующего.

К ноябрю 1993 года наши войска вышли на самую прямую и короткую линию от Мардакерта до Аракса. Задача создания пояса безопасности была решена, теперь предстояло окопаться и закрепиться на этом рубеже.

Все эти блестящие наступательные военные операции велись против армии, значительно превосходившей нас по численности как в живой силе, так и в боевой технике, не говоря об авиации, которая у нас отсутствовала. Мы были организованнее, быстрее, мобильнее; дерзкие и рискованные маневры, обходы противника, вклинивание вглубь его боевых рядов создавали панику и позволяли нам достигать внушительного успеха меньшими силами и малыми потерями.

Тайная встреча с Гейдаром Алиевым

Состоялась она в конце сентября 1993 года в Москве, в мидовском особняке на улице Алексея Толстого, и была полностью конфиденциальной. Алиев накануне только-только вернулся из Нахичевани. По моим сведениям, там он пытался остудить горячие головы и не допустить втягивания Нахичевани в конфликт, предвидя плачевную развязку подобной авантюры.

Мы разговаривали тет-а-тет. Казимиров встретил нас, провел в зал с камином и оставил наедине. Предполагалось, что к концу беседы он присоединится к нам для подведения итогов и краткого резюме, как это обычно принято, — классическая переговорная схема. Мы виделись с Алиевым впервые, до этого нам не доводилось нигде пересекаться, в том числе и при СССР. Но если Гейдар Алиевич еще только пытался понять, с кем имеет дело, то у меня никаких заблуждений на его счет не было и быть не могло. Я знал, что передо мной очень опытный политик.

Алиев сразу предложил передвинуть расставленные для нас стулья ближе к окну, там, дескать, удобнее будет беседовать. Разговор с самого начала шел в спокойном и подчеркнуто уважительном тоне, никакого высокомерия с его стороны я не заметил. Конечно, я бы его не потерпел, но изначально предполагал, что оно может возникнуть: все же в те годы, когда он уже стал первым секретарем ЦК КП Азербайджана, я еще только перешел на комсомольскую работу. Говорить с ним оказалось интересно. Алиев умел слушать, умел и донести свои мысли до собеседника; формулировал он их очень четко. Обладал хорошей, не по возрасту, реакцией и тонким чувством юмора. Чувствовалось, что его персональные качества отшлифованы серьезной карьерной школой. Мы оба понимали, что в будущем нам предстоит искать совместные решения, и вели разговор с этих позиций. Алиев, как мне показалось, был настроен договариваться, понимал важность личного контакта в таких ситуациях, поэтому сейчас прощупывал почву для этого — на будущее.

Начали мы с обсуждения текущей обстановки на фронтах. В Азербайджане тогда были уверены, что за нас воюют русские. Видимо,

мысль о том, что крошечный Арцах может столь успешно противостоять военной мощи страны, во много раз превосходившей их по ресурсам, не укладывалась у них в голове. Такой же точки зрения придерживался и Алиев, и он прямо спросил меня об этом. В ответ я отрицательно покачал головой: «Россия здесь вообще ни при чем».

— Если Россия ни при чем, тогда откуда же у вас столько танков? — недоверчиво поднял брови Алиев.

— Частично — то, что оставили советские войска, немножко из Еревана. Но основная часть... от вас. Если хотите удостовериться, затребуйте подлинную сводку о количестве танков, доставшихся Азербайджану после вывода советских войск, а потом посчитайте, сколько у вас есть в наличии сейчас. И та разница, которую вы получите, — она вся у нас.

— Хорошо, — не сдавался он. — Но где вы взяли столько хороших танкистов? У вас, как мне докладывают, хорошо подготовленные танковые экипажи!

— А вы своего военного комиссара вызовите и спросите: на протяжении последних пятнадцати–двадцати лет куда они ваших посылали служить и куда наших? Карабахских армян ваши военкоматы в основном отправляли в те места, где было труднее всего, в боевые подразделения, а ваших — больше по стройбатам. Вот оттуда и хорошие экипажи для танков и БМП! Так что спасибо военкомату Азербайджана — за годы СССР у нас сформировался качественный мобилизационный резерв.

Алиева мой ответ явно расстроил, он понял, что я говорю правду. Для меня было важно донести до него, что воюем мы, а не Россия и если он хочет договориться, то нужны прямые контакты. Говорили мы и о возможности перемирия. Гейдар Алиевич верил сам и убеждал меня, что взаимные противоречия нам надо разрешать самим, без посредников, у которых свои собственные интересы в регионе. Я тоже считал, что надо договариваться самим, но без посредников устойчивого и длительного мира достигнуть будет трудно. Войну начинать легче, чем останавливать: понадобятся большие ресурсы и международные гарантии.

Разговаривали мы часа полтора, а когда вышли из переговорной комнаты в зал, нас уже с нетерпением ожидал Казимиров. Алиев, вместо того чтобы поделиться с ним результатами переговоров и подвести итоги, извинился, сослался на занятость и, не дожидаясь, пока ему подадут машину, быстро ушел. Он отправился к дочери, которая жила неподалеку. Казимиров, удивленный и даже несколько раздосадованный таким поворотом событий, переключил свое внимание на меня: «Ну как? Как все прошло? О чем шли переговоры, чем закончились?» Я говорю: «Владимир Николаевич, да просто поговорили, все нормально, но мне тоже надо идти, я спешу, извините!» — «Как? Я что, так ничего и не узнаю?» Теперь удивился я: «А вы разве не записали ничего? Или еще идет расшифровка?» — «Да что в этой стране вообще сейчас работает!» — всплеснув руками, воскликнул в сердцах Казимиров. И я понял, для чего Алиев предложил в самом начале пересесть ближе к окну.

Чуть позднее выяснилось, что именно в это время Азербайджан, получив передышку в военных действиях, активно готовил зимнее контрнаступление, наращивал военную мощь и вербовал афганских наемников. Численность их измерялась тысячами, причем воевали они компактно, контролируя целые участки фронта. И все же наша встреча в особняке Толстого дала свои плоды, положив начало прямому диалогу между лидерами конфликтующих сторон. Именно тогда между нами возникли первые элементы доверия, в том числе и благодаря тому, что Алиев убедился: я не пытаюсь его подставить. Информация об этой встрече, как и было обещано, никуда не вышла, и впервые я позволил себе заговорить о ней только после его смерти.

Безрезультатные переговоры

Прежде чем рассказать об окончании войны и о том, что было дальше, мне хотелось бы описать переговорный процесс тех лет, его суть и некоторые детали.

В 1992–1994 годах переговоры по урегулированию карабахского конфликта включали в себя две составляющие.

Первая — это встречи в рамках Минской группы ОБСЕ, о которых я уже упоминал. Участие в них карабахской делегации я считал очень важным, но формат и содержание этих встреч абсолютно не соответствовали развернувшейся масштабной войне в Карабахе. Дипломаты из девяти стран — участниц Минской группы и делегации из Армении, Азербайджана и Карабаха периодически собирались и обсуждали пути урегулирования конфликта. Дискуссия, как правило, застревала в самом начале, на теме статуса карабахской делегации и представителя азербайджанской общины Карабаха. В это время шла война, гибли люди, десятки тысяч жителей покидали свои дома в зоне боевых действий. Каждый раз после территориальных потерь или приобретений сторон обсуждение на долгие часы замедлялось: участники пытались дать оценку последним событиям. Складывалось ощущение, что переговоры идут сами по себе, а война — сама по себе. При этом все посредники искренне переживали из-за происходящего, хотели быть полезными и объективными, — все, кроме турецких дипломатов, проявлявших явно выраженную предвзятость. Но посредническая деятельность в том виде, в котором она велась, представляла собой пример ошибочного выбора и применения неподходящего инструмента международного урегулирования конфликта в его горячей фазе. Думаю, единственное, что могло бы тогда остановить войну, — это решение о принуждении к миру. Но такое решение предполагало соответствующую резолюцию СБ ООН, подкрепленную ресурсами для создания миротворческих сил и их дислокации в регионе. Ведущие мировые державы в то время не проявляли готовности к такой совместной деятельности.

Была и вторая составляющая переговорного процесса, непосредственно привязанная к боевым действиям. Она заключалась в том, что каждый раз после очередного занятого нами района российский посредник предлагал нам подписать соглашение о временном перемирии. И каждый раз мы настаивали на том, что под

этим соглашениями должна стоять подпись министра обороны или министра иностранных дел именно Нагорно-Карабахской Республики, а не Армении, как того требовал Азербайджан.

Это было принципиально важно, поскольку подчеркивало наш статус стороны конфликта и тот факт, что в основе нашей независимости лежит право народов на самоопределение. Если стороной конфликта признавался Нагорный Карабах, Армения в глазах международного сообщества выглядела страной, вовлеченной в конфликт, а не его первоисточником. И это полностью соответствовало истине. Азербайджан же в ходе карабахского конфликта всегда апеллировал к принципу территориальной целостности государств. Подписание соглашения о прекращении огня с Арменией без карабахцев могли бы использовать, чтобы выставить Армению стороной конфликта и обвинить ее в агрессии по отношению к соседнему государству. Но, поскольку мы имели очевидное военное преимущество, а у Азербайджана ситуация на фронтах была плачевная, нам удавалось добиться своего. В то время появилось несколько соглашений о прекращении огня, где стояли подписи представителей НКР и Азербайджана. С нашей стороны их подписывал Аркадий Гукасян, от Азербайджана — Джалилов.

Временные перемирия оказывались недолгими: две недели, три, месяц. Как правило, их запрашивал Азербайджан, и он же сам регулярно их срывал, начиная новые военные действия. Для нас это не было неожиданностью: если они потеряли район, то мы понимали, что они попытаются его вернуть, и уже ждали. Как только начинались эти попытки, мы не просто их отбивали, но двигались дальше и брали следующий район. События разворачивались настолько динамично, что приходилось воевать без четкой линии фронта: стороны просто не успевали ни закрепиться, ни отстроить военные сооружения. Все делалось на ходу: занимали позиции, тут же ночью копали траншеи, обустроивали импровизированные огневые точки, при этом понимая, что все это может сдвинуться влево, вправо, вперед. Очень зыбкая ситуация... И постоянная

стрельба: она не прекращалась даже при временном перемирии, когда останавливалось продвижение войск.

Соглашение о перемирии никого не связывало: отсутствовали мониторинг и система верификации, так что любая из сторон могла нарушить перемирие, и разобраться, кто начал первым, было бы невозможно. Уверен, что такое же ощущение складывалось и у азербайджанской стороны. Однако эти соглашения имели очевидную дипломатическую ценность: подпись карабахской стороны.

* * *

На различных стадиях переговорного процесса посредники неоднократно предлагали вывести на линию противостояния миротворческие силы. Но все многочисленные обсуждения и попытки выработать решение, устраивающее обе стороны, ни к чему в конечном итоге так и не привели.

Оказалось, что у нас с Азербайджаном совершенно не совпадали представления о том, чьих военных, из каких стран, мы готовы видеть у себя. Например, позднее, когда мы с Алиевым значительно продвинулись в переговорном процессе и приблизились к подписанию соглашения в Ки-Уэсте, Азербайджан ввел в него строку о том, что в составе миротворческих сил не должно быть контингента из стран — сопредседателей Минской группы. А это значит — из России, США и Франции. В основном, конечно, речь шла о российских миротворцах. Они понимали — а с Алиевым я встречался все-таки много раз и знал ход его мыслей, — что Россия предоставит львиную долю этих миротворцев, в отличие от других стран. Всегда, как только заходил разговор о введении миротворческих сил, Россия заявляла, что готова принять в этом серьезное участие. Мы не возражали: у нас существовало военное соглашение с Россией, и на территории Армении располагалась российская военная база. Ее присутствие полностью оправдывалось сложностью армяно-турецких отношений, и введение дополнительных войск не заключало в себе негативного политического компонента.

Азербайджан же относился к России гораздо более осторожно. Появление ее миротворцев означало бы возвращение российских войск на территорию Азербайджана, что после развала Советского Союза для них было неприемлемо. Алиев, как и его предшественники, последовательно дистанцировался от России. Например, подписывал нефтяные контракты, которые сильно раздражали российский истеблишмент. К тому же в Азербайджане выстраивалась династийная структура власти: династия Алиевых. Для правящей династии присутствие иностранных войск на собственной территории воспринималось как угроза вмешательства во внутренние дела. Сыграло свою роль и то, что на российские войска распространилась неприязнь к войскам советским, которая возникла после того, как во время событий в Сумгаите и Баку тем пришлось применить оружие против погромщиков. Погибших от действий Советской Армии похоронили в Баку, назвав это место Аллеей Шахидов, и возложение на ней венков первыми лицами государства являлось частью официального протокола. Мы всегда говорили, что в Азербайджане чтят память погромщиков армян в Баку, и — объективно — это так и есть. В общем, у Азербайджана имелось множество причин не соглашаться на присутствие российской армии.

Наши возражения касались в основном США, и не потому, что мы плохо относились к Штатам. Будучи соседями с Ираном, мы понимали, что присутствие у нас американских миротворцев вызовет негативную реакцию со стороны Ирана и может обернуться проблемой для наших с ним отношений. Французы? К французам Азербайджан относился с предубеждением, считая, что армяне гораздо ближе французам. Что тогда остается? Непал? Несерьезно... Мы настаивали на том, что миротворцы должны быть из стран, имеющих заметный вес и влияние на мировой арене, обладающих соответствующими ресурсами и способными реализовать ответственную миротворческую миссию. Чтобы отношение сторон конфликта к миротворцам и спустя годы — неважно, через пять, десять или пятнадцать лет — оставалось уважительным, с пониманием

того, что все это делается всерьез и надолго, что мы ответственны за подписанные нами документы.

В итоге решение так и не нашлось.

Людям непосвященным все эти нюансы казались несущественными, хотя на деле они были очень важны. Возможно, спустя какое-то время и для нас их значимость бы снизилась. Но в ситуации, когда на кону стояла судьба страны, любая мелочь, которая потенциально могла обернуться опасностью, воспринималась очень серьезно.

Владимир Казимиров

В те годы активнее всех действовал российский посредник Владимир Казимиров, незаурядный, сильный дипломат и очень интересный человек, написавший впоследствии книгу о событиях, свидетелем и участником которых он был. Каждый раз, стоило ситуации хоть немного измениться, он непременно появлялся у нас. Чрезвычайная активность Казимирова иногда нас даже раздражала, но при этом мы его действительно уважали. Во-первых, за глубокое знание всех тонкостей карабахского конфликта. Во-вторых, за его неумную энергию: он мог в шесть утра в воскресенье позвонить любому из своих коллег-сопредседателей, финну или шведу, и начать говорить о делах. Позвонить в уик-энд европейцу — это было делом немыслимым! Те, чтобы скорее отвязаться от него, обычно во всем с ним соглашались. Казимиров имел доступ к президентам и мог спокойно зайти и к Алиеву, и к Тер-Петросяну. Он вел себя честно и всячески подчеркивал свой нейтралитет, при этом искренне стремился приносить пользу и верил, что его усилия идут на благо обеих сторон. На этой почве у него постоянно возникали различные идеи, и его напористость порой даже создавала нам проблемы.

В тот период мы успешно вели наступательные операции на восточном и южном направлениях. Как только мы занимали новый район, звонил Казимиров с очередной инициативой: предлагал временное прекращение огня, затем возвращение занятого нами

района, и следом начало переговорного процесса. Возвращать район мы не собирались, потому что перед нами стояла другая, вполне определенная задача: выход на кратчайшую линию соприкосновения.

Как-то раз Казимиров приехал к нам неожиданно, не предупредив. Он привез письмо от Ельцина, с которым должен был ознакомить меня устно. В Ереване или в Баку он просто оставил бы это послание, а нам оставить не мог, тем самым подчеркивая, что хотя Карабах и является стороной конфликта, но при этом он — непризнанная страна. А мы уже, благодаря МИДу Армении, знали содержание письма: речь в нем шла о том, чтобы остановить наше наступление на юге с выходом на Аракс. Для нас это требование было неприемлемо. Мы слишком долго сидели под бомбежками, в подвалах, и теперь нам требовалось выдвинуться на достаточное расстояние, чтобы создать пояс безопасности вокруг Карабаха. Но портить отношения с Россией нам не хотелось! Единственный выход в этой ситуации — сделать так, чтобы посредник не смог ознакомить меня с привезенным письмом.

Мы знали, что Казимиров к нам ненадолго: он прибыл рано утром из Еревана, а на рассвете уже должен будет выехать в Баку, на запланированную встречу. Я сказал Аркадию Гукасяну: «Как угодно, всеми способами трати время, чтобы он не успел мне ничего прочесть».

Едва Гукасян переступил порог гостевого дома, где остановился Казимиров, тот бросился к нему: «У меня, — говорит, — только один вопрос: встреча с Кочаряном. Я должен ему зачесть послание президента России!» Аркадий отвечает: «Ну, Кочарян сейчас занят, освободится — приедет. Давайте пока посидим, поговорим!..» Предлагает Казимирову рюмочку тутовки, развлекает историями — словом, всячески старается отвлечь от мыслей о письме. Время идет, Казимиров поначалу чувствует себя довольно расслабленно, но через пару часов спохватывается и начинает нервничать: «А что, Роберт Седракович не освободился еще?» Аркадий со всей своей невозмутимостью отвечает: «Нет пока еще,

не освободился». — «Но я же спешу!» — «А может вы тогда, Владимир Николаевич, просто оставите нам это послание? А сами езжайте». Тот ни в какую не соглашается, опять спрашивает, когда же придет Роберт Седракович — и так по кругу.

Когда я наконец приехал, Казимиров уже был настолько взвинчен, что тут же вскочил, схватив свои бумаги: «Я сейчас же должен вам прочесть!» — «Да успеете, Владимир Николаевич! — говорю я ему миролюбиво. — Вряд ли вы что-то хорошее нам прочитаете. Давайте сначала посидим, пообедаем!» Садимся за стол, Аркадий принимается рассказывать анекдоты, не оставляя пауз. Казимиров между едой все порывается зачитать привезенное послание, и каждый раз мы с Аркадием его останавливаем. Так проходит, наверное, часа полтора... Тут заходит мой помощник — якобы что-то случилось и мне срочно надо уехать. Говорю: «Владимир Николаевич, я отлучусь ненадолго!» — «Ну давайте я вам прочту, это три минуты!» — «Да зачем это делать на бегу? Не торопитесь, прочтете, когда я вернусь!» Тут уж он не выдержал: весь день его мотают — и он никак не может выполнить то, ради чего приехал. «Вы что, издеваетесь надо мной?! Я спецпредставитель президента России!» — и вышел, хлопнув дверью. Обиделся на нас страшно — и, в общем, за дело.

Так и не удалось Казимирову зачитать письмо, и он был вынужден оставить его нам. Потом мы, конечно, с ним помирились — мы и сами тогда себя чувствовали ужасно неловко. Порядочный человек, незаурядный дипломат, честно делающий свое дело, в правоту которого искренне верил.

Примаков и обмен пленными

Немного забегаю вперед, расскажу еще одну историю, связанную с российским посредничеством.

В мае 1996 года, после назначения министром иностранных дел России, Евгений Примаков начал свою посредническую миссию с инициативы обмена военнопленными. Предполагался обмен

между Арменией, Карабахом и Азербайджаном по принципу «всех на всех», с подписанием совместного заявления сторон. Исполнилось два года соглашению о прекращении огня, оно в основном соблюдалось, и все понимали, что назрела необходимость решения проблемы военнопленных. Однако в Баку Примакову поставили категорическое условие, которое значительно усложнило его задачу: речь может идти только о совместном заявлении Армении и Азербайджана, без Карабаха. Таким способом Азербайджан в очередной раз пытался показать, что Карабах в качестве стороны конфликта не существует — позиция, крайне выгодная для Баку и абсолютно неприемлемая для нас.

Примаков прилетел к нам на вертолете из Еревана вместе со своим заместителем, Борисом Пастуховым, бывшим когда-то первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Евгений Максимович передал мне послание от Ельцина и долго уговаривал уступить требованию Азербайджана. Примаков подчеркивал, что сам факт его приезда в Степанакерт и переговоров с нами уже говорит о том, что Карабах является стороной конфликта. Я же считал, что любое заявление по обмену военнопленными без Карабаха неприемлемо: оно искажает реальную картину и ущербно для нашей переговорной позиции. Я твердо сказал Примакову, что если заявление озвучивается от имени Армении и Азербайджана, то пусть они и обмениваются. Правда, в Армении пленных совсем немного и обмен по принципу «всех на всех» уже не получится, но... Мне показалось, что в итоге Примаков понял, что здесь уступок не будет, и мы переключились на другие вопросы: обсудили аспекты урегулирования конфликта, пообщались на более широкие темы и вообще неплохо посидели.

От общения с Примаковым у меня осталось очень позитивное впечатление: интересный собеседник, глубокий, с прекрасным чувством юмора, которое плохо сочеталось с его внешностью и манерой говорить. Утром они с Пастуховым улетели на вертолете в Ереван, а к вечеру мой телефон и телефон Аркадия разрывались от звонков. Российская миссия по обмену военнопленными оказалась

под угрозой срыва, и, видимо, все решили, что давление на карабахцев — кратчайший путь решения проблемы.

С Примаковым, как я уже рассказывал, мы познакомились давно. Нас связывали хоть и не дружеские, но все же доверительные отношения. Видимо, он рассчитывал, что это поможет ему уговорить меня пойти на уступку, и не ожидал такого упрямства. Но я не собирался платить столь высокую цену за наше старое знакомство.

Кто только не звонил мне и Аркадию этим вечером! Почти все руководство Армении, даже Вазгена Саргсяна уговорили связаться со мной. Тема звучала только одна: надо уступить, а то отношения с Россией могут испортиться. Пугали негативной реакцией международного сообщества, поскольку срыв обмена военнопленными будет лежать на нашей совести. С совестью у нас все было в порядке, проблема возникла не по нашей вине, а из-за неуместного требования Баку. Становиться слабым звеном в этой ситуации в мои планы не входило. Чтобы прекратить повторение одних и тех же аргументов в бесконечных телефонных дискуссиях с разными людьми, я сказал по телефону Казимирову:

— Знаете, пленные эти нам не нужны. Действительно, зачем нам лишние заботы? Их же кормить надо! Держать мы их не будем. Вы там обменивайтесь с Арменией, а когда уедете, мы через неделю всех пленных передадим Красному Кресту. Просто так отпустим. Без обмена, без ничего. Я скажу, что это знак доброй воли и что российская миссия тут вообще ни при чем!

Примаков тогда здорово на меня обиделся.

А обмен все же произошел, всех на всех. Мы совместно с представителями Международного Красного Креста этапировали военнопленных в Ереван, откуда самолетом Примакова их доставили в Баку. Решение проблемы оказалось удивительно простым: обменялись без совместного заявления, без подписей и процедур. Все остались довольны: миссия министра иностранных дел России прошла успешно, военнопленные вернулись домой. При этом все понимали, что обмен состоялся между тремя субъектами: Азербайджаном, Арменией и Карабахом. В своей книге

Евгений Максимович подробно описал историю обмена, отметив, что в Степанакерте возникли сложности. Я счел возможным рассказать о них. Примаков же после этого случая везде, где речь заходила об урегулировании в Карабахе, прилюдно заявлял: «Пока там Кочарян, никакого урегулирования не будет!» Правда, Зорию Балаяну, с которым они были знакомы очень давно, еще с тех пор, когда Зорий был собкором «Литературки», он сказал так: «Да, с Кочаряном очень трудно. Да, с ним ничего не получится. Но, черт возьми, вообще-то он прав!»

Помирились мы с Примаковым позднее, встретившись в Давосе, когда он уже стал премьер-министром, а я — президентом Армении.

Аркадий Гукасян

Рассказывая про переговорный процесс того периода, нельзя отдельно не упомянуть министра иностранных дел НКР Аркадия Гукасяна.

Аркадий был исключительно сильным переговорщиком. Хорошая реакция в сочетании с искрометным юмором позволяли ему уклоняться от неудобных вопросов. Он умел отвлечь всех шуткой, плавно переключить внимание и увести разговор от обсуждаемой темы. Казимиров стал жаловаться на него: «Ну что это такое, Гукасян серьезные переговоры превращает в какой-то КВН! Как так можно? Он издевается над азербайджанцами, а они со злости все наши предложения отвергают!» Жаловался он и мне, и Тер-Петросяну.

Тогда Аркадий говорит:

— А давай, раз так, отправим на переговоры кого-нибудь другого?

— Кого?

— Ну, кого-то из наших дашнаков.

Дашнаки считали себя оппозицией к действующей власти, поэтому к любым компромиссным решениям, которые выдвигались посредниками, относились куда более непримиримо, чем мы.

Высказывались они довольно агрессивно, постоянно подозревая нас в готовности сдать занятые территории.

— Вот пусть сами поедут и выскажут наболевшее, — предложил Аркадий.

— Давай отправим Манвела!

Манвел Саркисян⁶⁸ обладал широкой эрудицией, любил философствовать, однако изъяснялся так долго и витиевато, что даже самый внимательный слушатель с трудом улавливал смысл сказанного — сбивался с фокуса. Для аналитических справок и статей, где можно вернуться и перечитать абзац, это еще куда ни шло, но такая манера речи никак не годилась для практических переговоров. Сам же Манвел считал себя аналитиком, а его коньком были геополитические темы. Идея мне понравилась: с ее помощью мы могли продемонстрировать посредникам возможную альтернативу да и нашим дашнакам показать, что переговоры — это не посиделки. И на очередную встречу отправился Манвел.

На следующий же день после ее окончания у меня раздался звонок Казимирова: «Я вас очень прошу, верните Гукасяна!»

Перемирие, ставшее миром

В конце декабря 1993 года противник снова начал наступление на северном и южном направлениях одновременно. Завязались тяжелые бои.

Изменился характер боевых действий. Несмотря на потерю ряда южных районов, Гейдар Алиев не только сохранил, но и последовательно укреплял свою власть. Обстановка в Азербайджане начала стабилизироваться, прекратились междоусобные распри, стало понятно, что Алиев пришел надолго. Мы почувствовали это, столкнувшись на фронтах с большей управляемостью и большим порядком в армии противника.

Существовал и другой объективный фактор: к этому времени мы уже вышли на сплошную, вытянутую с севера на юг линию фронта. География расположения войск изменилась. Исчезли «карманы»

в виде целых районов или даже группы районов, как на юге, которые можно было закрыть дерзкими бросками мобильных подразделений. И если прежде быстрота и дерзость оставались для нас определяющими факторами успеха, то в новой ситуации они давали гораздо более скромный эффект. Теперь армия стояла напротив армии, артиллерия — напротив артиллерии. Теперь преимущество получал тот, у кого было больше снарядов и больше боевой техники, кто мог без ограничений обстреливать передний край противника. Боевые действия все больше принимали классический характер — артподготовка, танковая атака при поддержке пехоты, — и тут уже требовались чисто военные расчеты по силам и средствам: сколько надо стволов на километр фронта и прочее. И еще, я помню, ситуация осложнялась погодными условиями. Бои в основном уже шли в низинах, снег в тех местах почти никогда не ложится, а в тот год еще и часто шли дожди. Почва там была вязкая, земля вся раскисла, бронетехника застревала, и мы с большим трудом обеспечивали мобильность броневых групп армии.

Внезапное наступление азербайджанцев на Кельбаджар застало нас врасплох. Защитники Кельбаджара проморгали его начало, а войска, которые удерживали эту территорию, просто оказались не готовы к сопротивлению. Это вылилось в тяжелейшие бои, армянские подразделения понесли значительные потери и в панике отступили в Варденский район Армении. Войска противника заняли Омарский перевал и вошли в Кельбаджар. Для нас сложилась трагическая и опасная ситуация, которая могла переломить исход всей войны. Мы должны были вернуть себе Кельбаджар!

Стратегическую важность этого района мы считали настолько высокой, что для повторной операции задействовали наше основное ударное подразделение Центрального оборонительного района, ЦОР, которое базировалось в Степанакерте. Это специальное штурмовое подразделение было самым эффективным в наступлении. В обороне мы их обычно не держали. Командовал спецподразделением прошедший большой боевой путь Самвел Карапетян, и его бойцы сыграли ведущую роль в операции.

Они вышли из села Атерк Мардакертского района, незаметно для противника прошли длинный и сложный маршрут через горы и внезапно появились прямо под Омарским перевалом. Другие отряды в это же время с боями наступали по основной дороге к ключевому перекрестку. Ситуация еще раз повторилась: азербайджанские войска, испугавшись, что их запрут в образовавшемся котле, обратились в бегство, вновь оставив нам серьезные трофеи. После повторного взятия Омарского перевала мы долгое время держали его под постоянным контролем, чтобы снова не потерять.

Тем временем продолжались ожесточенные бои по всей линии фронта, от Мардакерта до Аракса. Местами противнику удалось продвинуться, наибольший успех ему сопутствовал на юге, где нам не удалось удержать город Горадиш. В марте мы практически везде остановили натиск азербайджанской армии, и наши войска, отбивая очередные атаки, переходили в успешные контрнаступления. Мы перехватили инициативу и в апреле развили успех на мардакертском и аскеранском направлениях, заняв ряд важных для нас населенных пунктов. На севере подошли вплотную к райцентру Мирбашир. Зимнее наступление противника выдохлось, но и нас сильно истощили длительные бои.

Уже с конца апреля активизировались усилия России по прекращению огня. По инициативе Межпарламентской ассамблеи СНГ, Федерального Собрания РФ, МИДа России и парламента Киргизии в начале мая состоялась встреча в Бишкеке на уровне руководителей парламентов. Карабахскую делегацию возглавлял Карен Бабурян, но, когда мы узнали, что на встрече будет присутствовать Казимиров, стало понятно: готовится что-то серьезное. Поэтому вместе с Бабуряном я в последний момент командировал в Бишкек и Аркадия Гукасяна — на всякий случай. Гукасян и Бабурян летели спецрейсом вместе с делегацией Армении, и, когда самолет приземлился, делегации попросили выходить по очереди, потому что каждую из них встречали отдельно хлебом-солью. Там же, вместе с киргизами, приветствующими своих гостей, стоял и Казимиров, для которого появление Гукасяна стало большим

сюрпризом: «А вы что здесь делаете?» — «Я депутат парламента, прилетел на парламентскую встречу. А вы, Владимир Николаевич, что здесь делаете?» «Ну как, это же как бы... — и протягивает ему бумаги: — Вот, посмотрите там...» Аркадий попытался отказаться: «Да я вообще ни при чем! Дайте Бабуряну, он же руководитель делегации!» — «Ну я же знаю, зачем вы приехали. В общем, вот мы такой текст подготовили», — сразу же перешел к делу Казимиров.

«Текстом» оказался проект документа, Бишкекского протокола, в котором содержался призыв к прекращению огня и установлению перемирия. Это был политический документ, в котором выражалось намерение воюющих сторон остановить кровопролитие в ночь с 8 на 9 мая. И хотя против самого предложения прекратить огонь никто не возражал, по всем остальным пунктам возникли настолько серьезные противоречия, что в первый день стороны не смогли ни о чем договориться. А всю программу встречи, в том числе поездку на Иссык-Куль, запланировали заранее, причем по приглашению президента Акаева. Поэтому решили, что все поедут, но от каждой делегации останется по одному человеку работать над текстом. От Карабаха остался Гукасян и с ним помощник Карена, Ашот Бабурян, а все остальные поехали на Иссык-Куль отдыхать.

Споров было много.

Условия подписания соглашения, которые вдруг начал выдвигать Джаллилов, представлявший Азербайджан на этой встрече, были неприемлемы для нас: например, они требовали, чтобы под протоколом стояла подпись Армении, заявляли, что участие НКР в этой встрече вообще неправомерно, потому что, дескать, она не является «стороной конфликта»! В крайнем случае соглашались признать Карабах «заинтересованной стороной»! Это казалось особенно удивительным с учетом того факта, что за 1993 год мы подписали напрямую, без участия Армении, десять соглашений о прекращении огня. Я могу предположить причину такой непоследовательности: теперь, когда дело шло к миру, они особенно опасались, что следующим шагом мы потребуем признания независимости НКР. И вот здесь Россия сыграла очень значительную роль: именно ее

представители, Казимиров и Шумейко⁶⁹, настаивали на том, что Карабах однозначно является стороной конфликта и соглашение о прекращении огня должен подписать и Карабах.

Азербайджанская делегация пыталась продвинуть свой вариант соглашения, суть которого кратко можно передать так: «Они захватили наши территории, пусть вернут!» Но что значит «пусть вернут»? Вопрос территорий не может быть ни первым, ни единственным, ведь «прекращение огня» подразумевает целый комплекс последовательных шагов: приостановку боевых действий, отвод сторон, введение миротворческих сил по линии разграничения, демилитаризацию. Нужны меры, гарантирующие соблюдение прекращения огня и невозможность возобновления военных действий. И, только создав такие механизмы, можно переходить к обсуждению возврата территорий, увязывая их со статусом НКР. Эти вопросы Азербайджан вообще не собирался рассматривать. Их план подразумевал, что мы прекратим огонь, выведем войска, вернем территории — и все! Шумейко и Шеримкулов⁷⁰ предлагали создать миротворческие силы СНГ; Азербайджан не поддержал эту инициативу.

Обнаружились и курьезные расхождения: например, Джалилов требовал уравнивать с нами в правах члена своей делегации Низами Бахманова, как представителя азербайджанской общины Карабаха. Бахманов действительно был карабахцем, но он не представлял ни парламентскую, ни какую-то иную структуру. Правда, в очень короткий период — всего несколько недель — он занимал пост мэра города Шуши, как раз накануне ее штурма, и эта должность оставалась высшей ступенью в его политической карьере.

Двое суток шла интенсивная совместная работа по выработке документа, который согласились бы подписать все, и к концу дня 5 мая, после изматывающих споров, все же удалось его подготовить. Бишкекский протокол, в котором содержался призыв к прекращению огня, подписали руководители Армении, НКР, посредники, но... неожиданно отказался подписать Джалилов. Свой отказ он объяснял весьма туманно: мол, не дали право подписи Низами

Бахманову и вообще в целом итоговый документ не отвечает интересам Азербайджана. И это притом, что все два дня стороны только и занимались поиском взаимоприемлемого варианта соглашения и на словах Джалилов соглашался с получившимся текстом! Позднее выяснилась истинная причина этого отказа: оказывается, отправляя его на встречу, Алиев заранее запретил ему подписывать там какие бы то ни было документы без предварительного согласования с ним.

Завершилась встреча в Бишкеке тем, что все стороны, подписавшие протокол, согласились оставить Азербайджану право поставить свою подпись позднее, если он этого захочет. И действительно, через несколько дней, 8 мая, благодаря Казимирову, который прилетел из Бишкека прямо в Баку с этим документом, его подписал председатель Милли Меджлиса Азербайджана Расул Гулиев. Первый шаг — закрепление на бумаге намерения сторон остановить военные действия — был сделан.

В полночь 9 мая Карабах объявил о добровольном прекращении огня в одностороннем порядке. В ответ Азербайджан сделал аналогичное заявление. 9 мая при участии посредников началась подготовка к документальному оформлению прекращения огня. Договорились, что соглашение будут подписывать все высшие военачальники: со стороны Армении и Азербайджана — министры обороны, а от нас — главнокомандующий Армией обороны Нагорно-Карабахской Республики. Азербайджан выдвинул очередное условие: категорический отказ от совместной встречи с представителем нашей стороны для подписания соглашения. Решили действовать через посредников. Они подготовили три одинаковых документа и разослали их всем трем сторонам, чтобы каждая сторона подписала свой отдельный экземпляр. 9 мая подписал Мамедов, 10 мая — Серж Саргсян, 12 мая Самвел Бабалян подписал его от имени НКР. Эти три листка с одиночными подписями и стали соглашением о бессрочном прекращении огня.

В тексте соглашения содержалось обращение к Грачеву, министру обороны России, с просьбой провести совещание в Москве

с участием военачальников всех трех сторон и согласовать технические детали: договориться о механизме прекращения огня, поскольку сам документ ни словом не упоминал о том, как будет происходить развод вооруженных сил конфликтующих сторон от линии соприкосновения, как будет создана зона безопасности. Отсутствовало решение о размещении в ней миротворческих сил или наблюдателей, не оговаривалось, какие меры контроля над ситуацией будут использоваться. Такая встреча по приглашению П.С. Грачева состоялась 16–17 мая 1994 года в Москве, но она ничего не прибавила к решению военно-технических вопросов, от которых по-прежнему уходил Азербайджан.

Подписание Бишкекского соглашения оказалось очень своевременным и для нас, и для азербайджанцев. Обе стороны были истощены длительными непрекращающимися боями. Мы поставленную перед собой задачу выполнили: вышли на ту линию соприкосновения, которую планировали. Провал же зимнего наступления Азербайджана и реальная угроза потери Тер-Тера (Мирбашир) сделали Баку гораздо более сговорчивым. Если бы мы заняли Тер-Тер, открылась бы возможность наступления на Евлах с двух направлений, с последующим выходом на Куру, и тогда мы могли отрезать северо-западную часть Азербайджана от остальной территории. В Азербайджане опасались, что мы пойдем дальше, а мы понимали, что любой наш выход дальше, во-первых, потребует новых ресурсов, которыми мы не располагали, а во-вторых, растянет линию фронта на восток, создав нам проблему ее удержания в будущем. Таким образом, каждая из сторон имела веские причины согласиться на долгосрочное прекращение огня.

День подписания соглашения — 12 мая 1994 года — стал праздником для нас. Люди, конечно, очень устали от войны. Но тогда, в тот момент, мы не верили, что этот мир окажется таким долгим. И я сам, да и многие из нас в первое время воспринимали Бишкекский протокол как одно из очередных временных соглашений, которое, как и все предыдущие, будет нарушено. Мы считали это временной передышкой, паузой в войне. Такое ощущение складывалось

Часть II. КАРАБАХ

из-за того, что подписанное соглашение так и не было подкреплено ни миротворческими силами, ни миссией постоянного мониторинга. Обе стороны стали капитально обустривать передний край, окапывались по максимуму, создавали эшелонированную оборонительную линию, чтобы быть готовыми к возобновлению масштабных боевых действий. Наши опасения не подтвердились: именно это соглашение действовало все последующие годы, оно же действует и по сей день. Может, именно потому, что мы в него не верили и постоянно укрепляли боеспособность Армии обороны НКР. Ведь единственное, на чем держится перемирие, — на реальном представлении сторон о сложившемся балансе сил.

ОТ ВОЙНЫ К МИРНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Через полгода после прекращения войны, в ноябре 1994 года, Верховный Совет НКР избрал меня президентом республики на два года. Для перехода к прямым выборам президента всеобщим голосованием требовалось подготовить законодательную базу.

Это событие почти не отложилось в моей памяти. Видимо, потому, что для меня оно по сути ничего не меняло, кроме названия должности. Разве что кабинет мой теперь переместился в соседнее здание, где в годы войны формально располагался наш парламент. Официально первым лицом в стране я стал двумя годами раньше, в августе 1992 года, когда меня избрали председателем ГКО, а одним из неформальных лидеров я был еще с 1988 года. Что же касается полномочий... пожалуй, полномочия председателя ГКО были даже более широкими, чем у президента, — тогда, при введенном военном положении, мне предоставлялась вся полнота власти. После окончания войны режим военного положения постепенно, в несколько этапов, ослаблялся, становясь все менее и менее строгим.

На мою инаугурацию приехали ребята из МИДа Армении. Приехали они заранее, за день до ее начала, и мы решили провести товарищеский матч по баскетболу. Баскетбол в те годы пользовался большой популярностью среди нас. Даже во время войны, в самые тяжелые дни, когда Степанакерт подвергался особенно жестоким налетам, мы с Аркадием Гукасяном иногда ходили играть в зал «Динамо». Ходили, невзирая на то что зал располагался в весьма уязвимом при обстрелах месте и был настолько старым и ветхим, что мог

рухнуть и сам по себе, но игра нам здорово помогала на час-полтора отключиться от всех дел. Играя в баскетбол, невозможно думать о чем-то еще, помимо самой игры, а нам именно это и требовалось, чтобы сбросить напряжение и освежить голову. После перемирия наши походы в спортзал стали регулярными.

Мидовская команда занималась баскетболом серьезно и оказалась достойным противником; мы вошли в азарт, увлеклись и играли довольно жестко. В какой-то момент я получил пару весьма ощутимых ударов локтем в бок и в лицо: под глазом тут же выступил синяк. Так и пришел на свою первую инаугурацию с фингалом, заботливо загримированным женой. Позднее выяснилось, что из-за удара в бок у меня треснуло ребро, чего я тогда в горячке даже не заметил и узнал об этом лишь через несколько лет, сделав МРТ совсем по другому поводу.

Конечно, в мирное время передо мной стояли уже другие задачи, но, что касается моей работы, она оставалась такой же динамичной и интенсивной, как и в предыдущие годы. То, что происходило сейчас, было не менее важным. Я понимал, что от меня по-прежнему многое зависит и я должен достичь всех поставленных целей.

Нам предстояло не только восстановить уничтоженное войной, но и создать новую цельную инфраструктуру независимого Карабаха. Ее просто не существовало раньше, до войны: ведь при Советском Союзе все жизнеобеспечение области происходило только через Азербайджан. Электрические сети тянулись к нам из Азербайджана в каждый район Карабаха отдельно. Так же были проложены и все дороги. Нормальное внутреннее сообщение отсутствовало, и, чтобы попасть из одного района Карабаха в соседний, нам приходилось выезжать в Агдам или Физули и уже оттуда возвращаться по другой дороге. Конечно, отчасти такая дорожная сеть определялась географией наших мест: горы простираются с запада на восток, по живописным долинам между ними реки текут к Каспию, Карабах же вытянут с юга на север. Однако главная причина все же заключалась не в географии, а в намеренной политике Баку: поставить область в условия полной зависимости от себя.

Итак, первичная задача состояла в создании внутренней инфраструктуры по электроснабжению, по дорожным сетям, по водоснабжению, а одновременно с этим предстояло восстановить все, что было разрушено войной, в первую очередь — жилищный фонд. Сельское хозяйство тоже нуждалось в восстановлении, но для этого нам потребовалось сначала разминировать большие площади сельхозугодий. Линия фронта многократно перемещалась, минировали и мы, и азербайджанцы, к тому же наиболее плодородные земли находились в низинах, где шли самые ожесточенные бои. Точных карт минных полей никто не составлял — во время войны нам было не до того, — пришлось воссоздавать их по памяти, а иногда буквально на ощупь. Словом, саперам работы хватило на годы.

По всей стране развернулась масштабная стройка. Строительных мощностей не хватало, да и большинство рабочих служило в армии, поэтому при необходимости на помощь приходили строители из Армении.

Кроме гражданских задач, перед нами развернулся огромный фронт работ, связанных с армией и обороной. Мы должны были укреплять линию соприкосновения, обустраивать весь передний край, строить рокадные дороги вдоль всей линии фронта, противотанковые рвы на всех танкоопасных направлениях, доты, дзоты и другие укрепсооружения. Для нужд армии и обороны требовался весьма серьезный объем строительства, и нашим военным пришлось приложить массу усилий для реализации поставленных задач.

Армия в Карабахе являлась непропорционально большой по отношению ко всему населению, но это было вызвано той зыбкой ситуацией, в которой находилась непризнанная страна. Мы понимали, что такая ситуация затянется надолго, поэтому забота о личном составе армии должна стать приоритетом: всех военнослужащих нужно обеспечить нормальными условиями проживания. До этого они размещались где попало и как попало, для их расселения использовались любые подходящие помещения в Степанакерте или в деревнях, но теперь нам предстояло выводить воинские части из города и выдвигать на оптимальное расстояние от переднего края.

Солдат надо было расселить по казармам, а казармы — построить; пришло время решать вопросы жилья для офицеров и налаживать учебный процесс в армии. В эти годы мы построили огромное количество воинских частей с нуля. Стройматериалов на занятых нами территориях оставалось много, но все же недостаточно для решения столь масштабной задачи, и ее реализация потребовала больших средств.

Карабах — страна маленькая, с компактным правительством: всего девять министерств, каждое из которых охватывало несколько отраслей. Всем сотрудниками небольшого аппарата приходилось очень много работать. Чем только я не занимался, вплоть до контроля строительства! Постоянно ездил по Карабаху; расстояния у нас небольшие, и за день я успевал побывать на нескольких важных объектах. Единственное, что изменилось в моих поездках по сравнению с военным временем, — появилась машина сопровождения с небольшой охраной и я больше не брал с собой свой автомат.

Премьер-министром тогда стал Леонард Петросян. Я вернул его из Армении, где он руководил Комитетом по особым программам при правительстве республики — по сути, нашим представительством в Ереване, координирующим все связанное с НКР. Леонард хорошо знал экономику Карабаха и обладал управленческим опытом, к тому же мы с ним успели сдружиться и он впрягся в работу всерьез. Нагрузка у всех была большая, работы невпроворот — все вокруг кипело. Что такое выходные, а уж тем более отпуск, я и не вспоминал. В отпуск ни разу не уходил с 1988 года и впервые позволил себе отдохнуть только в 1995-м: съездил с семьей на неделю в Грецию. А до того постоянно оставался в Карабахе, уезжая только по делам.

Однако нам требовалось не только строить, но и находить деньги, чтобы стройка не останавливалась. Мы использовали собственный бюджет, но его не хватало для решения такого объема задач. С правительством Армении мы пришли к принципиальному и очень важному соглашению о необходимости опережающего

развития НКР. Для этого Армения предоставляла нам ежегодный кредит, который фактически являлся безвозвратным субсидированием. Кроме того, целевую помощь оказывали и различные ее министерства. Взаимодействие с президентом и правительством Армении входило в мои обязанности: многих из этих людей я знал. Наши личные отношения помогали мне донести до них очередную проблему и убедить в необходимости ее решения. Например, встречаешься с министром транспорта и договариваешься о восстановлении разрушенного моста на важной магистрали. С министром энергетики обсуждаешь восстановление взорванных электроподстанций или строительство новой линии электропередачи на Армению для обеспечения устойчивого электроснабжения Карабаха. С министром здравоохранения — оснащение нашей больницы оборудованием, чтобы не посылать больных по мелочам в клиники Армении. Как правило, мы приходили к жестким договоренностям по срокам, и они всегда выполнялись. Крупные же программы, требующие более серьезного финансирования, реализовывались через правительство Армении или благотворительный Всеармянский фонд.

С премьер-министром Армении Грантом Багратяном мы договорились о большой программе заселения Лачинского района беженцами из Азербайджана, и, надо отдать ему должное, он делал все возможное для ее успеха. Практическую же работу взял на себя и очень увлеченно вел Алексан Акопян, в прошлом член комитета «Карабах». Мы находили состоятельных людей, привлекали зарубежные диаспоры и там собирали средства под конкретные целевые программы, заявленные благотворительным фондом «Армения».

Одной из первых таких программ стало строительство дороги на Армению, состояние которой еще до войны, в советское время, было катастрофическим. Началось все в конце 1994 года: на встрече с Тер-Петросяном я сказал ему, что бессмысленно говорить об экономике Карабаха, пока у нас нет хорошей дороги, соединяющей Карабах с Арменией. Он поддержал эту идею, выразив полное понимание ее важности и срочности. Бюджет Армении не позволял

выделить на это средства, и нам пришлось искать источник финансирования. Президент Армении возглавлял попечительский совет благотворительного фонда «Армения», куда я также входил, и мы сразу же объявили строительство дороги Степанакерт — Горис основной задачей фонда на ближайшие пару лет. Правление фонда во главе с исполнительным директором Манушак Петросян очень быстро развернуло активную работу по сбору средств, и вскоре вся дорога превратилась в большую стройплощадку.

Именно так у нас появилось хорошее шоссе от Степанакерта до границы Армении. А позднее, как только его завершили, возник следующий лозунг: «Строим дорогу север — ю!» — и эту задачу мы тоже выполнили. Сейчас эта дорога идет с одного конца Карабаха почти до противоположного. Почти — потому что маленький кусочек самого южного участка так и остался недостроенным.

Без этих дорог сегодня трудно представить экономику Карабаха.

Одним из способов получить финансовую поддержку были телемарафоны. Они проходили раз в год в США, в основном в Лос-Анджелесе, под эгидой фонда «Армения». Это отработанная американская технология, когда в эфире идут нон-стоп выступления разных людей, видеосюжеты, показывающие, на что именно собираются деньги, и тут же любой желающий может позвонить в студию и внести пожертвование. В режиме реального времени фиксируется каждый звонок, отображается постоянный отчет: сколько людей приняло участие, как идет процесс сборов, и телезрители видят конечный итог — собранную сумму. Сам я на эти мероприятия не ездил, только выступал с телеобращениями, но мы всегда посылали туда представителей от Карабаха, снабдив их всеми необходимыми видеоматериалами. В сборе средств участвовали десятки тысяч людей, вносили разные суммы: от нескольких долларов, пожертвованных школьниками, до миллиона от состоятельных предпринимателей. Кирк Керкорян⁷¹ мог в конце телемарафона просто удвоить собранную сумму. Это было ощутимой помощью для Карабаха, а сам процесс становился праздничным, эмоциональным проявлением национального единения армян.

Практика эта успешно продолжается и сегодня.

Параллельно мы старались по максимуму и самостоятельно работать с диаспорой, привлекая людей или организации, которые могли помочь в решении локальных задач, например восстановление разрушенного во время войны села, школы или водопровода. Реализовывали эти программы в основном через тот же фонд, чтобы не создавать параллельных структур, дублирующих друг друга.

Я ездил с визитами по разным странам, где у нас есть большие диаспоры. Это и европейские страны, и США, и Латинская Америка: Аргентина, Уругвай, Бразилия. Каждая такая поездка проходила по очень напряженному графику. Прилетев в Штаты, за несколько дней, отведенных на визит, я успевал объехать все крупные города: Нью-Йорк, Вашингтон, Бостон, Лос-Анджелес. Это напоминало непрерывный марафон, когда постоянно мчишься с одной встречи на другую и пытаешься успеть все: и пообщаться с влиятельными людьми из местной диаспоры, и выступить перед общинами в больших залах. Кроме того, поскольку все проявляли к нам высокий интерес, меня приглашали на специально организованные мероприятия с участием политиков, сенаторов и конгрессменов, известных журналистов и политических аналитиков.

Для меня это были первые публичные выступления перед диаспорой. Я совсем не мастер произносить прочувствованные, эмоциональные речи, а там ждали именно этого. Вначале эмоциональный настрой создавал кто-то из местных, но вскоре я понял, что вполне справляюсь с этим и сам. Оказывается, стоит открыться самому, и аудитория сразу «включается», общение становится живым и интересным. Заранее заготовленных речей никогда не читал, лишь набрасывал план выступления. Позднее, когда уже полным ходом шла реализация запущенных программ, мы стали направлять диаспорам специальные альбомы: наглядные фотоотчеты о том, как потрачены собранные ими средства. Снимки делали в одном и том же месте: мы показывали, как оно выглядело до начала работ и каким стало сейчас. Например, восстановленное село: вот то, что осталось от него после войны, а вот — сегодняшняя картина. Очень часто

представители диаспор и благотворители приезжали сами, чтобы на месте ознакомиться с результатами профинансированных проектов. Увиденное производило на них сильное впечатление и вдохновляло на дальнейшую помощь. Ведь когда человек видит своими глазами, какие кардинальные изменения произошли благодаря его пожертвованиям, ему хочется продолжать помогать, а если позволяют финансовые возможности, то он еще и удваивает свои усилия.

Каждая моя поездка приносила реальные плоды — диаспоры городов или состоятельные люди брали на себя финансирование конкретных задач в Карабахе: полностью оснастить телевидение, построить школу или другие важные объекты. Конечно, такие поездки выматывали физически: из-за перелетов, разницы во времени, множества встреч и выступлений к вечеру я просто валялся с ног. Но эмоционально они меня здорово заряжали, и не только радостью от результатов, с которыми я возвращался домой. Едва ли не более мощным было то чувство единения, которое рождалось при общении с диаспорой. Я видел, что все эти люди внутренне связаны с Арменией даже несмотря на то, что многие из них здесь никогда не были. А еще я понял, что Армения — это не просто маленький клочок земли с населением чуть больше трех миллионов, а историческая родина народа, обладающего очень серьезными возможностями по всему миру. Это потенциал, который может и должен работать на процветание Армении и Карабаха и, конечно, на его безопасность.

Наше трагическое прошлое, разбросавшее армян по всему миру, сегодня обернулось преимуществом в виде большого экономического и лоббистского потенциала диаспоры во многих ключевых странах. Например, когда я, президент непризнанной республики, приехал в Бразилию, мне устроили встречу с президентом этой страны просто потому, что один из влиятельных людей в диаспоре — его друг. В годы диктатуры президента преследовали, а этот человек ему помогал, и вот теперь они близкие друзья, а меня принимают в президентском дворце. Схожие истории повторялись в США, во Франции, в Аргентине, во многих других

странах: я приезжаю из непризнанной республики, и мне устраивают встречи с самыми влиятельными конгрессменами, сенаторами, руководителями разных политических сил — республиканцев, демократов. В такие моменты понимаешь, что национальный потенциал многократно превышает физические размеры нашей страны. Это понимание легло в основу моего подхода к политике в отношении диаспоры позднее, когда я уже стал президентом Армении.

* * *

В декабре 1996 года заканчивался двухлетний период моего президентства, и тогда же были назначены всеобщие прямые выборы, уже на пятилетний срок. Жизнь в стране налаживалась, восстановление экономики шло хорошими темпами, переходный этап успешно завершился, пришло время формировать стабильные институты власти на долгосрочную перспективу. Интересно, что в Карабахе в первые послевоенные годы отсутствовала внутривнутриполитическая борьба за власть и не сформировалась видимая оппозиция. Ситуация для меня разворачивалась естественным образом: сначала я эту власть получил в 1992 году, когда все от нее отказывались. Потом, на волне достигнутого успеха, просто менялась форма власти, переименовывались ее институты, отражая новую ситуацию. Мне в Карабахе не приходилось бороться за власть, доказывать свою профпригодность, давать обещания или вести политические торги с оппонентами. Я не думал о создании собственной партии, о формировании политической опоры. Звучит необычно, но я просто делал свое дело, совсем не занимаясь публичной политикой. За все время руководства Карабахом ни разу не выступил с прямым телеобращением. Не считая себя публичным человеком, все свои обращения делал в письменном виде, а потом их зачитывали дикторы, и все. Словом, классической политической деятельности я не вел, и уверен, что тогда в ней и не было нужды.

К этому времени выстроились довольно конструктивные отношения с нашими, карабахскими дашнаками, особенно после того, как к нам приехал Сержик Амирханян, координатор партии

«Дашнакцутюн» в Карабахе. Контакт у нас установился сразу, и я до сих пор с теплотой вспоминаю наше сотрудничество.

Поскольку перед выборами отсутствовала политическая оппозиция, в какой-то момент нам даже показалось, что придется самим искать кандидатов, чтобы не получились безальтернативные выборы, но, к счастью, до этого дело не дошло. Желаящие появились сами по себе. Это были люди, которых я хорошо знал, но они не имели шансов выиграть. В итоге они набрали совсем немного голосов и меня переизбрали, но на этот раз уже прямым всеобщим голосованием. Предвыборную кампанию я не вел — считал, что не стоит этого делать. Наверное, был прав: как оказалось, всем все было очевидно. Набрал восемьдесят с чем-то процентов, и, честно говоря, меня даже смутили эти цифры. Это сумасшедшая ответственность, когда тебе доверяют столько людей...

* * *

В Армении в те годы внутриполитическая обстановка была очень сложной. Социально-экономическая ситуация в стране оставалась крайне тяжелой, и на этом фоне продолжали расти протестные настроения. Парламентские выборы 1995 года прошли в острой борьбе и породили сильное противостояние власти и оппозиции. Партия АОД, уверовав в свою избранность и незаменимость, стала непримиримой к критике, а применение административных рычагов и силовых действий против оппозиции превращалось в норму. Произошла серия нашумевших нераскрытых убийств политических противников и критиков действующего режима. Ходили упорные слухи о том, что за всем этим стоит одиозный министр внутренних дел Вано Сирадегян. Обострились противоречия с партией «Дашнакцутюн», которая решила бороться с властями теми же методами, которые власть использовала против нее. Изначально дашнакам казалось, что, с учетом их исторической миссии, они должны стать ведущей политической силой в новой Армении, но этого не произошло. В процессе восстановления независимости АОД проявила себя гораздо энергичнее и активнее, оказавшись

сильнее в публичной политике, и именно АОД уверенно взяла власть. Конфликт между ней и дашнаками был почти неизбежен, и очень скоро партию «Дашнакцутюн» запретили, а многих ее лидеров арестовали. Все это происходило на фоне глубокой личной неприязни между Тер-Петросяном и тогдашним главой дашнаков Марухяном. Отец Тер-Петросяна когда-то был лидером сирийских коммунистов, а между коммунистами и дашнаками всегда велась острая вражда, так что о влиянии семейной традиции здесь можно только гадать. Еще больше усиливали напряженность очевидные претензии партии «Дашнакцутюн» на общearмянское лидерство в диаспоре.

Для Карабаха внутривластный конфликт в Армении создавал реальные сложности. Мы максимально дистанцировались от него, сохраняя с оппозицией, в том числе и с дашнаками, нормальные отношения, и это очень беспокоило президента Армении. Я много раз пытался объяснить ему нашу позицию: «Пойми, мы должны делать все, чтобы не политизировать Карабах. Мы хотим, чтобы поддержка и помощь ему не зависели от политической ситуации в Армении. Это дело общенациональное, и Карабах не должен присоединяться к вашей кампании, к вашим конфликтам ни с партией “Дашнакцутюн”, ни с другими оппозиционными деятелями Армении».

Во многих странах в тот период дашнаки оказывали господствующее влияние на диаспору, поэтому мы старались сохранить с ними хорошие отношения. К тому же я не разделял методов АОДа во внутривластных делах и считал, что с дашнаками можно и нужно договариваться.

ЧАСТЬ III

АРМЕНИЯ

ИЗ ПРЕЗИДЕНТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ

Новый вызов

Президентские выборы 1996 года в Армении закончились победой Тер-Петросяна, в вероятность которой мало кто верил — поводов для сомнений хватало с избытком.

Основным оппонентом Тер-Петросяна выступал Вазген Манукян, его бывший соратник и конкурент по АОДу. Наличие других кандидатов на общий расклад голосов никак не повлияло. Несколько оппозиционных партий объединились на почве их непримиримого конфликта с Тер-Петросяном и выдвинули Манукяна в качестве общего кандидата. Общество воспринимало его как лидера объединенной оппозиции, и это оказалось важным: перед голосованием, благодаря протестным настроениям избирателей, его рейтинг стремительно вырос.

В Карабахе искренне желали победы Тер-Петросяна несмотря на хорошие отношения с его конкурентом. Мы сработались с действующей в Армении властью, и любая смена команды вызывала у нас беспокойство. При этом мы никак не участвовали в предвыборном процессе, считая его делом граждан Армении. Но, конечно, внимательно следили за происходящим, и настроения избирателей не сулили ничего хорошего. За пару недель до выборов я высказал свои опасения Вазгену Саргсяну и Бабкену Араркцяну, который руководил предвыборным штабом. Меня заверили, что все под контролем и особых проблем они не видят. И вдруг за пять дней до выборов звонит Вазген Саргсян и говорит, что не понимает, в чем

дело, но ситуация резко изменилась и, похоже, они могут проиграть. Вазген попросил меня показаться в Ереване, дать пару интервью, побывать в штабе Тер-Петросяна — словом, показать отношение карабахцев к выборам. Это шло вразрез с нашим подходом невмешательства в политические дела Армении, но все-таки мы с Аркадием Гукасяном поехали в Ереван. Поездка получилась тяжелой. Страна бурлила, людей переполняла агрессия, и говорить с ними оказалось почти невозможно. Я понял, что поддержкой в обществе Тер-Петросян не пользуется, очевидно, что первым туром выборы не ограничатся и предстоит повторное голосование.

Ночь подсчета голосов я провел в предвыборном штабе Тер-Петросяна. Вести с избирательных участков не сулили ничего хорошего, а настроение людей в штабе, по мере поступления информации, становилось все более подавленным. Однако я видел, что расставаться с властью АОД не намерена — началась неприкрытая подтасовка результатов голосования. После полуночи я ушел из штаба в уверенности, что грядут большие проблемы. Власть, опасаясь возможного поражения, сделала все возможное, чтобы не допустить второго тура. Обстановка в стране и до выборов была накаленной, а тотальное недоверие к объявленному результату обострило ее до предела и спровоцировало волну протестов.

Начались многотысячные митинги на Театральной площади, которые через несколько дней вылились в штурм парламента. Выломав железные ворота и в считанные секунды смяв охрану, разъяренные люди ворвались в здание, круша все на своем пути; избili председателя парламента, его заместителя, нескольких депутатов — членов АОДа. Ситуация выходила из-под контроля, и властям не оставалось ничего иного, кроме как ввести чрезвычайное положение, арестовать участников беспорядков и оппозиционных активистов и продолжить закручивание гаек.

После выборов в начале ноября был назначен новый премьер-министр — Армен Саргсян⁷², до этого служивший послом Армении в Великобритании. В советское время он, многообещающий молодой физик, занимался преподаванием, затем уехал

в Великобританию на стажировку, а в 1991 году занял должность посла. Назначая его главой правительства, власть пыталась сгладить гнетущую внутривластную ситуацию, снять накопившееся в обществе напряжение: вот совершенно новый человек, вернувшийся из-за пределов Армении, с чистой репутацией, не связанный ни с какими кланами. Новый премьер сразу же продемонстрировал толерантность и открытость: проводил множество встреч с самыми разными людьми, выходил с семьей на прогулки по многолюдным улицам Еревана. В общем, первое впечатление на людей Саргсян произвел хорошее. Но пробыл он на своей должности совсем недолго. Назначен был в ноябре, а через пару месяцев у него внезапно обнаружилось тяжелое заболевание. Уже в конце декабря или в начале января ему пришлось уехать на лечение, и вскоре стало понятно, что в Армению он уже не вернется. Месяца два Тер-Петросян фактически заменял премьер-министра, но ситуация в экономике ухудшалась с каждым днем. Задержки по невыплаченным зарплатам и пенсиям составляли уже восемь–десять месяцев, а по некоторым регионам доходили до года. Бюджет страны почти перестал наполняться.

Конституция тех лет давала президенту огромные полномочия, вплоть до ведения заседаний правительства, и Тер-Петросян сам их вел вместо премьера вплоть до марта 1997 года. Однако текущую деятельность правительства никто не координировал, и было очевидно, что долго так продолжаться не может.

* * *

В один из обычных дней в середине марта 1997 года, когда я работал у себя в кабинете в Степанакерте, раздался звонок по внутренней связи: «Здесь в приемной Вазген Саргсян и Самвел Бабалян, хотят вас видеть». Первое, о чем я подумал, — случилось что-то катастрофическое, раз Вазген прилетел в такой спешке и без предупреждения, ведь перед своим приездом в Карабах он всегда заранее мне звонил. Конечно, я их тут же пригласил и, как только они вошли, бросился им навстречу:

— Что там у вас?!

— Да ничего особенного, — замахал руками Вазген. — Просто нужно с тобой поговорить.

— Просто поговорить? О чем? — я понимал, что вряд ли он в срочном порядке и без предупреждения прилетел в Степанакерт для праздного общения.

— Как ты смотришь на то, чтобы пересечь в Армению и занять кресло премьер-министра?

— Ты шутишь?

Первой моей реакцией был категорический отказ.

— Слушай, я всего несколько месяцев назад переизбран президентом! Как ты себе это представляешь? Как я могу сейчас вдруг сказать людям, что все бросаю и уезжаю в Армению?

В ответ Вазген Саргсян стал говорить мне о том, что они в Ереване очень долго обсуждали этот вопрос и у них нет ни одной кандидатуры, подходящей для этой должности, кроме моей. Что он прилетел по поручению Тер-Петросяна и не уедет, пока я не соглашусь. Оказалось, он специально не предупредил меня о приезде в Степанакерт, чтобы встретиться сначала с Самвелом и потом уже вместе с ним уговорить меня согласиться.

Вопрос стоял остро. Ситуация в экономике плачевная: все рушится, бюджет не собирается, долги по зарплатам растут, финансирование армии под вопросом. Вдобавок всеобщая убежденность в фальсификации итогов недавних выборов еще больше усложнила обстановку, породив в обществе тотальные сомнения в легитимности существующей власти. Это отношение могли бы смягчить хорошие результаты работы, успехи в экономике — но их не было. Напротив, ситуация ухудшалась изо дня в день. Все это вместе создавало гремучую смесь, и обстановка в стране становилась взрывоопасной. Когда выяснилось, что Армену Саргсяну предстоит долгое лечение и он не вернется, начался поиск нового премьера. И тут возникла идея пригласить на этот пост меня. Насколько я понял, исходила она от Вазгена Саргсяна. Он рассказал, что моя кандидатура уже второй день обсуждается в Армении и во власти все согласны

с мнением, что именно я способен изменить ситуацию к лучшему. Президент поручил Вазгену поговорить со мной.

Часа полтора мы сидели и обсуждали эту тему. Вазген подробно описал ситуацию: дефицит бюджета достиг критической отметки, проблемы с финансированием затронули уже и армию. Он называл мне реальные цифры, а напоследок сказал: «Ты же понимаешь, что, если дальше так будет продолжаться, ты все равно свои задачи здесь, в Карабахе, решить не сможешь». Уговаривал меня и Самвел Бабаян, у которого имелся и собственный резон: чем больше наших, карабахских, будет в правительстве Армении, тем лучше для Карабаха — у нас будет больше влияния на решения, принимаемые по НКР. На самом деле то, что они говорили, было правдой, и все перечисленные аргументы звучали вполне убедительно. Я все это понимал, но... вот черт... мне совсем не хотелось уезжать из Карабаха в Армению! Не помню, что именно я тогда ответил, — кажется, сказал, что даже не знаю, как такую новость преподнести моей семье.

Впрочем, я не лукавил.

Когда рассказал домашним об этом предложении, у нас такое началось! «Что? Куда? Никуда не поедем! Не хотим в Армению!» — все до единого выступили категорически против: и дети, и жена, и мать...

В конце концов я согласился слетать в Ереван и поговорить напрямую с Тер-Петросяном. Семье сказал, что решение еще не принял. Пока летел в вертолете, обдумывал ситуацию. Аргументы, приведенные Вазгеном и Самвелом, конечно, звучали весомо. Я и сам видел, что дела в Армении ухудшаются. Несомненно, в Ереване нужен человек, который справится со всеми проблемами. Но если они не найдут никого, кроме меня, то отказываться нельзя — иначе велик риск потерять Карабах. Да, в тот момент определяющим мотивом для меня являлось беспокойство за судьбу Карабаха — ответственность за судьбу всей Армении пришла позже.

Встреча с Тер-Петросяном лишь подтвердила мои опасения. Он еще раз повторил все, что я уже слышал от Вазгена Саргсяна.

Я тут же вспомнил ситуацию с созданием ГКО: как и тогда, мне предстояло принять еще одно бесповоротное решение. Как и тогда, я должен был ясно понять, на каких условиях готов за это взяться, и перечислить эти условия Тер-Петросяну. Вместо Большой советской энциклопедии, послужившей мне когда-то справочником, перед встречей с Тер-Петросяном я полистал Конституцию Армении. Конституция четко говорила о влиянии президента на правительство, но при этом давала премьеру широкие права самостоятельного решения многих ключевых кадровых вопросов. Я сказал Тер-Петросяну:

— Левон, смотри. Я только что стал президентом в Карабахе. Сюда не хочу, мне это не нужно. Вы говорите, что это нужно республике. Хорошо. Я приду, но с условием, что абсолютно никто не вправе вмешиваться в мои дела — я буду полностью самостоятелен. Да, ты президент. Но ты не будешь навязывать мне свое мнение в сферах моей ответственности. У меня должна быть абсолютная независимость в решении вопросов, находящихся в моей компетенции. У меня уже много лет не было шефа, поэтому имей в виду, что со мной тех отношений, какие у тебя складывались с прежними премьерами, быть не может. Я хочу, чтобы мы договорились об этом с самого начала.

Это первое и ключевое для меня условие не встретило никаких возражений с его стороны.

Я продолжал:

— Ни один премьер без парламентской поддержки не сможет вообще ничего сделать — такова структура власти. Я же в парламенте почти никого не знаю. С этими людьми никогда не сталкивался — просто не нуждался в этом, занимаясь исключительно Карабахом. Я вырос не в Армении, жил в Ереване всего несколько лет в студенчестве, и широкого круга друзей у меня здесь нет. Нет у меня и своей партии в парламенте, а я не намерен торговаться с депутатами по каждому голосованию. Кто будет там проталкивать законодательные инициативы правительства? Если мы сейчас это не решим, то мне даже братья не стоит.

Задал и другие вопросы, связанные с конкретной деятельностью правительства как органа власти и лично с моей работой как руководителя правительства. Я сказал: характер у меня резкий, и во избежание будущих конфликтов все должны знать, что в Армении неприкасаемых нет, и в первую очередь — в высших эшелонах власти. Тер-Петросян ответил, что он понимает мои опасения, они объективны и полностью принимает выдвинутые мной условия. Пообещал, что председатель парламента Бабкен Аракцян возьмет на себя все вопросы, связанные с парламентом, а я в роли премьера буду абсолютно самостоятелен. Мы договорились встретиться в более широком составе, чтобы еще раз обсудить все эти темы.

На следующий день такая встреча состоялась. Обсуждение прошло гладко, все понимали, что я буду очень самостоятельным премьером и не позволю никому вмешиваться в дела правительства. Бабкен Аракцян гарантировал, что он обеспечит голосование в парламенте по законопроектам, если, конечно, они не будут выходить за пределы разумного. Я чувствовал: все осознают, что ситуация в стране критическая и нужны общие усилия для ее преодоления. Тер-Петросяну требовалось поставить во главу правительства человека, способного переломить кризис, и при этом нового. У меня же в Карабахе сложился имидж очень энергичного и жесткого руководителя, способного решить любую взятую на себя задачу, какой бы невыполнимой она ни казалась. С моим именем связывались победы в войне за независимость и успехи в восстановлении разрушенной войной экономики.

Я дал свое согласие Тер-Петросяну и, пообещав приступить к работе через пару дней, вылетел в Степанакерт. Мне предстояло сообщить о своем решении семье и собрать вещи.

Дома новость восприняли очень тяжело. Все в один голос заявили, что они против: из Карабаха уезжать не хотят и никуда не поедут. Да и мне самому это решение далось нелегко. Я понимал, что столкнусь с массой сложностей. Первая из них — я плохо знал Армению. Вторая — никогда не вмешивался в армянские политические передраги и совершенно в них не разбирался. Третья,

и очень важная, — слабо владел армянским литературным языком. Я окончил русскую школу и во время учебы относился к урокам армянского без особого рвения. К тому же нам его преподавали всего два раза в неделю по часу, обучение велось формально, и писать и читать на армянском я мог с трудом. А все делопроизводство в Армении, конечно же, велось на армянском, и это казалось мне катастрофически сложным. Выступать в правительстве, в парламенте, общаться с прессой мне также предстояло на литературном армянском, а я говорил в основном на карабахском диалекте, который сильно от него отличается. Это представляло для меня одну из самых серьезных проблем — ты идешь руководить правительством страны, на языке которой тебе трудно не только читать и писать, но даже говорить.

Конечно, я сомневался, справлюсь ли с тем, что собираюсь на себя взвалить. Никакого четкого плана у меня не было. Как поднимать экономику Армении и что конкретно нужно для этого делать, не понимал, поскольку совсем не знал экономику Армении! Но я точно знал: у меня есть способность к самоорганизации, воля и упрямство при достижении цели, я умею быстро принимать решения и любой ценой доводить их до конца. С этим и поехал в Ереван.

Глава правительства

Самые первые месяцы в новой должности оказались не просто сложными, а по-настоящему кошмарными! Они заставили меня вспомнить период, когда я только стал председателем Государственного комитета обороны в Карабахе — тогда тоже в первые месяцы было исключительно тяжело. Здесь, конечно, трудности носили иной характер, но по свалившейся нагрузке и моему состоянию — напряжению всех душевных и физических сил — ситуация выглядела очень похоже. От меня опять ждали чуда, а я в очередной раз взялся за новое для себя дело, изучая его прямо на ходу да еще в незнакомой среде.

Общество, как мне показалось, восприняло мое назначение хорошо. Я держался со всеми одинаково: и с теми, кто в ладах с властью, и с теми, кто не в ладах. Правительство менять не стал — хотел сперва узнать людей поближе и понять, кто из них нормально работает, а с кем нужно распрощаться. Но сразу же предупредил всех, что предпочтений не будет ни для кого и что для меня имеют значение их профессиональные качества, а не личные симпатии или антипатии.

Кроме Вазгена и Сержа я хорошо знал от силы еще пару человек в правительстве: например, министра транспорта Генриха Кочиняна, который часто приезжал к нам в Карабах, когда мы восстанавливали мосты и строили дороги. С большинством же — с теми, чья профессиональная сфера мало пересекалась с моей деятельностью в Карабахе, — мы были почти не знакомы. Сразу заметил, что многие отнеслись ко мне с опаской: я имел репутацию очень жесткого человека, и даже чересчур жесткого. В какой-то степени это было правдой. Но именно имидж строгого и чрезмерно требовательного руководителя — «если сроки поставлены, умри, но сделай» — сыграл мне на руку: он как-то сразу всех собрал и дисциплинировал. Так что самоутверждаться на новом месте мне не пришлось.

Больше всего не понравилось полное отсутствие командного духа в правительстве, более того — министры при встречах со мной не упустили возможности накапать на своих коллег. Я сразу дал понять, что ябедничество не приветствую и все подобные попытки буду пресекать. Через неделю пригласил правительство на ужин и обязал всех министров ежемесячно, по очереди, организовывать такие неформальные встречи за столом.

Почти сразу после моего назначения я почувствовал, что настроение в правительстве изменилось. Исчезла та всеобщая расхлябанность, которую порождало чувство, что «все равно ничего не получится — так и так катимся под гору». Моя уверенность и четко заданный темп работы наэлектризовали всю исполнительную власть, словно прошел электрический импульс и упорядочил броуновское движение электронов, направив их в одну сторону: машина заработала. Теперь эту машину нужно было сфокусировать

на решении самых насущных задач. А для этого сначала мне самому требовалось выделить их и расставить в приоритетном порядке. Казалось бы, ничего сложного. Но весной 1997 года экономика находилась в таком запущенном состоянии, что важным и приоритетным казалось абсолютно все.

В первую очередь предстояло наладить эффективное управление во всей вертикали исполнительной власти, создать работающий инструмент, способный реализовывать наши программы в экономике. Плохое исполнение может похоронить самые хорошие идеи и планы. Я начал с четкой постановки целей, внедрения исполнительской дисциплины и налаживания командной работы — это стало очень простыми, но действенными шагами. Понимал, что на первых порах мне придется заниматься микроменеджментом — тем, что никогда не любил. Но выбирать не приходилось. Я отчетливо осознавал, что если не добьюсь осязаемых результатов в течение хотя бы первых шести месяцев, то потеряю кредит доверия, а вместе с ним и возможность заниматься стратегическими задачами в будущем.

Бюджет страны был пуст. Самая насущная проблема — многомесячные задолженности по зарплатам и пенсиям, порой доходящие до года. Значит, в первую очередь надо решать именно ее. Денег нет. Следовательно, нужно начать собирать налоги: понять, как это сделать, откуда, ну и... пошло-поехало. В этой области царил полнейший бардак. Официально от налогов вроде бы никто не освобождался, но люди, имеющие партийные, клановые или родственные связи, либо скрывали свои доходы, либо просто ничего не платили, а налоговые службы боялись их трогать. Более того, оказалось, что эти люди не только уклонялись от налогов, но даже не платили за электричество, газ и коммунальные услуги. Видимо, должности и родственные связи они воспринимали как естественную привилегию, считая, что общие правила не для них. Переломить эту ситуацию и заставить всех платить оказалось легко: большинство сами поспешили подчистить свои дела, чтобы не попасть в немилость у нового премьера.

Уже к августу того же года, только за счет организационных решений и выстраивания исполнительской дисциплины, удалось погасить все долги по пенсиям и зарплатам, а налоговая нагрузка при этом оставалась прежней.

При скудном бюджете всего в 300 миллионов долларов на счету должен быть каждый доллар. Помню, как меня поразило бездумное привлечение коммерческих кредитных ресурсов под правительственные гарантии на сомнительные или недостаточно просчитанные проекты. Несколько таких проектов, в том числе три — с EBRD*, мы заморозили, по другим кредитным линиям последовали уголовные дела по хищению средств.

Следующим непростым для меня решением стал отказ от ваучерной приватизации — в бюджет от нее почти ничего не поступало. Сама идея такой приватизации, казалось бы, исходила из справедливого мотива: дать всем гражданам Армении равные возможности стать собственниками приватизируемых объектов. Но на практике благие намерения обернулись разрушительными для экономики последствиями. Тяжелейшая социальная ситуация в стране привела к тому, что люди сразу же продавали свои ваучеры во много раз дешевле их номинальной цены, чтобы получить хоть какие-то деньги. Скупали же их директора предприятий, чиновники, бывшие цеховики, активисты АОДа — словом, те, кто обладал средствами, то есть имел доступ к государственной кормушке. Таким образом значительная часть предприятий ушла за бесценок в собственность небольшой группе людей, а идея народного капитализма потерпела полное фиаско.

Энергетический кризис и проблема транспортных коммуникаций с внешним миром довершили разрушение заметной части унаследованного от СССР промышленного потенциала. Новые собственники, не видя перспектив, зачастую просто раскулачивали свои предприятия, продавая станки и оборудование за пределы Армении. Процесс приватизации был настолько скомпрометирован,

* Европейский банк реконструкции и развития. — *Прим. ред.*

что мы привлекли компанию Merrill Lynch для организации международного тендера по продаже нескольких предприятий и отелей. Так нам удалось продать Ереванский коньячный завод, отели «Армения» и «Ани», государственную долю в телекоммуникационной компании «АрменТел», причем все покупатели несли обязательства по развитию приобретаемых активов. Такая приватизация наконец стала приносить реальные деньги, в которых правительство отчаянно нуждалось: инфраструктура страны разваливалась в полном смысле этого слова.

Одним из самых трудных решений оказался переход к адресной социальной политике: полный отказ от всех социальных субсидий в пользу помощи конкретным нуждающимся. Мы первыми в СНГ провели монетизацию социальной политики, ввели семейное пособие, для чего пришлось разработать методику определения нуждающихся семей и наладить их учет. Парламент решение поддержал, и мы начали срочно претворять его в жизнь.

Надо сказать, что все, о чем изначально договаривались с председателем парламента, он выполнил полностью и сложностей с парламентской поддержкой у меня не возникло. Правда, небольшой конфликт в самом начале все же произошел. Новый премьер-министр должен представить парламенту новую программу правительства. А какую программу я мог представить? Я ведь только-только возглавил правительство и еще мало что знал про экономику Армении. Никакой программы у меня не было. Естественно, я отказался, настаивая, что поменялся лишь премьер, а не правительство целиком. Данный пункт в конституции формулировался нечетко и действительно позволял разные интерпретации, вот я и настаивал, что вовсе не обязан это делать. В итоге, после долгих споров, в парламент я так и не пошел.

Вообще с парламентом я выстроил нестандартные отношения. В словесные баталии с депутатами никогда не вступал, на трибуну парламента не поднимался. Это казалось необычным: раньше депутаты всегда напрямую задавали свои вопросы премьеру и тот сам на них отвечал. Я же изменил подход: любой вопрос кивком

переадресовывал министру, ответственному за ту область, которой касался вопрос, и тот уже выступал с разъяснениями. Я понимал, что многим в парламенте это не нравится, но считал необходимым увеличить дистанцию между премьером и депутатами. Их сто тридцать человек, а я один, и мне не хотелось, чтобы каждый из них мог поднять меня на трибуну. Во-первых, я не очень словоохотлив, а во-вторых, это плохо сказалось бы на моем авторитете. Если сегодня депутат чувствует себя праве бодаться со мной в парламенте, то завтра он посчитает, что может требовать у меня личных предпочтений.

Энергетика страны доставляла мне ежедневную головную боль. После восстановления второго энергоблока АЭС Армении постепенно выходила из энергетического кризиса, но финансовое состояние энергетической отрасли ухудшалось с каждым днем. Собираемость платежей за газ и электричество оставалась настолько низкой, что долг перед поставщиками газа рос прямо на глазах. Цепочка неплатежей между хозяйствующими субъектами охватила всю экономику. Газ и электроэнергию воровали все, кто имел хоть малейшую возможность это делать. В последние дни каждого месяца премьеру приходилось лично контролировать сбор денег за потраченный газ и договариваться с поставщиками, чтобы газ не отключали, — ненормальная, угнетающая и изматывающая ситуация. Требовалась передышка, пауза в этом замкнутом порочном круге, которая позволила бы привести в порядок энергетику страны. Предложили Газпрому и компании «Итера» создать на базе газотранспортной сети Армении совместное предприятие, в котором Газпром и «Итера» свою долю оплачивают поставками газа. Помню встречу и непростые переговоры с главой Газпрома Рэмом Вяхиревым в Ереване. У нас с ним сразу возник контакт, и нам в итоге удалось договориться. С этих договоренностей начался непростой процесс оздоровления энергетической отрасли.

Мне пришлось одновременно решать колоссальное количество самых разных задач. Я на ходу изучал Армению, ездил по регионам, выясняя, где и что можно сделать для развития экономики страны.

Параллельно присматривался к людям в правительстве, пытаюсь понять, кто из них чего стоит.

Помню, как меня тогда поразила ситуация в Гюмри, Спитаке и Ванадзоре. Поразила озлобленностью людей и полным пренебрежением властей к сложившейся там крайне тяжелой социально-экономической ситуации. Я не предполагал, что спустя девять лет после землетрясения увижу все еще разрушенные города. Первой была поездка в Гюмри, где меня приняли на удивление хорошо, но уехал я оттуда с тяжелым чувством. По пути в Ереван, в машине, решил, что восстановление зоны бедствия станет для меня делом чести.

В довершение всех сложностей, как я и предвидел, мне очень мешало слабое знание армянского языка. Просмотр огромного количества разнообразных документов поглощал массу времени — читал по-армянски все еще очень медленно. Причем я относился к тому типу людей, кто воспринимает информацию гораздо лучше через чтение — глазами; так было и в школе, и в институте. На экзаменах всегда мог для себя визуально воссоздать нужную страницу учебника. А тут я оказался в ситуации, где мой наиболее сильный канал восприятия не работал.

Я ограничил представляемые мне записки и презентации двумя страницами. Начал проводить у себя больше устных обсуждений разнообразных вопросов, выслушивать аргументы за и против, принимать решения. Так через простые управленческие меры нашел способ компенсации моего слабого места. Через пару месяцев я почувствовал, что интенсивное использование армянского языка дает хороший эффект и мне постепенно становится все легче и легче. А больше всего обрадовался, когда понял, что здорово натренировал и улучшил свое слуховое восприятие. Сейчас этот канал для меня стал очень важным: в машинах, в самолетах, в тренажерном зале, во время прогулок у меня всегда в ушах наушники — аудиоверсии чуть ли не всего контента сейчас доступны и в онлайн, и в офлайн.

Первые ощутимые результаты моей работы появились уже через два-три месяца, а через пять месяцев произошел качественный

сдвиг. Я пришел в марте, а к августу мы стали собирать таможенных и налоговых сборов вдвое больше, совершенно не увеличив налоговую нагрузку — просто за счет организационных усилий. Появились средства в бюджете, и теперь можно было заняться тем, что воодушевит людей и вдохнет в них оптимизм.

Какое настроение может быть у жителей столицы, если в ней вечерами темно? Фонари горели лишь на трех-четырёх улицах да и то до полуночи. Я поставил задачу осветить город: выделили средства, началась работа.

Бензин тогда продавали в разлив — прямо с бензовозов. На весь Ереван имелась лишь пара приличных заправочных станций, да и те принадлежали чиновникам. Как я мог это исправить? Да очень просто — сказал поставщикам горючего: «У вас есть три месяца, чтобы построить заправочные станции, нормальные, цивилизованные. И после этого ни одной цистерны с канистрами и воронками в городе не будет. Кто не справится — вылетит с рынка». Справились все.

Вот такие, казалось бы, элементарные вещи — свет на улицах, бензоколонки, еще какие-то мелочи — очень меняют настроение людей. А главное, подобные задачи решались совсем не сложно! Надо было всего лишь заставить людей ими заниматься. Обозначить четкие нормы и предупредить: будете их соблюдать — будете работать, нет — вылетите из этого бизнеса. Потому что так, как раньше, мы больше работать вам не позволим.

Да, на первых порах приходилось заниматься и таким административно-командным управлением. Позднее, через год-два, подобные вопросы ушли на уровень местного самоуправления, и коренным образом изменился функционал правительства. Но в самом начале именно сочетание оперативных мер с мерами более фундаментального и долгосрочного характера дало реальный результат.

С самого первого дня моего премьерства действия правительства задевали клановые интересы разных групп людей, связанных с властью. Естественно, с какого-то момента пошли жалобы президенту, что, мол, «новый премьер не дает нам жить». Недовольство

проявляли те, кто до моего появления имел особые привилегии. Услышал я об этом уже в августе от Тер-Петросяна: «Знаешь, Роберт, — сказал он (мы с ним были знакомы очень давно, поэтому обращались друг к другу просто по имени), — жалуются наши ребята, что ты их притесняешь». Я засмеялся: «А кого притеснять, если не их? Кто в этой стране еще что-то имеет? И чем, интересно, я их притесняю? Тем, что заставляю, как и всех остальных, платить налоги?» На этом наш разговор и закончился. Мне показалось, что президент просто для галочки отреагировал на жалобы своего окружения. Тер-Петросян действительно держал данное мне слово и не ограничивал мою самостоятельность. Но где-то в конце сентября на одной из наших встреч он вдруг сказал:

— Слушай, я до сих пор, как мы и договаривались, ни во что не вмешивался. Но сейчас у меня к тебе есть одна просьба: убери начальника таможенной службы.

А я тогда на эту должность назначил парня из Карабаха, без связей в Армении, независимого, с незашоренным взглядом. У него, несомненно, имелись свои недостатки: он был чрезмерно резок, мог конфликтовать со всеми и по любому поводу, но, если задача поставлена, лопнет, но решит. Тогда как раз требовались такие люди, с которыми трудно договориться. Я ответил:

— Левон, я этого не сделаю. Ты посмотри, сколько налогов до него собирала таможенная служба и сколько сейчас. Он удвоил поступления за несколько месяцев. И как я должен это решение ему объяснить? Что он плохо работает, потому что обижает функционеров АОДа? А какие будут последствия, ты представляешь? Новый начальник службы станет согласовывать свои действия с разными кланами, понимая, что его карьера зависит от них! Это просто подорвет мой авторитет. Так что данную просьбу я выполнить не могу.

— Сними его, назначь кого хочешь. Но его сними — все ребята против.

— Слушай, меня не интересует мнение ребят, я их мнением не могу платить зарплаты и пенсии! Мы с тобой договорились — все, я прошу не вмешиваться.

Так у меня впервые случился конфликт с Тер-Петросяном. Наверное, это было неизбежно: с одной стороны, люди из окружения президента поняли, что ситуацию действительно можно изменить к лучшему, почувствовали позитивные перемены, а с другой — не хотели, чтобы эти перемены хоть как-то затрагивали их собственные интересы.

С этого момента мои отношения с Тер-Петросяном стали заметно натянутыми.

Отставка Тер-Петросяна

Время, проведенное в должности премьера, запомнилось мне как сплошная череда рабочих будней, без отдыха и послаблений. В отличие от работы на посту председателя ГКО, круг задач был гораздо шире, многое пришлось осваивать практически с нуля. Зато артобстрелов и пожаров на рабочем месте не было.

К осени стали заметны улучшения в экономике. Значительно выросли поступления в бюджет, задолженность перед населением быстро сокращалась, можно было подумать и о программах развития. Но заметнее стало и недовольство президента и его окружения моими действиями. Тер-Петросяну продолжали жаловаться на меня — многих в АОДе не устраивало неподотчетное им правительство. Внешне это никак не проявлялось, но отношения наши оставались напряженными. Я чувствовал, что Тер-Петросяна все больше раздражает независимость премьера, но подходов своих менять не стал, поскольку был убежден: по-другому успеха не добиться, да и сам я по-другому не умею. Впрочем, это вряд ли привело бы к каким-то серьезным последствиям, но тут он сделал совершенно неожиданный для меня, да и для многих, ход.

26 сентября Тер-Петросян, который не очень жаловал журналистов общением, вдруг созвал пресс-конференцию по случаю годовщины своего избрания. Он произнес речь, в которой призвал пойти на уступки по Карабаху и согласиться с планом поэтапного урегулирования, предложенным сопредседателями Минской группы. Это

был план, по которому Карабах оставался в составе Азербайджана. Доводы президента сводились к тому, что другого выхода у Армении просто нет, что, пока не будет решена проблема Карабаха, никаких успехов в экономическом развитии достичь невозможно и у страны нет будущего.

Услышав это, известный в то время журналист, ведущий цикла передач «Мнение» Серго Ерицян переспросил, правильно ли он понимает слова Тер-Петросяна: президент собирается отказаться от Карабаха? Тот ответил: «Серго-джан! Ты не будешь хорошо жить, пока карабахская проблема не будет решена!» Эта фраза Тер-Петросяна тут же пошла в народ, или, как теперь говорят, стала мемом, а пресс-конференция вошла в историю Армении под названием «Серго-джан».

Напомню, что план Минской группы ОБСЕ предусматривал возвращение Азербайджану занятых нами территорий, за исключением Лачинского коридора, статус которого оставался неопределенным. Взамен армянской стороне предлагались декларативные международные гарантии безопасности Карабаха и снятие экономической блокады. Вопрос статуса НКР откладывался на неопределенное время без фиксации какого-либо механизма его принятия.

Я был убежден, что такое решение категорически неприемлемо. Сдать территории, которые были и остаются самой надежной гарантией безопасности НКР? Отдать Азербайджану все, что усиливает наши переговорные позиции, без определенности со статусом НКР? Мы сразу лишились бы тех преимуществ, которые послужили основой для соглашения по прекращению огня, и никто не мог бы гарантировать, что военные действия не возобновятся.

О пресс-конференции я узнал из прессы. Выступление Тер-Петросяна меня не удивило. Я знал, что он готов пойти на неприемлемые уступки. Но что меня поразило, так это его аргументы. Заявить жителям Армении, что они плохо живут из-за Карабаха, и призвать их отказаться от него?

На следующий день после пресс-конференции я встретился с Тер-Петросяном и высказал свое мнение, причем в довольно резкой форме:

— Левон, лучше откажись от этой идеи. Никакого компромисса здесь быть не может. То, что ты предлагаешь, — это сдача Карабаха! Я приехал сюда не для того, чтобы вместе с тобой сдать Карабах!

— Это мое мнение, и я вправе открыто о нем говорить — ответил он.

Так постепенно нараставшее между нами в последние месяцы напряжение перешло в открытый конфликт. Это произошло не впервые. Еще в военные годы, когда речь шла о сдаче Кельбаджара, у нас с Тер-Петросяном возникли разногласия, но тогда они не стали публичными. Как и тогда, это еще был не конфликт личностей, а скорее конфликт подходов к решению сложной проблемы. Один предлагал избавиться от нее, сбросить с себя эту тяжелую ношу, а другой считал, что хотя ноша и тяжела, но мы взвалили этот груз себе на плечи и надо иметь мужество идти с ним до конца — до тех пор, пока это возможно. Тер-Петросяну казалось, что это всё — дальше уже некуда. Я же считал, что есть еще масса неиспользованных возможностей и мы должны попытаться их реализовать. Я видел, насколько неэффективно работает правительство, насколько неэффективно выстроены в стране очень многие процессы, и был уверен, что это можно изменить.

Пресс-конференция взбудоражила Армению — и общество, и властные структуры — и ярко высветила разницу во взглядах на карабахский вопрос. Однако пожар из искры этого противоречия разгорелся не сразу, мы продолжали общаться, стараясь не усугублять конфликт. Тем более что речь шла лишь об озвученном подходе к урегулированию. Мы, конечно, обсуждали возникшую проблему между собой — в правительстве были люди, разделявшие мою точку зрения, были и те, кто принял сторону президента.

Тер-Петросяна активно поддержал АОД — партию, лидером которой, по сути, он оставался. Конечно, когда он стал президентом,

руководитель формально сменился, но фактическое лидерство Тер-Петросяна в партии продолжилось. Члены правления АОДа стали активно транслировать точку зрения президента. Поддержал его и Ваню Сирадегян⁷³, тогда один из самых влиятельных людей Армении, очень эмоциональная и колоритная личность. Филолог по образованию, в прошлом он был писателем и журналистом. Когда возникло карабахское движение, стал членом комитета «Карабах», позднее возглавил МВД Армении. Осенью 1997 года он занимал должность мэра Еревана. Министром внутренних дел он стал в период хаоса, когда отношение к милиции испортилось настолько, что идти туда работать никто не хотел, люди даже боялись надевать милицейскую форму. Появилось множество военизированных формирований — какие-то движения, отряды самообороны, вооруженные группировки. На посту министра Ваню Сирадегян сумел навести порядок и восстановить уважение к милиции, но, восстановив, сам стал проблемой. Классическая ситуация, когда, побеждая преступность, человек теряет внутренний стержень, начинает считать себя выше закона и в итоге сам становится преступником. Когда в Армении прошла серия политических убийств, мало кто сомневался в его прямой к ним причастности. Позже Сирадегян сбежал от следствия и по сей день находится в розыске.

Председатель парламента Бабкен Аракцян как мог пытался сгладить ситуацию. Он не выражал какой-то активной поддержки Тер-Петросяну, но в том, что будет с ним заодно, я не сомневался.

У меня все еще оставалась надежда, что президент не пойдет на практическую реализацию плана ОБСЕ, найдет способ от него уклониться. Я знал, что Тер-Петросян очень упрям: если он принял решение, то отговорить его будет крайне тяжело. Но я ведь тоже упрямый! Попытался убедить его цифрами:

— Ты посмотри: я всего несколько месяцев занимаюсь экономикой — и уже хорошие результаты, виден прогресс!

— Это всё временно, просто у нас база была низкая, а дальше — начнется спад, — ответил он.

— Да, я понимаю твои опасения. Но давай попробуем! Давай сделаем все от нас зависящее, и, если не получится, я тогда сам первый к тебе присоединюсь. Левон, да, у нас масса внутренних проблем, но мы сами их создали! Я вижу колоссальные ресурсы для развития, которые мы просто не используем! Проблема-то в нас! А твоя постановка вопроса опасна еще и тем, что делит армянское общество. Нельзя сталкивать одну часть нашего народа с другой! Даже если ты так думаешь, не стоит об этом говорить. Представь: у тебя трое детей, и у одного из них проблемы со здоровьем. И ты говоришь всем троим: вы будете плохо жить, пока вот этот у нас болен, потому что мне придется тратиться на его лечение. Точно так же ты поступаешь сейчас с Карабахом!

Мои уговоры были тщетны. Через некоторое время, 1 ноября, Тер-Петросян опубликовал статью «Война или мир. Время серьезных решений», где призывал пойти на уступки, пока не поздно — выбрать между плохим и очень плохим. Он настаивал, что в условиях конфликта и блокады Армения не сможет развиваться. После этой статьи развернулась всеобщая публичная дискуссия, и тема карабахского урегулирования оставалась ключевой всю осень 1997 года.

Было очевидно, что Тер-Петросян для себя все решил и активно готовит общественное мнение. Подконтрольные властям СМИ целенаправленно транслировали его точку зрения. Однако соцопросы говорили совершенно другое. Если до пресс-конференции они показывали, что людей больше всего волнует безработица и прочие социальные вопросы, а Карабах для них стоит где-то на четвертом или пятом месте, то после выступлений президента озабоченность проблемой карабахского урегулирования вышла на первый план. Такова особенность национального менталитета — когда нет прямой угрозы, вопрос уходит из зоны внимания. Как только появляется опасность — происходит молниеносная консолидация всего общества.

Почему Тер-Петросян пошел на этот шаг? Думаю, он был искренен. Видимо, он действительно верил, что другого пути нет.

В какой-то момент ему показалось, что Карабах — это неподъемный груз для Армении и страна не может оставаться заложником этой проблемы. Такие настроения у него проскальзывали и раньше, хотя он и стал президентом на волне карабахского движения. Объяснить тяжелую ситуацию в стране проблемой Карабаха было гораздо проще, чем признать, что дела идут плохо из-за неэффективного управления и что у тебя самого что-то не получается. Люди склонны подсознательно искать внешнюю причину, объясняющую собственные неудачи. Это отчасти помогает им сглаживать внутренний дискомфорт, но, как правило, становится причиной новых неудач.

Видимо, проблемные выборы 1996 года и понимание, что легитимность его власти весьма сомнительна, держали Тер-Петросяна в постоянном психологическом напряжении. А тут еще и я подлил масла в огонь: вдруг пришел новый премьер, и за очень короткое время дела стали заметно улучшаться. К тому же премьер оказался слишком независимым, и реальный центр власти стал смещаться в здание правительства. Возможно, совокупность этих факторов и привела его к такому решению — согласиться на пораженческий для нас план Минской группы ОБСЕ. Хотя все это лишь мои предположения — попытка проанализировать ощущения и состояние другого человека.

Я же по-прежнему был уверен, что, несмотря на чрезвычайную сложность карабахской проблемы, она может быть разрешена. Надо иметь волю жить с этим, пусть даже очень долгие годы, и только так можно будет в конце концов прийти к успеху.

* * *

В декабре я вдруг получил приглашение во Францию от президента Жака Ширака. Меня это удивило и озадачило: с какой стати президент приглашает с визитом премьера? Но я был настолько поглощен работой, что размышлять на эту тему не стал. Я в то время активно пытался привлечь крупные иностранные компании к приватизационным проектам в Армении и подумал, что поездка могла бы оказаться очень кстати.

На встрече в Елисейском дворце выяснилась причина приглашения: Ширак хотел обсудить со мной вопросы карабахского урегулирования. Франция активно участвовала в посреднической деятельности и поддерживала поэтапный план ОБСЕ. По словам Ширака, Тер-Петросян был готов его подписать, но ссылаясь на сложности: «У меня очень упрямый премьер, ни в какую не соглашается. Он из Карабаха. Попробуйте сами его уговорить». Ширак решил поговорить со мной напрямую, и именно это послужило причиной моего приглашения во Францию: он откровенно рассказал мне всю предысторию в первые же минуты нашей беседы. Я понял, что цель Ширака — убедить меня в том, что возвращение территорий Азербайджана до определения статуса НК — единственно возможный выход.

«Ну что ж...» — подумал я и развернул перед президентом Франции карту. Я наглядно показал ему, что будет означать для нашей безопасности уход с этих территорий.

— Возврат четырех районов на юге, прилегающих к Араксу, растянет линию соприкосновения с 22 до 220 километров. В еще большей пропорции растянется линия соприкосновения от сдачи Кельбаджара, где мы удерживаем лишь один перевал на высоте 3200 метров. Кто в здравом уме пойдет на такое самоубийство без реальных гарантий? Какими силами мы обеспечим безопасность Карабаха?

Я еще раз повторил, что смысл нашего контроля над этими территориями — исключительно военный, и об уходе оттуда можно говорить лишь при полном отсутствии угрозы. Отметил, что перемирие держится не на миротворцах, а на сложившемся балансе сил и именно эти территории являются важнейшей частью такого баланса. А потом я задал ему простой вопрос: «Господин президент, вы готовы послать туда свои войска, гарантирующие мир?»

Ответом мне была тишина. Таких гарантий дать никто не мог.

Показав, к каким последствиям для Арцаха может привести «поэтапный» план, я привел еще один важный аргумент: переговоры завершатся результатом только в том случае, если в течение всего процесса у обеих сторон сохраняется мотивация к его

продолжению. Как только мы возвращаем Азербайджану территории, он теряет эту мотивацию вообще! О чем ему договариваться, если он уже получил все, что хотел?! И при этом мы своими руками создаем для него соблазн, используя эти территории, силой вернуть себе весь Карабах. Вы этого хотите?

И опять моим собеседникам нечего было мне ответить.

У меня сложилось впечатление, что в таком контексте разговор с Шираком никогда не шел и что мне удалось донести до присутствующих свою точку зрения, заставив их взглянуть на проблему под новым, незнакомым для них углом.

Результат встречи оказался прямо противоположным задуманному: не меня убедил Ширак, а именно мне удалось наглядно продемонстрировать ему, что их план не сработает и что его надо в корне менять. Я привел логичные и весомые аргументы, и их оказалось достаточно для того, чтобы заставить всех задуматься. Я в свою очередь дал понять, что открыт для обсуждения и готов рассматривать любые варианты решений, которые не будут нарушать жизненные интересы Армении и Карабаха. Когда выходил из зала переговоров, мне бросилось в глаза расстроенное лицо представителя французского МИДа, ответственного за карабахское урегулирование. Он явно переживал происшедшее: за каких-то пару часов все его усилия были сведены на нет.

Для меня же эта поездка оказалась очень плодотворной. Жак Ширак понял нашу позицию и в дальнейшем, в течение многих лет, помогал в переговорах. Кроме того, наша первая встреча положила начало многолетней дружбе. Ширак оказался очень интересным собеседником: его незаурядный ум, энциклопедичность знаний и способность быстро вникнуть в обсуждаемый вопрос делали захватывающим разговор с ним на любую тему. Мы часто встречались, и даже если я проездом оказывался в Париже, он всегда приглашал меня пообедать вместе, обсудить разные экономические и политические вопросы да и просто пообщаться. Я относился к нему с большим уважением, и наши теплые отношения и регулярные встречи продолжались до конца нашего с ним президентства.

Кстати, в ходе этой поездки мне удалось привлечь компанию Pernod Ricard к тендеру по приватизации Ереванского коньячного завода, который компания впоследствии выиграла.

* * *

Продолжая продавливать свое решение, 8 января Тер-Петросян вынес его на обсуждение Совета безопасности Армении. Совбез по этой теме собирался не раз, и заседал он тогда прямо в кабинете Тер-Петросяна. В большом здании президентского аппарата часть залов, подходящих для таких заседаний, находилась в запущенном состоянии и поэтому не использовалась; большинство встреч Тер-Петросян проводил у себя. На заседание Совбеза были приглашены президент Карабаха Аркадий Гукасян и Самвел Бабалян, члены Совбеза Армении и ключевые фигуры Армянского общенационального движения — наверное, для противовеса карабахской фракции.

Всего собралось человек пятнадцать.

С каждым разом споры о судьбе Арцаха становились все более жаркими, и в тот день тон обсуждения с самого начала уже сильно отличался от спокойного. Ситуация сложилась крайне серьезная. Из-за решения Тер-Петросяна мы могли потерять все, за что боролись в Карабахе несколько лет. Я, конечно, был на взводе и вел себя излишне резко. Для меня и моих единомышленников Карабах стал делом жизни, а для многих присутствующих на заседании — просто надоевшей головной болью. И с какой стати эти люди будут сейчас решать его судьбу? Я осаждал их, наверное, излишне грубо, предлагая не вступать в проблему, которую они не понимают и не чувствуют. Я не искал конфликта, просто тема меня настолько задевала за живое, что говорить спокойно не мог.

В ходе этих горячих дискуссий меня активно поддержали Вазген Саргсян, Серж Саргсян и, конечно, карабахское руководство. Я видел, как сложно было Вазгену впервые перечить человеку, чье лидерство он много лет принимал беспрекословно, какие внутренние усилия ему требовались, чтобы преодолеть влияние харизмы

Тер-Петросяна. Человек очень эмоциональный по характеру и глубоко национальный по мировоззрению, Вазген Саргсян так близко к сердцу принимал интересы Карабаха, что другого выбора у него и не могло быть. В каком-то смысле мне было проще: меня не связывала с Тер-Петросяном личная дружба. Я жил в Карабахе, он — в Армении, мы встречались только для решения важных вопросов. Относились друг к другу с уважением, взаимодействовали и сотрудничали на равных. Для меня он всегда оставался коллегой, а не шепфом и уж тем более не кумиром.

Это заседание Совбеза оказалось ключевым событием тех дней, оно внесло ясность в сложившуюся ситуацию. Стало очевидно, что президент не откажется от задуманного и что мы его не поддержим. Заседание Совбеза окончательно развело нас по разным лагерям, уничтожив последние иллюзии о возможности сближения позиций.

Конфликт перешел в открытую фазу.

23 января министр обороны Вазген Саргсян провел пресс-конференцию, где впервые публично заявил о своем категорическом несогласии с позицией президента. Саргсян произнес очень эмоциональную, но вместе с тем содержательную речь. Он говорил, что «мы не можем на это идти», говорил яростно и страстно, и я видел, что Саргсян очень сильно переживает происходящее.

Внутриполитический кризис был налицо. Премьер-министр, министр обороны и министр внутренних дел и нацбезопасности выступили против намерения президента подписать документ по урегулированию карабахского конфликта. Человек очень властный, Тер-Петросян — надо ему отдать должное — никогда не лез в микроменеджмент, считая себя выше этого. Но если он принимал решение по крупным вопросам, то уже никогда его не менял.

Вся страна замерла в ожидании развязки. Это могла быть либо отставка несогласных с президентом, либо уход самого президента. Ход был за ним.

Ситуация для Тер-Петросяна сложилась крайне сложная. Пойти на реализацию плана Минской группы при таком внутриполитическом кризисе он не может — тема слишком чувствительная, нужна

широкая внутренняя консолидация. Отправить в отставку премьера и силовиков? Слишком рискованно. К тому времени я уже полностью контролировал исполнительную власть. Министр обороны Вазген Саргсян к тому же являлся бесспорным лидером «Еркрапа» — ветеранского движения, созданного сразу после войны. «Еркрапа», что в переводе означает «хранители страны», представляла тогда достаточно весомую силу. Война закончилась недавно, и ветеранская организация, причем структурированная, пользовалась огромным влиянием, в том числе и на выборные процессы.

Карабахское руководство также не поддерживало Тер-Петросяна.

Надо понимать, что эти события разворачивались после проблемных выборов 1996 года, и вспыхнувшее после них массовое недовольство тогда было сглажено моим приездом в Армению. Но острый конфликт президента с политическими оппонентами сохранялся, и наш уход в оппозицию привел бы к неминуемой отставке самого Тер-Петросяна.

Все мы жили тогда на правительственных дачах. Там были прекрасные аллеи, и вечером после работы мы часто выходили пройтись и поговорить. Теперь основной темой наших разговоров стали разногласия с Тер-Петросяном по Карабаху. К тому моменту наше общение с президентом уже полностью прекратилось. Моя последняя встреча с ним лишь обострила взаимные претензии. Я тогда сказал ему:

— Левон, на то, что ты предлагаешь, я ни за что не пойду. Напротив, всеми силами буду этому противодействовать. Я в Карабахе был переизбран президентом и всего через три месяца после выборов приехал сюда исключительно по твоей просьбе. Ты можешь меня снять — хоть сейчас подпиши указ, я уйду. Но сам заявление писать не буду. Снять же министров без меня тебе не позволяет Конституция.

Как мне рассказал Вазген, у него с президентом состоялся очень схожий разговор.

После этого единственным каналом связи с Тер-Петросяном остался Серж Саргсян — через него мы передавали президенту все свои вопросы и предложения. Сохранялось общение и с Бабкеном Аракцяном, с которым у меня сложились особо теплые отношения. Он искренне переживал происходящее и пытался в силу своих возможностей все сгладить, но безуспешно.

А страна тем временем жила в тревожном ожидании. Какой будет развязка — мирной или столкновения неизбежны? Кто выйдет победителем и какие последствия это за собой повлечет? Повисшая в воздухе неопределенность, предчувствие возможного передела власти влияли на все, от функциональности госаппарата до уровня преступности. Все понимали, что с этой ситуацией нужно срочно что-то делать.

В конце января мы получили от Тер-Петросяна неожиданное предложение. Он пригласил Сержа Саргсяна к себе и сказал: «Я вижу, что у меня ничего не получается. Хорошо. Решайте сами. Передай Роберту и Вазгену, что я могу остаться президентом формально и ни во что не вмешиваться, как “англиакан такуи” — английская королева. Делайте то, что считаете нужным, а там посмотрим, что из этого выйдет. Пусть история рассудит, кто из нас прав».

Я категорически возражал против такого варианта. Полномочия президента по Конституции были слишком широкими — не то что у английской королевы. К тому же все знали, что Тер-Петросян не любит проигрывать и никогда не забывает обид.

У меня еще была свежа в памяти одна из последних с ним встреч, за пару недель до его разговора с Сержем. Когда я в очередной раз попытался убедить Тер-Петросяна отказаться от принятого решения, он вдруг резко поменял тему разговора и стал вспоминать свои давние затаенные обиды. Я очень удивился — я не помнил и половины случаев, о которых он говорил. Но тут Тер-Петросян достал увесистый блокнот, открыл его и стал зачитывать, когда и как я, по его мнению, поступил неправильно и обидел его. Мелкий ровный почерк покрывал страницу за страницей — вот там я что-то не то

сделал, тут — что-то не так сказал... Я и представить себе не мог, что те мои поступки или слова могли его как-то задеть. Среди прочего Тер-Петросян говорил, что, став премьером, я выказывал недостаточно уважения президенту, не согласовывал с ним многие действия, в том числе и кадровые назначения. И это было чистой правдой! Но ведь с самого начала, прежде чем дать свое согласие на переезд, я предупреждал: готов стать премьером только при условии полной самостоятельности. Я действительно по своему усмотрению назначал людей на должности — но в рамках моей компетенции и полномочий! В блокноте имелась запись и о том случае, когда он попросил меня снять начальника таможни, а я отказал. И даже старая история об одном моем назначенце, который много лет назад, в 1989 году, написал резкую статью против АОДа.

Меня поразило, что все эти годы он методично собирал обиды и скрупулезно записывал их!

— Левон, ты все это постоянно записываешь? Зачем?

— Чтобы помнить, я ведь историк!

Я тогда сказал ему:

— Знаешь, если какой-то негатив со временем забывается, значит, это не столь важно и должно быть забыто. Память так устроена, что несущественное стирается. Зачем же ты копишь и хранишь обиды вместо того, чтобы их вовремя отпустить?

Блокнот Тер-Петросяна произвел на меня неизгладимое впечатление. Услышав про «англиакан такуи», я тут же вспомнил про этот кондуит и сказал, что на предложение президента соглашаться нельзя. Совместная работа при таком грузе старых обид не получится. Я понимал, что любые неудачи, любые временные проблемы, с которыми мы столкнемся, еще больше усугубят ситуацию и спровоцируют новый конфликт, а старый при этом никуда не исчезнет. И я сказал: «Нет. Или он освобождает меня своим указом, или уходит сам». Вазген Саргсян сказал почти то же самое: «Пусть и меня тоже освобождает, и тогда у нас руки будут полностью развязаны — мы будем бороться уже не на должностях!» А ведь если бы не злополучный блокнот, возможно, ситуация развивалась бы по-другому.

Оставалось передать наш ответ Тер-Петросяну. Но перед тем, как это сделать, надо было решить важный вопрос: допустим, он уходит. Кто тогда будет президентом? И вот тут выяснилось самое интересное: никто из нас становиться президентом не хочет! Согласно действующей Конституции, для того, чтобы стать президентом, требовалось иметь десятилетний ценз гражданства и проживания в Армении. Из нас троих Вазген был единственным человеком, живущим в Армении больше десяти лет. Но, когда я сообщил ему, что у нас нет выбора и ему придется баллотироваться в случае отставки Левона, он отказался категорически: «Я? Нет! Да вы что, я совершенно не готов! Я не пойду!» И было видно, что это не игра на публику, — он действительно психологически не готов к такой ответственности. Я же переехал в Армению совсем недавно.

Мы задумались. Нам требовался человек, который мог бы выиграть выборы. При этом по карабахскому спору он должен разделять нашу позицию, иначе все происходящее лишалось смысла. Но большинство известных публичных фигур были тогда на стороне Тер-Петросяна. Имелись у нас и неполитизированные министры, но провести кого-то из них через сложный выборный процесс было бы непросто.

И тут Вазген Саргсян вспомнил о председателе Конституционного суда Гагике Арутюняне⁷⁴: «А что, если его попробовать? Все-таки он был когда-то вице-президентом!» Действительно, в самом начале в независимой Армении существовала должность вице-президента и ее занимал Гагик Арутюнян. Позже этот пост был упразднен, а Арутюнян ушел председателем в Конституционный суд.

Мы согласились, что это неплохой вариант. Гагик — человек осторожный, экономист по образованию, с опытом руководящей работы — в советское время, до своего вице-президентства, он работал в ЦК. Гагик жил там же, где и мы, на даче, и мы втроем сразу же отправились к нему. Мы объяснили Гагику, что конфликт с Тер-Петросяном зашел слишком далеко и что если он не сделает

шаг назад, то останется только один выход: либо мы должны уйти, либо он. И что перед тем, как поставить Тер-Петросяна перед этим выбором, мы хотим понять, кто мог бы занять его место. Сказали, что считаем его, Гагика, самой подходящей кандидатурой.

Я бы не сказал, что Арутюнян обрадовался. Наше предложение было для него совершенно неожиданным, он явно растерялся и ответил многословно, обтекаемо и не очень внятно. Мне его ответ показался двусмысленным, скорее отрицательным, с возможностью для интерпретаций. Я решил, что он, будучи человеком очень осторожным, видимо, хочет обдумать ситуацию. И его можно понять: сидит себе спокойно председателем в Конституционном суде и по закону может там сидеть до семидесяти лет. Уволить его нельзя, то есть практически пожизненно ему гарантирована тихая спокойная гавань. А тут ему предлагают возвращение в активную политику, причем в весьма бурное время.

Но, как оказалось, мы поняли его по-разному. Выйдя от Гагика, Вазген очень радовался, что тот согласился. Того же мнения придерживался и Серж Саргсян.

— Ребята, вы что? Он же не сказал ни да ни нет! — пытался образумить их я.

— Да нет же, что ты, ты все неправильно понял!

— Он откажется!

— Да нет же, не откажется!

— Я чувствую, что он откажется, у меня не возникло ощущения, что он однозначно согласился. Для него это было неожиданно, и он выкручивался как мог, дал в результате двусмысленный ответ, но он точно не был согласием!

После разговора с Арутюняном мы встретились с председателем парламента Бабкеном Араркцяном и рассказали ему, что собираемся поставить Тер-Петросяна перед выбором. Мы напомнили Бабкену, что после ухода президента в отставку его функции до выборов возлагаются на председателя парламента — тогда Конституция предполагала именно такую схему. Если же председатель парламента отказывался, они переходили к премьеру. Бабкен понимал,

что вероятность такого развития событий довольно высока, и очень тяжело переживал происходящее.

О нашей позиции Тер-Петросяну сообщил Серж Саргсян. Это не было ультиматумом, мы не выдвигали каких-то безоговорочных требований и ничем не угрожали. Мы хотели найти способ получить свободу и делать то, что считаем необходимым. Мы предложили ему выбор: «Ты президент, и у тебя есть право нас освободить. Поэтому или ты освобождаешь нас, или уходи сам».

Буквально через пару дней после разговора с Сержем Тер-Петросян выступил с телеобращением. В нем он объявил о своей отставке, но не смог удержаться от оценок. Основной посыл его речи был: «Партия Мира уходит, приходит партия Войны».

Так ушел в отставку первый президент Армении Левон Тер-Петросян.

Сразу же после отставки Тер-Петросяна мы поспешили к Гагикю Арутюняну, чтобы обговорить предстоящие досрочные президентские выборы, и вдруг... Он категорически отказался от участия, уверяя нас, что мы его неправильно поняли:

— Нет! Да вы что, я не говорил, что согласен!

Мы вышли от него в шоке, расстроенные и растерянные, больше всех переживал и злился эмоциональный Вазген. Я, как мог, успокаивал его: «Слушай, он ведь и правда не соглашался! Просто вы тогда услышали то, что вам хотелось услышать. Я же сразу сказал, что он откажется!»

Итак, мы подтолкнули президента к решению подать в отставку, но при этом у нас нет ни малейшего представления, кто будет кандидатом на предстоящих выборах!

— Вазген, выхода нет, придется идти тебе, — сказал я.

Вазгенотреагировал очень эмоционально, практически истерикой, с изрядной дозой ненормативной лексики: «Нет, я не могу! Я не готов, я не пойду!» Он очень тяжело переживал разрыв с Тер-Петросяном и не мог представить себе, что займет его место. Уговаривать было бессмысленно.

— Ты! Тебе надо идти. Ты среди нас единственный, кто готов к этой должности! — кричал он мне.

— Да как же я пойду? У меня нет десятилетнего ценза, я не могу по Конституции! Это станет вечной головной болью! Постоянно будет стоять вопрос легитимности.

— Больше некому! Не пойдем же мы к Левону просить, чтобы он вернулся? Кому, как не тебе, идти в президенты!

Ситуация сложилась патовая. Мы инициировали отставку президента, но вдруг оказались не готовы его заменить. Страна бурлит, мы должны что-то делать — и делать срочно. Я осознавал величайшую ответственность, которую не на кого было переложить.

— Слушайте, я соглашусь, но при одном условии: если получу внятное обоснование, в том числе и от Конституционного суда, что никаких проблем с легитимностью не возникнет.

Вазген обрадовался и уже собрался бежать назад, к Гагику Арутюняну, за консультацией, но сообразил, что уже полночь, и отложил разговор на утро. Я еще раз повторил, что не соглашусь, пока не увижу убедительного обоснования того, что мое участие в выборах будет легитимным. На этом мы в тот день расстались.

Следующие пару дней я был очень занят в правительстве, ведь я оставался премьер-министром, а в связи с отставкой президента требовалось продемонстрировать, что правительство функционирует и держит все под контролем.

Тем временем драматичные события по реконфигурации власти продолжались.

За ночь около сорока депутатов из правящей фракции «Республика» перешли во фракцию «Еркрапа», таким образом АОД лишилась контроля над парламентом и осталась в меньшинстве. А еще через день в отставку ушло все аодовское руководство парламента. Мы же, напротив, получили необходимое для работы парламентское большинство.

График у меня был плотным настолько, что разговор с Вазгеном я просто выкинул из головы. Решил для себя, что если с обоснованиями ничего не получится, то мы все же уговорим его идти

на выборы. А через два дня к вечеру ко мне явился счастливый Вазген. Оказалось, он с раннего утра собрал юристов, объяснил им ситуацию и попросил найти выход. И они нашли решение — оно оказалось на удивление простым.

Шел 1998 год. Армения получила независимость в 1991-м, из чего следовало, что формально десяти лет в этой стране пока не прожил никто. К тому же в Советском Союзе не было отдельного гражданства Армении, было одно общее для всех гражданство единой Советской страны, и в этом плане все оказывались равны — и те, кто жил в Армении, и те, кто жил в Карабахе. А дальше юристы сослались на решение от 1 декабря 1989 года о присоединении Карабаха к Армении, которое формально никто не отменял. Я внимательно несколько раз перечитал их заключение, и доводы показались мне убедительными.

Теперь требовалось начинать подготовку к внеочередным президентским выборам.

Я искренне хотел, чтобы Бабкен Аракцян оставался председателем парламента, но уговорить его не сумел. Ушел ли он просто из солидарности, или были другие веские причины, я не знаю. На мои просьбы остаться он сказал:

— Нет, не могу. Мы вместе с Леоном пришли, вместе прошли через все это, и я должен уйти вместе с ним.

Председателем парламента избрали Хосрова Арутюняна. В прошлом он недолгое время занимал пост премьер-министра Армении и имел некоторый опыт парламентской работы. Однако Хосров сразу же отказался замещать президента и я, как премьер-министр, согласно Конституции стал и. о. главы государства.

С сожалением я воспринял отставки председателя Центробанка Баграта Асатряна и исполнительного директора Общеармянского фонда «Армения» Манушак Петросян. Я разговаривал с обоими и просил их остаться. С Багратом, человеком интеллектуальным и приятным в общении, у меня сложились хорошие добрые отношения еще в то время, когда я жил в Карабахе, — он много раз

приезжал к нам. Ему я сказал: «Слушай, ты ведь первый председатель Центробанка, при тебе этот институт состоялся. И ты всегда говорил, что ЦБ не должен быть политизирован ни при каких обстоятельствах. Ты помнишь наши разговоры?» Он помнил. «Как мне тогда тебя понимать? Почему ты уходишь, если это не политический орган? Ведь то, что ты делаешь сейчас, противоречит всему, что ты говорил о роли Центробанка и его независимости!» Он согласился со мной: «Вообще-то да, ты прав. Но — не могу, я должен уйти...» Похожий разговор состоялся у меня и с Манушак, которая тоже всегда говорила, что фонд «Армения» не должен быть политизирован, что его задача — мобилизация возможностей всей диаспоры на решение общеармянских задач. Именно поэтому все традиционные армянские партии и церкви были представлены и активно работали в попечительском совете фонда.

Не знаю, сожалели ли они потом, но это был их выбор, и наши пути разошлись.

Я смотрел вперед, а там меня ждала захватывающая, мобилизующая, полная драматичных событий жизнь на посту президента Армении. Но сначала мне предстояли выборы. И к ним у меня неожиданно появился серьезный оппонент.

Президентские выборы 1998 года

Моя регистрация в качестве кандидата технических проблем не вызвала.

Разговоры о цензе проживания в Армении поначалу возникли, но быстро улеглись после публикации составленного юристами обоснования.

Мы понимали, что после ухода Тер-Петросяна активизируются все политические силы, претендентов на президентский пост будет много и предвыборная борьба предстоит серьезная. Список кандидатов получился длинным — больше десятка фамилий: зарегистрировались лидеры почти всех имеющихся в Армении партий, от самых крупных до карликовых, в том числе «вечные кандидаты»

в президенты. Для большинства из них вероятность быть избранным равнялась нулю, но мотивированность на участие зашкаливала. У одних она была вызвана неадекватной самооценкой, у других — прагматичным расчетом на поствыборные политические торги.

И тут на предвыборном поле возникла еще одна фигура: человек, которого в Армении знали все, — Карен Демирчян, бывший первый секретарь ЦК Компартии Армении. Первым секретарем он работал долго, лет четырнадцать, но в 1988 году его сняли с этой должности... из-за Карабаха! Эта известная история произошла в тот период, когда у нас повсеместно шла нарастающая волна митингов за независимость Карабаха и воссоединение с Арменией. На один из этих многотысячных митингов на Театральной площади в Ереване вдруг приехал Демирчян, чтобы выступить и успокоить людей. Но, когда народ начал скандировать: «Ка-ра-бах! Ка-ра-бах!», — Демирчян раздраженно бросил: «Что вы все — Карабах, Карабах? Что — у меня в кармане, что ли, Карабах, чтобы вытащить его оттуда и дать вам?» Эта катастрофическая ошибка, лишь подогревшая массовые выступления, стоила ему должности. Демирчяна отстранили с формулировкой «по состоянию здоровья». Его место занял незаметный и ничем не отличившийся Сурен Арутюнян.

После отставки Карена Демирчяна назначили директором электротехнического завода «Армэлектромаш», крупнейшего предприятия союзного значения по производству электрических двигателей. Когда Армения объявила о независимости, завод остался в госсобственности и Демирчян продолжал им руководить. Показатели у завода были весьма скромными, но к Демирчяну все относились с уважением; сам же он вел себя спокойно, жил обычной жизнью, общался с друзьями, играл в нарды с соседями. В политику не вмешивался и даже не заговаривал о ней, поэтому его появление в качестве претендента на президентский пост явилось для всех полной неожиданностью!

Выдвинула его Народная партия Армении, которую он вместе с единомышленниками — бывшей советской номенклатурой — только что создал. Естественно, что круг общения Карена Демирчяна

включал в основном функционеров партийно-хозяйственной элиты советских времен. Часть из них еще занимала хозяйственные должности, а часть, оставшись не у дел, стремилась восстановить утраченные позиции. Ситуация для этого сложилась более чем благоприятная: тяжелые социальные условия в стране плюс тотальное разочарование правящей партией. Соратники убедили Демирчяна основать собственную партию и пойти на президентские выборы. Расчет оказался верным, опросы общественного мнения тут же показали, что Карен Демирчян — мой самый реальный конкурент.

Если появления Карена Демирчяна на политической арене никто не ожидал, то поддержка его кандидатуры со стороны Москвы сюрпризом не стала. Правда, каким образом он получил эту поддержку, я узнал лишь значительно позже, когда познакомился с одним из участников событий тех дней.

Между бывшей партийной бюрократией, в том числе ереванской и московской, отношения сохранялись и в ранний постсоветский период. К лоббированию Демирчяна активно подключился его брат: он жил в России и имел связи с влиятельными армянами из бывшего ЦК КПСС и союзных министерств. Демирчяна все они знали лично, и поддержать своего человека, пророссийская ориентация которого сомнений не вызывала, было в их интересах. Появился шанс вернуть во власть бывшего первого секретаря ЦК, по аналогии с успешным возвращением в Азербайджане и Грузии Алиева и Шеварднадзе. (Москва считала, что этот вариант гораздо предпочтительнее Эльчибея и Гамсахурдия.) С этими аргументами группа армян пошла к Примакову. Уговаривать его не понадобилось — Примакову идея пришла по душе, да и ко мне симпатий он не испытывал после конфликта из-за обмена военнопленными. Для большей убедительности меня на всякий случай изобразили перед российским руководством человеком Запада, после чего Ельцин дал отмашку на поддержку Демирчяна, и — понеслось.

Все российские СМИ, все телевизионные каналы, транслируемые в Армении, не оставляли сомнений, на кого сделаны ставки

в Москве. В те годы российские телеканалы в Армении были очень популярны, и по рейтингу они существенно опережали армянские. Велась не просто информационная, но и политическая поддержка. В то время для избирателя в Армении было важно, кого из кандидатов поддерживает Москва, — да и сейчас это так, пожалуй.

Я сразу почувствовал, что у меня такого ресурса нет. Например, приезжали журналисты освещать предвыборную кампанию, общались и со мной, и с Демирчяном, а потом в эфир выходило только интервью с ним. Или из всего, сказанного мной, оставляли только выдернутую из середины фразу, которая без контекста полностью лишалась смысла. Мое большое интервью популярной программе «Взгляд» не пошло в эфир вообще, хотя давал я его по их просьбе. На запрос моего пресс-секретаря о причинах Любимов честно ответил: «Извините, ребята, но нам запретили его выпускать».

* * *

Конкретной и внятной программы Демирчян не предлагал, но он в ней и не нуждался. Свою кампанию он выстроил, используя очень простую формулировку. Если выделить самую ее суть, то она звучала так: «Страна в глубокой яме, и я прихожу, чтобы из этой ямы ее вытащить». Он не говорил ничего конкретного, не объяснял, как собирается это сделать, а просто обещал: «Приду и сделаю». И в его случае это здорово сработало! Он сделал ставку на память людей о спокойной и предсказуемой жизни в СССР и на их ностальгию по тому периоду. Сам факт его пребывания у власти в то время вызывал у людей ассоциации с благополучной жизнью тех лет. Здесь было много иррационального, и мы не могли ничего противопоставить этому. Все попытки объяснить, что времена другие, страна другая, что больше никогда не будет электричества за четыре копейки киловатт, — все это не работало.

Я быстро понял, что бороться с мифами, в которые люди хотят верить, бессмысленно и надо выстраивать кампанию на своих преимуществах. Главную ставку я сделал на то, что к этому моменту имелось у меня за плечами: в первую очередь — успешная деятельность

в Карабахе и победа в войне, которая в сознании людей связывалась с моим именем. Для армян успех в Карабахе был (и остается по сей день) предметом гордости. Затем — моя работа на посту премьера: я приехал в Армению, за короткое время поднял авторитет правительства и добился конкретных результатов; люди почувствовали изменения к лучшему. На встречах с избирателями уже никто не говорил: «Мы не получаем зарплату, мы не получаем пенсию». Это было моим козырем: приехал и за короткий срок решил серьезную проблему. Еще один плюс заключался в том, что я не ассоциировался в сознании людей с раздражавшей всех АОДом. Напротив, многие считали, что именно я подорвал власть АОДа и отстранил Тер-Петросяна. Меня не воспринимали частью порочной и скомпрометированной системы — мои родственники ничего не приватизировали, ни в каких коррупционных схемах замешаны не были.

Но я вырос в Карабахе и недостаточно хорошо знал Армению. Да, я уже был известным человеком, но своим в Армении еще не стал. Многие считали меня чужаком с именем. Мне требовалось объехать всю страну, побывать в каждом городе, в каждой деревне — показать людям, что я свой, что я знаю их проблемы и сделаю все, чтобы они стали жить лучше. На это у меня оставался месяц.

В моем предвыборном штабе активно работали Вазген Саргсян и Серж Саргсян, а его главой стал Владимир Мовсесян⁷⁵, министр сельского хозяйства: мы не хотели, чтобы штабом руководил кто-то из силовиков. В штабные дела я практически не вмешивался — меня полностью поглотили предвыборные встречи с избирателями. Мы составили очень плотный график и продумали схему маршрутов по различным направлениям, чтобы за короткое время охватить всю территорию республики. Опыт проведения митингов у меня был еще с Карабаха, где мне часто приходилось выступать перед людьми, но я не очень это любил и уж тем более никогда не считал своей сильной стороной. А тут пришлось ежедневно проводить по восемь–десять встреч с избирателями. Каждое утро мы выезжали по одному из маршрутов, останавливаясь по пути чуть ли не во всех

городах и селах. Люди на эти встречи собирались охотно несмотря на холодную погоду: интерес и к самим выборам, и к моей личности был высоким.

Свои речи я всегда готовил сам. Скорее даже не речи, а схемы выступления с короткими тезисами по каждому пункту — они служили мне планом. Хотя чаще всего я в них даже не заглядывал, а речей по бумажке и вовсе никогда не читал. Чтобы не говорить каждый раз одно и то же, прямо в дороге набрасывал список новых идей, меняя угол зрения или смещая акценты, добавляя проблемы региона.

Эта кампания, сама по себе тяжелая, шла зимой, которая в тот год выдалась особенно холодной. Под конец я уже полностью охрип, и по дороге в машине мне приходилось постоянно глотать лекарственные масла, чтобы хоть чуть-чуть смягчить горло. Сложности добавлял и язык: сказывался мой слабый армянский. Акцент и построение устной речи сразу выдавали мое карабахское происхождение и русскоязычность (в русском более мягко звучат согласные звуки). Позднее языковых проблем стало меньше, но в те дни почти безостановочно выступать на армянском мне было очень сложно. От усталости я иногда переходил на карабахский диалект в окончаниях слов или вкраплял русские слова в армянскую речь.

Мое карабахское прошлое сыграло двоякую роль. Оно не только стало моим козырем, но и использовалось моими конкурентами против меня. Они заявляли: пусть карабахцы сидят у себя в Карабахе и не лезут в наши дела здесь, в Армении. Это разделение на «своих» и «чужих» армян всячески подогревалось, и какая-то часть населения велась на эти призывы. Порой в ходе предвыборной борьбы люди не обременяют себя соблюдением этических принципов и готовы пойти на любые действия, если те, по их мнению, помогут добиться желаемых результатов. Эксплуатацию этой сложной темы я всегда считал и до сих пор считаю аморальной и крайне вредной.

Интересно проходили встречи со спортсменами, учителями, бизнесменами, работниками культуры и искусства. Помню, как на одной из них — с театральными деятелями — одна из известных

актрис стала очень эмоционально жаловаться, как ей тяжело после целого дня, наполненного бытовыми проблемами, вечером идти в театр, надевать на себя пышное платье XVIII века и перевоплощаться в королеву. Я понял, что тональность встречи надо срочно менять, гневно посмотрел на режиссера театра и сказал: «У вас совесть есть? В стране тяжелая социально-экономическая ситуация! Вы что, не можете ставить спектакли вроде пьесы Горького “На дне”? Избавьте актеров от мук перевоплощения! Чтобы из дома — сразу на сцену, не меняя образа и даже не переодеваясь!» Аудитория взорвалась от смеха, и дальше общение пошло совсем на другой ноте — с юмором и оптимизмом.

Эта трудная и изнурительная избирательная кампания помогла мне лучше понять страну, почувствовать ее особенности, представить себе планку поствыборных ожиданий людей.

В ходе кампании я впервые познал и некоторые особенности армянской реальности. Оказалось, что на выборные предпочтения избирателей существенно влияют родственные и клановые отношения. Родственные связи у нас достаточно сильные и охватывают круг азгаканов*, который гораздо шире круга близких родственников и служит мощным ресурсом влияния в деревне. Старостой в деревне обычно становится тот, у кого больше азгаканов. Голосуют чаще всего так, как рекомендует наиболее влиятельный представитель рода. Он же проявляет о них заботу, поэтому все заинтересованы в укреплении его позиций. Такой вот прагматичный родовой патриотизм.

С этими людьми нужно договариваться и именно им поручать руководство предвыборными штабами на местах. Они будут активно работать на тех, чья власть поможет им укрепить свои позиции. Личные предпочтения сельчан, а уж тем более «непонятные» предвыборные программы и платформы никакого значения не имеют — основной мотивацией голосующих становится укрепление влияния родового сообщества. Президент далеко, а сельский

* Азгакан — родственник (арм.).

староста совсем близко, и с ним надо решать множество ежедневных вопросов, к тому же он родственник. Явление не из приятных — но это проявление традиций, которые сохранились из-за недоразвитости местного самоуправления и недостаточной гражданской активности. В городах происходят схожие процессы, но уже на основе не родовых, а скорее клановых, личных отношений и конкретных договоренностей.

Предвыборная кампания получилась сложной и напряженной, но в целом шла в цивилизованном русле. С самого начала все соцопросы показывали, что я лидирую, но второго тура не избежать — слишком много кандидатов участвовало в президентской гонке. Было также очевидно, что основной конкурент — Карен Демирчян. Голосование прошло спокойно, по результатам первого тура я набрал 34 процента голосов, Карен Демирчян — 24 процента. На третьем месте оказался Вазген Манукян с 12 процентами. Все остальные кандидаты набрали значительно меньше. Результат совпал с нашими ожиданиями и особых волнений у нас не вызвал. Кандидат, выдвинутый от АОДа, набрал унизительные полпроцента голосов. Так закончилась власть партии, возглавившей массы, а позднее и страну в сложнейший период приобретения ею независимости. Партия потеряла чувство реальности, утратила доверие людей и не приложила никаких усилий для внутреннего оздоровления.

Предстоял второй тур, и надо было бороться за электорат бывших кандидатов. Большая часть из них — в основном политики нового поколения — после первого тура поддержали меня. Приверженцы самых разных взглядов, они сходились в одном — никто из них не испытывал ностальгии по советскому прошлому. Среди них встречались и бывшие диссиденты, и борцы за независимость Армении. Присоединиться к Демирчяну они не могли ни под каким предлогом, и со многими из них мы смогли найти общий язык. Коммунисты же не поддержали Демирчяна из-за его конфликта с лидером своей партии Сергеем Бадаляном. Впрочем,

я предполагаю, что часть их электората все же за Демирчяном пошла. Вазген Манукян также никого не поддержал, но тут я уже уверен, что значительная часть его сторонников голосовала за меня.

Две недели до второго тура выдались самыми напряженными за весь предвыборный период. Мы оказались энергичнее, убедительнее, и мы верили в победу. Голосование подтвердило наши ожидания: я набрал около 59 процентов, а Демирчян — чуть больше 40 процентов.

Наши отношения с Кареном Демирчяном никогда не были особо близкими, но между нами существовало конструктивное рабочее взаимодействие. Оно полностью сохранилось и после выборов: несмотря на острую предвыборную борьбу, мы не стали врагами или антагонистами.

* * *

В качестве президента Армении я впервые встретился с Ельциным вскоре после выборов, во время саммита глав СНГ в Москве. Он пригласил меня для личной беседы, где, кроме нас, присутствовали только наши помощники: Сергей Ястржембский и Армен Геворкян⁷⁶.

Разговор наш начался... с паузы. Те, кому доводилось общаться с Ельциным, знают этот его любимый прием: уставиться исподлобья на собеседника пронизывающим взглядом и молча его разглядывать, словно проверяя на прочность. Так произошло и со мной: он впился в меня глазами и очень долго пристально смотрел. Я отреагировал на это спокойно, взгляд отводить не стал и в свою очередь точно так же уставился на него. Так мы сидели и буравили друг друга глазами, пока он не решил прервать дуэль и начать разговор.

Мне было что ему сказать, я всегда тщательно готовился к любой встрече. В разговоре велик риск уйти в сторону от важной темы и попросту заболтать ее, если ты для себя заранее четко не сформулировал ключевые пункты повестки и свою позицию по ним.

На тот момент самыми важными я считал два вопроса: экономическое сотрудничество между нашими странами и существование

на территории Армении российской военной базы. И то и другое было скорее декларативным.

Начал я с экономики: единственной «экономической связью» между нашими странами на тот момент являлся кредит на восстановление второго энергоблока АЭС. Я сказал Ельцину, что в Армении нет и не было российского капитала. Что ведутся разговоры о российско-армянской дружбе, но нет никакого реального сотрудничества между российскими и армянскими компаниями. Что я делаю первые шаги по привлечению российских инвестиций и ожидаю активной поддержки. Пустыми разговорами о дружбе дружбу не строят — нужно наполнять наши отношения реальным содержанием.

Затем я заговорил о военной базе:

— Вы знаете, в своем нынешнем виде она нам не нужна. Да, вроде стоит у нас какая-то база, над которой развевается российский флаг, и все в мире считают, что в Армении есть российская база. Для нас это и хорошо, и плохо. С одной стороны, чужая военная база на нашей территории воспринимается Западом неоднозначно. С другой стороны, если она реально обеспечивает безопасность нашей страны, то это полностью компенсирует негатив от ее восприятия Западом. Но тогда эта база должна быть боеспособной, оснащенной современным вооружением и полностью укомплектованной военнотрудовиками. То, что мы имеем сейчас, никуда не годится. В своем нынешнем состоянии эта база никак на нашу безопасность не влияет. Надо или наращивать ее возможности, или закрывать. Я убежден, что база нужна, но тогда там должно быть современное вооружение: в первую очередь необходимо поставить системы ПВО С-300 и заменить устаревшую и изношенную боевую технику.

В общем, разговор получился серьезным и продуктивным. Мы договорились о решении как военных, так и экономических вопросов, в том числе по привлечению Газпрома в Армению. Под конец разговора Ельцин опять уставился на меня так, словно пытался прочесть что-то на моем лице и понять, нет ли у меня в мыслях чего-то еще недосказанного, и после длинной паузы произнес:

— А мне говорили, что вы прозападный политик...

Я не сразу понял, что он имеет в виду, и, пока пытался сообразить, он продолжил:

— Но все, что вы говорили, — все это правильно, и это говорит о другом!

— Борис Николаевич, я не знаю, кто и что вам говорил. Но я — не прозападный и не пророссийский, я — проармянский политик! Все, что я говорю, — в интересах Армении.

На ужине Ельцин посадил меня рядом с собой и впоследствии часто так делал. Мне показалось, что после нашего разговора он понял, что данная им установка на поддержку Демирчяна была несправедливой, и пытался как-то это сгладить.

Ельцин был человеком прямым, и поэтому, видимо, моя собственная прямота импонировала ему. Все наши разговоры всегда происходили предельно конкретно: да — значит, да; нет — значит, нет. Между нами быстро установились хорошие отношения, не только рабочие, но и личные, и мы продолжали общаться и после отставки Ельцина, до его смерти.

ВЫБИРАЕМСЯ ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОКОПОВ

Решение острых проблем в экономике

Моя инаугурация состоялась 9 апреля. На нее пришел и Тер-Петросян; я краем глаза заметил его присутствие, обрадовался, но сразу переключился на мысли о предстоящей процедуре, озвучивая в уме текст присяги и тезисы выступления. Они чередовались у меня с мыслями о будущем, о колоссальной ответственности за судьбу Армении и Карабаха, которую я на себя взвалил. Я думал: «Черт, кажется, я опять куда-то влез... и надо из всего этого вылезти достойно».

Тяжесть ответственности увеличивало то обстоятельство, что я пришел к власти в конфликте с действующим президентом. Теперь мне предстояло на деле доказать, что я был прав, когда утверждал, что Армения может и будет развиваться несмотря на неразрешенность карабахской проблемы. Доказать, что все зависит от угла зрения смотрящего и что наличие Карабаха может оказаться не тяжелой ношей, а, напротив, преимуществом.

Подобное чувство я испытал несколькими годами раньше, в Карабахе, придя к власти в тот момент, когда все от нее шарахались. Тогда от меня потребовались такое погружение в работу, такая самозабвенность, что не оставалось места для мыслей о неудаче. В Армении по степени сложности картина не сильно отличалась от карабахской. Разница состояла лишь в том, что желающих поручить страной, а значит, и критиков здесь имелось предостаточно.

Мне предстояло начать с чистого листа: я не являлся ничьим преемником, не имел никаких обязательств и обладал полной свободой действий. Это выглядело существенным плюсом, но эта же свобода накладывала гораздо большую ответственность за результаты. Груз этой ответственности я буду ощущать на своих плечах все последующие десять лет президентства.

Обстановка в стране была крайне тяжелая. Очень метко обрисовал ее Вазген Саргсян, назвав «экономическими окопами». Экономика была разрушена и разлажена не только войной, но и рукотворным энергетическим кризисом. Закрытие атомной станции в 1989 году было катастрофической ошибкой, стоившей стране миллиардных потерь и невероятных страданий. Удастся ли нам вытащить Армению из «экономических окопов»? Есть ли у страны ресурсы? Сможем ли мы их реализовать? Способны ли мы сделать ее процветающей или окажемся политическими импотентами и должны будем это признать и капитулировать?

Это был вызов, и я его принял.

* * *

Для себя я задачу определил лаконично и предельно просто: выправить ситуацию любой ценой. Для ее решения, с учетом того, что с двумя из четырех соседей мы имели закрытые границы, требовались незаурядные усилия.

Для начала необходимо было сформулировать, каким мы видим будущее Армении, в чем наши конкурентные преимущества и есть ли они вообще. Очень важно показать вектор развития страны и расставить понятные акценты: куда мы идем и как.

Первое, за что я ухватился сразу, — организованность! Это объяснялось и моей маниакальной самодисциплиной, и очевидной расхлябанностью государственной машины. И это слово — «организованность» — прошло лейтмотивом через все мое президентство. Я страстно хотел, чтобы Армения превратилась в страну с высокой внутренней организацией, с эффективным управлением и с высокотехнологичной экономикой. Я верил, что любую ситуацию

можно существенно улучшить за счет эффективного управления, что именно здесь находится самый большой резерв, использование которого зависит только от нас.

Затем предстояло определиться с неотложными направлениями реформ и приоритетными отраслями экономики. Важно было понять: что из унаследованного от СССР промышленного потенциала имеет перспективу, а чем не стоит заниматься вообще, поскольку данная отрасль не выживет без субсидий. Понятно, что советских цен на энергоносители уже не будет, как и прежних тарифов на железнодорожные перевозки. Только Советы могли гнать вагонами гравий из Армении для строительства в Подмоскowie. Мы составили перечень приоритетов, поставив на первое место те направления, которые, как нам казалось, удастся запустить меньшими силами и средствами.

В работу я впрягся всерьез. Спектр моей деятельности намного расширился, теперь он охватывал безопасность и внешнюю политику, но экономика продолжала оставаться ключевым фокусом моего внимания. По действующей тогда Конституции президент заверял все решения правительства, а значит, нес ответственность за результаты его работы. Премьером я назначил беспартийного Армена Дарбиняна, который занимал у меня в правительстве пост министра финансов, а до того работал заместителем председателя Центробанка. Толковый и энергичный, он понимал важность реформ и знал, как их реализовать. Я понимал, что в сложившемся составе правительство проработает недолго, поскольку через год с небольшим ожидалась парламентские выборы. Но за этот год мы многое должны были успеть. Мне хотелось усилить динамику и раскрутить маховик изменений, начавшихся во время моего премьерства.

Самой острой проблемой на тот момент была массовая безработица. Я столкнулся с ней еще на посту премьера, но осознал масштабы и глубину уже в ходе предвыборной кампании. Тема безработицы доминировала практически на всех моих встречах с избирателями, и люди говорили о ней с отчаянием

и безысходностью. Людей требовалось занять, дать им возможность зарабатывать.

В то время мы еще не успели растерять квалифицированную рабочую силу, и нужно было безотлагательно заняться созданием рабочих мест. Здравый смысл подсказывал, что начинать следует с отраслей трудоемких, не требующих больших инвестиций, где у нас уже есть производственные мощности и грамотные специалисты. Сразу высветились ювелирка, обработка алмазов, ковроткачество и швейное производство.

Ситуация в ювелирной отрасли на тот момент была плачевная. Специалисты есть, предприятия есть, ювелирный завод есть — но все стоит. Лишь несколько чудом сохранившихся маленьких мастерских изготавливали что-то из серебра, в основном сувениры. Ювелирный завод был закрыт в прямом смысле этого слова: на двери висел замок. Я поручил найти директора завода. Он оказался в Москве. Ну, понятно: если предприятие в Ереване на замке, что там делать директору? Закрытыми оказались и почти все предприятия по обработке алмазов. Производство и раньше, в советское время, имело небольшие объемы, а с распадом Советского Союза просто перестало работать. Сейчас нормально функционировало только одно из них, и то лишь благодаря инвестициям, сделанным одним армянином из Бельгии. Ювелирный завод некоторое время продержался, используя зачетные схемы по оплате за газ с Туркменистаном, но, как только эти схемы сменились денежными расчетами, работа остановилась.

Требовалось понять, почему все стоит. Какие объективные и субъективные факторы мешают производству? Что нужно сделать, чтобы оживить бизнес?

Я провел серию встреч со специалистами по ювелирному делу и огранке алмазов — со всеми, кто разбирается в этой области. Нашел директора ювелирного завода, Эмиля Григоряна, которого хорошо знал по Карабаху. Пригласил живущих за рубежом армян, ведущих ювелирный бизнес. И всем задал два вопроса: «Что конкретно вам мешает? Что вам нужно для того, чтобы начать

работать?» Попросил всех изложить свои соображения в письменном виде. Список, который они составили, содержал семнадцать или восемнадцать пунктов, и, когда я его прочел, мне сразу же стало ясно, что именно надо делать. Многие из перечисленных проблем были рукотворными, проистекали из советского понимания оборота золота и сущности ювелирного бизнеса с непонятными акцизами и ограничениями. Оказалось, что весьма незначительными усилиями можно не просто восстановить производство, но и многократно превзойти объемы советских времен. Мы освободили отрасль от некоторых бессмысленных налогов и запретили налоговикам, полиции и службе безопасности вообще туда лезть. В общем, убрали все, что мешало, и добавили мотивации налоговыми послаблениями. Мне требовалась скорость, поэтому я продавливал эти решения, и парламент принял их месяца за полтора.

Вторая проблема заключалась в отсутствии долгосрочных контрактов на приобретение сырья. Своих алмазов в Армении нет, у нас всегда занимались только огранкой. Самым крупным поставщиком являлась российская «Алроса», и на добычу и продажу алмазов в России тогда существовала государственная монополия. Чтобы работать с «Алросой», нужны были межправительственные соглашения. Мы сразу начали действовать в двух направлениях: меняем свое законодательство, делаем его максимально удобным для отрасли, а параллельно договариваемся с Россией о поставке алмазов.

Благодаря предпринятым шагам мы создали настолько благоприятную среду для ювелирного бизнеса и огранки алмазов, что все просто ринулись туда. Повсеместно стали открываться маленькие цеха — и в бывших районных центрах, и в Ереване. Пошло сегментирование этого рынка: разделение компаний, работающих с дешевыми и более дорогими алмазами. К нам сразу потянулись иностранные игроки. Одной из первых крупных фирм, открывших у нас большое производство, стала индийская «Рози Блю». За ней последовали израильтяне — Ливаев, известный деятель в алмазном бизнесе, купил у нас самое крупное в советское время предприятие по обработке алмазов, модернизировал его и развернул во всю

мощь. Чтобы придать бóльшую устойчивость отрасли, мы создали союз армянских ювелиров, в который вошли и бизнесмены диаспоры. Проводили ежегодные международные съезды, которые стали площадкой для знакомства и общения потенциальных партнеров и инвесторов. В довершение всего нам удалось подписать с Россией пятилетний контракт на поставки алмазов. В результате всех этих действий за несколько лет число занятых только в ювелирной отрасли подскочило от четырехсот–пятисот человек до многих тысяч, а объем огранки алмазов вырос с 20 миллионов до 250 миллионов долларов.

Ничуть не лучше обстояли дела с ковроткачеством. Здесь тоже все стояло, кроме предприятия бизнесмена из США Джеймса Туфенкяна. Он владел производством в Непале и еще в нескольких странах. В Армении Туфенкян тоже основал бизнес, изготавливал ковры, которые стоили довольно дорого и пользовались хорошим спросом в США.

Я загорелся идеей восстановить эту отрасль. Ведь здесь мы имели колоссальный потенциал! При этом не надо строить новые здания, не надо ничего покупать: вся инфраструктура, предприятия, станки — все уже есть! Станки настолько простые, что они даже наладки не требуют: за одним станком сидят четыре женщины и ткут ковер вручную. Поступили так же, как и с ювелирным делом: провели консультации со специалистами, выслушали пожелания потенциальных инвесторов, убрали помехи и ввели налоговые льготы. Какой смысл в налогах, если отрасль стоит? Их же все равно нет! Но зато сколько тысяч рабочих мест можно здесь создать! Меня поразило, что большинство препятствий развитию отрасли оказались искусственными и устранить их не составило большого труда. Ковроткачество тоже стало очень быстро развиваться, и вскоре там работало несколько тысяч человек. Когда я объезжал районы, где в деревнях уже были запущены цеха, всегда заглядывал туда пообщаться с людьми.

Следующей отраслью, которую мы успешно простимулировали, стала швейная. Мы начали активно загружать швейные мощности.

Тут маржа была маленькая, шили на заказ разных сторонних компаний, но все же швейное производство привлекало для работы большое количество людей. Предприятия сами находили контракты, сами решали сложные для Армении логистические вопросы, отгружали продукцию в Россию, США и в другие страны.

Во всех этих отраслях нашим большим конкурентным преимуществом была дешевая и квалифицированная рабочая сила. Я понимал, что с развитием экономики, а значит, и с ростом зарплат часть рабочих мест переместится из Армении в более дешевые страны, но в тот период это послужило важным стимулом для нашего развития в среднесрочной перспективе.

Параллельно министерство промышленности и торговли пыталось запустить некоторые промышленные предприятия. Здесь ситуация оказалась гораздо сложнее, реально работала только горнодобывающая отрасль. Крупные предприятия в электротехнике, электронике, светотехнике, химии, машиностроении создавались еще как часть советской экономики и привыкли работать на закрытом, защищенном от конкуренции рынке. Теперь этот рынок был полностью разрушен, а производимая продукция явно уступала зарубежным аналогам по всем параметрам. Отгружать произведенное барахло в Туркмению по зачетным схемам за газ и откаты уже не получалось, а других навыков еще не приобрели. Сумеют ли эти предприятия вписаться в мировую экономику и выжить в рыночных условиях, было большим вопросом.

Перспективы же предприятий бывшего ВПК выглядели еще более мрачными. Наладить партнерство с оборонными предприятиями России не позволяло как российское законодательство, так и плачевное состояние отрасли в самой России. Требовались инвестиции на многие сотни миллионов долларов для модернизации всей промышленности Армении. Откуда они возьмутся? Чего ради они придут в Армению? Чем мы можем их привлечь?

Мы лихорадочно искали ответы на эти вопросы и, признаюсь, чаще их не находили. Новые хозяева, появившиеся в результате ваучерной приватизации, сами не знали, что делать с обретенной

собственностью. Ведь в основном хозяевами предприятий становились их же бывшие директора, с советской ментальностью, привыкшие работать в плановой экономике, без зарубежных связей и знания рынков. С учетом логистических сложностей, вызванных закрытыми границами с Турцией и Азербайджаном, в первую очередь мы взяли за предприятия, которые имели относительно небольшую транспортную составляющую в себестоимости продукции.

Железнодорожное сообщение с выходом к портам тогда, как и сейчас, поддерживалось только с Грузией. Некоторые предприятия нам все же удалось запустить в тот период, правда с небольшими объемами производства. Но зато мы создали реальные рабочие места, пусть и временные — будущее этих предприятий не внушало надежды.

Особое внимание мы уделили переработке сельхозпродуктов. В Армении очень вкусные фрукты и овощи, а их переработки нет. Отличные помидоры — а томатную пасту никто не производит. Почему? Оказалось, что у нас нет ни одной линии асептической обработки томатов. Не знаю, по какой причине, но их не существовало и в советское время. Получалось, что даже если сделать томатную пасту, продать ее будет нельзя, поскольку ее невозможно хранить. Я помнил, как год назад фермеры завалили вход в парламент прокисшими помидорами, потому что никто их не закупал. Мне совсем не хотелось увидеть тухлые овощи перед президентским дворцом.

В первую же свою поездку в Давос, где у меня состоялись многочисленные встречи с руководителями крупных компаний, я договорился со швейцарцами об установке у нас таких линий. Нашли инвесторов, состыковали их с нашими бизнесменами и поставили четыре линии. Результат, полученный на следующий год, впечатлял: весь урожай закупили, переработали и продали. Продали, в основном, в Италию — видимо, наши помидоры отлично подходят для их пиццы.

После этого в течение двух-трех лет практически все предприятия по переработке овощей самостоятельно закупили и установили такие же линии. Как только появился успешный пример и люди

увидели, что бизнес работает, они сами стали находить деньги: кто-то брал кредит в банке, кто-то просил помощи у родственников, скидывались с партнерами — в общем, искали и находили возможности. В итоге проблема с переработкой разрешилась за год. За один год! А как только люди понимают, что свой урожай могут хорошо продать, они сами начинают активно действовать для того, чтобы увеличить доход с гектара: в следующем году засевают больше, увеличивают посевные площади, берутся возделывать в Араратской долине не пшеницу, а другие культуры, требующие более интенсивного земледелия.

Еще одна серьезная проблема, которой следовало неотложно заняться, обнаружилась в финансовом секторе. Бизнес не может функционировать без кредитов для организации производства, его развития и модернизации. Но если ценные государственные бумаги приобретаются банками под 30–35 процентов годовых, какой смысл банкам кредитовать экономику? Зачем кредитовать бизнес, брать на себя риски, если можно под государственные гарантии иметь 30 процентов годовых? Фактически Минфин конкурировал с бизнесом за кредитные ресурсы и, конечно, поглощал их заметную часть. Деньги эти шли на пополнение дефицита бюджета и выравнивание сезонного колебания его доходной части. Но такие проценты развращали банки, приводили к удорожанию кредитов и деформировали и без того недоразвитый финансовый рынок. Проблему решили быстро: сочетая административные и рыночные механизмы влияния, буквально за год существенно снизили проценты по безрисковым ценным бумагам и тем самым заставили банки обратить взоры на кредитование бизнеса, а не бюджета.

Тормозили развитие бизнеса и бесконечные проверки. Поводом для любой из них могло стать даже сведение личных счетов или расхождение политических взглядов. Нужно было обеспечить предпринимателям гарантии неприкосновенности бизнеса, вне зависимости от его политических пристрастий. Именно с этой целью мы изменили закон о прокуратуре, забрав у нее полностью функцию общего надзора — советский рудимент, по которому они

могли проверять всех и вся. Проверки компаний теперь могли выполнять только налоговая инспекция и таможенная служба. Я полностью нацелил контрольную службу президента на защиту бизнеса, особенно малого и среднего, от чиновников и силовиков. А когда проверяющих меньше, предпринимательство развивается совсем по-другому.

Во всех отраслях мы действовали по одному и тому же алгоритму: помочь, подтолкнуть на старте, дать законодательные решения. Активные действия требовались везде — все было в полнейшем запустении.

Постепенно, шаг за шагом, позитивные изменения становились заметнее.

Началось строительство в Ереване и в зоне бедствия. У людей появились деньги — и сразу стали открываться новые рестораны, кафе, салоны красоты, разные мастерские. Разрасталась сеть торговых точек. Люди быстро сообразили, что можно наладить дело, начать торговлю, открыть производство, не опасаясь государственного рэкета, не нуждаясь в «крыше», не вступая в партию власти. Нам удалось создать атмосферу, стимулирующую развитие предпринимательства: если кто-то один открывал свое дело, это подстегивало других последовать его примеру. Никто не хотел отставать: успех соседа — штука заразительная. «Мало у меня своих проблем, так еще сосед сверху новый мерседес купил» — очень меткая армянская шутка. Люди у нас предприимчивые, и многим захотелось иметь собственный бизнес.

1998 год мы закрыли относительно хорошо: рост ВВП составил почти 8 процентов — самая высокая цифра с момента обретения независимости. В августе 1998 года в России случился дефолт, и я опасался, что он ударит и по нам. Но, вопреки прогнозам, события в России мало повлияли на экономическую ситуацию в Армении. Конечно, эта волна до нас докатилась и мы почувствовали ее осенью. Но, видимо, благодаря небольшому объему нашего товарооборота с Россией, основная часть которого приходилась на поставки энергоносителей, серьезных последствий она не вызвала.

* * *

После отставки Тер-Петросяна близкие к АОДу представители бизнес-элиты опасались, что новая власть первым делом займется переделом собственности, и некоторые из них из предосторожности покинули Армению. Но власть таких действий не планировала. Пришлось объяснять и доказывать, что эти опасения безосновательны.

Уехавшему в Париж предпринимателю из ближайшего окружения экс-президента Хачатуру Сукиасяну я попросил передать, чтобы он возвращался и продолжал работать, иначе действительно все потеряет. Сукиасян вернулся и успешно вел предпринимательскую деятельность в течение всех десяти лет моего президентства. Формирование бизнес-среды — это в первую очередь гарантия поддержки и объективности со стороны государства.

Я уже говорил, что еще на посту премьер-министра успел наладить и активно поддерживал связи с представителями оппозиционных АОДу партий. Сейчас же я временно, на период до парламентских выборов, создал политсовет — совещательный орган при президенте, куда входили руководители разных партий. Прокру от него, правда, оказалось мало, но, по крайней мере, он стал площадкой для взаимодействия с многочисленными партиями.

Политсовет настаивал на том, что власти АОДа и правлению Тер-Петросяна должна быть дана политическая оценка и что их деятельность должны расследовать правоохранительные органы. Я не хотел этого делать: предпочитал идти вперед, а не копать в прошлом. Тер-Петросяну и его семье были даны гарантии полной безопасности. Многих это разочаровало, и меня впоследствии за это долго критиковали. Люди склонны искать в своих страданиях конкретных виновников и испытывают облегчение от их наказания. Я не хотел никакой расправы, тем более над первым президентом, и считал, что у нас и без того хватает неотложных дел и именно на них следует направить наше время и энергию.

* * *

Наметившуюся динамичность в экономике теперь требовалось дополнить динамичностью во внешней политике, и мы активно взялись за дело. Этому благоприятствовала сама ситуация: смена президента обострила международный интерес к Армении, и в первый год после выборов на нас обрушилось несметное количество визитов. Меня это радовало — мне искренне хотелось продемонстрировать всему миру нашу позицию: мы знаем, чего хотим и куда намерены двигаться. Надо было избавиться от сформированных при Тер-Петросяне ожиданий посредников, что Армения готова согласиться на автономный статус Карабаха в составе Азербайджана.

В тот самый первый год мы приняли новую внешнеполитическую концепцию — политику комплементарности. Идея и само название — «комплементарная» — исходили от нового министра иностранных дел Вардана Осканяна⁷⁷, креативность которого я сразу оценил. Суть подхода заключалась в том, чтобы искать свою выгоду не на стыках противоречий крупных держав, а, напротив, в точках позитивного наложения их интересов. Логика здесь простая: играя на противоречиях, ты становишься их частью со всеми вытекающими последствиями. Комплементарность давала большую свободу действий, позволяла быть понятным и прогнозируемым партнером практически для всех. И такой подход нам здорово помог: за все десять лет моего президентства не было ни одного случая, когда наши заявления, сделанные в Москве, Тегеране, Брюсселе или Вашингтоне, противоречили друг другу. Он позволил нам выстроить очень хорошие отношения с США, Евросоюзом, Ираном и Грузией, при этом сохранив союзничество с Россией.

Мы начали процесс вступления в Совет Европы, активизировали отношения с Евросоюзом и НАТО. Заметно интенсифицировали международные контакты: визитов в разные страны стало существенно больше. Бизнес-форумы и встречи в торгово-промышленных палатах стали составной частью чуть ли не всех моих зарубежных визитов.

Признание геноцида армян в Османской империи мы сразу же ввели во внешнеполитическую повестку Армении. Парламент Франции в мае 1998 года признал геноцид, и это стало первым знаковым и вдохновляющим успехом. Моим выступлением на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 1998 года началась продуманная долгосрочная государственная политика по признанию геноцида армян. Она продолжалась все десять лет моего президентства, и за это время четырнадцать стран признали и осудили бесспорный исторический факт, несмотря на неистовое противодействие Турции.

Тогда же мы начали обширную программу по работе с диаспорой под лозунгом «Наш общий дом — Армения». Чуть позже, уже после парламентских выборов 1999 года, провели первый форум «Армения — диаспора», где обсуждали состояние и будущее наших отношений.

Это был трудный и насыщенный событиями год. Многие намеченные тогда реформы и программы мы реализовывали несколько лет, пересматривали, обновляли, но неуклонно продолжали. Не все и не всегда получалось с первого захода: не хватало опыта, знаний, ресурсов, но воли и стремления добиться успеха было через край.

Мы смотрели вперед. А там уже приближались парламентские выборы 1999 года.

Консолидация политических сил. Выборы в парламент

Своей партии у меня не было, и я не собирался ее создавать, чтобы не связывать себя партийными обязательствами. К тому же я не желал появления очередной номенклатурной партии, как чаще всего происходило в постсоветских странах.

Я понимал, что парламент будет многопартийным, а моя беспартийность станет преимуществом и поможет сформировать парламентское большинство.

Кроме того, президент имел вполне достаточно полномочий для консолидации власти по Конституции того времени. Это оказывалось как сильной, так и слабой ее стороной. Сильной — когда президент эффективен, энергичен и ведет страну в правильном направлении: он сможет придать динамизм развитию страны, не увязнув во внутривластных меркантильных интересах. Слабой — когда популизм и кумовство становятся частью управленческого стиля: тогда широкие полномочия президента оборачиваются препятствием для развития страны.

Подчеркнутое дистанцирование от межпартийных противоречий давало мне возможность быть арбитром в спорах, возникающих в ходе политической конкуренции. Опросы показывали, какие партии вероятнее всего войдут в парламент, и я видел, что со многими из них можно будет договориться. Не чувствуя угрозы получить враждебный парламент, я относился к предстоящим выборам довольно расслабленно.

Осознанно надпартийную позицию я занял, еще будучи премьером, и это сработало. Позднее, став президентом, я за все десять лет пребывания в должности ни разу не присутствовал на съезде ни одной партии, включая входящие в правящую коалицию, и не посещал ни одного партийного офиса. С лидерами партий я регулярно встречался, но только в президентском дворце. Исключений не делал ни для кого.

Нашей опорой в парламенте должна была стать РПА, которую с 1998 года возглавлял Вазген Саргсян. Сама партия существовала с начала 1990-х, и, хотя ее лидер, Ашот Навасардян, был человеком уважаемым, политического веса РПА почти не имела. После смерти Ашота в 1997 году будущее партии и вовсе стало неясным. Вазгену РПА приглянулась, хотя в большей степени — своим названием, нежели идеологией. Вскоре после конфликта с АОДом он мне предложил: «Что, если мы на базе республиканской партии объединим все мелкие, укрепим ее и создадим себе парламентскую опору?» Я согласился, что сделать это стоит, но что сам намерен

сохранить свою беспартийность — так будет правильнее в сложившейся ситуации и комфортнее лично для меня.

С задачей Вазген справился довольно быстро — при его влиянии и харизме набрать людей в партию власти было делом несложным. Он фактически возродил РПА и возглавил ее. Но при этом она по сути стала номенклатурной, а на тот момент отношение к таким партиям в обществе было сильно подорвано. Да и самого Вазгена тогда воспринимали неоднозначно: одни видели в нем национального героя, беззаветно преданного Армении и борющегося за Карабах, другие — главную опору ненавистной им власти. С ним они связывали репрессии после проблемных президентских выборов 1996 года и избияния оппозиционных лидеров. Одних привлекала яркая харизматичность Вазгена — других раздражала его чрезмерная экспрессивность.

Вазген понимал, что в сложившейся ситуации честно выиграть выборы будет крайне сложно. При этом на него ложилась громадная ответственность, поскольку именно он должен был возглавить партийный список, а проигрывать ему очень не хотелось. Опросы показывали, что основным конкурентом РПА будет Народная партия Демирчяна, популярность которого по-прежнему оставалась довольно высокой. Я видел, что Вазген серьезно озабочен предстоящими выборами. Он проводил множество встреч с разными людьми, политиками, деятелями искусства, социологами, пытался заручиться поддержкой как можно более широкого круга известных в стране людей. Это чрезвычайно изматывающее занятие, особенно у нас, в Армении, где каждый считает себя центром вселенной. Однажды вечером, безмерно уставший, он пришел ко мне и в отчаянии высказал гениальную мысль: «А что, если попробовать договориться с Кареном Демирчяном о создании совместного предвыборного блока»?

Удивительно просто: договориться с главным конкурентом.

Недавние президентские выборы, на которых Демирчян набрал существенный процент голосов, показали, что у людей, особенно старшего поколения, по-прежнему присутствует ностальгия

по советским временам. А значит, объединение с Народной партией Демирчяна позволило бы уверенно выиграть парламентские выборы.

Неожиданная идея Вазгена мне очень понравилась. Меня поразило, насколько гибким в политическом плане он, оказывается, может быть. И я тут же подумал: как же сильно его достали все эти встречи по созданию широкого фронта поддержки РПА!

— Знаешь, я бы такое объединение только приветствовал, — ответил я ему, — на выборах Демирчян повел себя достойно, неприятия он у меня не вызывает. Если сумеете договориться — это было бы здорово! Мы бы получили спокойные, понятные, прогнозируемые выборы, без эксцессов, без напряжения, без нервов...

Вазген очень обрадовался. Видимо, он опасался моего отказа — думал, что я не захочу иметь дело со своим бывшим конкурентом. Окрыленный моим согласием, он тут же приступил к поиску посредников. Их обнаружилось множество, в том числе и в партии самого Демирчяна. Начались активные консультации, в которых важную роль сыграл Гагик Арутюнян, лично знакомый с Демирчяном еще со времени своей работы в ЦК.

Переговоры продолжались около месяца и проходили непросто. Карен Демирчян вроде бы не отказывался сотрудничать, но и не соглашался. Колебался, сомневался: а как это будет, что из этого получится? Все это время и Вазген, и различные посредники пытались его убедить в целесообразности создания предвыборного блока.

Наконец ко мне пришел Вазген:

— Слушай, вроде бы Демирчян соглашается. Но окончательный ответ он даст только после встречи с тобой. Сначала хочет с тобой эту тему обсудить... Замотал он меня совсем.

Я понимал, что Демирчяну нужны мои заверения. Его сильно смущало окружение Вазгена Саргсяна, где было множество людей из другого теста, нежели сам Демирчян. Он им не только не доверял, но и относился с опаской: в его время подобные личности ничего собой не представляли. Тогда, в советские годы, кадры подбирали и воспитывали номенклатура, что исключало появление

среди властной верхушки случайных персонажей. После массового движения за независимость и войны за Карабах произошла смена элит и наверх пробилось много людей иного склада, воспитания и привычек. Часть новой властной элиты не успела обзавестись интеллигентным лоском, была непривычно необтесанной и нахрапистой, что отпугивало бывших «причесанных» партийных функционеров. Стандартный побочный эффект всех революций, смены формаций и войн.

Иногда среди окружения Вазгена встречались люди настолько невыносимые, что я даже как-то спросил его: «Слушай, что вас может связывать? Я не понимаю. Как ты с ними вообще общаешься?» Он ответил со смехом, что если не держать их рядом, то они точно станут головной болью, поэтому пусть будут под контролем. Хотя у меня самого другое мнение на этот счет: уж лучше головная боль, чем такие люди рядом. Они укрепляют свое влияние, обзаводятся ресурсами, окружают себя другими такими же, при этом сами совершенно не меняются. Со временем избавляться от них становится гораздо сложнее. К тому же если ты с кем-то много общаешься, то не только ты меняешь их, но и они меняют тебя.

Вокруг самого Демирчяна собрались люди другого типа: представители бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры, секретари райкомов, советские директора — те, кого он знал еще из своего прошлого и кто связывал с ним свои надежды на будущее. Большинство из них поддерживали идею создания предвыборного блока с республиканской партией, понимая, что это наиболее спокойный и прогнозируемый способ вернуться во власть. Конфликтовать с властью они явно не хотели да и психологически не были к этому готовы.

Встречу назначили у Гагика Арутюняна, на тех же правительственных дачах, где все по-прежнему жили. Сначала мы с Кареном Демирчяном поговорили наедине. Нам приходилось с ним пересекаться и раньше на совещаниях с Союзом промышленников или директорами предприятий, которые я проводил, как премьер.

Но вот так отдельно, тет-а-тет, мы встретились впервые. Я выжал из себя максимум доброжелательности.

В первые минуты Демирчян держался несколько скованно — как будто не знал, насколько можно позволить себе раскрыться, но контакт между нами выстроился довольно быстро. Общаться с ним оказалось легко. Он честно поделился своими сомнениями. Сказал, что ему выгоднее идти на выборы одному со своей партией и уже потом, после, вести переговоры о коалиции. Демирчян ясно понимал, что республиканцам нужна его популярность, и опасался, что после выборов его могут просто кинуть. Под конец разговора он прямо спросил, стою ли я за всем этим или процесс полностью контролируется Вазгеном? Могу ли я гарантировать, что, когда выборы останутся позади, все договоренности будут соблюдаться?

Я не был готов к такой постановке вопроса. Я поддержал идею Вазгена о межпартийных переговорах, но он не просил меня о каких-либо гарантиях с моей стороны. А тут оказалось, что от моего ответа зависит судьба предстоящих выборов. Но отвечать надо было сразу, мое замешательство могло бы все испортить. Я прямо ответил: «Вазген со мной согласовал свои действия, но о моих гарантиях речь не шла. Если это поможет созданию предвыборного блока, то с этой минуты обещаю, что все ваши договоренности будут выполняться». Его лицо тотчас же прояснилось, и я понял, что вопрос окончательно решен.

В хорошем настроении мы перешли к накрытому столу, где к нам уже присоединился Вазген Саргсян. Гагик Арутюнян, как гостеприимный хозяин, позаботился, чтобы на столе всего было вдоволь, в том числе водки. За ужином мы продолжили разговор. Демирчян еще раз высказал Вазгену свои сомнения в людях из его окружения, причем сделал это в шутливой форме, продемонстрировав незаурядное чувство юмора.

В этот вечер мы принципиально договорились, что на выборы они идут вместе. В детали я не вдавался — считал, что это не мое дело. Сказал: «Сами решайте между собой, в какой очередности,

кто, каким номером входит в предвыборные списки, сколько у кого человек. Потом вместе сформируете правительство».

Конечно, президент назначает правительство по представлению премьера, но я заранее предупредил, что должности министров юстиции и иностранных дел, а также весь силовой блок займут люди, с которыми мне будет комфортно работать. Силовой блок вообще должен быть беспартийным. Там же, на этой встрече, они подтвердили договоренность, что в случае победы Вазген Саргсян возглавит правительство, а Карен Демирчян — парламент. Выпили мы за этот вечер прилично, я уже давно так много не пил. Мне понравилось, что Демирчян, выпивший ничуть не меньше, остался трезвым. Разговор получился хороший, а к концу вечера перешел в совсем дружеский. Прощаясь, мы пожали друг другу руки, скрепляя нашу договоренность.

Через пару дней они во всеуслышание объявили о создании совместного блока «Единство». Сразу же всем в стране стало понятно, что выборы пройдут спокойно и беспроблемно. Новость лишила их интриги и сильно расстроила другие оппозиционные партии. Так соединились административный ресурс власти в лице харизматичного Вазгена Саргсяна и широкая популярность Карена Демирчяна. Среди всех парламентских выборов эти действительно оказались самыми спокойными и прогнозируемыми, но в то же время не вызвали разговоров о подтасовках и фальсификациях.

Ситуация выглядела почти идиллической. Блок «Единство» вместе с мажоритарными мандатами вырвался в лидеры с большим отрывом и получил право единолично сформировать правительство. Всего в парламент прошло шесть партий, вторыми были коммунисты, АОД же собрала около 1,5 процента голосов и осталась вне парламента. Премьер-министром стал Вазген Саргсян, Карен Демирчян занял кресло спикера парламента.

Для Вазгена Саргсяна — человека, который все предыдущие годы занимался обороной и армией, — начался непростой период. Ему пришлось менять абсолютно все, начиная со стиля одежды. Общались мы с ним в тот период много — я пытался ему подсказывать

и помогать осваиваться в новой должности. Процесс оказался сложным: во власть тогда пришли, с одной стороны, бывшие партийно-хозяйственные функционеры из партии Демирчяна, а с другой — весьма пестрая группа людей из обновленной Вазгеном РПА. Состав парламентского большинства получился настолько эклектичным, что было бы трудно выделить какую-то общую для всех идеологию.

Существовала высокая вероятность крена в сторону административно-командного стиля управления, и поначалу меня это сильно беспокоило. Я искренне сочувствовал Вазгену, понимая, как ему сложно с таким разнородным составом вырабатывать согласованные решения. У меня на это терпения и гибкости точно не хватило бы.

Предыдущее правительство возглавлял Армен Дарбинян, человек либерального типа, бывший до премьерства министром финансов. Он совместно с экономическим блоком правительства формировал экономическую политику; Армен был совсем не склонен к авторитарному ручному управлению. Откат к таким методам стал бы движением назад. Я понимал, что нужно время на перестройку, что с новыми людьми в правительстве надо работать, что состояние экономики все еще предполагает единоличные решения, но общий вектор развития должен остаться либеральным.

Тогда мой советник Ваграм Нерсисян, обладавший большим опытом работы во Всемирном банке, большую часть времени стал проводить в правительстве, помогая находить правильные решения еще в ходе обсуждения разнообразных вопросов. Помню, Вазген Саргсян начал проводить селекторные совещания. Я сказал ему: «Вазген, это не министерство обороны. Селекторные совещания — инструмент оперативного управления. Это совершенно из другой оперы, так ничего не получится. Функционал правительства принципиально иной, равно как и министерств. Вы должны в первую очередь заниматься стратегией, вырабатывать экономическую и социальную политику страны, проводить реформы, адаптировать законодательство, а не управлять всем и вся в ручном режиме. Если

ты будешь вот таким образом раздавать министрам указания, они станут министерствами по выполнению твоих поручений, а не ответственными за развитие отраслей».

Вазген понял меня сразу.

Он вообще схватывал все быстро, включая бюджетные вопросы, хотя по образованию не был технарем. Трансформация его как премьер-министра происходила стремительно: июльский, сентябрьский и октябрьский Вазген сильно различались между собой по подходам к экономике. Возможно, если бы в правительство вошло больше людей с рыночной ориентацией, этот переход происходил бы еще быстрее.

С Кареном Демирчяном у нас выстроились очень хорошие отношения. Мы встречались каждую неделю, обсуждая насущные вопросы. Мне нравились эти встречи. Карен Демирчян оказался приятным в общении человеком, он ясно формулировал свои идеи, умел слушать. Мыслил он по-современному и был восприимчив к новому. Демирчян обладал широкой эрудицией и вместе с тем имел одну особенность, которую сам в себе признавал: он очень долго и мучительно принимал решения. Ему требовалось тщательно взвесить все «за» и «против», и, даже проделав это, он еще какое-то время продолжал сомневаться.

Как-то раз я спросил его: «Карен Серобович, почему вам так сложно даются решения?» Он ответил: «Вы понимаете, с одной стороны, хорошо, когда ты много знаешь, а с другой — это же тебе и мешает. Начинаешь слишком многое просчитывать...»

Но я думаю, основательность была отличительной чертой его характера. Демирчяну обязательно требовалось посоветоваться со своим братом, живущим в России. Или, если ему в голову приходила новая идея, он принимался делиться ею с разными людьми из своего окружения. Ему хотелось посмотреть, как они к ней отнесутся — воспримут, не воспримут, — а потом еще раз все проанализировать. В принципе, это хорошее качество. Правда, оно не слишком подходит для исполнительной власти. А вот в парламенте оперативность как раз не самое главное.

Внутриполитическая стабильность, свойственная тому периоду, позволяла сконцентрироваться на разработке долгосрочных программ развития. До выборов было еще далеко, общество многого ожидало от блока «Единство» и сформированного им правительства, а доверие к нему поддерживалось на высоком уровне. Казалось, сложились идеальные условия для успешной работы и проведения реформ.

Но все пошло по-другому.

ТЕРАКТ В ПАРЛАМЕНТЕ 27 ОКТЯБРЯ

Утро

Тот день у меня начался со встречи с американской делегацией по вопросу карабахского урегулирования. Мы с Алиевым уже несколько месяцев обсуждали между собой новые идеи, которые могли бы наконец сдвинуть переговоры с мертвой точки, и настало время поделиться ими с посредниками. Делегацию американцев возглавлял заместитель госсекретаря США Строб Толботт, а с нашей стороны, кроме меня и Вардана Осканяна, на встрече присутствовал и Вазген Саргсян. Вазгена я пригласил специально: все-таки урегулирование — сложная и болезненная тема, и ее реализация требует вовлеченности ключевых лиц государства. Понимая это, я всегда держал в курсе происходящего Вазгена, Сержа и, конечно, руководство НКР.

Беседа вышла интересной и многообещающей. Было видно, что посредники, почувствовав возможность успеха, намерены всячески поощрить и ускорить процесс. Двумя неделями раньше, когда я встречался в Москве с Ельциным, он также выразил готовность оказать полную поддержку переговорам.

Мы увлеклись обсуждением деталей, встреча затянулась на пару часов, и, когда мы закончили, как раз подошло время обеда. Я предложил Вазгену вместе перекусить. Мы поднялись ко мне, пообедали и даже выпили по маленькой рюмке водки, чего я никогда не позволял себе в рабочее время. Настроение у обоих было приподнятое, у Вазгена даже скорее радостно-возбужденное. Новые идеи и то,

как их восприняли посредники, открывало реальную возможность серьезно продвинуться вперед в вопросе урегулирования. Я видел, что Вазгену хочется поговорить, обсудить прошедшую встречу, поэтому предложил: «Давай, может, еще посидим?» — но Вазген, посмотрев на часы, сказал: «Скоро четыре. Мне пора в парламент. Дед обидится, если меня не будет. Что, если продолжим вечером?»

«Дедом» он называл в узком кругу Карена Демирчяна. В этот день в парламенте должна была пройти традиционная встреча правительства с депутатским корпусом, на которой правительство во главе с премьером отвечает на вопросы депутатов. Такие встречи согласно закону о регламенте национального собрания проходили раз в две недели, начинались они в 16:00 и длились 1,5 часа. «Ну ладно, если обидится, давай... вечером поговорим», — сказал я Вазгену.

На этом мы и расстались.

Катастрофа

Через некоторое время у меня началась еще одна встреча, с бывшим послом Франции Франс Де Артинг, которую я хорошо знал еще по Нагорному Карабаху. Мы не успели проговорить и получаса, когда дверь вдруг приоткрылась и Алексан Арутюнян, руководитель администрации, знаками позвал меня. Чтобы кто-то вот так прервал встречу президента?! Небывалый случай! Выйдя к Алику, я с первого взгляда понял: стряслось что-то очень серьезное. Арутюнян, бледный как полотно, едва мог говорить от волнения: ему только что сообщили из парламента, что во время заседания в зал ворвались какие-то люди и открыли стрельбу. Поскольку из зала велась прямая радиотрансляция, все слушатели стали свидетелями вторжения. Последнее, что они услышали, — автоматные очереди. Затем трансляция резко оборвалась.

Арутюнян сказал, что ничего не сумел толком выяснить. Кажется, правительство и парламент взяты в заложники, есть убитые и раненые. Я тут же прервал встречу. Сказал, что у нас произошло ЧП, извинился и вышел.

Информация, полученная Аликом, была крайне скупа. Я вбежал к себе в кабинет и бросился к телефону — выяснять, что происходит в парламенте. Мне были нужны подробности: сколько террористов проникло в здание, где они сейчас? Каковы их требования? Сколько человек погибло? Сколько раненых? Что с Вазгеном? Пытаюсь связаться с министром внутренних дел — его нет на месте. Где он, никто не знает. Звоню министру обороны — та же картина. Никого не могу найти! Странно, вроде все они в Армении, кроме Сержа Саргсяна — он уехал в Карабах. Подключаю все возможные службы из администрации. Наконец мне удастся дозвониться до заместителей министров внутренних дел и безопасности, но это не добавляет ясности: никто из них не владеет ситуацией. Ни одно силовое ведомство не может представить внятную картину произошедшего: сколько террористов, сколько убитых, сколько раненых, сколько заложников.

Вскоре выяснилось имя главаря террористов — Наири Унанян. Он сам после захвата зала начал звонить разным людям, говорить, что он уничтожил врагов Армении, и призывал собирать народ к зданию парламента. Одним из тех, кому он позвонил, был Грант Маргарян, руководитель партии «Дашнакцутюн». Грант тут же сообщил о звонке органам безопасности и главе моей администрации. Количество террористов, их мотивы и требования оставались неясными.

Чуть позже один из депутатов-заложников, Мартун Матевосян, позвонил Алику Арутюняну и передал трубку главе террористов. Унанян потребовал, чтобы я немедленно явился в зал заседаний парламента. Вскоре поступила информация о том, что в зале много погибших и Вазген Саргсян в их числе. Передали ее работавшие в зале во время захвата журналисты, когда террористы их отпустили.

Увидев, что никаких скоординированных действий по обезвреживанию террористов не ведется, достоверной информации о происходящем не поступает, я решил, что надо туда ехать, разбираться на месте и действовать по обстановке. Сказал начальнику своей охраны Грише Саркисяну: все, выезжаем в парламент. Он попросил

дать ему немного времени на то, чтобы обеспечить безопасность: послать туда своих людей, которые посмотрят, куда конкретно можно войти, где расположиться и так далее. Минут через пятнадцать он доложил, что все готово. В администрации, конечно же, меня попытались остановить: «Как? Куда? Нельзя!», но я не видел другого выхода. Ситуация сложилась критическая, жизнь многих депутатов находилась в опасности, и требовалось срочно что-то предпринимать.

К 19:00 я уже был в парламенте.

Операция по обезвреживанию террористов

Первое, что бросилось мне в глаза, — множество бесцельно мечущихся в панике людей. Весь двор заполнили какие-то офицеры из минобороны, представители «Еркрапа», люди в форме и в гражданском, некоторые с оружием. Крайне возбужденные, они суетились, что-то выкрикивали. Везде — во дворе, в коридорах — царил хаос. Там же я мельком увидел и людей, которые вечно крутились вокруг Вазгена: часть того самого «пестрого контингента», который он держал при себе, чтобы контролировать. Но среди этой растерянной массы людей, непрерывно сновавших туда-сюда, я увидел ни одного из тех, кто по долгу службы был обязан упорядочить и взять под контроль эту ситуацию.

С первого момента было понятно только одно: террористы захватили зал заседаний с депутатами, но вне зала их нет.

Я направился в кабинет Карена Демирчяна и вызвал туда всех, кого смог найти: начальника военной полиции, оказавшегося в здании, и заместителей министра внутренних дел и национальной безопасности, которым дозвонился еще перед выездом в парламент. Ни министр обороны, ни министр внутренних дел так и не появились.

Начальника военной полиции Владимира Гаспаряна я тут же назначил ответственным за общий порядок. В первую очередь

поручил ему немедленно очистить помещение от всех празднующихся и оцепить парламент. Сказал, что, когда выйду через полчаса, никого из посторонних людей в здании быть не должно. Всех военных приказал отправить в министерство обороны.

Кабинет Демирчяна превратился в штаб антитеррористической операции.

— Сколько в зале террористов? — спрашиваю сидящих передо мной людей.

Все пожимают плечами. Никто точно не знает: семь, восемь, а может, пять. Сразу же через КПП выяснили, что в здание парламента вооруженная группа прошла совершенно легально, по пропускам. Выписала их работница аппарата НС по просьбе главаря, Наири Унаняна, якобы для встречи с депутатами. Автоматы со спиленными прикладами Унанян с сообщниками пронесли под плащами.

Быстро установили личности остальных членов группы: младший брат главаря, его дядя и еще двое друзей. Всего пять человек.

Я поручил найти и связаться с родственниками этих людей — посмотреть, могут ли те как-то повлиять на террористов и не располагают ли какой-нибудь ценной информацией. Выяснить круг друзей и знакомых — все, что может иметь значение в сложившейся ситуации. Требовалось проверить, нет ли у террористов сообщников. Не ожидают ли нас еще какие-то сюрпризы? Через некоторое время стало ясно, что, вероятнее всего, группа действовала изолированно и внешней поддержки у нее нет. Я потребовал план здания, чтобы выяснить, какие еще есть подходы к залу. Есть ли с залом контакт, поступает ли оттуда информация? Можно ли установить микрофоны или подключить имеющиеся, чтобы слышать и понимать, что происходит внутри? Из службы безопасности приехали технари, установили прослушки, и мы начали получать полную информацию из зала.

Прошло немного времени, и работа всех служб стала четкой и слаженной. Ситуация все больше прояснялась, а главное — мы ее уже контролировали. Я поручил подготовить спецназ для

возможного штурма. У террористов явно отсутствовал план дальнейших действий. Я должен был понять, что это за люди, как можно заставить их сложить оружие и сдаться.

Теперь время уже работало на нас.

Позднее многие из депутатов, оказавшихся в заложниках, рассказывали мне, что после 19:00 они поняли: что-то изменилось, а известие о моем приезде в парламент вселило в них надежду на благополучный исход.

В конце концов полностью удалось сложить картину случившегося. В момент процедуры вопросов и ответов, когда на трибуне находился министр финансов Левон Бархударян, в зал заседаний ворвались вооруженные люди и с порога открыли стрельбу. Первыми же выстрелами был убит Вазген Саргсян. Целились именно в него, но под пули попали все, кто сидел за его спиной. Среди них оказался Леонард Петросян, близкий мне человек, с которым мы дружили много лет и вместе прошли через все испытания в Карабахе.

В упор расстреляли Карена Демирчяна. Демирчян сидел в президиуме, и на записи видно, как он, ошарашенный происходящим, встает и пытается что-то сказать ворвавшимся в зал, — один из бандитов тут же разворачивается к нему и дает очередь. Террористы пребывали в чрезвычайном возбуждении: то ли от страха, то ли под воздействием алкоголя. Это считывалось по их нервным, беспорядочным движениям, мату и истеричным выкрикам. На малейшее движение в зале они реагировали стрельбой. Всех, кто немедленно не бросился по их команде на пол, и всех, кто не замер мгновенно — кто хоть чуть шелохнулся, убили в первые несколько минут после вторжения. После кровавой расправы, продолжая держать присутствующих в зале под дулами автоматов, они объявили, что все депутаты находятся у них в заложниках, назвали свои действия государственным переворотом и потребовали предоставить прямой эфир для воззвания к народу.

Всего было убито восемь человек, столько же ранено и более девяноста оказались в заложниках.

Позже мне сообщили, что Унанян, знакомый со многими политиками, часто встречался и беседовал с ними. Он пытался сделать партийную карьеру, но так и не преуспел в этом. Он хотел стремительного взлета, но не нашел поддержки ни в одной из партий. Попытался пристроиться к «Дашнакцутюн», но его быстро изгнали оттуда. Человек с чрезмерными нереализованными амбициями, считающий, что достоин гораздо большего, свои неудачи Унанян объяснял тем, что «гнилая система» не дает ему прохода. Он уверовал в то, что власть целенаправленно мешает ему состояться в качестве политического лидера, а основной угрозой для себя считал Вазгена Саргсяна. При этом он и его поделельники пребывали в уверенности, что народ так сильно ненавидит власть в лице лидеров «Единства», что стоит обезглавить ее, как люди хлынут на улицы и будут благодарить своих спасителей. Им казалось, что они совершают героический поступок — убирают ненавистный режим. Они ожидали, что сейчас весь народ встанет на их защиту, окружит здание парламента и вынесет оттуда на руках, как героев. Видимо, именно по этой причине спустя двадцать минут после расправы Унанян вдруг решил отпустить из зала аккредитованных журналистов. Он поручил им оповестить народ о свершившейся революции и призвать всех собраться у стен парламента. Свидетели рассказывали, что Унанян и его поделельники постоянно спрашивали: «А где же народ?» — их удивило и расстроило, что никто не оценил их героизма и толпы последователей не осаждают парламента со всех сторон.

Все пошло не так, как ожидали преступники, и они стали искать пути отхода. Начали говорить о гарантиях на пересечение турецкой границы и прочую чушь. Тогда же они приказали заложникам звонить из зала и передавать их требования нам. Одним из первых позвонил Андраник Маргарян⁷⁸, тогда руководитель фракции «Единство». К этому времени с террористами сумел установить контакт заместитель министра безопасности Григор Григорян, который находился в зале, заменяя отсутствующего министра. Он же вызвался быть контактным лицом в переговорах со мной.

Интуитивно я чувствовал, что следует тянуть время: перевозбуждение не может продолжаться долго и, как правило, сменяется апатией. Попытался представить, что тогда будет ощущать человек, сотворивший такое? Скорее всего, у него должен возникнуть страх от осознания того, что он совершил непоправимое. По разговорам и поведению террористов заметил, что возбуждение постепенно спадает. Надо было ждать. Штурм зала мог бы привести к новым жертвам: преступникам после содеянного терять было нечего. Как человек, взявший на себя руководство операцией, я осознавал, что не должен допустить этого.

А пока мы продолжали переговоры, шаг за шагом добиваясь маленьких уступок. Раненых уже отпустили, теперь надо было убедить террористов вынести трупы — они согласились. В общем, все происходило точь-в-точь, как много раз видел в кино. С той лишь разницей, что сейчас я оказался не зрителем, а одним из действующих лиц. И я только что потерял двух близких мне людей, с которыми делил хлеб-соль в самые трудные и опасные годы: Вазгена и Леонарда.

В эти часы мне позвонили Ельцин и Шеварднадзе, спросили о ситуации, выразили поддержку и предложили помощь. Я поблагодарил их и кратко, двумя словами, обрисовал положение. Через час мне доложили, что ждут прибытия подразделения «Альфа» из России, которое прилетает по поручению Ельцина. Я распорядился разместить их вместе с нашим спецназом министерства национальной безопасности. Позвонил мне и Тер-Петросян, сказал, что понимает сложность ситуации и выражает свою поддержку. Я поблагодарил его и подумал, что надо будет с ним встретиться после того, как все уладится.

Я поставил задачу взять всех пятерых террористов живыми. Это было важно еще и потому, что к тому моменту я уже понимал: для меня начались большие проблемы. За всю ночь, пока шли переговоры с преступниками, а заложники находились в зале, я так и не смог найти министра обороны Вагаршака Арутюняна и министра внутренних дел Сурена Абраамяна. Я понимал, что это не случайно.

Абраамян, как выяснилось, был среди заложников, но, когда выносили раненых, выбрался ползком из зала заседаний и пропал. Сбежал вместо того, чтобы заняться своими прямыми обязанностями.

В какой-то момент мне доложили, что в здании министерства обороны наблюдается невероятная активность: там собралась большая группа людей и что-то бурно обсуждает. То есть мы здесь, в парламенте, пытаемся разрешить ситуацию, террористы не обезврежены, в зале еще лежат трупы погибших, а в министерстве обороны тем временем уже всюю идет совещание. Там же обнаружился и исчезнувший министр внутренних дел. Туда же приехала группа аодовцев, бывших у власти при Тер-Петросяне, в том числе и прежний одиозный министр внутренних дел Вано Сирадегян. В общем, в министерстве собрались все недовольные мной люди — все те, кого я в разное время наказал по разным причинам, все, кто потерял из-за меня должность. К ним примкнули и те, кто вроде ничего не потерял, но всегда меня побаивался, поэтому крутился вокруг Вазгена Саргсяна, считая, что близость к нему обезопасит их в будущем. Сейчас вся эта публика слетелась в министерство обороны и совещалась, решая, как использовать текущую ситуацию, пока президент занят нейтрализацией террористов в парламенте.

Нашелся и министр обороны — он был одним из самых активных участников этого сборища. Там оказались и случайные люди — те, кто пришел в здание министерства в надежде узнать, что происходит в парламенте, и не имел никакого отношения к закулисному сговору за моей спиной. Они звонили мне и говорили: «Здесь зреет проблема».

Сам министр обороны Вагаршак Арутюнян ничем выдающимся не отличался. Всю войну он был представителем нашего министерства обороны в России, там же дослужился до генерала. Здесь люди воевали, а он жил в Москве, занимался вопросами снабжения. Когда наши делегации приезжали в Москву, он водил их по ресторанам — это было важной частью его обязанностей. Из-за этого его прозвали «ресторанным генералом». В министры обороны Арутюняна предложил Вазген Саргсян. У меня его кандидатура

вызывала серьезные сомнения, и я сказал Вазгену, что это далеко не лучший вариант. Война только-только закончилась, и я считал, что на такую должность нужен человек с боевым опытом, иначе его не будут уважать те, кто воевал. Отрицательных эмоций Вагаршак у меня не вызывал, но мне виделось в нем что-то скользкое, и он совсем не производил впечатления боевого офицера, на которого можно положиться. Единственным убедительным аргументом Вазгена послужило то, что нужен человек, кого военное руководство России уже знает и кому легче будет договариваться по всем вопросам военного сотрудничества. Это действительно было важно, и в итоге я согласился, посчитав, что реальное управление войсками возьмет на себя генштаб.

Тем временем собрание в министерстве обороны продолжалось, а я стал получать новые тревожные сигналы. Из минобороны пошли несогласованные ни с кем приказы воинским частям в округе Еревана о приведении в боевую готовность и об организации блокпостов на дорогах. Я попытался еще раз связаться с министром обороны — безуспешно. Остановить эти действия не составляло труда с учетом крайне низкого авторитета министра. Из воинских частей командиры первым делом звонили в президентский аппарат, говорили: поступают непонятные приказы из министерства, что нам делать?

В трагической и сложнейшей для страны ситуации мне пришлось не только заниматься обезвреживанием террористов, но и нейтрализовывать деструктивные действия в собственном министерстве обороны. Приоритетом, конечно, оставалось освобождение заложников, но я уже понимал, что разбираться со всем этим придется серьезно и что из парламента я сразу поеду в минобороны. Однако они меня опередили.

Часов в восемь вечера мне доложили, что приехала делегация из министерства обороны: хотят встретиться со мной. Я удивился, но сказал, чтобы подождали, — мне докладывали очередную информацию из зала. Пригласил их минут через десять. Зашли человек семь-восемь, встали в ряд — я не стал их усаживать. Среди

делегатов оказался Алик Петросян, замминистра обороны и зам-председателя «Еркрапа», позитивный, но ничем особо не примечательный парень. Я начал резко:

— Что? Что случилось? Я же сказал, чтобы здесь никого из посторонних не было!

Алик мямлит:

— Да вот... мы приехали... вот там все собрались... мы...

Так и не договорив, бочком — то ли стеснясь, то ли побаиваясь, — он подходит к столу и кладет на него какую-то свернутую бумажку. Я беру ее в руки, разворачиваю:

— Что это?

— Ну... мы посоветовались... и все говорят, что... если... если вот эти люди будут назначены на эти должности, то мы все вас поддержим.

Красной ручкой на этой бумажке были расписаны все ключевые посты. Расклад они придумали такой: министр обороны остается на своем месте. Его брат, который работал у нас в МЧС, становится министром безопасности. Министр по производственным инфраструктурам Ширханян выбрал себе место премьера. Кстати, о Ширханяне я Вазгену несколько раз говорил: «Ты разве не видишь, что он мошенник и интриган? Что ты в нем нашел?» Дальше в списке на должность прокурора шел Гагик Джаангирян, а в заместители премьера метил Андраник Кочарян. В общем, они все успели поделить между собой.

— Вот, посмотрите... Если вы согласны... То тогда... как бы... мы...

И тут я сорвался.

— Вы просто мерзавцы! У меня в зале заложников еще человек шестьдесят, еще трупы в зале не остыли, а вы уже должности делите? Скоты!

В общем, я их послал нецензурно.

Скомандовал: «Марш отсюда в министерство обороны! Разрешу здесь ситуацию — приеду туда разбираться с вами».

Они, понутив головы, вышли...

Я пришел в ярость: не ожидал такого даже от них. Эту бумагу я храню у себя в сейфе до сих пор. Тогда мне было некогда размышлять о произошедшем. Я просто выкинул эту грязь из головы и продолжал работать.

Службы делали свое дело, время шло, сообщение с залом не прекращалось. Серж Саргсян, который уже успел вернуться из Карабаха, рассказал, что хотел вылететь в Ереван сразу, как только узнал о случившемся, но за ним долго не отправляли военный вертолет. Ссылались на плохую погоду, но, очевидно, погода служила отговоркой — его специально пытались задержать в Карабахе.

Некоторые депутаты, выпущенные из зала, поднимались ко мне и сообщали новые подробности. Постепенно тональность требований террористов менялась, возбуждение уступало место подавленности. Это чувствовалось и по их общению с заложниками. Где-то к полуночи я уже не сомневался, что к утру ситуацию удастся нейтрализовать. И по прослушке, и по докладам тех, кто поддерживал связь с залом, было ясно: наступил перелом. Всю ночь через разных депутатов-заложников Унанян требовал встречи со мной. Около четырех часов утра я разрешил Алику Арутюняну встретиться с террористами. Место встречи и ее детали обсуждал с ними Григор Григорян, а состоялась она в коридоре, прилегающем к залу парламента. Унанян выдвинул два условия сдачи: я гарантирую им безопасность и даю возможность выйти в прямой эфир с обращением. Я не собирался предоставлять прямой эфир преступникам, убившим восьмерых, поэтому решил, что надо подождать еще, пока их воля не сломится окончательно. Они хотели жить, это чувствовалось. «Нам нужны гарантии, что если мы сдадимся, то нас не убьют и будет справедливое расследование и суд». Я сказал: «Передайте им, что суд, конечно, будет». Но Наири Унанян настаивал на встрече со мной: «Нет, мы хотим это услышать напрямую от Кочаряна. Если он с нами встретится и лично подтвердит, то мы сдадимся». Я согласился.

Встретились мы в пять часов утра. Место для встречи выбрала моя охрана совместно с начальником военной полиции:

незнакомая мне небольшая комната, может быть кабинет кого-то из депутатов, расположенная рядом с залом, метрах в десяти–пятнадцати от выхода из него. Унанян пришел туда один, оставив своих поделщиков сторожить заложников. Со мной находился глава администрации. Первое, о чем меня спросил Унанян: «Вы меня узнали?» Я удивился, поскольку абсолютно не помнил, чтобы мы с ним встречались. «Я у вас в Карабахе был...» Он рассказал, что много лет назад, еще в 1988-м или 1989-м, он приезжал в Карабах с группой студентов-активистов из университета. Я тогда уже стал одним из популярных лидеров движения, и они попросили о встрече. Группа оказалась большой, и я предложил им выбрать нескольких представителей, которых согласился принять. Унанян как руководитель группы вошел в их число. Ситуацию я вспомнил, но самого Унаняна — нет. Его лицо ничем особенным не выделялось, а встречи тогда сменяли друг друга, как картинки в калейдоскопе.

Я спросил, был ли у него личный конфликт с Вазгеном Саргсяном. Он ответил, что нет, но, по его мнению, Вазген мешал развитию страны, стране требовался шок, и Унанян пошел на радикальные меры ради будущего Армении. Я подумал: наверное, он будет цепляться за этот аргумент всю оставшуюся жизнь, чтобы оправдать то, что закончит свои дни в камере. Он попытался настаивать на прямом телеэфире, но я сказал: «Забудь. Никакого эфира ты не получишь. Максимум — вы можете сделать письменное заявление, и его зачитает диктор. В каком контексте он это зачитает — это уже не ваша забота. Если вам хочется, чтобы написанное вами озвучили, мы это сделаем». Он согласился, но при условии, что им дадут телевизор, чтобы они могли все увидеть сами. Я пообещал. Заявление содержало неприемлемый для меня абзац о Вазгене Саргсяне, и я настоял, чтобы его убрали, — или не будет вообще ничего. Алик Арутюнян отредактировал текст и согласовал его с Унаняном. На все остальные требования я отвечал точно таким же односложным отказом: «Забудь. Забудь. Забудь». Потом не выдержал: «Какие требования? Ты еще не понял, в какой ты

ситуации? Что вы натворили? Максимум, о чем вы можете просить, — это сохранить вам жизнь и гарантировать справедливое правосудие!» Он, потупившись, молчал. Передо мной стоял напуганный и растерянный человек, который, кажется, осознавал, что разрушил не только чужие жизни, но и свою собственную. Агрессия исчезла. Единственное, что его сейчас волновало, — что с ним будет дальше. Он поинтересовался, есть ли в Армении смертная казнь. Я ответил, что в связи с процессом вступления в Совет Европы смертная казнь фактически не исполняется.

На этом наш разговор закончился. Позже, когда меня спрашивали, какое впечатление произвел главарь террористов, я отвечал: «Никакое» — и это было правдой.

Унанян вернулся в зал, рассказал своим о результатах переговоров — им гарантировали жизнь и объективный суд. Они посоветовались и объявили, что сдаются. Вышли из зала, их тут же арестовали и автобусом военной полиции увезли в следственный изолятор министерства национальной безопасности. С ними вместе в автобус сели Андраник Маргарян и Григор Григорян как гаранты, что над преступниками не будет самосуда по дороге. В следственном изоляторе Унанян сдал пистолет. Это входило в договоренности о сдаче.

Так завершилась эта операция.

За кулисами

Когда террористов увезли, я на минуту зашел в пустой зал. Увидел кровь и следы от пуль. И сразу же уехал в министерство обороны.

Там по-прежнему было многолюдно. Среди собравшихся увидел и тех, кто посетил меня ночью с требованием должностей. Во мне вновь все закипело, я сдерживал ярость, как мог, но она все равно прорывалась: в резкости голоса и, наверное, в мимике. Я сказал:

— Ситуация разрешилась. Преступники сдались, они арестованы. Но я абсолютно не понимаю, что здесь у вас творилось все это время? Что за идея со списком? Как такое вообще могло

произойти? В самый разгар сложнейшей операции, когда я занимаюсь освобождением заложников, когда труп Вазгена Саргсяна еще не остыл, вы — люди, считающие его своим лидером, — уже деретесь за должности! Уже решили, кто займет его место!

Все сидели, потупив головы и пряча глаза. Только Ширханян попросил слова, встал и принялся заверять меня в своей преданности: «Ну что вы, господин президент, почему вы нам не доверяете? Почему вы не хотите опереться на нас? Ведь мы все вместе воевали, вместе проливали кровь...»

Я его резко прервал:

— Слушай, Ваган! Ты кровь нигде не проливал! Ты ближе чем на пятьдесят километров к линии фронта ни разу не подъезжал! Все, что ты делал в военные годы, — это распределял шмотки, направленные в помощь Карабаху, и неплохо на этом зарабатывал. Ты не вправе рассуждать, кто и где проливал кровь!

Потом повернулся к министру обороны:

— А ты? Кто тебе позволил устанавливать блокпосты на дорогах с использованием военной техники?

Тот сидит, руки трясутся, попытался что-то ответить — и не смог ничего произнести, начал заикаться.

— Ладно, — сказал я. — Хватит болтовни. Идите работать. А я разберусь, что со всем этим теперь делать.

Потом некоторые говорили: «Президент приехал и бульдозером проехался по всем». В самом деле, это был очень жесткий разговор.

Так закончился этот день.

В стране объявили трехдневный общенациональный траур, а прощание с погибшими прошло 30 октября, в здании Национальной оперы Еревана. Трагедия была экстраординарной и получила большой международный резонанс. Почтить память ее жертв приехали делегации из тридцати стран. Российскую делегацию возглавлял бывший тогда премьером Путин, от Грузии прилетел Шеварнадзе.

Люди шли нескончаемым потоком. Я читал на лицах не только скорбь, но и смущение, и растерянность: как такое могло произойти у нас?

Погибли восемь человек: премьер-министр республики Вазген Саргсян, председатель Национального собрания Карен Демирчян, два его заместителя — Юрий Бахшян и Рубен Мироян, министр по оперативным вопросам Армении Леонард Петросян, академик Национальной академии наук Армении депутат Микаел Котанян, депутат парламента Армен Арменакян. Еще один депутат — председатель редакционного совета газеты «Айастан» Генрик Абрамян, находившийся в зале в момент теракта, умер от сердечного приступа. Двое из погибших — Вазген и Леонард — были близкими мне людьми. С Кареном Демирчяном мы успели сойтись, и я относился к нему с большой симпатией и уважением. Хорошо знал Армена Арменакяна, теплые отношения сложились у меня и с обаятельным вице-спикером Юрой Бахшяном. Остальных погибших я знал хуже.

После теракта остро встал вопрос безопасности должностных лиц. Карен Демирчян в свое время отказался от охраны. На все предложения министра нацбезопасности Сержа Саргсяна он только отшучивался: «Хочешь держать меня под контролем?» У Вазгена Саргсяна охрана была, но в момент вторжения преступников телохранители курили во дворе. Если бы они находились в прилегающем к залу фойе, теракта просто не произошло бы. Но тогда еще не существовало четких инструкций для охраны да и сам ее институт был весьма далек от совершенства. Телохранителей каждый себе выбирал сам, исходя из их личной преданности, тогда как это должно быть задачей государства. Ситуация с охраной должностных лиц отражала ситуацию в стране в целом.

Полицейского, который в тот день нес службу на КПП, осудили за то, что он пропустил пятерых преступников, хотя они прошли в здание по пропускам, а вот те люди, в чьи обязанности входила защита премьера, к ответственности не привлекались: отсутствовал соответствующий закон. По полиции законодательная база существовала, а по охране должностных лиц — нет...

Политические последствия теракта

Следующие полгода стали для меня очень сложными. Сразу же после похорон начались разговоры и рассуждения: «А кому был выгоден расстрел парламента? Кто за этим стоит?» Пошли намеки, что я и Серж причастны к теракту, потому что с Вазгеном Саргсяном у меня якобы были напряженные отношения. Эта чушь просто не укладывалась у меня в голове. Слухи распускали те люди, которые не добились в трагическую ночь желанных должностей и понимали, что за содеянное придется отвечать.

Еще большее было от того, что вся эта свора принялась активно общаться с семьей Вазгена Саргсяна, внушая его родным мысли о моей причастности к его гибели. Руководство операцией по разоружению террористов называли чуть ли не главным доказательством моей причастности к теракту. Я взял ответственность за жизни многих людей, успешно с ней справился, и это обернулось против меня? Это не укладывалось у меня в голове, было чудовищно несправедливо и стало для меня чрезвычайно тяжелым испытанием. Я прокручивал в голове тот день, вспоминал, как уходил от меня Вазген, радостный и вдохновленный надеждами на будущее Карабаха. С горечью думал: ведь он мог остаться у меня, но пошел в парламент, чтобы «не обижать деда». А если бы не пошел? Может, не будь его там, ничего бы не произошло? И они оба с «дедом» остались бы живы? Я многое бы дал, чтобы вернуться в прошлое и переиграть ту сцену по-другому... Но изменить прошлое никому не под силу. Все, что я мог сделать, — здесь, в настоящем, попытаться преодолеть последствия того, что уже случилось.

В первую очередь требовалось выбрать новое руководство парламента: председателя и двух заместителей, которые смогут обеспечить работу Национального собрания. 2 ноября мы это сделали — без сложностей, с соблюдением прежних квот между РПА и НПА. После этого мне предстояло назначить премьера и вместе с ним сформировать новое правительство. Для нормальной работы правительству нужна опора в парламенте, отражающая его партийную композицию. Задача осложнялась тем, что лидеры

партий, составляющих парламентское большинство, — Вазген Саргсян и Карен Демирчян — погибли, а заметных вторых номеров ни в РПА, ни в Народной партии не было. Я почти не знал депутатов из партии Демирчяна, а с большинством представителей РПА меня связывало лишь шапочное знакомство. В формирование предвыборных списков блока «Единство» я не вмешивался: понимал, что это предполагает сложные внутрипартийные и межпартийные компромиссы, и мне не хотелось заниматься их поиском. Мне требовался союз с парламентским большинством, но выстраивать его я намеревался через Вазгена и Карена Демирчяна. А их больше не было... Распустить парламент и созвать новые выборы я не мог: по Конституции президент получает право это сделать только через год после предыдущих, а прошло всего пять месяцев. К тому же роспуск парламента — шаг экстраординарный, он может породить новые сложности. Что делать? На кого опереться, чтобы не получить враждебный парламент? Это стало первостепенной и чрезвычайно сложной задачей. Ситуацию усугубляла атмосфера всеобщей подозрительности и политической неопределенности, создавшаяся после теракта. Участники ночного собрания в минобороны не сомневались, что я не прощу им попытку оказать на меня давление в те трагические часы. Они изо всех сил стали раздувать версию о причастности властей к теракту, чтобы любой ценой добиться моей отставки. Борьба за власть прямо на глазах стала приобретать уродливые формы, и я искал решения, способные снять или хотя бы ослабить напряжение.

Неожиданно для всех я назначил премьер-министром младшего брата Вазгена Саргсяна. Идею подал Давид Задоян, министр сельского хозяйства. Задоян родился в той же деревне, что и Вазген, и хорошо знал его семью. Он попросил приема и рассказал, что все мои противники постоянно выются вокруг родных Вазгена Саргсяна, даже те, кто при жизни его не любил. Они настраивают семью против меня и Сержа, чтобы использовать ее в своих политических целях. Давид тесно общался с родными Вазгена и знал их настроения, поэтому он предложил: «Может быть, назначить

премьером Арама, младшего брата Вазгена?» Арам тогда работал директором цементного комбината. Я его толком не знал, лишь пару раз видел у Вазгена дома. В наших разговорах Арам никогда не участвовал, даже за стол с нами не садился, а только ухаживал за гостями. Я сказал: «Работа премьера сложная, у Арама нет опыта, и я не знаю его способностей». Задоян стал его хвалить: «Он толковый парень. А главное — такое назначение поможет снять все подозрения!» Идея выглядела разумной. К тому же на должность премьера все равно надо было искать человека из блока «Единство», и я согласился. Вызвал Арама к себе, поговорил с ним и назначил премьер-министром.

Чтобы показать свою открытость и обеспечить полное доверие к следствию по теракту, согласовал с Арамом абсолютно все назначения по силовым структурам. Я сразу же принял отставку Сержа Саргсяна из МНБ и перевел его в администрацию президента. Составил список из заместителей МВД и МНБ и сказал Араму: «Вот эти люди, на мой взгляд, могут возглавить эти ведомства — и по своим профессиональным качествам, и по опыту. Кого из них ты хорошо знаешь? Кому полностью доверяешь? Давай выберем вместе, чтобы потом, когда они будут заниматься расследованием теракта, никто не мог бы усомниться в их объективности». Мы остановились на Айке Арутюняне и Карлосе Петросяне — они стали министрами внутренних дел и национальной безопасности. Я пошел дальше: «Есть ли кто-то в прокуратуре, кому ты доверяешь, как себе?» Арам назвал друга своего детства, который работал прокурором их родной Араратской области. Человек этот по своим качествам с трудом тянул даже на районного прокурора, а должность получил только благодаря протекции Вазгена Саргсяна и близости к его семье. Но я пошел на то, чтобы назначить его главным прокурором Армении. Сейчас важнее были не его личные и профессиональные качества, а то, что он с детства дружил с Арамом и был вхож в их семью.

Должность главного прокурора тогда занимал Агван Овсепян, которого я знал еще по Карабаху, — он был родом из другого края,

но еще в советское время работал следователем у нас в прокуратуре. Его, человека принципиального и опытного профессионала, прошедшего карьерный путь от следователя до главного прокурора, уважали все. Это о многом говорило: людям, долго служившим в прокуратуре, редко удается сохранить к себе уважительное отношение окружающих. Я открыто сказал ему: «Агван, мы знакомы много лет, и мое отношение к тебе не изменилось. К твоей работе у меня нет абсолютно никаких претензий. Но тебя воспринимают как близкого ко мне человека, и это в сложившейся ситуации — большая проблема. Я назначаю на твое место другого, чтобы к следствию никто не смог предъявить претензии. Вот так случилось. Надеюсь, ты меня понимаешь. Останешься заместителем прокурора, а там видно будет».

Дело по теракту — уголовное дело — по просьбе Арама передали из ведения МНБ под надзор военной прокуратуры. Мотив тот же: военный прокурор Гагик Джаангирян был родом из той же деревни и входил в круг близких к семье Вазгена людей. Я стремился создать такую ситуацию, в которой невозможно было бы сказать, что расследование велось с недостаточным рвением, а его результаты — предвзяты. И сами следственные действия, и контроль за ними полностью осуществлялись людьми, близкими к семье Вазгена и назначенными по представлению его брата. Думаю, в долгосрочной перспективе это было правильным решением, чего нельзя сказать о назначении самого Арама Саргсяна на должность премьера.

Арам оказался не готов к такой ответственности ни уровнем знаний, ни управленческим опытом, ни характером. Встречались мы с ним каждую неделю, и уже на второй встрече я понял, что сильно ошибся, поставив его во главе правительства. У нового премьера полностью отсутствовали системность, последовательность и способность выделять приоритеты. Я и предположить не мог, что он до такой степени лишен управленческих навыков — все-таки директор завода! Позднее выяснилось, что цементным заводом, по сути, руководил не он, а главный инженер. Кроме того, Арам оказался

сильно подвержен чужому влиянию. Его точка зрения зависела от того, с кем он больше общался за последние несколько дней или часов — а это чаще всего оказывались люди с планами и намерениями, идущими вразрез с моими. Словом, кроме внешнего сходства, ничего общего с Вазгеном у его брата не было. В ситуации, когда в экономике существовала масса проблем, иметь такого премьера было непозволительно. Все видели, что в стране ничего не двигается, решения не принимаются, правительство буксует несмотря на то, что многие из министров — хорошие управленцы. Экономика отреагировала мгновенно: конец 1999-го и начало 2000 года стали периодом серьезного спада.

Параллельно началось следствие. Длинный и тяжелый процесс тянулся больше года. Создавалось впечатление, что основная задача следствия — найти хоть что-нибудь, подтверждающее мою причастность к теракту. Как свидетель, я дал письменные показания о том, как вел переговоры с террористами в ту ночь, и больше никак в следственном процессе не участвовал. Раз в неделю, как и раньше, до теракта, встречался с главным прокурором, и он коротко, буквально в двух словах, информировал меня об общем ходе следствия. Встречался и с военным прокурором, дважды — по его просьбе. Это был тот самый человек, Гагик Джаангирян, который в ночном списке на раздачу должностей значился главным прокурором, а в эти дни, став руководителем следствия, почувствовал себя вершителем судеб. Все вдруг стали опасаться Джаангиряна — ведь по его милости любой мог угодить в список пособников расстрела парламента, — и, похоже, он этим наслаждался. На одной из наших с ним встреч, в декабре, Джаангирян сказал, что Наири Унанян дает косвенные показания на Алика Арутюняна и что в интересах следствия его должны допросить и устроить очную ставку. Лишь несколько лет спустя я узнал, что Унаняна пытали, чтобы выжать из него нужные показания, причем дело дошло даже до каких-то инъекций. В середине декабря Алик подал в отставку с должности моего советника. Мне пришлось объяснять, что отставка связана с необходимостью обеспечить полную

объективность следствия. В тот же день Алика арестовали. Еще раньше был заподозрен в связях с террористами и арестован депутат парламента Мушег Мовсисян, а в январе та же участь постигла заместителя директора Первого канала телевидения Арутюна Арутюняна.

Давление на следственную группу нарастало с каждым днем. Все ждали новых скандальных арестов, но... они не последовали. Более того, началась утечка информации из самой следственной группы: выяснилось, что никаких оснований держать в изоляторе тех, кто к этому моменту был уже арестован, нет. Адвокатам Мовсисяна и Арутюняна не представили ни единого факта, подтверждающего хоть какую-то причастность их подзащитных к преступлению. К марту-апрелю Гагик Джаангирян оказался в весьма затруднительной ситуации. На него давили те, кто всячески хотел использовать следствие для моей отставки, требуя новых арестов и скандальных разоблачений. А оснований для арестов и материалов для разоблачений не было! Джаангирян метался между семьями Вазгена и Демирчяна, «Еркрапа» и РПА, оказавшись перед трудным выбором. Поддаться давлению и пойти на полную фальсификацию следственных действий? Но это значит сделать всю следственную группу преступниками. Или остановиться, не переходить черту, за которой велик риск самому оказаться на скамье подсудимых? Воинственные заявления военного прокурора, звучавшие сразу после создания следственной группы, сменились неуверенными, размазанными и уклончивыми сообщениями о ходе следствия. Это стало явным индикатором его выбора.

Однажды в начале марта Джаангирян умудрился оказаться на совместной пресс-конференции с руководителями РПА и НПА сразу после расширенного заседания Совета «Еркрапа». Они требовали, чтобы я отправил в отставку Сержа Саргсяна и Тиграна Нагдаляна, руководителя Первого канала телевидения. Присутствие Джаангиряна на подобном мероприятии выходило за рамки прокурорских обязанностей, о чем мне пришлось ему напомнить. Он попытался выкрутиться: промямлил что-то невнятное о том, что, мол, на него

давили, он не сумел увернуться и якобы вообще пошел туда, чтобы удержать людей от необдуманных поступков.

В апреле суд отказался продлить меру пресечения Алику Арутюняну из-за отсутствия оснований держать его под арестом. Позднее были освобождены и другие люди, арестованные по надуманным обвинениям: вся их вина заключалась лишь в факте знакомства с Унаняном. Надежда на громкое дело о глобальном заговоре таяла на глазах, и это не на шутку встревожило всех, кто пытался на этой волне добиться смены власти. В минобороны, Сардарапате, Цахкадзоре* и в других местах начались многочасовые собрания недовольных: люди писали заявления, требовали привлечь к ответу организаторов теракта, подразумевая под этим меня и Сержа. Распространяли слухи, что Вазгена убрали спецслужбы — якобы он выступал против решения карабахского вопроса. Борьба за власть, а значит — за мою отставку, стала открытой и агрессивной, началось целенаправленное раскачивание внутривластной обстановки.

Напряжение мое было колоссальным, загруженность — предельной. Кроме собственных функций, мне приходилось заниматься вопросами безопасности и заброшенной премьером экономикой. И все это — в гнетущей внутривластной атмосфере. И вдруг вечером 22 марта раздается звонок из Карабаха: совершено покушение на Аркадия Гукасяна. Сказали, что он тяжело ранен, но жизни не угрожает опасность. Раздроблены кости на обеих ногах ниже колен, готовятся к операции. Первая мысль: вот черт, только этого нам не хватало! Агван Овсепян попросился сам ехать в Степанакерт для оказания помощи в расследовании, туда же направили группу спецназа МНБ. Докладывали мне по несколько раз в день. В течение суток арестовали всех причастных к покушению, в том числе — по подозрению в его организации — Самвела Бабаяна.

Поскольку кабинет министра обороны превратился в штаб заговорщиков, я в середине марта своими указами обновил командный

* Небольшие города в Армении. — *Прим. ред.*

состав МО, чтобы оградить войска от вовлечения в политику. В апреле Гагик Джаангирян вдруг пожаловался мне: парламент пытается устроить из расследования политическое шоу, что мешает работе следственной группы. Он попросил меня избавить его от обязанности докладывать в парламенте о ходе следствия. Просьбу военного прокурора я выполнил, дав ему официальную рекомендацию отменить эти доклады.

Тем временем экономика продолжала катиться вниз, госаппарат находился в парализованном состоянии. Ни одна программа не выполнялась, никакие реформы не проводились — все просто встало. Срочно требовалось восстановить контроль над внутриполитической ситуацией. Смена несостоятельного премьера и обновление правительства были лишь вопросом времени. И тут вдруг в конце апреля Вардан Осканян мне докладывает, что готовится визит премьера в Москву без какого-либо участия МИД Армении. Это являлось прямым нарушением установленного порядка организации внешнеполитической деятельности. Оказалось, что визит премьера лично готовил наш министр обороны Вагаршак Арутюнян по каналам министерства обороны России, что было совершенно неприемлемо. Действовал Арутюнян через генерала Ивашова, которому каждый день, как адъютант, докладывал обстановку в Армении. (Что чрезвычайно раздражало его коллег по министерству.) Также мне передали — уже из нашего посольства в Москве, — что этот визит будет использован против меня во внутривнутриполитических целях и даст повод для спекуляций о том, что Москва поддерживает в Армении противников президента. Чтобы упредить такое развитие событий, я поручил связаться с Кремлем и сказать: подобный визит нежелателен, и я намерен освободить премьер-министра от занимаемой должности. Лучше воздержаться от приема Арама Саргсяна в Кремле и Белом доме, чтобы избежать неловкой ситуации, когда премьера снимают сразу по возвращении из Москвы. Визит все-таки состоялся в пятницу 28 апреля. Наши пожелания частично учли, делегацию Армении приняли Касьянов⁷⁹ и министр обороны Иванов. В понедельник 2 мая моим указом

премьер-министр Арам Саргсян был снят с должности, правительство отправлено в отставку. Чуть позже, еще одним указом, Вагаршак Арутюнян — уже бывший министр обороны — лишился генеральских погон за дискредитацию воинского звания и чести высшего офицерского состава.

Примечательно, что сразу после этих событий в стране вдруг все успокоилось. Общество, уставшее от затяжных политических интриг, вздохнуло с облегчением, сбросило с себя изматывающее чувство роковой жертвенности, овладевшее им после теракта, и обратило свои взоры вперед. Через неделю я назначил премьер-министром Андраника Маргаряна, руководителя фракции блока «Единство», человека из ветеранов РПА, где он состоял со времен Ашота Навасардяна. В советское время Маргарян был даже осужден за диссидентство. Предложил он себя сам в разговоре с Сержем — сказал, что сыт по горло происходящим в стране и хочет быть максимально полезным. Знал я его плохо, но принял и выслушал. Назначил, но считал это временным, ситуативным решением — в лучшем случае до следующих парламентских выборов, — и ошибся. Андраник оказался хорошим премьером и проработал более семи лет, вплоть до смерти от инфаркта в марте 2007 года. Так разрешился внутриполитический кризис, вызванный расстрелом парламента 27 октября 1999 года. Преследовать я никого не стал, хотя многие этого заслуживали. Посчитал, что такие люди сами находят себе проблемы и жизнь накажет их и без меня. Меня ждали другие дела, которые требовали времени и энергии.

Дело о теракте в парламенте было направлено в суд 1 декабря 2000 года. Гагик Джаангирян остался фактическим руководителем следственной группы. Прокурор Борис Назарян, назначенный по просьбе брата Вазгена, занимал свою должность до окончания следствия. Спустя четыре года, в марте 2004 года, главным прокурором республики вновь стал Агван Овсепян.

В те дни я так и не позвонил Тер-Петросяну. Желание это сделать, возникшее после нашего телефонного разговора той трагической ночью, полностью исчезло. Весь агитпроп АОДа более шести

месяцев работал в унисон с теми, кто раскачивал внутривнутриполитическую ситуацию. В своих статьях и публичных выступлениях они постоянно обвиняли меня в причастности к расстрелу парламента. Не думаю, что все это могло происходить без ведома и одобрения Тер-Петросяна.

В целом с момента теракта и вплоть до мая 2000 года в стране царил обстановка, не имевшая ничего общего с понятием институциональности в государственном строительстве. Партии в Армении, как правило, создавались и держались на авторитете и влиянии лидеров, внутривнутрипартийная иерархия не выстраивалась, демократия не поощрялась. Поэтому заметным и влиятельным личностям второго эшелона неоткуда было взяться. С потерей своих руководителей партийная элита РПА и НПА почувствовала себя осиротевшей и потянулась к их семьям в надежде, что символы — фамилии и внешнее сходство с погибшими — помогут их партиям сохранить влияние и вес в обществе. Контроль над парламентским большинством фактически перешел к семьям погибших лидеров блока «Единство». Они принимали непосредственное участие в кадровой политике: все назначения от РПА обсуждались и решались в семье Вазгена Саргсяна, а от НПА — в семье Карена Демирчяна. И это притом, что ни один человек из этих семей раньше абсолютно не был вовлечен в политическую деятельность. Никто из них не владел управленческими навыками и не имел никакого отношения к формированию предвыборного блока. Теракт в парламенте стал сильнейшим испытанием политической системы страны, выявив ее чрезвычайную хрупкость и уязвимость. Вот к таким последствиям привел пережитый страной шок, приправленный ущербным восприятием государственности через призму семейно-родовых связей.

Часть населения Армении еще долго отказывалась признавать очевидное: пятеро экстремистов ворвались в парламент и убили на глазах десятков свидетелей восемь человек; заявили, что таким способом хотели вывести народ на улицу и сменить власть; не скрывали ни своих имен, ни своих намерений. Правда выглядела

настолько простой, что многие просто не хотели в нее верить. Наверное, родственникам погибших психологически было легче думать, что их близкие стали жертвой масштабного заговора, чем смириться с мыслью, что это дело рук шестерых отморозков, решившихся на теракт... Вскоре после трагедии я встретился с женой одного из погибших, Юрия Бахсяна. Она спросила: «Ну как же так? Пришел какой-то Наири Унанян — не пойми кто — и безо всякой причины просто взял и убил их?» Ну что ей на это скажешь? Теория заговоров — штука живучая. Для меня же неспособность людей принять реальность обернулась еще и тем, что после случившегося я больше не мог общаться с семьей Вазгена Саргсяна. И мне бесконечно жаль, что так произошло, потому что мы с Вазгеном действительно были близкими друзьями.

НАЧАЛО ГЛУБИННЫХ РЕФОРМ

Консолидация правительства

После того как я назначил Андраника Маргаряна премьер-министром, мы сформировали новое правительство. Формально оно представляло собой правительство блока «Единство», но фактически с назначением Андраника сам блок сразу же начал распадаться. Шел активный процесс политического переформатирования Национального собрания. Образовались две новые группы из «бесхозных» мажоритарников и депутатов, покинувших «Единство». Меня это мало волновало, поскольку большинство в парламенте по-прежнему обеспечивалось довольно просто. Эти депутатские группы активно сотрудничали с нами и даже имели по одному министру в правительстве. Позже в правительство вошли министры и из партии «Дашнакцутюн». Таким образом, представители различных фракций и групп начали работать совместно, и, хотя оформленная коалиция не создавалась, де-факто получился некий прообраз коалиционного правительства.

С руководителями этих фракций и групп мне приходилось регулярно встречаться, координировать их взаимодействие, чтобы обеспечить прохождение через парламент законопроектов правительства. До следующих выборов оставалось около трех лет, и я очень надеялся, что новых потрясений и сюрпризов не случится и нам удастся развернуть остро необходимые реформы, наверстать упущенное, подтолкнуть экономику и вернуть наметившийся до тех пор позитивный инвестиционный тренд.

На восстановление стабильности в стране экономика отреагировала мгновенно. Уже через месяц после формирования нового правительства все экономические показатели потянулись вверх, и даже 2000 год — казалось бы, полностью потерянный — мы смогли закрыть с шестипроцентным ростом ВВП.

С новым премьером я сразу обговорил принципы взаимодействия — кто за что отвечает, какие вопросы обязательно согласовываются со мной, а что они могут решать самостоятельно, как мы будем все это осуществлять, — и множество других вопросов, вплоть до мелочей. Я считал очень важным установить понятные для всех правила взаимодействия президента с правительством.

Кроме того, я стремился сделать так, чтобы бизнес да и граждане страны в целом представляли, как функционирует исполнительная власть, чего от нее ожидать, каковы ее приоритеты. Чтобы ни у кого не возникало вопросов, куда и в каких случаях надо обращаться, если возникает необходимость. Исполнительная власть должна работать как четко отлаженный и максимально унифицированный механизм с понятной идеологией реформ и прогнозируемым поведением.

Все последующие годы мне было комфортно работать с Андраником Маргаряном, который ни разу не выходил за рамки наших договоренностей. Мое решение о назначении его премьером в мае 2000 года, которое я тогда считал временным, на деле стало началом долгого и плодотворного сотрудничества.

В таком составе правительство проработало почти три года, до президентских выборов 2003 года, и в этот период мы заложили основы целого ряда важных реформ.

Системные изменения

Приоритетом для нас, конечно, оставалась экономика. Нужно было предпринимать меры для развития малого и среднего бизнеса. По непонятной причине его доля составляла всего лишь 15 процентов от ВВП, хотя в Армении, в силу традиций и сильных семейных

связей, малый и средний бизнес мог бы стать мощным драйвером экономического роста. Таким образом мы вовлекли бы в экономику десятки тысяч людей, которые стали бы кровно заинтересованы в стабильности в стране.

Первым делом мы приняли закон о господдержке малого и среднего бизнеса, а чуть позже — закон об упрощенном налогообложении. Малому бизнесу трудно разобраться в сложных переплетениях налогового кодекса, еще сложнее — иметь дело с налоговиками, а масштабы бизнеса не позволяют содержать профессиональных бухгалтеров и консультантов. Мы ввели фиксированный налог, привязав его к обороту, чем избавили малый бизнес от общения с налоговыми органами.

Я много раз встречался с представителями малого бизнеса: пытался понять, что им еще мешает и где на практике они сталкиваются с препятствиями. Две проблемы высветились сразу: общение с госорганами и конкуренция с крупным бизнесом. Требовались законодательные основы для защиты экономической конкуренции и радикальные меры по ограничению влияния чиновников и многочисленных проверяющих органов. Наиболее уязвимыми и беззащитными оказывались небольшие фирмы и семейные предприятия. Тема эта многократно обсуждалась у меня на совещаниях в разных форматах. В результате мы проработали и приняли закон о защите экономической конкуренции и уже в 2001 году создали соответствующую независимую комиссию. Тогда же мы приняли закон о госзакупках, который, при всех своих недостатках, все же заметно упорядочил бюджетные расходы и позволил бизнесу активнее участвовать в тендерах по приобретению товаров и услуг. Эта сфера всегда была чиновничьим Клондайком, где без откатов не происходило ничего. Теперь тендеры стали прозрачными, а главное — конкурентными. Моя контрольная служба начала получать многочисленные жалобы на решения тендерных комиссий от фирм, проигравших конкурсы, что я посчитал очень хорошим сигналом. Впервые появились признаки того, что без взяток и откатов у нас в стране можно иметь дела с госорганами.

Дальше нам предстояло сделать фундаментальные шаги по борьбе с кумовством и коррупцией в органах власти и управления. Клановость и кумовство я считал одной из самых больших проблем Армении, обусловленной нашей культурной спецификой, а потому и чрезвычайно живучей. Следовало не только принять законодательство, ограничивающее нашу этнокультурную склонность к этому пороку, требовалась также длительная и настойчивая его реализация: чтобы сделать перемены необратимыми, они должны стать частью нашей поведенческой культуры. Общество недопустимо лояльно относилось к подобным явлениям — видимо, каждый думал, что при возможности делал бы то же самое. Я понимал: нужны многие десятилетия настойчивых усилий, чтобы выработать нетерпимость к такому поведению. Но ведь когда-то же нужно начинать? Кто, как не я, должен это сделать? Мне было проще, чем другим: я не был связан ни с кем в Армении какими-либо клановыми, родственными или бизнес-интересами.

Практику формирования органов управления в Армении я считал порочной. Никакой регуляции, никаких ограничений — приходил новый министр, а вместе с ним появлялась куча его родни, односельчан, друзей детства и прочих. Личная преданность и умение держать язык за зубами являлись, пожалуй, главными критериями отбора. Со сменой министров аппарат министерств обновлялся настолько радикально, что разговоры о профессионализме и институциональной памяти оставались пустым звуком. По сути, в системе госуправления отсутствовала сколь-нибудь последовательная кадровая политика — все основывалось на связях и протекции. Это было удобно и выгодно тем, кто уже находился во власти, но с таким управленческим потенциалом двигать страну вперед было невозможно, а почва для коррупции при этом становилась идеальной. Сложившуюся практику требовалось решительно менять.

Мы начали работать над концепцией закона о гражданской службе, который позволит сформировать профессиональную

бюрократию, защищенную законом от прихоти и пороков политиков. Мы собирались отделить политические должности от государственных, установить законодательные гарантии независимости госслужащих, их карьерного роста и социальной защищенности. Обсуждения проводились у меня, в президентском дворце, с привлечением многих министерств и ведомств. Процесс шел тяжело — мешало недопонимание и сильное сопротивление министров. Многие из них не были готовы смириться с тем, что у них отнимут возможность распоряжаться аппаратом министерства как собственной вотчиной. Что они сами смогут подбирать только своих помощников и советников, а все остальные назначения госслужащих будут осуществляться на конкурсной основе. Что для увольнений понадобятся убедительные основания и согласие Совета по гражданской службе. Изучив опыт европейских стран по формированию госслужбы, мы взяли за образец страны Балтии. Размеры страны, советское прошлое, успешная реализация на практике подтолкнули нас к такому выбору. Но мы, с учетом большей склонности нашего общества к клановости, пошли гораздо дальше в ограничении влияния политиков. Я шаг за шагом продавливал новые подходы. Мой помощник Армен Геворкян несколько месяцев вплотную вел этот процесс, пока закон не был принят, и уже в 2001 году Совет по гражданской службе начал свою работу.

В том же году мы приняли еще целый ряд важных законов. Из них я выделил бы антикоррупционный Закон о декларировании имущества и доходов руководящими работниками органов власти и управления, а также новый, стимулирующий экспорт, Таможенный кодекс Армении. Кроме того, в 2002 году была принята важная правительственная программа преодоления бедности.

Все эти меры сразу отразились на динамизме экономики. Пошли первые инвестиции в промышленное производство; «Сибал» стал совладельцем «Арменала» с обещанием больших вложений в модернизацию предприятия, заработал электроламповый завод, начался бурный рост табачной отрасли, развивалась пищевая промышленность, продолжали увеличиваться объемы обработки

алмазов и ювелирки, пошли крупные инвестиции в строительство отелей в Ереване. Малый и средний бизнес показывал чудеса роста, значительно опережая динамику ВВП. Объемы торговли и услуг по стране стабильно вышли на двузначные цифры роста, отражая повышение доходов населения. Ежегодно создавались десятки тысяч новых рабочих мест: только в 2001 году их появилось 44 000. Начались масштабные строительные работы по программам фонда «Линси» на средства Кирка Керкоряна, были сделаны первые шаги в реализации грандиозного проекта Северного проспекта. Рост экономики в 2001 году составил 9,6 процента, а в 2002 — уже 12,5 процента. Промышленное производство выросло на 16 процентов, а экспорт — на 50 процентов. Все бюджетные показатели были перевыполнены. *The Wall Street Journal* и фонд «Наследие» в своем совместном исследовании признали Армению самой благоприятной для иностранных инвестиций страной в СНГ.

Не экономикой единой

Эти годы были насыщены важными событиями в жизни страны. Весь 2001 год прошел в Армении под знаком 1700-летия принятия христианства. В честь этой знаменательной даты мы провели множество культурных мероприятий по всей стране. К торжествам готовились тщательно, событие вызывало величайший интерес, и мы получили блестящую возможность подтолкнуть развитие туризма.

Особенно мне запомнился визит папы римского Иоанна Павла II в Армению в сентябре и общение с ним. Церемония встречи и проводов в аэропорту получилась трогательной, дни выдалась особенно яркими и солнечными, а вид на гору Арарат был потрясающим. Мое первое знакомство с Иоанном Павлом II состоялось еще в 1999 году, в Ватикане, на открытии выставки «Армения — Рим: 2000-летние отношения». Он сразу мне понравился. У него были небольшие проблемы с речью, но папа римский излучал невероятное обаяние и действовал на собеседников умиротворяюще.

Летом того же года в Ереване прошли первые Панармянские спортивные игры, вызвавшие большой эмоциональный всплеск в отношениях с диаспорой. Впервые тысячи молодых людей со всех концов света собрались в Армении, на своей исторической родине, состязаться в разных видах спорта. Игры вылились в большой и яркий праздник, который подчеркивал нашу идентичность и символизировал национальное единение. А в 2002-м, всего через год, в Ереване прошел второй форум «Армения — Диаспора». В его преддверии Общественное телевидение Армении организовало первый в истории телемост «Ереван — Лос-Анджелес — Москва», в котором также приняли участие города Гюмри и Степанакерт. В течение двух часов собравшиеся в студиях Москвы и Лос-Анджелеса армяне имели возможность в прямом эфире задавать мне волнующие их вопросы.

Особого внимания в те годы требовали вооруженные силы республики, и занимался я ими довольно интенсивно. В ситуации «ни войны, ни мира» отношение к армии должно быть особым. Я понимал, что именно боеготовность армии определяет устойчивость перемирия и что от этого фактора в немалой степени будет зависеть, каким окажется соглашение по Карабаху. Содержание армии, поддержание и наращивание ее боеготовности, обеспечение безопасности Армении и Карабаха оставались моим важнейшим приоритетом в течение всего президентского срока. Как и в любой воюющей стране, армия у нас была непропорционально велика по своей численности и имела значительное влияние на общество.

Каждый день в армии проходит по жесткому распорядку, который никогда не должен нарушаться. День начинается с подъема личного состава и завершается отбоем. А между ними вмещается огромное количество событий: военнослужащие несут круглосуточную боевую службу, занимаются обучением персонала, поддержанием в рабочем состоянии боевой техники, укреплением переднего края, наблюдением за действиями противника, решением социальных вопросов семей офицеров... С каждым новым молодым пополнением весь этот ритм армейской рутины должен повторяться — и так изо дня в день, из года в год.

Армия — это громадный живой организм, для слаженной работы которого требуется ежедневное внимание и большие ресурсы. За все годы моего президентства финансирование армии не задерживалось ни на один день. Кроме решения текущих вопросов, все десять лет подряд каждой осенью я выделял три дня на полное погружение в армейскую тематику. Мы выезжали с министром обороны на передний край, посещали воинские подразделения по всей линии соприкосновения, от Аракса до Муровдагского хребта в Кельбаджаре. Везде, во всех оборонительных районах проводили совещания, слушали доклады об обстановке, обсуждали меры по фортификационному укреплению переднего края. Решали, как организовать боевую службу, чтобы надежно защищать передний край и при этом находить время на обучение личного состава; какие меры и ресурсы нужны для создания эшелонированной линии обороны. Каждый год мы подводили итоги проделанной работы и намечали программы на следующий год. Завершалось все итоговым совещанием в Армии обороны в Степанакерте с составлением обширного плана мероприятий. Эти поездки давали хорошую возможность для общения не только с высшим командным составом, но и с командирами среднего и младшего звена, несущими боевую службу на переднем крае. Такое общение позволяло почувствовать настроения военных, узнать, чем армия дышит и готова ли она воевать. Из поездок я возвращался с лучшим пониманием обстановки на линии соприкосновения и уверенностью, что мы в состоянии эффективно противостоять любым попыткам противника изменить сложившийся статус-кво.

Эти годы отличались и очень высокой внешнеполитической активностью. Я совершил множество официальных визитов в разные страны, причем их география заметно расширилась. Я слетал в Японию, провел турне по Бразилии, Аргентине и Уругваю, впервые побывал с визитами в Эмиратах и Катаре. Ездил в США и Россию, в ФРГ и страны Балтии, в Иран и во Францию. Состоялся первый комплексный визит в Брюссель со встречами как с бельгийской стороной, так и с Еврокомиссией и руководством НАТО. Везде

подписывалось множество документов, которые дополняли договорно-правовую базу двусторонних отношений и регулировали вопросы двойного налогообложения и защиты взаимных инвестиций. Во время всех визитов мы проводили совместные бизнес-форумы, встречались с представителями деловых кругов, пытаясь всячески продемонстрировать инвестиционную привлекательность Армении. В расширении географии и круга наших международных связей я видел колоссальный потенциал для привлечения прямых иностранных инвестиций, в которых мы сильно нуждались.

В 2001 году Армения стала членом Совета Европы. Впервые мы запросили членство еще в 1996 году, но официальное приглашение вступить в СЕ получили только в ноябре 2000-го, после оформления обязательств по проведению законодательных реформ. Предполагалось, что сразу после вступления мы присоединимся к многочисленным европейским конвенциям, поэтому надо было проделать масштабную работу, чтобы привести наше законодательство в соответствие с требованиями этих конвенций. Касалось это в первую очередь вопросов в области прав человека, местного самоуправления, избирательного законодательства и судебной системы — всего того, что должно обеспечивать полноценную защиту прав человека и необратимость демократических преобразований. Процесс шел непросто, европейские эксперты, как и следовало ожидать, оказались большими приверженцами парламентской модели государственного устройства. Они с большой предвзятостью относились к широким полномочиям президента в нашей модели, и было тяжело найти приемлемые решения в рамках действующей конституции. В Армении много споров вызвала и отмена смертной казни, что можно было понять — страна совсем недавно пережила шок расстрела парламента. Тем не менее в итоге мы вошли в Совет Европы с обязательством серьезной конституционной реформы, подлежащей выполнению уже после вступления.

В январе 2003 года, после десяти лет переговоров, Армения присоединилась к ВТО. Решающим и самым активным стал 2002 год, когда наконец-то закончился тяжелый изнурительный марафон

согласования торговых режимов со всеми странами — членами ВТО. Сложность заключалась в том, что все всегда стремятся получить благоприятные режимы для своих товаров и максимально оградить собственный рынок от чужих. Однако, несмотря на все препятствия, мы настойчиво двигались к членству в ВТО, поскольку понимали, что понятные и защищенные правилами международной ассоциации торговые режимы лучше, чем их полное отсутствие, и что они крайне необходимы для долгосрочных экономических связей. Членство в ВТО делает экономическую политику страны более прогнозируемой, по крайней мере по части ее вовлеченности в мировую торговлю, а это чрезвычайно важно как для торговли, так и для инвестиций.

К этому времени выстроилась своеобразная система взаимодействия с НКР. Армия обороны НКР была в максимально возможной степени интегрирована с Минобороны Армении. С учетом того, что Карабах являлся наиболее вероятным театром военных действий, Армия обороны, куда входили все воинские подразделения, дислоцированные в Карабахе, имела возможность полноценного автономного функционирования. Это также предполагало размещение там соответствующих материально-технических резервов, автономную штабную работу, организацию боевой подготовки, создание эшелонированной обороны, планирование и моделирование вероятных сценариев военных действий. Получалось что-то вроде министерства внутри министерства, полностью ответственное за оборону по всему периметру Нагорного Карабаха. Руководитель Армии обороны назначался указом президента НКР по согласованию с президентом Армении. Все остальные органы власти и управления НКР полноценно замыкались на президенте и правительстве НКР.

Я не вмешивался в вопросы управления внутри Карабаха. Мы всегда договаривались с Аркадием Гукасяном о согласовании шагов в реализации реформ в экономике и социальной сфере. Различные министерства и ведомства двух республик активно взаимодействовали, и недопонимание между ними не возникало. Два-три

раза в год я выезжал в Карабах, где мы с руководством республики обсуждали накопившиеся проблемы и сглаживали разногласия, если они появлялись. Тема же карабахского урегулирования с президентом НКР обсуждалась регулярно. После каждого раунда переговоров Осканян, как правило, выезжал в Карабах и давал полную информацию о происходящем. С руководством НКР у нас всегда складывались конструктивные и дружеские отношения, в том числе и с президентом Бако Саакяном после истечения срока полномочий Аркадия Гукасяна.

В эти же годы возобновились переговоры по урегулированию карабахского конфликта, кульминацией которых стала встреча в Ки-Уэсте в апреле 2001 года. А собрались мы там для подписания долгожданного соглашения о всеобъемлющем урегулировании карабахского конфликта, разработанного при посредничестве сопредседателей Минской группы. Ожидания были высокими, предполагалось участие госсекретаря США Колина Пауэлла. Эта встреча со своей предысторией стоит отдельного рассказа.

В ШАГЕ ОТ МИРНОГО ДОГОВОРА

Встречи с Гейдаром Алиевым

С президентом Азербайджана мы регулярно пересекались на всевозможных многосторонних мероприятиях, проходящих в рамках СНГ и различных международных организаций. На одной из таких встреч, вскоре после моего избрания президентом, мы сидели рядом. Алиев выступил раньше меня, и выступил очень резко: говорил об агрессии Армении, захвате азербайджанских территорий, миллионе беженцев — словом, обвинил Армению во всех возможных грехах, договорившись до геноцида азербайджанского народа. Я, конечно, ответил не менее резко, ушел от заготовленного текста, и речь получилась ироничной, с юмором, живой и убедительной. Реакция зала не оставляла сомнений в том, что отпарировал я удачно.

В перерыве обратился к нему:

— Гейдар Алиевич, уверен, вам не понравилось мое выступление. Правильно?

— Да, не понравилось, — подтвердил он.

— А мне не понравилось ваше. И что мы будем с этим делать? Нам ведь теперь раза три-четыре в год, а то и чаще предстоит встречаться на разных форумах. Как вы думаете, все, кто здесь присутствует, ночами не спят, думают о нашем конфликте? Да для них по значимости наша проблема стоит где-то на сотом месте, если не дальше! Зачем нам с вами развлекать здесь публику, устраивая гладиаторские бои? Нам это нужно?

— Вам, — отозвался он, — конечно, не нужно! Вам выгодно, чтобы о проблеме не говорили, а нам — наоборот. Мы должны постоянно напоминать, что наши территории захвачены.

— Да, — говорю, — понимаю. Мы можем договориться: определим черту, за которую вы не заходите. Если зашли — я вам отвечаю, если нет — просто отмалчиваюсь.

— И где же эта черта будет проходить?

— Давайте отделим факты от оценок, — предложил я. — Если вы скажете: «Такая-то часть территории оккупирована, столько-то процентов, столько-то беженцев» — это факты. Говорите об этом сколько угодно, хотя с вашей арифметикой я и не согласен. Но как только вы начинаете: «Армения, ее преступные действия, геноцид» — это уже эмоциональные оценки. Давайте их не использовать! Если вы перейдете на оценки, я буду отвечать достаточно убедительно и каждый раз будет оставаться осадок и у вас, и у меня. Закончится все тем, что мы начнем ненавидеть друг друга и это будет мешать нам общаться, вести переговоры и искать решение...

Немного подумав, Алиев согласился. За эту, определенную нами, черту в дальнейшем мы оба никогда не заходили.

А дальше... Дальше нужно было попытаться выстроить заново какие-то элементарные отношения, полностью уничтоженные и войной, и тяжелейшими событиями предшествующих ей лет. Я говорил: «Гейдар Алиевич, в любом случае нам с вами предстоит искать пути мирного урегулирования. Легких решений не будет ни для армянской стороны, ни для азербайджанской. При нынешнем уровне взаимной ненависти любой компромисс станет приниматься в штыки и у вас, и у нас. Чем больше сейчас завяжется контактов, тем легче будет потом реализовывать любые договоренности и вам в Азербайджане, и мне в Армении и Карабахе». Ему эта точка зрения оказалась близка, и совместными усилиями нам удалось продвинуться вперед.

Первый и неожиданный для всех ход сделал я, отправив в 1998 году в Баку премьер-министра Армении Армена Дарбиняна для участия в региональном собрании ТРАСЕКА, где обсуждался проект

транспортных коммуникаций. Вскоре после этого мы договорились участвовать во всех многосторонних мероприятиях в Баку и Ереване. Таких регулярных встреч в рамках СНГ проводилось много. Наши министры ездили на них в Баку, а азербайджанские — к нам в Ереван. Некоторые из азербайджанских министров были родом из Армении, и, когда они приезжали к нам, коллеги организовывали для них поездки в родные места, чтобы люди могли увидеться и пообщаться со своими бывшими соседями, друзьями. Все это помогало восстанавливать нормальные человеческие отношения, ведь одно дело — абстрактно ненавидеть целую нацию, и совсем другое — конкретного, да еще хорошо знакомого тебе, человека. Я считал, что так мы постепенно сможем снизить градус взаимной вражды, возникшей за время войны, и это будет способствовать налаживанию отношений между нашими странами.

Мы перестали блокировать друг друга в международных организациях. В большинстве из них существовало право вето, применяя которое страна, вступившая в эту организацию раньше, могла препятствовать членству любой другой. Армения и Азербайджан постоянно использовали это право друг против друга. Как-то раз я позвонил Алиеву и предложил:

— Через четыре дня будет собрание ИКАО, где мы уже много лет блокируем ваше членство, а еще через месяц — ИАТА, где вы блокируете нас. Давайте договоримся: я сниму вето с вашего вступления в ИКАО, если вы пообещаете, что через месяц и вы сделаете то же самое в ИАТА.

Он сразу согласился — это было в наших общих интересах.

Мы с Алиевым приняли взаимное решение не препятствовать работе журналистов. Принимали группы, организовывали для них поездки по стране, однажды даже возили в Карабах. Я хотел, чтобы наши народы получили возможность знать правду о том, что происходит по соседству, без агитации и пропаганды. Наши спортсмены начали встречаться на международных соревнованиях в Баку и Ереване — вопрос об их участии не вызывал запретов ни с нашей, ни с азербайджанской стороны.

Общались мы с Алиевым легко, он обладал быстрой реакцией и незаурядным чувством юмора. Как-то на одном из больших официальных приемов в США я увидел Алиева с дочерью и подошел к ним поздороваться. Мы обменялись рукопожатием, и тут он поворачивается к дочери: «Знакомься, это президент Армении Роберт Кочарян, — делает короткую паузу и с улыбкой добавляет: — Тот самый, кто захватил наши земли и не хочет отдавать». Это было настолько неожиданно, что я с трудом отшутился. А однажды в Киеве, сразу после саммита СНГ, приезжаю на ужин президентов в ресторан. Гости прибывали по очереди, и к этому моменту там уже собрались Кучма, Путин и Алиев. Я улыбаюсь, подхожу, здороваюсь с коллегами. Тут Алиев, обращаясь к Путину и указывая на меня, говорит: «Владимир Владимирович, видите, какие кадры Азербайджан дает Армении», — намекая на мое карабахское происхождение. Я сразу же отпарировал: «Владимир Владимирович, это у нас дружеский обмен президентами с Азербайджаном. Если не знаете — Гейдар Алиевич родом из Сисианского района Армении». Смеялись мы над этим долго.

Все, о чем мы с Алиевым договаривались, — конечно, если это зависело именно от него, — он всегда выполнял; так же поступал и я. Постепенно наши отношения становились все более конструктивными и доверительными, а само общение — более откровенным. Иногда он рассказывал мне о своих сложностях, сетовал на оппозицию — видимо, не сомневался, что дальше меня эта информация не уйдет. Так оно и было: взаимным доверием мы оба никогда не злоупотребляли.

В апреле 1999 года я прилетел в Вашингтон на саммит НАТО, приуроченный к его пятидесятилетию. После завершения саммита государственный секретарь США Мадлен Олбрайт пригласила на неофициальную встречу меня и Алиева. Некоторое время продолжалась общая беседа, а потом Олбрайт оставила нас с Алиевым наедине, чтобы мы могли поговорить. В те годы каждую международную многостороннюю конференцию или саммит, где присутствовали я и Алиев, посредники пытались использовать как

возможность для очередных переговоров между нами, поэтому регулярно организовали для нас такие встречи. Мы, как правило, не отказывались: тема для обсуждения всегда находилась. Так было и в этот раз.

К тому моменту у нас с Алиевым установился хороший личный контакт и у обоих сложилось друг о друге впечатление как о серьезном партнере, с которым можно договариваться. Но эта встреча получилась особенной. То, что тогда произнес Алиев, неожиданно резко отличалось от всего, что я слышал от него раньше. Он сказал, что очень много думал о случившемся в Карабахе, чувствует на себе громадную историческую ответственность за разрешение этого конфликта и видит во мне человека, обремененного точно такой же ответственностью, но с армянской стороны. Сказал, что нам с ним выпала тяжелейшая миссия преодолеть конфликт, уходящий своими корнями глубоко в прошлое и не впервые вспыхнувший на этой земле. «Мы с вами эту ситуацию унаследовали, не мы ее авторы, — сказал он. — Но именно мы должны ее разрешить и освободить от нее будущие поколения». Он говорил о том, что раньше наши народы веками жили вперемешку и каждый раз, когда происходили геополитические потрясения, мы непременно сталкивались друг с другом, проливалась кровь, накапливались обиды. Теперь, когда война нас все равно уже размежевала, жить по-прежнему мы уже не сможем. Вернуться к прошлому не получится: нельзя сталкивать лбами дерущихся — их нужно развести в разные стороны, пока оба не остынут. Поэтому единственное, что можно сделать для разрешения проблем, порожденных войной, и создания достойного мира для обеих сторон, — это разделить и стать соседями. Когда-то мы уже вскользь затрагивали эту тему, и я говорил ему почти то же самое, может быть, другими словами: мы можем быть хорошими соседями, но только в ситуации, когда не зависим друг от друга. Сейчас же я увидел, что он готов обсуждать этот вопрос — как нам разделить — всерьез и философия этого подхода принципиально отличалась от всего, что мы обсуждали раньше.

Это был подход человека широко мыслящего, осознающего свою историческую роль в жизни собственного народа; человека, готового принять на себя ответственность за разрешение труднейшей проблемы, не раз приводившей к кровопролитным столкновениям на протяжении XX века. «Мы должны раз и навсегда закрыть этот вопрос. Вряд ли кто-то, кроме нас, сможет это осуществить. И если мы этого не сделаем — никто другой уже не сделает». Упомянул он и о том, что проблему необходимо разрешать как можно скорее, потому что любая подвешенная ситуация делает нас зависимыми от третьих сторон, что плохо и для Армении, и для Азербайджана. К концу встречи у меня сложилось четкое ощущение, что мы с Алиевым мыслим в одном направлении. Договорившись встретиться в ближайшем будущем и продолжить разговор, мы попрощались. В этот раз нам не хватило времени: обоим предстояло провести еще несколько встреч — обычно расписание в таких поездках всегда предельно плотное. Я ушел с мыслью, что между нами появилось взаимопонимание. Пусть всего на один маленький шаг, но мы стали ближе к разрешению конфликта.

Вернувшись в Армению, я рассказал о разговоре Вазгену Саргсяну и Сержу Саргсяну. Эмоциональный Вазген просиял и воскликнул: «Неужели мы увидим решение проблемы!» Все понимали, что готовность Алиева отказаться от Карабаха открывает реальные возможности для успешных переговоров.

Встреча в Вашингтоне положила начало новому, очень интересному и активному циклу наших переговоров, где обсуждение уже шло в русле именно такой философии: как нам размежеваться друг от друга, чтобы стать хорошими соседями. Мы с Алиевым стали созваниваться и встречаться напрямую, без участия посредников. В июле 1999 года я поехал на неделю в Грецию отдыхать с семьей. На третий день раздался неожиданный звонок от Алиева с предложением встретиться в Женеве и продолжить разговор, начатый в Вашингтоне. Я, конечно, согласился, и спустя два дня мы уже вели переговоры в Женеве, где МИД Швейцарии создал для них все условия. В конце августа мы встретились с Алиевым еще раз там же,

в Женеве, а в середине сентября того же года — в Ялте. Каждый раз после наших переговоров посредники пытались выяснить их содержание, но мы уклончиво говорили, что обсуждаем разные варианты в надежде как-то продвинуться.

Главное, что лежало в основе всех наших действий, — это искреннее стремление разрешить карабахскую проблему. Мы оба считали, что если волею судьбы оказались теми людьми, которым досталась эта историческая ответственность, то мы *должны* с ней справиться. Это было главным. Оставалось определить: что мы *можем* сделать? Я говорил ему:

— Поймите, ведь Карабах — это не просто кусок земли в 4500 квадратных километров! Это 140 000–150 000 армян, живущих на этой земле. Теоретически вы можете забрать землю, но людей-то забрать не выйдет! Придется либо изгнать их, либо уничтожить, другого решения нет — таков характер всех этнических войн, в том числе, к сожалению, и случившейся между нами. Военное решение конфликта, о котором многие в Азербайджане сейчас мечтают, означает просто изгнание армян из Карабаха. Какой будет цена этого решения? К чему оно приведет? Получится ли у вас его осуществить? Азербайджан уже пытался это сделать в 1992–1994-м, но получил совершенно не тот результат, на который рассчитывал. Напротив, вы потеряли контроль над территорией вдвое большей, чем сам Карабах. Стоит ли повторять? Понятно, что если еще раз будет развязана война, то она не ограничится Карабахом: Армения не останется в стороне, кто бы ни был президентом Армении. Значит, начнется война между Арменией и Азербайджаном. Вы к этому готовы? Вы этого хотите?

Новой войны не желал никто — ни он, ни я. Мы искали вариант мирного решения, который устроил бы обе стороны.

— Я не могу отдать вам Карабах, — говорил Алиев.

— Что значит отдать? — удивлялся я. — Ведь по факту у вас его нет. Как вы можете отдавать или не отдавать то, чем фактически не владеете? Если вы отказываетесь от мыслей о военном захвате, то вам придется принять идею, что Карабах уже не ваш.

Впрочем, эмоциональных споров между нами не возникало: мы оперировали аргументами, и каждый пытался сформулировать свою позицию, высказать и объяснить свою озабоченность, обозначить границу того, что он может и чего не может сделать.

Суть предложения Алиева состояла в следующем: Азербайджан может признать Карабах армянским вместе с коридором, соединяющим его с Арменией. Однако взамен, наряду с возвратом захваченных нами во время войны районов вокруг Карабаха, он предлагал обмен территориями. Речь шла о Мегринском районе Армении, который отделял Азербайджан от Нахичевани. Такой обмен мы считали абсолютно неприемлемым в первую очередь из-за потери границы с Ираном. К тому же — а что делать с людьми, которые живут в этом районе? Как мне, карабахцу, сказать им, что ради присоединения Карабаха к Армении Мегри переходит к Азербайджану?

Теракт в парламенте Армении 27 октября и вызванный им острый внутривнутриполитический кризис на время прервали переговорный процесс. Мне требовалось восстановить управляемость в стране и укрепить свои пошатнувшиеся позиции для продолжения столь важных переговоров.

Ки-Уэст — мирный договор, который не был подписан

В середине 2000 года переговорный процесс возобновился. Наиболее значимой стала наша с Алиевым встреча рядом с селом Садарак, недалеко от Нахичевани. Специально для переговоров азербайджанская сторона разбила компактный полевой лагерь. Мы обсуждали все ту же тему: как нам размежеваться. Я понимал желание Азербайджана иметь связь с Нахичеванью, но предложил рассмотреть другой вариант: а что, если мы предоставим Азербайджану суверенную дорогу, проходящую по территории Мегринского района Армении и соединяющую две части Азербайджана? Алиев сказал, что не представляет, как это можно реализовать, и мы провели целую серию переговоров по этому вопросу: пытались понять, как это

можно осуществить, искали примеры реализации подобного решения в истории других стран, обсуждали, как и какими силами можно обеспечить суверенность дороги, кто будет дорогу патрулировать. Местность там горная, нам пришлось бы проложить трассу длиной 50 километров, состоящую преимущественно из туннелей и эстакад.

К этому времени об идущем между нами переговорном процессе мы уже поставили в известность посредников, и они активно в нем участвовали. В общих словах мы довольно близко подошли к варианту, при котором Азербайджан признает Карабах с Лачинским коридором частью Армении в обмен на возврат удерживаемых нами азербайджанских территорий и особый статус дороги через Мегри в Нахичевань, которую будут патрулировать международные миротворцы. Но оставалось много деталей, которые необходимо прояснять, чтобы договориться.

Настало время привлечь первых лиц стран-посредников: это придало бы больший вес процессу и гарантировало, что международное сообщество готово приложить достаточно ресурсов для практической реализации договоренностей, если они станут окончательными. Одним из первых подключился президент Франции Ширак, который всегда проявлял неподдельный интерес к урегулированию конфликта и хорошо знал его тонкости. Он пригласил меня и Алиева в Париж, где состоялись очень продуктивные переговоры в трехстороннем формате. Позже на ланче Жак Ширак сказал, что впервые у него возникло чувство, что процесс сдвинулся с мертвой точки и мир на Кавказе обретает реальные черты. Мы провели совместную пресс-конференцию и разъехались в оптимистическом настроении. Оставалось подготовить общественное мнение внутри наших стран к принятию предложенного плана. Это было непросто: противников такого урегулирования и в Азербайджане, и в Армении хватало.

В этот момент посредническую инициативу у Франции перехватили американцы — на сцену вышел Керри Кавано. Керри являлся американским сопредседателем Минской группы ОБСЕ и теперь решил, что это — его звездный час: при сопредседательстве Кавано

может быть подписан исторический документ! А может быть, почитал, что нельзя упускать момент, надо форсировать переговоры, пока президенты настроены решительно. Человек энергичный, с большими амбициями, он перехватил инициативу и стал очень активно подгонять процесс.

Началась практическая работа над проектом соглашения со всеми деталями. Кавано убедил госсекретаря США Колина Пауэлла, чтобы тот в качестве посредника принял участие в подписании мирного договора. Выбрали место — Ки-Уэст, самую южную точку США, красивейшие острова, где жил Хемингуэй. Назначили дату — 3 апреля. Все это происходило с таким напором, что Ширак, с которым нас связывали довольно близкие отношения, поделился со мной своими сомнениями: «Мне кажется, американцы слишком спешат, надо, чтобы ситуация вызрела в большей степени, а они, похоже, этого не понимают». Разговор происходил в Париже, куда я приезжал с визитом в феврале 2001 года.

Недели за две до Ки-Уэста в Азербайджане были объявлены парламентские слушания на карабахскую тему. Я внимательно следил за выступлениями, и что-то меня насторожило. Алиев полностью контролировал парламент, и я не мог понять, зачем ему вдруг понадобились эти слушания, а главное, куда они в итоге приведут. Тональность и характер выступлений явно не помогли подготовить общественное мнение: скорее они показывали, что меняется подход.

Я пригласил к себе посла Соединенных Штатов и сказал, что обеспокоен слушаниями в парламенте накануне поездки в Ки-Уэст: у меня появилось ощущение, что Алиев готовит почву для отказа. «Вы уточните, пожалуйста, у Алиева, — попросил я его. — Если что-то изменилось, Ки-Уэст надо отменять, а то получится конфуз, да еще и при посредничестве госсекретаря». На следующий день посол мне сообщил: «Нет, все нормально. Мы связались с Алиевым, и он подтвердил: все в силе. Обсуждение в парламенте он объясняет необходимостью подготовить общественное мнение». «Ладно, — подумал я, — может, показалось». Еще через два дня выступал сам Алиев. Я читаю текст его выступления и вижу: да нет же,

не показалось. Что-то явно идет не так! Прошу Вардана Осканяна: «Свяжись еще раз с американцами. Мне эта история не нравится. Я думаю, в Ки-Уэсте ничего не получится». Он еще раз связался — уже и с послым, и с Кавано. Те на следующий день снова сказали: все в порядке, они общались с Алиевым, и тот подтверждает, что едет в Ки-Уэст с серьезными намерениями. Звонить Алиеву напрямую в этой ситуации я не стал, опасаясь, что посредники истолкуют это неправильно. Инициаторами встречи в Ки-Уэсте были не мы, ее готовили посредники, они же согласовывали все детали с участниками. Я считал, что некорректно проявлять активность и выяснять готовность другой стороны конфликта к переговорам.

И вот мы в Ки-Уэсте, в одном из самых красивых мест Флориды. Расположились в отеле на берегу Мексиканского залива. Стояла отличная погода — яркий солнечный день, и я надеялся, что успею еще и поплавать. Настроение у меня было приподнятым — отчасти от морского воздуха, но больше от ожидания, что через несколько часов здесь решится судьба моей родины.

Приезжаем в небольшой уютный Малый Белый дом Трумэна. Зал переговоров полон: наша делегация, азербайджанская, представители всех стран-сопредседателей, огромное количество журналистов, готовых зафиксировать и осветить долгожданное историческое событие. В центре комнаты стол, за ним госсекретарь Пауэлл, справа — Алиев, слева — я, напротив — сопредседатели Минской группы, работники Госдепа, журналисты. Начинает встречу Пауэлл, говорит об уникальном историческом моменте и передает слово Алиеву. Тот открывает папку и... достает оттуда письменную речь. Как только я увидел, что в ней с десяток страниц, сразу понял: это провал.

Алиев стал читать. Все видели, что он волнуется: каждое слово произносил будто через силу. Читал минут тридцать. В тексте много говорилось о том, как посредникам следует вести процесс, но весь смысл его получасового выступления сводился к одному: «Я не готов пойти на это». Пока Алиев выступал, я смотрел на Кавано. Тот пребывал в панике. Пот с него лился градом, рубашка взмокла

и прилипла к телу, лицо покраснело: он осознал, что это конец его карьеры. Я поймал взгляд Кавано и глазами сказал: «Я же вас предупреждал, что будет конфуз...» И оказался прав, но — черт возьми! — не всегда хочется оказываться правым. В данном случае я предпочел бы ошибиться.

Меня охватило двойственное чувство. С одной стороны, облегчение: я понимал, что реализовать такой мирный договор было бы чрезвычайно сложно и рискованно. С другой стороны — разочарование и сожаление: это был исторический момент — мы могли бы развязать узел, который затягивался веками. Конечно, мы сохраняли свои сильные переговорные позиции — ведь не мы отказались подписать соглашение. Большим плюсом стал и только что созданный прецедент: фактически обсуждалось присоединение Карабаха к Армении, и территориальная целостность Азербайджана не являлась этому помехой. Никакое предложение об урегулировании в будущем уже не сможет обойти право Карабаха на самоопределение.

После Алиева дали слово мне, и моя ответная речь длилась минуты полторы, а то и меньше:

— Я приехал во Флориду, за много тысяч километров от Армении, чтобы работать над урегулированием, а не для того, чтобы поучать сопредседателей, как им вести свою посредническую миссию. И на этом я заканчиваю свое выступление.

Говорить что-то еще теперь уже не имело смысла. Азербайджанская пресса потом писала: «Кочарян выступил до неприличия кратко».

После заседания ко мне в отель пришел российский сопредседатель Трубников и стал убеждать пойти на уступки. Я сказал: «Стоп. Вы пришли не по адресу. Есть согласованный документ, и я готов его подписать. Работайте с Алиевым. Если вы его убедите — подпишу. Я никуда не уезжаю, тут красивое место, с удовольствием проведу здесь пару дней».

Следующие два дня запомнились мне как самые праздные за всю историю моих поездок. Обычно я использовал свои визиты по максимуму, насыщая их делами до предела — встречи, политика,

инвестиции, диаспора, а тут у меня никаких дел не было, и я оказался предоставлен сам себе. Чтобы быть рядом со мной в дни исторической встречи, в Ки-Уэст приехал из Нью-Йорка мой хороший знакомый, известный предприниматель Грайр Овнмянн. Он сделал все возможное, чтобы эти два дня пролетели для меня с невероятной скоростью. Грайр зафрахтовал маленькую яхту, и следующие дни мы провели в Мексиканском заливе, ловя рыбу и занимаясь дайвингом на красивейших коралловых рифах. Потом организовали виндсерфинг, который я тоже очень любил. Получился маленький и чрезвычайно насыщенный двухдневный отпуск. Американская охрана носилась за нами по всему заливу, пытаясь обеспечить мою безопасность.

На суше же за эти два дня ничего не изменилось. Несмотря на приложенные усилия, посредникам не удалось уговорить Алиева принять проект соглашения. В один из вечеров американцы организовали для нас выход в море на закате — это входило в запланированную культурную программу. Закат и впрямь оказался удивительно живописным, но мое внимание занимал не он, а Кавано. Несколько раз поймав на себе его растерянный взгляд, я подошел к нему: «Не переживай, что было — то прошло. Зря вы не прислушались ко мне, я ведь дважды к вам обращался, предупреждал!»

В тот же вечер на ужине, впервые после выступления Алиева, мы с ним поговорили. Я спросил: «Гейдар Алиевич, а зачем вообще все это понадобилось? Ну, я понимаю: вы передумали. Но тогда уж отказались бы от поездки... Вы себя в неловкую ситуацию поставили, да и американцев заодно. Зачем?» Он ответил: «Я думал, что смогу. До самого последнего момента не был уверен, что откажусь». Для нас обоих это решение стало бы очень сложным, но для него, думаю, все-таки в большей степени. Я спросил: «А что вообще произошло?» — «Знаешь, — говорит, — я, наверное, переоценил свои возможности. Я не сумел убедить свою семью в том, что это нужно». Он рассказал, что накануне отъезда собрались все его родные и в один голос принялись убеждать отказаться от соглашения. Говорили, что сейчас Алиев — национальная легенда и азербайджанский народ не поймет, если он отдаст Карабах: это

ляжет пятном на него и на всю семью. Настойчивее всех оказался его сын Ильхам, и Алиев, уезжая, дал ему обещание не подписывать договор. «И я понял, — сказал он мне, — что если не могу убедить даже собственную семью, то азербайджанский народ не смогу убедить тем более».

Из Ки-Уэста мы сразу вылетели в Вашингтон, где нас ожидали Кондолиза Райс и президент Буш: новая администрация Белого дома пригласила нас на протокольную ознакомительную встречу, которая ничего изменить не могла.

Так закончилась наша попытка договориться. Алиев уехал, не приняв проект соглашения, но еще и не отказавшись от него. Сделал он это несколькими днями позже, уже в Баку. Пригласил Кавано и сказал, что соглашение в таком виде для него неприемлемо и надо его полностью переработать. И хотя через некоторое время после Ки-Уэста переговоры продолжились, мы больше ни разу не подходили так близко к возможности подписать договор о мире, как там. Появлялись разные варианты, посредники активно работали над модификациями, некоторые из них позднее вылились в Мадридские принципы⁸⁰, состоялся саммит ОБСЕ, на котором было зафиксировано право карабахцев на самоопределение, но уже сама формула обсуждаемых вопросов носила другой характер. Мы оба с Алиевым понимали, что при нашем президентстве решения не будет. В один из разговоров он так и сказал: «Мы упустили наш исторический шанс. Вряд ли кто-то решит эту проблему, если у нас не получилось». Позднее, после смерти Гейдара Алиева, при первой нашей встрече с Ильхамом я спросил, действительно ли в семье накануне Ки-Уэста происходил тот разговор. Он подтвердил: да, так все и было, он убеждал отца, и тот дал слово не подписывать договор.

Ильхам Алиев

С Ильхамом Алиевым я познакомился во время переговоров с Алиевым-старшим на границе с Нахичеванью — он приезжал туда вместе с отцом. Первая же моя встреча с ним как с президентом

Азербайджана состоялась в Женеве в декабре 2003 года. Мы оба участвовали в международном саммите по информационным технологиям. Встречу нам устроили швейцарцы по просьбе сопредседателей Минской группы. Как только я увидел Ильхама, у меня в памяти сразу всплыл разговор с Гейдаром Алиевым там, на границе с Нахичеванью, в октябре 2000 года.

Мы обсуждали детали урегулирования, и Алиев, пытаясь показать невыполнимость моих требований, в качестве одного из аргументов сказал, что если он пойдет на такие уступки, то оппозиция в Азербайджане его просто съест.

— Гейдар Алиевич, какая оппозиция? С вашим авторитетом вы все там контролируете! — ответил ему я.

— Да что вы говорите! Вы нашу оппозицию не знаете, с ними невозможно иметь дело! Очень неговорчивые, трудные люди. По Карабаху вообще никаких компромиссов не признают! Они меня даже вовсю обвиняют в том, что будто я готовлю сына на свое место! — в сердцах воскликнул он.

Я усмехнулся:

— Гейдар Алиевич, а чем он им не нравится? Образование у Ильхама блестящее, владеет несколькими языками, семья с таким именем и традициями — дальше некуда. Чем они сами-то лучше него?

Алиев, видимо, не ожидал такого поворота, посмотрел на меня изучающе, пытаясь понять, насколько я серьезен, и, не найдя ничего подозрительного, сказал:

— Иногда я тоже так думаю.

Тут мы оба дружно рассмеялись.

Я не сомневался, что Гейдар Алиев позаботится о преемственности власти. Однако его смерть в 2003 году стала для меня неожиданностью: несмотря на возраст, он был в хорошей форме. Относился я к нему всегда с уважением и видел в нем серьезного партнера по переговорам.

Ильхам Алиев на первой встрече произвел на меня положительное впечатление. Поначалу он держался несколько скованно — сказывалось отсутствие опыта, но располагал к себе манерой речи

и хорошим чувством юмора. Встречались мы довольно часто — сопредседатели по-прежнему использовали любую возможность для организации наших переговоров. На них мы с Ильхамом никогда не пикировались между собой, спокойно обосновывали свои позиции, не делали шагов, которые могли бы затруднить наше общение. Но с приходом к власти Ильхама Алиева сразу прекратились взаимные посещения Еревана и Баку должностными лицами в рамках мероприятий СНГ. Все контакты сосредоточились только на уровне министров иностранных дел: Осканяна и Мамедьярова.

Изменилась и риторика азербайджанцев во время выступлений на различных международных форумах — теперь она стала заметно агрессивнее. Алиев-младший, в отличие от отца, не ощущал персональной исторической ответственности за решение проблемы Карабаха. Не видел я у него и готовности брать на себя риски, связанные с компромиссами по существенным вопросам урегулирования, поэтому не ожидал прорыва в переговорном процессе. Но тогда в Ильхаме не было и агрессии, которая стала проявляться гораздо позже, уже после моей отставки. Алиев, присудивший звание героя Азербайджана преступнику, зарубившему топором спящего армянского офицера на семинаре НАТО в Будапеште, уже ничем не напоминал того человека, с кем я общался в 2003–2007 годах.

Первая встреча Осканяна с новым министром иностранных дел Азербайджана Мамедьяровым состоялась в Праге в 2004 году. На ней Осканян предложил сдвинуть переговорный процесс с мертвой точки и начать работу над новым соглашением «на основе “духа, но не буквы” Ки-Уэстского документа». Этот этап переговоров получил название «Пражский процесс», в рамках которого прошло около двадцати встреч только между министрами. Результатом этого переговорного цикла стали так называемые Мадридские принципы, предложенные сопредседателями на встрече министров Армении и Азербайджана на полях министерского саммита ОБСЕ в ноябре 2007 года.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ — ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ

Снова выборы

Время летело так быстро, что я и не заметил, как мы подошли к президентским выборам 2003 года. В том, стоит ли мне выдвигаться на второй срок, я особо не сомневался. Считал, что выборы будут несложными: наши достижения в экономике очевидны, нам есть что показать избирателям и есть с чем идти на выборы.

Кандидатов набралось много, девять человек, но с самого начала было ясно, что борьба пойдет между троими: мной — как действующим президентом, Степаном Демирчяном и Арташесом Гегамяном — как основными оппозиционными деятелями.

Степан Демирчян — сын Карена Демирчяна, возглавивший Народную партию Армении после гибели отца, — походил на него только внешне. По лидерским качествам он сильно уступал Карену и не сумел стать консолидирующей фигурой внутри Народной партии. В НПА входило множество бывших номенклатурных работников и советских директоров, которые в то время еще сохраняли некоторое влияние. Их управленческие навыки и налаженные связи работали на партию и представляли собой определенный потенциал. Однако смена харизматичного лидера на несопоставимо более слабого стала для партии тяжелым испытанием. Часть активных деятелей ее покинула, а большинство из тех, кто остался в ее составе, не признавало Степана лидером. Депутатский корпус НПА стал аморфным и «бесхозным».

Арташес Гегамян, лидер партии «Национальное единение», человек весьма энергичный, выступал с крайне радикальных позиций. Его критика всегда носила острый характер и часто переходила этические границы. На этом радикализме он пытался представить себя лидером оппозиции и перетянуть часть электората НПА. Его предвыборная тактика заключалась в том, чтобы изобразить ситуацию в Армении в самых черных тонах. Не вдаваясь в конкретику, он выбрал своим лозунгом «Все плохо!», и его рекламные ролики были под стать этому лозунгу. В основном он использовал для них документальные кадры начала 1990-х, показывающие последствия войны и энергетического кризиса, но комментарии к видеоряду навязывали мысль: виновником этой чудовищной разрухи является действующая власть. Манипуляция была налицо — в то время я жил в Карабахе и не мог нести ответственность за происходившее в Армении.

Подготовку к выборам мы начали всего за три месяца до них. Мне не хотелось снижать взятый темп работы, и я тянул сколько мог, так как приближающиеся выборы не вызывали беспокойства. Я по-прежнему не имел собственной партии и считал, что президент со столь широкими полномочиями, какие ему предоставлялись в то время, должен оставаться беспартийным. Президентская партия неминуемо стала бы номенклатурным монстром с вытекающими отсюда негативными последствиями для страны. Все и так прекрасно понимали, что власть консолидирована вокруг президентского института. Но мне требовалась политическая поддержка, и очень скоро мы создали широкую коалицию из разных партий, которые поддержали мою кандидатуру и содействовали в проведении предвыборной кампании. Наиболее крупными из них были РПА, АРФ «Дашнакцутюн», набирающая вес партия «Оринац Еркир», а также «Рамкавар Азатакан» и «Могучая Родина». Представители этих партий активно участвовали в деятельности штабов всех уровней, а их руководители сопровождали меня практически на всех крупных предвыборных событиях.

Предвыборную кампанию я вел очень энергично. Как и пять лет назад, во время первых выборов, ездил по всей стране, проводил

в день с десятков разных встреч, выступал на многочисленных митингах. Это позволяло почувствовать настроение людей и по ходу кампании определить приоритеты на следующие пять лет. Как ни странно, но меня ни разу не посетила мысль о том, что я могу и проиграть. Встречи с людьми меня заряжали, я начинал вести себя эмоционально, и моя патологическая сдержанность отступала. Я увидел, что у меня теперь гораздо больше активных сторонников, что люди ценят мои усилия и готовы довериться мне на следующие пять лет. Я понимал, что это доверие все же некий аванс, поскольку достижения в экономике еще не успели существенно повлиять на благосостояние всех слоев населения. По прогнозам получалось, что я должен победить в первом туре — об этом говорили практически все опросы общественного мнения. Конкретные результаты моей работы были очевидны: уже в 2001–2002 годах мы вышли на двузначные цифры роста в экономике. Хотя отсчет шел от низкой базы, все же такие перемены население чувствует на себе сразу, тем более что наши достижения были обусловлены развитием разных отраслей, а не какого-то монопродукта. Кроме того, ни один из моих конкурентов не вел такую интенсивную предвыборную кампанию. Мне казалось, что мы убедили чуть ли не всех избирателей страны в моей способности закрепить и развить экономический успех.

Ночь сразу после выборов я провел у себя в кабинете. Информацию о результатах по округам получал из своего штаба по мере их готовности. Предвыборный штаб, руководил которым Серж Саргсян, был развернут в здании Академии наук. Под утро я отправился туда. День только начинался, в штабе все еще обрабатывали данные, поступающие с избирательных участков. Я шел впереди, причем с хорошим отрывом: казалось бы, нужно радоваться. Почему же тогда все вокруг такие мрачные и растерянные? Оказалось, что для победы мне не хватает буквально доли процента: мы рассчитывали на 55–56 процентов, а я набрал 49,8. Наши ожидания того, что все должно закончиться в первом туре, не оправдались, и это стало неприятным сюрпризом. Вторым шел

Степан Демирчян — 28 процентов, третьим — Арташес Гегамян, 17 процентов. Остальные кандидаты набрали совсем мало голосов. Некий Арам Карапетян, который появился неожиданно и всем рассказывал, что его специально прислали из Москвы для участия в выборах, получил почти три процента. Я считал, что для такого классического демагога это слишком много. Но, ко всеобщему удивлению, по числу голосов он обошел даже Вазгена Манукяна, одного из патриархов нашей политики и лидера комитета «Карабах», не менее известного, чем Тер-Петросян. Позднее Манукян хоть и недолго, но занимал должность премьер-министра, а в 1993 году — министра обороны. Однако на этих выборах он набрал меньше одного процента, а никому не известный Арам Карапетян, на своих радикальных лозунгах и изощренной демагогии, — втрое больше!

Результаты меня раздосадовали. По количеству людей, собиравшихся на мои митинги, и по их настроению мы ждали других результатов. А цифры по некоторым округам меня даже озадачили. Что ж, будем готовиться ко второму туру. Ночь выдалась бессонная, и я собрал в комнате актив штаба, чтобы подвести итоги дня, поблагодарить и отпустить всех отдохнуть. В процессе обсуждения результатов начались разговоры о том, что еще чуть-чуть, и мы бы получили нужные проценты — может, на каких-то участках неправильно посчитали? Может, стоит пересчитать? Смысл подобных предложений сводился к тому, что надо найти возможность дотянуть результат до необходимых цифр и закончить выборы за один тур — то есть нарисовать недостающий процент. Удивительно, но самыми активными сторонниками этого предложения оказались те, кто больше всех всегда рассуждал о демократии. Они даже придумали схему, как это можно сделать: в нескольких местах слегка затянуть подсчет голосов, а за это время попробовать договориться в избирательных комиссиях и немного подкорректировать цифры.

За полчаса до этого совещания, когда уже стало ясно, что предстоит второй тур, мне в офис позвонил Грант Маргарян,

руководитель дашнаков. Он выразил свое беспокойство. Сказал, что в штабных кулуарах ведутся разговоры о том, что надо дотянуть цифры, но они, дашнаки, считают это неправильным. Я ответил, что ничего не знаю о подобных разговорах и твердо намерен идти на второй тур. Маргарян вздохнул с облегчением и попрощался. А тут вдруг оказалось, что такие настроения действительно присутствовали, и меня это обеспокоило. Я понимал, что люди разочарованы, что они очень устали: кампания была напряженной и долгой — почти два месяца. Понимал, что чисто психологически им хочется быстрее все завершить, ведь только что думали — вот он, финиш, а тут — на тебе! Оказывается, предстоят еще две недели работы! А не хватает-то крошечных долей процента... Конечно, некоторых так и подмывало подкорректировать результаты. К тому же в Армении, как и во всех постсоветских странах, отсутствовала традиция стерильных выборов. Не было устоявшейся культуры выборного процесса, отвергающей подкуп избирателей и подтасовку результатов, не существовало внутренних барьеров, которые отсекали бы даже сами мысли подобного рода.

Мне хотелось понять: люди просто устали и разочарованы результатами или сомневаются, что я смогу победить во втором туре? Я выслушал всех очень внимательно, а потом резко оборвал обсуждение и, стукнув кулаком по столу, сказал: «Я не намерен следующие пять лет “висеть” на этих долях процента. Чтобы мне ими тыкали в глаза, а я бы пять лет оправдывался? Так что — стоп! Все по домам, надо отдохнуть. Через два дня начинаем работу — идем на второй тур».

В первую очередь требовалось понять, кому уйдут голоса выбывших кандидатов. С кандидатами работали штабы: вели переговоры о том, на чью сторону они встанут, какие заявления сделают. Самый существенный процент набрал Арташес Гегамян. Он заявил, что не поддержит ни Степана Демирчяна, ни меня, что было нам на руку. Четверо кандидатов, не прошедших во второй тур, собирались отдать голоса Степану, но их сумма получилась ничтожно малой.

Избирательная кампания велась с прежней интенсивностью. Основной упор мы сделали на те регионы, где результаты первого тура оказались ниже ожидаемых. Опять митинги, встречи в разных форматах, работа со штабами, попытка проанализировать, что же там произошло.

На результат влияет множество самых разных факторов: более депрессивный по уровню жизни район, неудачный выбор человека, который организовал твою кампанию на месте; иногда люди осознанно выступают за того или иного кандидата, а иногда наоборот — отдают голос за кого угодно, лишь бы не за него, и это становится определяющим. Порой против тебя могут голосовать лишь потому, что за работу в штабе этого региона отвечает человек, с которым жители района находятся в конфликте или даже если он им просто не нравится. Твоя победа укрепит его позиции в районе, чего они категорически не хотят. Недаром за должность начальников предвыборных штабов шла нешуточная борьба. Выборы президента — это отчасти и борьба региональных элит за место под солнцем.

Больше всего меня удручало, что я проиграл первый тур в таких местах, где за первый президентский срок успел сделать очень многое. Это были районы, которым я по разным причинам — в силу каких-то особенностей региона — уделял особое внимание. Например, хотя в Гюмри я и опередил других кандидатов, но ожидал гораздо лучшего результата, чем получил. Это меня даже задело, ведь мое отношение к зоне бедствия кардинально изменило там ситуацию. Мы инвестировали на ее восстановление колоссальные средства, причем их заметную часть я сумел найти личными усилиями.

Неожиданностью для меня стал проигрыш в Ноемберяне, хотя и там нам многое удалось изменить к лучшему за мой первый президентский срок. Но еще сильнее меня удивила деревня Воскепар в том же районе. Маленькая приграничная деревня, в которую я как президент приезжал раза три, стояла на самой границе, страдая от обстрелов и во время войны, и после нее. Ни в одном месте Армении не было сделано столько, сколько в этой деревне! Мы провели

там новую систему водоснабжения и оросительную систему, построили клуб, школу, проложили новую дорогу вместо старой, небезопасной из-за постоянных перестрелок. То есть решили все задачи, которые вообще поддавались решению. Причем делали все это отнюдь не с предвыборной целью — избирателей в деревне насчитывалось совсем немного. Я просто хотел продемонстрировать мое отношение к приграничным деревням, в которых люди живут, ежедневно сталкиваясь с опасностью. И в этой деревне я проиграл Степану Демирчяну, который там ни разу не побывал!

А иногда вдруг одерживал победу в тех местах, где ожидал проигрыша. И я понял, что никакой социологии не разобраться в хитро-сплетениях отношений кланов и элит, особенно в регионах. Очень многое зависит от того, как именно вовлечены влиятельные местные группы в выборный процесс, как учтены их интересы и поствыборные ожидания.

Полагаю, что свою роль сыграли и полное отсутствие популизма в моей избирательной кампании, моя чрезмерная рациональность и неспособность польстить народу. Я не разбрасывался обещаниями понизить цену на газ и электричество, не обещал социальных благ, не восклицал прочувствованно волшебные для армян слова «Жоговурд джан, дзер цаве танем»*, после которых уже не важно, что ты действительно делаешь. В общем, сработало сочетание нескольких факторов, среди которых немалую роль сыграло и внешнее сходство Степана с отцом.

* * *

Перед вторым туром в Армении состоялись телевизионные дебаты между кандидатами. В первом туре они не проводились из-за слишком большого количества претендентов на президентский пост, в том числе — с почти нулевым рейтингом. Теперь же нам предстояло встретиться на национальном телевидении со Степаном Демирчяном. Нерешительный по натуре, не обладающий политическим

* «Дорогой народ, взвалю на себя все ваши невзгоды».

опытом, он до последнего момента колебался и не подтверждал своего участия. Телевизионщики даже сказали его штабу, что, если он не придет, они поставят его фотографию на пустой стул и проведут эту встречу без него. Демирчян все же пришел. Дебаты велись корректно, хотя было очевидно, что в плане владения проблематикой мы с ним в неравных условиях. Степан оказался человеком позитивным, но без персональной харизмы, уверенности и знания республики в целом. К чести Степана, нужно сказать, что он не попытался скомпенсировать свою неопытность радикализмом и демагогией, как часто происходит в таких случаях.

Второй тур голосования состоялся 5 марта. Я набрал 67 процентов, Степан Демирчян — 33 процента. Почти двукратный перевес не вызывал никаких сомнений в результатах выборов. Однако разговоры об их несправедливости все равно возникли, как и после любых выборов в Армении. Конечно, они не были идеальными — в постсоветских странах выборы не скоро станут такими. Безусловно, встречались разные нарушения, и чаще всего их вызывало чрезмерное рвение команд на местах обеспечить обещанные проценты. Те из них, кто не укладывается в заявленные прогнозные цифры, порой идут на ухищрения, всячески пытаются докрутить результат. Они считают, что от него будет зависеть отношение к ним выбранного президента, а это сильная, но деструктивная мотивация. Причем люди идут на махинации вопреки многократным предупреждениям, что никто их покрывать не будет: если они попадутся, то им придется отвечать. Оппозиция обжаловала результаты выборов в Конституционном суде. История обычная, и беспокойства я не испытывал: знал, что, даже если полностью аннулировать результаты на всех сомнительных избирательных участках, итоговая цифра существенно не изменится.

* * *

Выборы закончились, пришло время возвращать исполнительную власть к нормальному ритму: впереди нас ждала масса неотложных дел. Я полностью погрузился в работу.

Через некоторое время мне вдруг докладывают о каком-то непонятном решении Конституционного суда. С одной стороны, КС подтверждает итоги выборов: заявляет, что все замеченные нарушения не могли повлиять на исход голосования, и оставляет в силе решение ЦИК о моем избрании (притом что были аннулированы результаты на сорока избирательных участках). А с другой стороны, суд дает рекомендацию через год провести референдум о доверии президенту — якобы для сглаживания противоречий в обществе, углубившихся после выборов.

Меня это не на шутку рассердило. Весь смысл обращения в КС — поставить финальную точку в споре о выборах. Суд должен аннулировать или подтвердить итоговый результат, но уж никак не инициировать новый политический процесс в форме референдума. О чем должен быть референдум — о том, как прошли выборы год назад? Если правовой спор решать всенародным голосованием — тогда зачем вообще нужен КС? К тому же любой вотум доверия углубляет, а не сглаживает противоречия.

В надежде получить хоть какие-то правовые объяснения обратился за консультацией к юристам. Но юристы недоумевали еще больше, чем я. (Интересно, что и пресса отреагировала точно так же.) Я хотел понять: чем руководствовался КС, принимая это решение. Оказалось, что идею выдвинул, а затем протолкнул через суд сам председатель КС. Через несколько дней я встретился с Гагиком Арутюняном — с ним у нас всегда были хорошие отношения: мы часто общались, даже на охоту иногда вместе ходили. Я по-дружески попросил у него объяснений — мне хотелось понять его мотивацию.

Вотум доверия президенту — инструмент преодоления внутриполитического кризиса в стране. Это политический процесс, и его может инициировать сам президент или парламент, если между ними возникли непреодолимые разногласия. КС к нему не мог иметь никакого отношения.

— Ты видишь признаки такого кризиса в Армении? Зачем ты заложил проблему на год вперед?

Арутюнян не смог внятно обосновать свое решение. Вместо аргументов он весь разговор повторял одну и ту же фразу: «Это же просто рекомендация, эту рекомендацию можно выполнять, а можно не выполнять, это просто предложение Конституционного суда». Больше я от него ни слова не добился. Зачем Гагик пошел на этот шаг, не знаю до сих пор. Возможно, ему хотелось подчеркнуть свою значимость — продемонстрировать, что КС не просто судебный орган, который что-то анализирует и принимает решения, но он еще и способен инициировать политические процессы. А может, председатель КС захотел понравиться оппозиции: вроде бы подтвердили результаты выборов, но вроде бы и не совсем. В любом случае хорошую ложку дегтя он, конечно, к выборам добавил. Это решение прямо повлияло на наши отношения: после истории с референдумом мое общение с Арутюняном стало чисто формальным.

Ровно через год оппозиция потребовала проведения референдума, ссылаясь на решение Конституционного суда, притом что сам КС в комментариях подчеркнул: это лишь рекомендация. Я же с самого начала заявил, что подобное решение выходит за рамки полномочий Конституционного суда и никакого референдума не будет. В ответ оппозиция вывела своих сторонников на улицы. Сначала это были мирные акции. Но 12 апреля, после очередного митинга на площади, демонстранты двинулись к президентскому дворцу с намерением «решить вопрос». Они заблокировали проспект Баграмяна, а это очень важная транспортная магистраль Еревана с напряженным трафиком. Правоохранительные органы попытались вести переговоры с митингующими, требуя освободить проезжую часть: «Хотите митинговать — пожалуйста, митингуйте сколько угодно: есть площадь Свободы, где традиционно проводятся все митинги, идите туда — и вам никто мешать не будет». Но они категорически отказывались. Их предупредили еще раз: «Мы можем применить силу. Освободите улицу! Там президентский дворец, прямо напротив него — парламент, чуть ниже — посольство Соединенных Штатов. Вы блокируете работу государственных органов. Переместитесь на площадь Свободы!»

Я всегда спокойно относился к критике со стороны оппозиции, более того, считал ее крайне важной для мобилизации правительства на напряженную работу. Хотелось, конечно, чтобы критика была конструктивной, но в любом случае я принимал ее как неотъемлемую часть политической конкуренции. Однако перекрытие улиц для выполнения странной рекомендации КС посчитал явным перебором. Оставить все как есть значило бы смириться с незаконными акциями и поощрить их применение в будущем. А вдруг они еще поставят палатки и при комфортной апрельской погоде просидят на проезжей части недели две?

Действия оппозиции были несанкционированными, и, поскольку никакие уговоры и предупреждения не подействовали, впервые за шесть лет моего президентства полиция применила силу. Использовались дубинки, шумовые гранаты и электрошокеры — то, что есть на вооружении у полиции. Операция проходила под вечер и заняла минут пятнадцать. Проспект открыли, демонстранты разбежались, при этом организаторы митинга продемонстрировали хорошую физическую форму. Никто не пострадал. Гегамян потом говорил, что от электрошока у него вылечился ревматизм, — наверное, шутил. Про референдум все сразу забыли. Этим вся история и закончилась.

Коалиционное правительство

25 мая, почти сразу после президентских, состоялись очередные выборы в парламент. Я в них не вовлекался, но внимательно наблюдал, чтобы все прошло без эксцессов. Какая из дружественных мне партий победит и с какими процентами — это меня не волновало: главное, чтобы они прошли в парламент и смогли вести совместную работу.

Между ними развернулась нешуточная конкуренция за голоса избирателей. Мне было важно, чтобы эти партии в ходе предвыборных баталий не испортили отношений друг с другом. Опросы показывали, что ни одна из них не наберет квалифицированного

большинства голосов, а значит, мне предстоит формирование коалиции. Конфликт между партиями сильно усложнил бы мою задачу.

Выборы прошли довольно спокойно. Парламентские выборы у нас всегда проходили спокойнее президентских. Считалось, что реальная власть сосредоточена в президентском дворце, и борьба за него шла гораздо острее. По итогам выборов партии, с которыми я активно сотрудничал, набрали достаточное количество голосов для формирования устойчивого парламентского большинства. Из оппозиции в парламент прошли блок «Справедливость», объединивший несколько партий во главе со Степаном Демирчяном, и «Национальное единение» Гегамяна. Сюрпризом стал успех относительно молодой партии «Оринац Еркир», обошедшей на выборах дашнаков. Требовалось сразу же создать коалицию в парламенте и сформировать правительство, отражающее расклад политических сил. Я стал инициатором этого процесса. Вскоре мы организовали первую в Армении коалицию между РПА, ОЕК и «Дашнакцутюн» и сформировали коалиционное правительство.

В предыдущие годы я привлекал для совместной работы людей из различных партий, но мы не оформляли это коалиционным соглашением — просто министры, входящие в правительство, имели разную партийную принадлежность. Теперь же, после переговоров между собой, 11 июля партии-участницы подписали Меморандум о создании парламентской коалиции, который очерчивал параметры взаимодействия и общие принципы совместной работы. В качестве приоритетов коалиции в совместном документе значились: конституционная реформа, политическая реформа — в частности, совершенствование выборной системы с целью повышения роли партий, углубление демократизации, реализация экономической политики, подчеркнута ориентированной на социальные нужды, антимонопольная политика и гарантия свободной конкуренции в экономике, борьба с коррупцией и теневой экономикой.

Премьером остался Андраник Маргарян — руководитель Республиканской партии, имевшей самую большую фракцию

в парламенте. Председателем Национального собрания (парламента) стал Артур Багдасарян, чья партия оказалась второй по итогам выборов. Портфели министров и их заместителей распределились между тремя коалиционными партиями, причем если министр входил, например, в РПА, то его заместителем, как правило, становился представитель другой партии.

В таком распределении портфельей я видел много положительного. Людям из разных партий, конкурирующих между собой, приходилось общаться друг с другом, обсуждать вопросы и находить решения. Поиск компромиссов становился необходимостью, вырабатывалась новая культура межпартийного взаимодействия. К тому же у каждой партии формировалось более полное представление об общей картине в стране, и, наконец, это обеспечивало большую прозрачность в работе министерств и ведомств. Должности закреплялись за партиями, а не за людьми. Работа каждого оценивалась по результату, и если он оказывался неудовлетворительным, то партии либо сами отзывали своего ставленника, либо это делалось по моей инициативе. Отношения выстраивались достаточно жесткие, нацеленные на результат и вместе с этим очень позитивные.

Руководителями силовых ведомств, налоговой и таможенной служб назначались только беспартийные — это было обязательным условием. Я считал, что эти сферы не должны быть подвержены партийному воздействию. В тот период мы запретили иметь партийную принадлежность не только служащим правоохранительных органов, но и всем сотрудникам налоговых и таможенных служб. Совет Европы считал такое ограничение нарушением личных прав, но в нашей действительности оно являлось необходимой мерой. Влияние этих органов на бизнес столь велико, что контролирующая их партия получала бы значительное преимущество перед другими. Я всегда относился к этому крайне настороженно и считал, что такого рода преференции вредят как политической конкуренции, так и самой экономике. Беспартийным оставался и министр юстиции, поскольку в тот период он играл существенную роль

в формировании судебной-правовой системы, и партийное влияние здесь я также считал недопустимым.

Вот такая ситуация сложилась у нас после президентских и парламентских выборов 2003 года. Она предвещала стабильность до следующего выборного цикла, поскольку удалось сформировать сотрудничающее с президентом парламентское большинство, наметить пути развития страны и выработать механизмы взаимодействия. Существовали все предпосылки для поддержания наметившихся высоких темпов роста экономики.

КАЧЕСТВЕННЫЙ РЫВОК В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ

Планы

Итак, нам предстояла масштабная работа. Требовалось не только развивать и продолжать реформы, но и реализовывать крупные проекты, призванные изменить облик Армении.

В первую очередь мы составили детальный план выполнения всех без исключения предвыборных обещаний. Несмотря на то что я был скуп на них, в ходе активной кампании обещаний все же накопилось достаточно много. Касались они в основном дорог, орошения, школ, спортзалов, водоснабжения сел и городов, газификации. Мы раскидали их выполнение по годам, с учетом социальной значимости, срочности, финансовых затрат и получаемого эффекта. Приоритет всегда отдавался проектам с наибольшим эффектом при меньших затратах: к примеру, если речь шла об орошении, то сначала мы внедряли те проекты, где при сопоставимых расходах орошалось больше гектаров.

Большинство проектов включались в бюджет, другая часть финансировалась через благотворительные программы. Некоторые проекты, такие как газификация и водоснабжение населенных пунктов, взяли на себя коммерческие организации в рамках собственной стратегии развития бизнеса.

Продолжать политическую карьеру после 2008 года я не собирался, но твердо решил, что невыполненных предвыборных обещаний у меня остаться не должно. Так и произошло: к 2008 году удалось успешно реализовать всю программу!

К данному мной слову я всегда относился (и отношусь по сей день) очень серьезно. Любое обещание сразу начинаю воспринимать как долг и теряю покой, пока не исполню. А долги я категорически не люблю и даже в студенческие годы никогда не занимал денег. Эта черта крайне противопоказана в политике, поскольку может отбить всякую охоту ею заниматься. Мое личное отношение к долгам отразилось и на отношении правительства к внешним заимствованиям. За время моего президентства соотношение долга к ВВП сократилось с 46 до 13 процентов. Вот так личные взгляды первого лица прямо проецируются на политику страны.

Следующим шагом мы с правительством наметили приоритеты на предстоящие пять лет, для себя же я ежегодно составлял список задач, на решении которых собирался сфокусироваться. Мы приступали к реформам второго поколения, требующим глубоких профессиональных знаний и экспертизы, широких и всесторонних обсуждений.

Состав правительства тогда был достаточно сильным, министерствами и ведомствами, за небольшим исключением, руководили люди со знаниями, управленческими навыками и чувством ответственности. Встречались, конечно, и явно слабые министры, на которых я смотрел как на побочный эффект компромисса с партиями, обеспечивающий живучесть коалиционного соглашения. Ключевые министры тех лет проработали со мной в правительстве от шести до десяти лет. Мне по-прежнему нравилось иметь дело с премьером Андраником Маргаряном. Он умел работать с людьми, понимал суть проводимых реформ и брал на себя ответственность за них, несмотря на то что реформы не пользовались популярностью. Партийным лидерам непросто это делать, поскольку в самой партии люди всегда думают о следующих выборах и своих шансах быть переизбранным.

Нам требовалась стабильность для полной концентрации усилий на экономике и реформах. Коалиционное правительство составляло залог этой стабильности. Между партиями всегда существовали естественные разногласия, и я видел свою задачу в том,

чтобы не позволить им вылиться в откровенную вражду и взаимный саботаж. Я регулярно встречался с лидерами коалиционных партий, мы обсуждали текущие дела и выработывали общие подходы.

Сложнее всего, конечно, совмещались взгляды умеренных республиканцев и дашнаков с популизмом «Оринац Еркир». Ее лидер Артур Багдасарян, будучи в коалиции, позиционировал себя и свою партию весьма своеобразно: «Да, мы во власти, но... как бы и не совсем. Мы другие — мы думаем о народе больше всех остальных». Артур, человек энергичный и красноречивый, знал, как затронуть сердца наших избирателей. Выступал он так искренне и страстно, что иногда мне казалось, он на самом деле верит в то, что говорит. Чрезмерный популизм «Оринац Еркир» мне претил, но я понимал: эта партия имеет влияние на заметную часть населения, поэтому подконтрольный популизм лучше, чем радикально-оппозиционный.

Республиканцы явно недолюбливали Багдасаряна. Мы тогда проводили достаточно непопулярные реформы, и Андраника Маргаряна раздражало, что Артур занимает двусмысленную позицию: примыкает к популярным шагам властей и активно дистанцируется от непопулярных. Премьер справедливо считал, что если мы все во власти, то и груз трудных решений должны делить поровну. Мне пришлось потратить немало усилий, убеждая премьера, что популизм Артура тянет голоса у оппозиции, а не у республиканцев.

Самой сложной задачей для нас стало возвращение вкладов населения, сделанных в советское время. Обещание вернуть вклады было главной предвыборной фишкой Артура, и теперь он требовал выполнить это обещание. Обсуждения проходили тяжело, ради сохранения коалиции я настоял на урезанном компромиссном варианте, хотя республиканцы категорически возражали.

Подобные проблемы присущи всем коалициям. В рамках моих европейских визитов, как правило, устраивались встречи в парламентах, и традиционно в них участвовали руководители всех парламентских фракций. Партийная фрагментация парламентов европейских стран очень высока, особенно в Восточной Европе.

Иногда партии с совершенно разными платформами образуют коалиции и совместно работают в правительстве. С одной стороны, это формирует культуру поиска компромиссов, но с другой — может стать причиной парламентских кризисов. В ходе своих встреч я много расспрашивал, пытаюсь понять: а как они, европейцы, в таких случаях строят отношения? Меня интересовало, как этот процесс происходит у них. И я понял одно: у них все так же, как и у нас, — не любят друг друга, накапливают обиды, ревниво следят за рейтингами конкурентов. Словом, все как у людей, просто чуть больше внешнего проявления толерантности.

Что касается блока «Справедливость», представлявшего парламентскую оппозицию, то его действия иначе как политической самодискредитацией назвать было трудно. Сначала они устроили бессмысленный выборочный бойкот работы парламента, а потом развязали междоусобицу за первенство на оппозиционном поле — все это серьезно дискредитировало лидеров блока. На полосы поддерживающих их газет выплеснулась дискуссия о том, кого считать главным всеармянским оппозиционером. Арам Саргсян и Степан Демирчян долго оспаривали этот «титул» друг у друга, используя взаимные выпады своих соратников. Окружение Арама в открытую заявляло, что Демирчян не отстоял волеизъявление протестной публики, а посему блоку «Справедливость» нужен новый вождь. Степан, конечно же, сдавать позиции категорически не хотел. В итоге оба, помахав кулаками в воздухе, с горечью обнаружили, что их внешнее сходство с популярными родственниками уже не работает. Спустя годы, когда Тер-Петросян решит вернуться во власть, он приютит их уже как политических сирот, лишенных новых идей.

Так выглядела внутривнутриполитическая картина того времени.

Эти годы оказались самыми плодотворными за весь мой президентский период: среднегодовой рост ВВП составлял более 13 процентов. По темпам роста Армения вошла в пятерку самых быстроразвивающихся стран мира. Реформы шли во всех сферах,

мы реализовали целый ряд крупных и интересных проектов, произошло множество важных для Армении событий.

Кирк Керкорян

Говоря об экономике Армении, невозможно не упомянуть Кирка Керкоряна — человека, благодаря которому мы смогли осуществить массу масштабных и крайне необходимых стране проектов. Примечательно, что эти проекты положили начало бурному росту экономики Армении и фактически подтолкнули процесс развития, который мы всячески стимулировали нашей экономической политикой. Они пришлись как нельзя кстати и придали мощный импульс раскручивающемуся маховику нашей экономики.

Керкорян приехал в Армению в июне 1998 года, вскоре после моего избрания президентом. Тогда он считался самым богатым предпринимателем в армянской диаспоре США, да и самым богатым армянином в мире. Человек удивительно интересный, с незаурядной судьбой, Кирк уже давно стал легендой для всех армян.

В Ереван Керкорян прилетел на своем самолете. Я настолько обрадовался его приезду, что поехал встретить Кирка в аэропорт, чего обычно не делал. Несмотря на преклонный возраст, Керкорян выглядел стройным, подтянутым, даже поджарым. Это был его первый визит в Армению, он пребывал в восторженном настроении и неподдельно, по-детски непосредственно радовался всему, что видел.

Кирк оказался удивительно скромным человеком, даже несколько стеснительным. Он очень смущался, когда люди, узнав его, начинали оказывать ему знаки особого внимания. Я слышал, что к прежней власти в Армении Кирк относился довольно сдержанно, и мне хотелось изменить ситуацию, наладить с ним долгосрочные, дружеские и доверительные отношения.

Контакт у нас установился сразу. Я ему напомнил одного известного американского боксера среднего веса, о чем он мне сразу же во время знакомства и рассказал. Все дни, которые Кирк провел

у нас, мы с ним общались очень тепло и плодотворно. На многих неформальных встречах присутствовала вся наша команда: я хотел, чтобы он всех увидел и со всеми поговорил. Общаться с ним было легко, несмотря на значительную разницу в возрасте. Мы вели себя естественно и искренне, не пытаясь его впечатлить.

Кирк сказал мне, что приехал не только увидеть Армению, но и предложить свою помощь. Спросил, что он может сделать — так, чтобы это соответствовало нашим планам и по-настоящему помогло бы экономике страны. Я очень надеялся услышать этот вопрос: из всех, кого мы знали, только Кирк обладал настолько широкими возможностями. Ответ мы подготовили заранее, поэтому сразу начали обсуждение будущих программ, которые смогут радикально повлиять на развитие страны.

Слушали Керкоряна мы с величайшим интересом. Говорил он просто, немногословно и всегда конкретно. Было видно, что человек мыслит масштабно, что ему нужна общая картина и он обязательно должен понимать логику наших подходов. Чем важен тот или иной проект и почему именно его мы хотим реализовать, где самые узкие места — Кирк хотел ясно представить общую ситуацию в экономике страны и определить среднесрочные и долгосрочные приоритеты.

Мы обратились к нему с самым насущным вопросом: нужно восстанавливать инфраструктуру, в первую очередь дороги, находившиеся в катастрофическом состоянии. Все разговоры об экономике, инвестициях, туризме, малом и среднем бизнесе ничего не стоят, если в стране не будет дорог. Показали ему на карте, как и в какой последовательности мы намерены действовать. Обсудили планы по развитию туризма. Практически все привлекательные для туристов объекты культуры — музеи Еревана, включая и нашу знаменитую картинную галерею, Театр оперы, Драматический театр и многие другие — нуждались в серьезной реконструкции. Требовалось изменить настроение людей, вдохнуть в них оптимизм, создать особую деловую атмосферу в стране. В депрессивную среду люди едут неохотно, а инвестируют лишь в ожидании очень высокой отдачи.

Наши природные богатства, объем внутреннего рынка и закрытая граница с Турцией таких перспектив не предвещали.

Отдельно обсудили восстановление зоны бедствия. Убеждать Керкоряна в важности этой задачи не было необходимости: он знал о плачевной ситуации в Гюмри и Спитаке и хотел вложить средства на восстановительные работы. Понадобилась серия встреч, чтобы обо всем договориться.

В следующий раз мы увиделись с Кирком в сентябре того же года в Лос-Анджелесе. Он приехал днем в отель, где я остановился, причем без свиты и даже без водителя — сам за рулем автомобиля, чем сильно озадачил моего протоколиста. Тем же вечером на торжественном мероприятии Объединенного армянского фонда я вручил ему паспорт почетного гражданина Армении. Событие получилось очень эмоциональным, и, совершенно неожиданно для всех, тронутый до глубины души Кирк вдруг выступил с короткой проникновенной речью.

В июне 2000 года мы встретились уже в Нью-Йорке, где обобщили окончательные договоренности. На всех моих встречах с Керкоряном присутствовал и министр иностранных дел Вардан Осканян, который взаимодействовал с ним весь период реализации программ. В итоге мы остановились на нескольких благотворительных проектах: дороги, «зона бедствия», объекты культуры, улицы Еревана и школы. Мы предложили Керкоряну осуществлять работы напрямую, через его благотворительный фонд «Линси», чтобы исключить обычные для Армении разговоры о злоупотреблениях. Для полного доверия мы договорились с ним и его командой создать особые структуры. Они проводили все тендеры и осуществляли финансирование и контроль за строительством. Ответственным от Кирка был назначен Арут Сасунян, который регулярно приезжал в Армению посмотреть на месте, как продвигается работа. С нашей стороны всю деятельность курировал руководитель моего аппарата.

Всего Кирк Керкорян профинансировал программ на 210 миллионов долларов США. Мы построили и реконструировали более

570 километров дорог, пять мостов, два тоннеля, благоустроили двадцать улиц в Ереване и площадь Республики, сдали около 3700 квартир в зоне бедствия, капитально отремонтировали тридцать четыре музея и театра, построили и модернизировали десять школ. Масштаб работ впечатлял. К площадкам фонда «Линси» вскоре прибавилось огромное количество других объектов, но уже коммерческих. Темпы роста объемов строительства вдвое опережали рост ВВП, эта индустрия набрала большие обороты — такие, что впервые в Армении мы столкнулись с нехваткой рабочих. Идущие по всей стране стройки радовали глаз и поднимали настроение, несмотря на пыль и неудобства.

Экономический эффект от программ «Линси» выходил далеко за рамки объемов инвестиций, сделанных Керкоряном. Вслед за ними начался расцвет многих смежных отраслей и, конечно, торговли и обслуживания. Не думаю, что без этих программ и их суммарного воздействия на экономику мы могли бы обеспечивать двухзначный рост ВВП в течении семи лет подряд.

В 2005 году я подписал указ о присвоении Кирку Керкоряну звания Национального героя Армении. Он планировал приехать к нам, и я хотел вручить ему награду в торжественной обстановке, в здании Оперы, полностью обновленном на его средства. Но неожиданно Кирк отменил поездку. Лишь потом я узнал, что его смутила предстоящая торжественная церемония — он не хотел никаких почестей. Мне пришлось заверить его, что мы просто пообщаемся, обсудим дальнейшие действия и я передам награду в переговорной комнате, без помпезности. Так мы и сделали, когда он приехал в мае того же года.

Вот таким человеком был Кирк Керкорян!

Северный проспект

Как-то в начале 2001 года мэр Еревана Роберт Назарян попросил меня принять главного архитектора столицы Нарека Саргсяна. Сказал, что у того есть интересная идея, которой он хотел бы

поделиться со мной. Я согласился, будучи уверенным, что Нарек попусту не станет меня беспокоить. На встрече он рассказал, что у Тамаяна, бывшего до него главным архитектором, на этапе проектирования центра Еревана возникла задумка, которую ему так и не удалось осуществить, — Северный проспект. Нарек рассказал о проекте и показал мне схематичный чертеж на бумаге. Идея выглядела очень интересной и заинтриговала меня. Ее суть заключалась в строительстве новой улицы, которая соединит между собой две культовые площади Еревана: площадь Независимости и Театральную. Увидев мой живой интерес, Нарек предложил посмотреть на все с крыши картинной галереи, самого высокого здания на площади, чтобы лучше представить, о чем идет речь.

На следующий день мы вместе с ним и мэром взобрались на эту крышу, огляделись, и я ахнул! Увиденное меня ошеломило и вдохновило одновременно. Я думал, что хорошо изучил Ереван — по крайней мере его центр. Но я заблуждался: я знал лишь внешний вид его улиц, не имея ни малейшего представления о том, что скрывается за фасадами с виду вроде бы приличных домов. Чуть в глубине виднелось беспорядочное нагромождение маленьких глинобитных домиков, построенных в начале прошлого века, вперемежку с уродливым самостроем более поздних времен. То, что в самом сердце города, причем на больших площадях, выжили такие трущобы, казалось невероятным. Мэр рассказал, что их неоднократно пытались снести еще в советское время, но в каждой комнатке прописывались по несколько семей: каждой из них пришлось бы выделять жилье, с каждой договариваться. Предпринимали безуспешные попытки, вязли в проблемах и в итоге отказывались от этой затеи.

Не помню, как долго я стоял на крыше, замороженный увиденным. Мне не хотелось уходить. Передо мной открывалась возможность встряхнуть и вывести на новый уровень всю строительную индустрию! Около двух лет я безуспешно пытался сдвинуть с места строительство, а решение-то оказалось у меня под носом! Я сказал тогда мэру: «Слушай, если мы это не поднимем — мы просто бездари. Это же беспроектный шанс в любой, даже самой отсталой

стране: привлечь инвестиции под строительство центра столицы! Ну а уж если центр столицы никого не привлечет, тогда просто надо собирать чемоданы и уезжать из страны».

Я твердо решил: «Все, беремся».

Поручил разработать проект комплексной застройки, подготовить материалы для презентаций и, конечно, сделать макет будущей улицы. Проект получился чрезвычайно интересный, все здания были выполнены в едином стиле, а готовый макет просто зачаровывал. Очень скоро мы начали агрессивное продвижение проекта: проводили презентации, организовывали многочисленные встречи с вероятными инвесторами, причем в разных странах и даже на разных континентах. Мне требовалось вызвать ажиотаж вокруг проекта и создать конкуренцию за право там строить: это давало хороший повод поднять инвестиционную привлекательность Армении. Я с волнением ожидал результатов тендера на первый лот застройки и очень обрадовался, когда цена за квадратный метр перевалила за 500 долларов США. А вскоре — для следующих лотов — она уже превысила 1000 долларов.

Всего пару лет назад я проводил совещание в мэрии Еревана. Я пытался понять, почему город стагнирует и что нужно сделать, чтобы оживить его. Должность мэра тогда занимал Альберт Базеян, честный, хороший парень, участник войны в Карабахе, но совершенно безынициативный человек. На все мои вопросы и претензии к работе мэрии он жаловался, что у города нет денег. Это меня не на шутку разозлило, и после очередного нытья я его одернул: «Вы вообще понимаете, что мэрия столицы не должна плакать и просить денег? Вы же на этих деньгах сидите! Вы просто не понимаете, какое богатство перед вами». Тогда в мэрии никто не понял, что я имел в виду. И вдруг после тендеров по проекту Северного проспекта до всех дошло, что земля-то, оказывается, стоит денег! А в центре города — стоит больших денег, и это многое меняет: значит, недвижимость на этой земле востребована и есть смысл инвестировать в нее.

Снова очнулся рынок недвижимости, все ринулись строить, появились деньги, заработала ипотека, собственность стала предметом

залога под кредиты. Все ереванцы стали «богаче», потому что выросли цены на квартиры и дома. Под залог жилья стали доступнее кредиты для развития малого и среднего бизнеса. Везде стали появляться новые магазины, цеха, мастерские, салоны: экономика оживала на глазах. Приобретение квартиры в Ереване стало трендом для состоятельных людей диаспоры. За пару лет Ереван оброс огромным количеством башенных кранов, строительный бум охватил весь город, выйдя далеко за пределы малого центра; квартиры раскупались уже на стадии котлована под фундамент. Строительные компании обновляли технику, внедряли новые технологии, заработал лизинг. В свою очередь власти и мэрия значительно переработали стандарты и нормативы под современные требования. Объемы строительства начиная с 2002 года росли по 30 процентов в год, создавались десятки тысяч рабочих мест, а отрасль на несколько лет стала одним из драйверов двузначного роста экономики страны.

А началось это все с похода на крышу картинной галереи.

Конечно, раскрутить этот проект оказалось невероятно сложно. Пришлось преодолевать колоссальное сопротивление. В какой-то момент я даже поменял мэра, который, несмотря на решение суда, не решался сносить дома для очистки первой площадки — все время откладывал под разными предлогами. Мне пришлось предупредить, что если дату сноса домов в очередной раз перенесут, то с должностей будут сняты и мэр, и начальник полиции центра Еревана. Послал проконтролировать процесс своего помощника Армена Геворкяна. В этот день наконец-то снесли первые дома, но после этого мэр Роберт Назарян пришел ко мне и попросил дать ему другую работу. Сказал, что всегда мечтал быть мэром Еревана, но такого напряжения не выдерживает. Работал он хорошо, и мне понравилось его честное признание.

Новым мэром столицы стал опытный управленец Ерванд Захарян, и при нем строительные работы пошли гораздо быстрее. Собственникам мы все компенсировали, причем неплохо — выплаченных денег хватало на покупку нового жилья. Но, конечно, это устраивало не всех. Были люди, которые в надежде раз и навсегда

решить свои жилищные проблемы пытались получить многократно больше того, чего стоили их ветхие домики. Они обращались в Европейский суд по правам человека: то компенсацию не ту дали, то еще что-то; возможно, они были по-своему правы. Некоторые дела собственники выигрывали, и мы им доплачивали.

Меня тогда много и шумно критиковала оппозиция, зато сейчас Северный проспект — самое популярное место в Ереване, где всегда полно народу, особенно вечерами. Сюда все ереванцы — в том числе и те, кто выступал против строительства, — обязательно приводят своих гостей похвастаться любимым городом.

Бурный рост экономики сразу же отразился на загруженности дорог Еревана: машин стало намного больше, а с ними появились и повсеместные пробки. Надо было срочно строить новые улицы, эстакады, развязки, находить решения сложных транспортных проблем города. Работы начались в конце 2001 года на средства Кирка Керкоряна и продолжались до 2008 года. Всего мы потратили более 35 миллионов долларов США и реализовали множество проектов. Самым крупным из них стала новая улица Сараландж, которая соединяется тоннелем с улицей Гераци и связывает центр с районами Арабкир и Зейтун. В этом узком месте всегда скапливалось много машин, образуя многочасовые пробки. Мэр Еревана Ерванд Захарян как-то раз, на очередном докладе у меня, с картой города в руках подробно остановился на проблеме. Что делать, как разгрузить улицу? Я обратил его внимание на железнодорожную ветку, которая разрезала этот район: «Посмотрите: зачем она? Там давно не ходят поезда, да толком и не ходили никогда. Может, вместо нее можно дорогу проложить?» Через день он звонит мне радостный: «Взял локомотив утром и проехал по этому участку железной дороги! Получится отличная улица. Решит нашу проблему раз и навсегда!» Оказалось, что эту ветку когда-то использовали для обслуживания нескольких предприятий района, которые давно и безнадежно стояли, раскулаченные еще во времена АОДа. Вот так через пару лет появилась улица Сараландж с небольшим тоннелем в начале и мощными транспортными развязками.

Сегодня трудно представить Ереван без нее. Вдоль улицы тут же развернулось активное жилищное строительство и образовался целый жилой квартал.

Тогда же, в конце 2001 года, на средства Кирка Керкоряна началась и обширная программа по капитальному ремонту почти всех очагов культуры столицы. За несколько лет театры и музеи Еревана получили новую жизнь, что здорово вдохновило творческие коллективы и заметно оживило культурную жизнь города.

В общем, с 2002 по 2008 год я перерезал бесчисленное количество красных ленточек во время церемоний открытий самых различных новых объектов. Делал я это с большим удовольствием, а кульминацией, настоящим праздником для города, конечно, стало открытие Северного проспекта в 2007 году.

Стройки этих лет сильно изменили центр города, сделав его облик более интересным и современным. А самое примечательное, что, несмотря на масштабность проектов, бюджетных средств мы потратили совсем немного, при этом частные инвестиции в строительство составили миллиарды долларов, и это оказало колоссальное влияние на всю экономику Армении.

Зона бедствия

Еще одной отдельной и по-человечески важной для меня темой стала зона бедствия. Это северный регион Армении, сильно пострадавший от мощного землетрясения 1988 года — города Спитак, Гюмри, Ванадзор.

Для Армении это был очень болезненный вопрос, поскольку все работы по восстановлению разрушенных городов и сел прекратились сразу после развала СССР. Строители, направленные сюда из разных союзных республик, в одночасье исчезли, а вместе с ними — и вера в то, что когда-нибудь в этой зоне у людей появится нормальное жилье. Война и энергетический кризис в Армении уничтожили последнюю надежду на то, что удастся справиться с проблемой собственными силами. Десятки тысяч людей остались

на долгие годы во временных лачугах, без работы и средств проживания. Зона бедствия объективно стала самым озлобленным и протестным регионом Армении, доставлявшим властям немало хлопот.

Впервые ситуация, сложившаяся в зоне бедствия, привлекла мое внимание еще до того, как я стал премьер-министром, в начале декабря 1995-го, на одном из заседаний Совета безопасности у президента Армении. Такие заседания проходили довольно часто: Тер-Петросяну нравился их формат, и он выносил на обсуждение Совбеза множество актуальных для страны вопросов. Я участвовал в заседаниях, лишь когда на них обсуждались связанные с Карабахом вопросы; именно поэтому меня и пригласили в тот день. Совбез собирался прямо у президента в кабинете, в узком кругу, человек на десять–двенадцать. Общались в неформальном стиле, обращаясь друг к другу не по титулам, а по именам. Благодаря такой открытой атмосфере все могли высказываться свободно: понимали, что за столом сидят соратники. Курили прямо в кабинете, и он настолько переполнялся дымом, что время от времени приходилось открывать окна, чтобы не задохнуться, причем больше всех курил сам президент. Мне, некурящему, приходилось нелегко на этих заседаниях, где меня подвергали глубокому табачному копчению. И вот в самом конце совещания, когда Тер-Петросян уже объявил, что повестка дня исчерпана и можно расходиться, Вазген Саргсян неожиданно говорит:

— Погодите! Скоро седьмое декабря. Давайте решать: кто в этом году поедет в Гюмри?

Седьмое декабря — годовщина спитакского землетрясения, в этот день в Армении всегда поминают погибших, в память о них проводят траурные мероприятия в пострадавших районах, возлагают венки к мемориалам. Официальные представители правительства и парламента обязательно принимают в этом участие. Вазген всего лишь напомнил, что надо выбрать кого-то для этой поездки, но в ответ на простой вопрос в комнате повисла гробовая тишина. Я смотрю — все словно затаили дыхание, замерли и стараются не встретиться друг с другом глазами.

— Ну, так кто все же поедет? Есть желающие? — торопит с ответом Вазген.

И тут, почти одновременно, словно по команде, все взгляды устремляются на премьер-министра Гранта Багратьяна. Грант, заметив это, вжимается в стул, вскидывает руки и в ужасе спрашивает:

— Что, опять я? Нет уж, пусть теперь кто-нибудь другой едет!

И сразу все начали бурно и беспорядочно переваливать друг на друга обязанность поехать в Гюмри.

Я сначала не понял, что происходит: думал, шутят, валяют дурака — расслабляются после заседания, но, когда увидел, что это всерьез, очень удивился. Спрашиваю Вазгена: «О чем это они?» И он мне рассказал: из-за того, что люди в зоне бедствия все эти годы живут в тяжелейших условиях, они негативно настроены по отношению к власти — попросту говоря, очень злы на нее, поэтому любого ее представителя встречают крайне неласково, могут закидать тухлыми яйцами или помидорами. Такие случаи уже бывали, и поездка туда становилась неприятным испытанием.

Не знаю, кто именно поехал в Гюмри в тот раз, потому что сослался на неотложные дела и ушел, не дождавшись выбора жертвы. Однако эта история, свидетелем которой я стал случайно, произвела на меня очень глубокое впечатление и долго потом не давала покоя. Арцах тоже сильно пострадал от войны, но я не знал ни одного села, где меня или других представителей руководства встретили бы плохо. Я не мог даже представить себе такую ситуацию в Карабахе. Она настолько врезалась мне в память, что в первый же месяц после назначения премьер-министром Армении я поехал в зону бедствия. До этого там никогда не бывал, знал только, что ситуация очень тяжелая, и, как мне казалось, был готов ко всему. Но увиденное меня просто потрясло.

Все вокруг по-прежнему лежало в развалинах. Люди уже который год жили в жутких условиях, во «временном» жилье, превратившемся в постоянное, — ветхих деревянных вагончиках, уже наполовину сгнивших за эти годы. Как может страна развиваться, если одна ее часть — причем значительная часть — в таком ужасном

состоянии? Так не бывает! Это как в семье: если кто-то тяжело болен, семья не может жить беззаботно и счастливо.

Приняли меня очень тепло. Я ассоциировался для жителей этой зоны с Карабахом — ведь в Армению я только что переехал, поэтому меня не считали ответственным за такое плачевное состояние. Но я прекрасно понимал: это только сейчас так, а через год-два тоже окажусь виноватым в том, что ничего не меняется. Люди меня окружили, повели к своим вагончикам, и я увидел все своими глазами: и полнейшую нищету, и нервную, копившуюся годами злость. Вокруг меня стояли измученные, отчаявшиеся и от этого озлобленные люди. У всех на лицах — ощущение отвергнутости и безнадежности. Жилья нет, денег нет, работы нет... Такая катастрофическая картина существовала во всех городах, но хуже всего — в Гюмри. А то, что осталось от Спитака, невозможно было даже назвать городом — сплошные руины. Вместо центра — обвалившиеся стены разрушенных зданий, завалы, груды камней, словно трагедия случилась совсем недавно.

После землетрясения Советский Союз бросил сюда огромные ресурсы на восстановление: технику, материалы, рабочую силу из разных республик. Но сделать они успели совсем немного: страна очень скоро перестала существовать. Да и задачу им поставили по-советски: в сжатые сроки обеспечить всех пострадавших жильем! Все делалось с колес, в спешке, без единого плана и четкой координации. Брали под застройку новые площадки вокруг разрушенных городов и с нуля начинали возводить целые жилые кварталы. И вдруг все остановилось, в одночасье. В результате получили разрозненные кварталы, не связанные друг с другом ни инфраструктурой, ни городской атмосферой, с бессчетным количеством начатых и брошенных домов и залитых фундаментом, с изувеченным ландшафтом. В деревнях ситуация оказалась чуть лучше: там успели восстановить достаточно много.

Почти сразу же после этого, в 1992 году, началась война в Карабахе, энергетический кризис, разруха в экономике. Какое уж там строительство, когда все мысли лишь о том, как бы зимой согреть

людей. Лишь в 1995-м или 1996-м власти смогли реализовать кредитную программу со Всемирным банком, и в городе появилось несколько новых домов. Средств хватило только на бетонные коробки без окон и дверей. Что делать человеку, которого поселили в такой дом? Денег на окна у него нет! Люди затягивали оконные проемы полиэтиленовой пленкой. Так же мы делали в Карабахе в годы интенсивных артобстрелов... Но здесь-то не было войны!

Восстановление зоны бедствия стало на многие годы не просто одной из самых приоритетных тем в моей деятельности на посту президента — оно стало для меня делом чести. Я ездил туда несколько раз в год, искал любые возможности сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Мне приходилось не только находить средства на строительство, но и контролировать, чтобы их тратили с наилучшим эффектом. Мы значительно увеличили выделение бюджетных денег, а по мере роста бюджета эти суммы становились все более ощутимыми. Но этого все равно не хватало. Требовалось найти другие источники финансирования, и их привлечение стало для меня первостепенной задачей. Мобилизовать возможности диаспоры — это казалось самым очевидным решением.

Мне сильно повезло, что я смог договориться с Кирком Керкоряном и восстановление зоны бедствия стало частью его благотворительной программы. Многие десятки миллионов долларов он направил на создание жилых кварталов в Гюмри и Спитаке, строительство школ, восстановление театров и музеев. Много сделал и Джон Хантсман, крупный бизнесмен из Юты, мормон, с которым у меня также сложились теплые дружеские отношения. Впервые он приехал в Армению сразу после землетрясения в 1988 году и тогда, пораженный масштабами бедствия, передал солидную сумму в помощь пострадавшим, а еще чуть позже полностью профинансировал строительство одного из предприятий стройиндустрии. И вот теперь Джон приехал вновь. Он пообещал построить целый квартал со школой в Гюмри и свое обещание выполнил полностью. Наше общение с Керкоряном и Хантсманом продолжалось весь период моего президентства, и я благодарен им за все, что они сделали для

Армении. Важнейшую роль в выстраивании отношений и дальнейшем сотрудничестве с ними сыграл Вардан Осканян, министр иностранных дел.

Параллельно шла работа с фондом USAID. Я уговорил американцев, и мы несколько лет осуществляли очень успешную программу жилищных сертификатов: семьям в зоне бедствия выдавали сертификаты на приобретение квартир. А это, в свою очередь, сразу же оживило рынок жилья — цены на жилье перестали падать, его стало выгодно строить, появились первые частные инвестиции.

Гораздо активнее в зоне бедствия заработали и общепармянский благотворительный фонд «Армения», и другие благотворительные организации диаспоры. Так мы смогли привлечь средства из самых разных источников, но это было лишь половиной дела: теперь требовалось эффективно их потратить, чтобы никто не усомнился в целевом использовании средств и качестве выполняемых работ. В первую очередь мы попытались провести точный учет лишившихся крова семей, чтобы правильно оценить предполагаемый объем строительных работ. Здесь все оказалось до невозможности запутанно — даже достоверные списки нуждающихся отсутствовали.

Оказалось, что проживание во временных домиках совсем не означало, что семья лишилась крова во время землетрясения. Временки много лет перепродавались на вторичном рынке жилья; одни просто продали их и уехали, другие получили квартиру и продали временку, а третьи получили квартиру и сохранили за детьми временку в надежде получить еще одну квартиру. Жизнь во временке давала реальную возможность попасть в списки нуждающихся, а значит, и в очередь за квартирой.

Я понял, что этот цикл никогда не кончится, пока условием получения квартиры или сертификата не станет снос временного жилья. Временки превратились в символ зоны бедствия, навязывали ощущение продолжающейся трагедии, формировали у людей психологию вечных жертв. Пришло время любой ценой избавиться от ветхих домиков! К тому же это высвобождало площадки

для коммерческого строительства в центре, что означало появление новых строек и, следовательно, дополнительных рабочих мест. Конечно, снос времянок вызывал недовольство тех, кто надеялся на них подзаработать, но это нас не остановило: сносили жестко, без исключений.

Поменялась и философия восстановительных работ. Мы собирались восстанавливать город как среду проживания, а не просто дать людям крышу над головой. Гюмри и Спитак можно было называть городами лишь условно, потому что они так значились по документам. В реальности же в них отсутствовала та внутренняя сущность, которая объединяет людей, создавая особую идентичность по принадлежности к городу. Новые полузастроенные районы в Гюмри и Спитаке стояли безжизненными, в них не было ни души, ни энергии.

Самая главная часть города — это его центр. Ведь именно так при естественном ходе событий, разрастаясь от него к окраинам, и возникали все города. Города не будет, если нет центра: он связывает все части не только и не столько физически. Из разрозненных новостроек вокруг Гюмри пешком не добраться до парка, где люди привыкли собираться, — да и вообще никуда не добраться. В самих же новых районах у людей нет ничего, кроме крыши над головой. Вот и получалось, что в городе нет жизни: какая может быть жизнь, если все жилые кварталы разбросаны и ничто их не склеивает? Осознав эту проблему, мы тут же направили все средства на возрождение городских центров. Стали укреплять и восстанавливать зияющие пустыми оконными проемами аварийные дома на главных исторических улицах, а сами улицы очистили от нагромождения времянок. Центральные районы Гюмри и Спитака стали сплошной стройплощадкой — настолько большой, что не хватало строителей, хоть их и направляли сюда со всей Армении.

Наш план сработал. Каждый город начал оживать вместе со своим центром, появились магазины, кафе, скверы — в общем, все то, чем обычно примечательны городские центры. А самое главное — люди стали улыбаться на улицах. Параллельно мы

восстановили всю городскую инфраструктуру, построили детсады, школы, больницы, библиотеки, клубы. Наконец-то задышал малый и средний бизнес, города привлекли внимание крупного бизнеса, стали создаваться новые рабочие места.

Значительную роль в этом проекте сыграли в первую очередь Давид Ломян, работавший тогда министром градостроительства, Генрих Кочинян и Феликс Пирумян — губернаторы Лорийской и Ширакской областей, а также мэры Гюмри и Ванадзора. Я сделал все возможное, чтобы название «зона бедствия» исчезло из обихода. Нельзя, чтобы твоя родина называлась «зоной бедствия» и воспринималась таковой.

«Второе рождение» городов Гюмри и Спитак я считаю одним из своих главных достижений за годы пребывания у власти. И это не просто строчка из списка выполненных дел, а то, чем я по-настоящему горжусь. Я знаю, что в любой из этих городов могу приехать, спокойно ходить по улицам и смотреть людям в глаза, потому что сделал все от меня зависящее, чтобы улучшить их жизнь.

Аэропорт, виноделие и Эдуардо Эрнекия

Здание аэропорта Звартноц считалось архитектурным памятником, и армяне им искренне гордились. Фотографии аэропорта в разных ракурсах красовались на открытках и буклетах об Армении как одна из ее знаковых достопримечательностей. Однако это здание оказалось совершенно непригодным для выполнения функций международного аэропорта. Потоки прилетающих и улетающих пассажиров с трудом расходились между собой, а размещение служб паспортного контроля и таможенников вообще не предусматривалось. Движение багажа было организовано отвратительно и едва вписывалось в отведенное под него пространство. Катастрофическое состояние взлетной полосы находилось за гранью приемлемого. При взлете и посадке самолеты трясло так, что даже неверующие пассажиры начинали креститься.

Вдобавок ко всему аэропорт превратился в большую коррупционную ловушку: любой пассажир мог стать объектом вымогательства для тех, кто имел там власть. Таможенники рылись во всех вещах без исключения, усердно сокращая разницу между своими зарплатами и высокими ожиданиями от жизни. За взятку или по знакомству можно было устроиться на любую работу в аэропорту, и в результате там трудилось вдвое больше людей, чем необходимо. За все это в конечном итоге расплачивались пассажиры.

Стоянка перед аэропортом управлялась местным криминальным авторитетом. Он собирал дань с водителей и регулировал работу такси, решая, кто имеет право заезжать на подконтрольную ему территорию, а кто — нет. Законы и правила безопасности практически не действовали, любой чиновник или блатной мог выехать на машине на летное поле к прибывшему самолету и встретить «своего» пассажира.

Этот бардак царил с начала 1990-х, когда из-за войны и энергетического кризиса народ повалил из Армении, а аэропорт был единственным способом связи с внешним миром. Самолеты тогда напоминали городские автобусы со стоящими в проходе пассажирами, как правило «левыми» — теми, кто оказывался на борту за взятку. К середине 1990-х с безбилетниками было покончено, но все остальное осталось по-прежнему. Попытки властей что-то изменить проваливались, ответственные за наведение порядка гармонично вписывались в уже отлаженную коррупционную пирамиду. Зарубежные авиакомпании к нам почти не летали — из-за неприемлемо низкого уровня обслуживания и прямого саботажа служб аэропорта. Руководило аэропортом и государственной компанией «Армянские Авиалинии» Управление гражданской авиации, и прямой конфликт интересов не позволял создавать равные условия для других авиаперевозчиков.

Я был настроен решительно менять абсолютно все: структуру управления, деятельность всех служб аэропорта, отношение чиновников, работу полиции и таможни. Передо мной стояли две масштабные задачи: искоренить беззаконие, царившее в аэропорту,

и в ближайшей перспективе построить новый аэропорт. Как это осуществить? Где найти деньги, как выстроить управление аэропортом так, чтобы полностью уничтожить пустившую глубокие корни коррупцию? Требовались радикальные шаги, и решение напрашивалось одно: сдать аэропорт в концессию международной компании, профессионально занимающейся управлением. С первых же дней я понимал, что сами мы не справимся.

Желающий нашелся быстро — аргентинский армянин Эдуардо Эрнекян⁸¹, обладающий большим опытом в этом бизнесе. На тот момент он владел обоими аэропортами в Буэнос-Айресе и еще десятком по всей Аргентине. Познакомился я с ним, еще будучи президентом НКР, во время визита в Латинскую Америку в 1996 году. Тогда ему принадлежало самое крупное кабельное телевидение в Аргентине. Контакт с Эдуардо сразу же сложился хороший, и я попросил его помочь с переоснащением телевидения в Карабахе. Он обещал помочь и сдержал свое слово. В следующий раз мы с ним встретились в 2000 году и обсудили вопрос аэропорта, а уже в 2001-м он подписал 30-летний концессионный договор с правительством Армении.

Оппозиция подняла невероятный шум по этому поводу, обвиняя меня в продаже национального достояния. Я же считал, что если беззаконие и разбитая взлетная полоса являются национальным достоянием, то я не прочь его продать. Уверен, что искоренить коррупцию, привлечь иностранных авиаперевозчиков, подтолкнуть развитие туризма, создав тем самым многие тысячи новых рабочих мест, было в интересах Армении.

Аэропорт сразу же передали в управление новому концессионеру. Эдуардо привез свою команду, которая развернула энергичную работу по наведению порядка и налаживанию профессионального управления. И тут началось самое трудное! Пришлось ломать сложившиеся стереотипы, резать по живому тесное переплетение интересов различных групп, увольнять много сотен человек с насиженных хлебных мест. Коллектив аэропорта и завязанные на него госслужащие сопротивлялись как могли. Борьба оказалась очень

непростой, еще около года мы сражались за то, чтобы принятые во всем цивилизованном мире правила начали действовать и у нас.

Всего через пару недель, из-за внутреннего саботажа, мне пришлось направить в аэропорт сотрудника моей контрольной службы, который потом работал там на постоянной основе около восьми месяцев. С задачей он справился хорошо, и позже я назначил его начальником управления гражданской авиации. Мой помощник Армен Геворкян ездил туда каждую неделю, проводил на месте совещания с участием служб паспортного контроля, таможенников и полиции. Поменяли практически всех: приучить честно работать привыкших к поборам чиновников оказалось невозможно. Для новых сотрудников проводилось специальное обучение, в конце которого они сдавали экзамены. Армен Геворкян с секундомером измерял, как долго пассажир ждет штампа в паспорте, выдачи багажа, как работают другие службы.

В конце концов нам удалось добиться, чтобы государственные службы в аэропорту выполняли свои функции должным образом, не мешали другим и не лезли не в свои дела. Любопытно, что легче всего оказалось жестко отшить местных авторитетов, а самым сложным — наладить работу различных служб. Но в конце концов все постепенно привыкли к новой ситуации, к новым правилам, и дальше все уже заработало в режиме автопилота.

Проект нового здания аэропорта разрабатывали лучшие итальянские специалисты, а к строительству Эдуардо привлек опытных зарубежных инженеров. Применялись новейшие строительные технологии и материалы. Наши специалисты стали навещать туда — посмотреть и поучиться. Я сам с большим интересом съездил пару раз взглянуть, как идут дела. Все, кто знакомил меня с ходом строительства и рассказывал о его особенностях, были иностранцами.

Проектные работы и начало строительства несколько затянулись, но конечный результат оказался блестящим. Армения получила современный, функциональный, красивый и чистый от коррупции аэропорт. Все эти изменения помогли нам привлечь множество иностранных авиакомпаний, которые стали осуществлять рейсы

в Армению. Сразу же наметился стабильный рост пассажиропотока и грузовых авиаперевозок. Чуть позже мы отдали Эдуардо в управление второй аэропорт, в Гюмри, и он тоже вскоре заработал в нормальном режиме. Конечно, изменения там произошли менее масштабные, но порядок удалось навести и там.

Разговоры о распродаже национального достояния прекратились быстро. Правда, никто так и не решил, что делать с архитектурным памятником — старым зданием аэропорта.

С Эдуардо Эрнекяном мы встречались чуть ли не в каждый его приезд в Армению. Он оказался очень интересным человеком, бизнесменом с чутьем и видением, и я надеялся, что он проявит интерес и к другим отраслям нашей экономики. Каждый раз он дарил мне ящик хорошего аргентинского вина. На одной из таких встреч я как-то сказал: «Эдуардо, у нас в Армении хороший виноград, хороший коньяк, но почему-то нет хороших вин. Можем ли мы производить такие же вина здесь?» Он улыбнулся и сказал, что уже думает об этом и скоро готов будет рассказать о планах.

Планы оказались грандиозными! Начиная с 2003 года Эдуардо купил более 2000 гектаров земли в бывшем Баграмянском районе — причем заброшенной, которую никто до этого не обрабатывал, — и заложил на ней сотни гектаров новых виноградников, применяя последние достижения агротехники. Оказалось, что закон запрещал ввозить в Армению черенки неместных сортов винограда. Запрет объяснялся не только требованиями санитарного контроля, но и гипотетической заботой о сохранности своих локальных сортов. Представьте: никто не мог выращивать каберне, мерло и другие самые популярные винные сорта винограда. Попытки наших специалистов объяснить мне смысл запрета звучали архаично и неубедительно. И я снял все ограничения на ввоз черенков. На купленной земле Эдуардо с нуля построил искусственные водоемы и установил самую современную систему капельного орошения. Там же он построил красивую фазенду в аргентинском стиле.

Я радовался этим инвестициям даже больше, чем строительству аэропорта, и не только потому, что я люблю хорошее вино.

На глазах возрождалась важная отрасль нашей экономики, которую многие годы я всячески старался поощрить. В советское время Госплан ориентировал Грузию на сухие вина, Армению же — только на крепленые и коньяк. Наверное, поэтому мы утратили навыки и культуру производства хороших сухих вин. Я не понимал, почему в стране, где растет хороший виноград и где, по логике, люди должны пить вино, принято пить водку. Вопрос касался не только здоровья нации — развитие виноделия существенно влияло на всю экономику страны. Я регулярно посещал все хозяйства, которые начинали производить более или менее сносное вино. Несколько проектов финансировались со стороны USAID, но эти небольшие инвестиции не могли изменить общую картину. А тут появилось нечто крупное, индустриального масштаба, что сможет поощрить и многих других — и инвесторов, и производителей, показать привлекательность виноделия, повысить интерес к армянскому вину за пределами страны!

Вина под маркой «Карас» сегодня стали у нас очень популярными, да и виноделие наконец-то превратилось в модный и привлекательный бизнес. Отрасль сегодня переживает большой подъем, и уже появилось множество новых серьезных производителей вина, а дегустации армянских вин стали чуть ли не обязательной частью всех турпакетов. Здорово, что в Армении уже есть что дегустировать, и армянин из Аргентины был здесь первопроходцем.

С Эдуардо Эрнекяном мы продолжаем общаться и сейчас, но теперь по праздникам я получаю от него уже армянские вина и пью их с большим удовольствием.

Цахкадзор

Началось все с моей первой поездки в Давос в январе 1999 года.

После серии встреч non-stop с потенциальными инвесторами мы обнаружили, что пропустили время ланча. Увидели неподалеку «Макдоналдс» и решили пройтись туда перекусить. Был солнечный морозный день. Здание «Макдоналдса» стояло на краю

широкой поляны у подножия горы, где снизу вверх по склону тянулись черные тросы бугельных подъемников. Вокруг царило оживление: полно людей, много детворы — оказалось, что это специальная площадка для тех, кто только встает на горные лыжи. Веселая и праздничная атмосфера завела меня так, что я не удержался и после ланча решил тоже поучиться кататься. Тут же арендовал лыжи, нанял инструктора на час и смешался с детворой и другими «чайниками». В тот день я впервые попробовал еду в «Макдоналдсе» и горные лыжи.

Лыжи мне понравились больше.

Все увиденное в Давосе показалось мне настолько привлекательным, что я решил обязательно освоить горные лыжи и выяснить, что можно сделать в Армении для развития зимнего курорта в Цахкадзоре. Я знал, что там с советских времен осталась канатная дорога, построенная в 1970-х, но сам ее никогда не видел.

Через неделю, в воскресенье, я поехал туда вместе с Ишханом Закарянном, министром спорта и по делам молодежи. Хотелось посмотреть, можем ли мы превратить это место в курорт. Подъехали к канатке, и я опешил... Конечно, я ожидал, что она будет похуже той, что в Давосе, но и представить себе не мог такой убогой картины. Одноместная канатная дорога выглядела как самодельная любительская конструкция. Сварные опоры из угольника напоминали столбы для линии электропередач, а сама станция представляла собой электродвигатель и шкив с тросом. Ко всему прочему канатка не работала. Мороз был градусов десять. Лысый мужчина без шапки, со здоровой кувалдой в руках, молотил по шкиву — оказалось, что так он его ремонтирует. Я спросил встретившего нас директора местной спортшколы: что это у него человек без шапки работает, голову ведь застудит. «Не застудит, у Феликса там антифриз», — улыбаясь, ответил тот.

Минут через десять канатка проявила признаки жизни и медленно потащила нас в гору. Все тряслось, опоры шатались, но доехали мы без происшествий. На пустынном и унылом склоне я заметил всего человек двадцать пять, причем некоторые из них,

похоже, пришли просто из любопытства — на меня посмотреть. Оборудованных лыжных трасс мы не обнаружили. Оказалось, что их нет: склон горы и является трассой. Прямо по склону люди спускались на лыжах, ловко объезжая скалистые участки и торчавшие из снега камни. Раграки — машины, готовящие снежное полотно для катания на трассах, — тоже отсутствовали. Наверху, на склоне, мы зашли в мрачный холодный бар рядом с канаткой, где я за рюмкой коньяка медленно приходил в себя от потрясения увиденным.

Я-то думал, что в Цахкадзоре понадобится реконструкция уже имеющейся горнолыжной инфраструктуры, обновление рабочей системы. А тут понял, что строить придется с нуля и проект потребует огромных средств, времени и усилий. Где все это взять? У нас и так полно проблем, нуждающихся в неотложном решении. Идею зимнего курорта, конечно, я не оставил, но после столкновения с реальностью решил повременить — с учетом масштаба предполагаемых работ.

Средства на проект мне удалось найти лишь к 2003 году, когда экономика стала набирать обороты и появились деньги как в бюджете, так и у бизнеса. В основном это были пожертвования от крупных предпринимателей, от состоятельных армян из России, а также доходы от успешной приватизации в Армении: я объявил строительство инфраструктуры лыжного курорта моей персональной задачей, и многие захотели принять в ней участие. Средства перечислялись в фонд «Армения», и все строительство финансировалось и осуществлялось этим же фондом. Общую ответственность за проект я возложил на Ишхана Закаряна, который впрягся в это дело всерьез. Проектировала канатные дороги фирма Leitner, она же поставляла и оборудование, а ее специалисты контролировали работу наших строителей. Я ездил туда по воскресеньям, обошел пешком все горы. Мы сами выбирали маршруты лыжных трасс, места станций и переходов. Сооружение первых двух канаток и нескольких горнолыжных трасс начали и закончили в 2004 году, третью канатку сдали в 2005-м, еще две добавили в 2007 и 2008 годах.

Параллельно с созданием горнолыжной инфраструктуры начались чудеса в самом Цахкадзоре. Бизнес сразу отреагировал на наши действия, и в городке начался настоящий строительный бум. Пока мы прокладывали горнолыжные трассы, в Цахкадзоре были возведены с нуля или полностью реконструированы около двадцати отелей, появилось множество новых особняков. Цена за землю выросла здесь в двадцать раз, сильно превысив сотню долларов за квадратный метр. Правительству пришлось потратиться на инфраструктуру городка: потребовалось увеличить мощности по водоснабжению и электроснабжению, возникла необходимость в строительстве объездной дороги к канаткам.

В результате Цахкадзор заметно изменил свой облик и стал популярным в Армении зимним курортом. Тысячи людей увлеклись горными лыжами и с удовольствием проводят там свои отпуска и воскресные дни. Я часто бываю там и радуюсь, когда вижу многочисленных лыжников на склонах горы Алибек.

А началось все с банальной прогулки на ланч в Давосе.

Строительство газопровода Иран — Армения

Иран — наш южный сосед, и отношения с ним всегда имели для Армении важное значение. Из четырех соседей лишь с двумя у нас были открытые границы, одна из которых — иранская. Эта своеобразная страна с трехтысячелетней историей непрерывающейся государственности и уникальной культурой, страна с семидесяти-миллионным молодым населением представляла для нас потенциально очень интересный, но сложный рынок со множеством особенностей. Мы внимательно присматривались к нему, но задача осложнялась тем, что Иран находился под санкциями, и между ним и США сложились крайне напряженные отношения.

Наше сотрудничество с Ираном американцам не нравилось, но мы не собирались жертвовать из-за этого своими жизненными интересами. Длительное противостояние с Западом и пребывание

под санкциями серьезно деформировали объективный взгляд Запада на Иран, равно как и объективный взгляд Ирана на Запад. У обеих сторон сформировались могущественные группы влияния, с чрезмерно искаженным представлением друг о друге, что приобрело очертания идеологической догматичности. Стена непонимания продолжала расти, захватывая новые области. (При этом иранская диаспора во всех западных странах проявляет блестящую способность к интеграции, гармонично вписывается в социальную среду стран проживания, не формирует этнические преступные группы, хорошо представлена как в бизнес-сообществе, так и в академических кругах.)

Мы очень надеялись приоткрыть для себя иранский рынок, чрезмерно регулируемый из-за сильной социальной направленности экономической политики, а отчасти — еще и из-за санкций и противостояния с США. Реализация крупных инфраструктурных программ связала бы наши экономики, подтолкнула с двух сторон интерес бизнеса к большей взаимной открытости. Еще в начале 1990-х совместно с Ираном был построен мост через реку Аракс, благодаря которому начался рост товарооборота, а со строительства первой ветки линии электропередач между странами стартовало взаимодействие в энергетике.

Надо было идти дальше, но так, чтобы не испортить взаимоотношений с США.

Мы прямо говорили американцам: несмотря на санкции, мы намерены развивать отношения с Ираном, для нас это жизненно важно. С соседом всегда легко посориться, но потом гораздо труднее помириться. Наверное, причина этого кроется как в завышенных ожиданиях соседей друг от друга, так и в накопленных исторических обидах, которые часто вызывают неоправданно сильные эмоции по любому поводу.

Изначально мы с Ираном задумывали несколько крупных совместных проектов. Первая наша договоренность касалась строительства электростанции на реке Аракс, в приграничной зоне. (К сожалению, этот проект так до сих пор и не реализован.) Однако

главными стратегическими задачами мы считали создание железной дороги и прокладку газопровода Иран — Армения. Эти две задачи напрашивались сами. Ненормально, когда у двух соседних стран нет железнодорожного сообщения. Точно так же ненормально, когда из Ирана, богатого углеводородами, в Армению, где их нет вовсе, не ведет ни один газопровод и нефтепровод.

Железная дорога имела важнейшее значение, но требовала несоизмеримо более высоких затрат, чем газопровод, поэтому я решил, что именно с этого проекта и надо начинать. Успешное его внедрение станет хорошей стартовой площадкой для того, чтобы затем перейти к более сложному проекту — железнодорожному.

Итак, мы сделали выбор, и с этого момента началась целая эпопея.

Мы во всеуслышание заявляли о наших планах по инфраструктурным проектам с Ираном. Заявляли не оправдываясь, а, напротив, ожидая активной поддержки Евросоюза, США и международных финансовых институтов. Ведь чем больше в регионе газопроводов и других коммуникаций, тем больше здоровой конкуренции, а значит, и рынка. Как может либеральный Запад быть против рынка? Я начал затрагивать эту тему в переговорах с Брюсселем, МВФ и Всемирным банком, чтобы все постепенно к ней привыкли. Наши аргументы были настолько понятными и очевидными, что никто нам не возражал, но и энтузиазма — впрочем, по вполне понятным причинам — мы не замечали. Американцы же реагировали снисходительно-сдержанно: «Пусть армяне помечтают».

Впервые я всерьез обсудил тему инфраструктурных проектов с президентом Хатами во время моего первого визита в Иран в декабре 2001 года. Встретили меня там тепло, а Хатами оставил впечатление обаятельного интеллектуала, прекрасно понимающего сложившуюся вокруг Ирана ситуацию и готового искать из нее выходы. Меня приятно удивили его открытость и философское восприятие религиозных и этнокультурных различий с западным миром. Мы обсудили пути наращивания экономических связей и проекты, лежащие в их основе.

Перед визитом я постарался как можно больше узнать о культурных особенностях Ирана, хоть у меня и был опыт общения с иранцами еще с Карабаха. Я обдумывал, как совместить мою прямолинейность со специфической обходительностью персидской культуры, как не оттолкнуть собеседника манерами, которые в наших странах воспринимаются по-разному. Перекидывание одной ноги на другую во время переговоров, сжатый кулак с оттопыренным большим пальцем для выражения восторга — совсем не то, что стоит делать в Иране. Любопытно, что многие жесты, активно используемые американцами, имеют противоположный смысл в персидской культуре. Обходительность иранцев может стать предметом искреннего недопонимания. Уважая собеседника, они отказывают ему таким способом, который европейцы могут счесть согласием. «Да» и «нет» имеют множество оттенков, которые существенно меняют смысл сказанного.

Не знаю, помог ли мне этнокультурный ликбез, но контакт с Хатами получился хороший, и продолжился он его ответным визитом в Армению. Мы принципиально договорились о реализации крупных инфраструктурных проектов и собирались переходить к практическим действиям. Договорились о строительстве второй линии электропередач и сдали ее в эксплуатацию в конце 2004 года. Иранская сторона финансировала строительство в обмен на поставки электроэнергии из Армении. Но главным приоритетом, конечно, стал газопровод. Сидеть на одной газовой трубе, идущей из России, — неправильно в плане как энергетической безопасности, так и возможностей для рыночного формирования цен на газ. Я очень хорошо помнил, как за годы войны в Карабахе газопровод, идущий в Армению, взрывался 28 раз. Он тянулся к нам из России по территории Грузии, где проходил через участок, заселенный азербайджанцами, и именно там, на этом участке, его многократно взрывали. Каждый раз на его восстановление уходило несколько дней. Этот период становился тяжелым испытанием: страна, и без того живущая в энергетическом кризисе, переходила в режим крайней экономии. Все, кроме самого необходимого, отключалось ради

экономного расходования газа из запасов подземного хранилища. Вся страна в ужасе ожидала, что вот-вот остановятся хлебозаводы, и каждый раз газа хватало впритык. Газопровод оставался вопросом национальной безопасности: ведь никто не мог гарантировать, что война не повторится.

Я предложил американцам сделать газопровод совместным проектом. Привел множество аргументов, от рыночных до геополитических. Выдвинул идею создать консорциум с Ираном и Россией — хотел показать, что этот проект для нас не является политическим: он необходим для жизнедеятельности и безопасности Армении. Я говорил: мы все равно найдем возможность реализовать проект, так давайте работать вместе! И тогда, может быть, благодаря совместной деятельности начнется сглаживание острых углов и в ваших отношениях с Ираном! Теоретически проект мог заинтересовать американцев хотя бы потому, что их сильно раздражала монополия Газпрома, который к тому же считался убедительным российским инструментом влияния на окружающие страны. Позиция США была для нас важна и еще по одной причине: мы рассчитывали поначалу получить деньги на проект в крупных западных банках.

Американцы выслушали меня и вежливо сказали: «Да, мы понимаем вашу озабоченность. Да, ваши аргументы весомы. Но... мы не можем принять участие в этом проекте по известным вам причинам». Получив от американцев отказ, я ответил: «Ну, тогда я просто надеюсь, что вы хотя бы не будете нам мешать». Они повторили, что все понимают: любая монополия действительно нежелательна, — и обещали, что не будут чинить нам препятствий.

Параллельно мы начали переговоры с российским Газпромом. Я встречался с его руководством, говорил, что газопровод из Ирана важен для нашей страны, и предлагал им принять участие в строительстве. Они вроде прямо не отказывались, но отвечали расплывчато: «Да... вообще-то это интересно...» Поскольку помимо слов ничего не происходило, никакого движения в сторону реализации

проекта не возникло, я понял, что это отказ. Очень вежливый, но — отказ. Впрочем, понятно: зачем Газпрому еще одна труба? С чего это они будут создавать конкурента самим себе?

Закончились наши переговоры на том, что я сказал:

— Мы были бы рады, если бы вы присоединились к нам. Но — нет так нет. Примете вы участие в проекте или не примете, мы все равно его осуществим.

Результат был предсказуем. Я ожидал получить отказ и от Газпрома, и от американцев, но считал политически правильным обратиться к ним с этим предложением, чтобы упредить возможное противодействие с их стороны.

Время шло. Пока мы вместе с иранцами активно искали финансирование для строительства и обоюдовыгодную формулу взаиморасчетов, в Иране прошли президентские выборы, на которых победил Ахмадинежад — человек другого типа, который придерживался консервативных и отчетливо антиамериканских взглядов. С его приходом к власти отношения между Ираном и Соединенными Штатами, и без того непростые, еще больше ухудшились. Второй раунд переговоров я вел уже с Ахмадинежадом. Он не обладал обаянием и шармом Хатами, выглядел просто, без манерности и изысков, но оказался последовательным и надежным партнером, с которым мы и начали практическую реализацию проекта.

Нам удалось найти интересную взаимовыгодную формулу обмена с иранцами: от них мы получаем газ, производим электроэнергию и возвращаем ее обратно. Часть газа остается у нас как оплата за нее. Иран испытывал дефицит электрогенерирующих мощностей, а у нас они имелись в избытке: таким образом, выгода была очевидной и газопровод окупался. Проект, правда, из-за этого значительно укрупнился — возникла необходимость строить новую линию электропередач на Иран, способную транспортировать большие объемы электроэнергии. Мы загружали наши избыточные мощности по генерации, более того, мы даже начали думать о завершении строительства законсервированного пятого энергоблока Разданской ГРЭС. Проект сразу приобрел коммерческий смысл, и кредит на строительство мы

решили взять у иранцев. Согласились, что прокладывать газопровод будет их компания: они активнее кредитуют, когда строят сами. Договорились, что иранцы протянут трубу до нашей границы, а уж дальше у нас наверняка найдутся и свои желающие.

Я прилетел в Тегеран, и в ходе моего визита Ахмадинежад решительно подтвердил все предварительные договоренности. Мы пожали друг другу руки, и процесс пошел.

Строительство велось ударными темпами, что не на шутку обеспокоило Госдеп США. Когда мы договорились с Ахмадинежадом встретиться и торжественно открыть первую ветку газопровода, зажечь факел на территории Армении, посол Соединенных Штатов поспешил к нашему министру иностранных дел Вардану Осканяну. Пришел он с настоятельной просьбой срочно передать мне письмо. В письме американцы выступали против совместной церемонии открытия, осуждали саму идею и настойчиво рекомендовали мне отказаться от нее. Текст сильно напоминал циркуляры, которые все парторганизации получали из ЦК КПСС: в таких письмах разъяснялась политика партии по тем или иным вопросам и предписывалось, что и как следует делать. Позже я сказал об этом послу США в Армении на одной из наших встреч: не думал, что спустя годы после приобретения независимости циркуляры из Кремля сменяются циркулярами из Вашингтона. Происходило это уже при администрации Буша, когда госдеповские послания приобрели раздражающую тональность безапелляционных инструктажей.

Торжественная церемония открытия первой ветки газопровода Иран — Армения состоялась в марте 2007 года в поселке Агарак на границе с Ираном, как и планировалось. Настроение у всех было праздничное, а после церемонии мы с президентом Ирана обсудили практические шаги по завершению проекта и наращиванию нашего экономического сотрудничества. И конечно, поблагодарили свои команды — людей, усилиями которых строительство газопровода стало возможным.

Вскоре после этого к нам приехала очередная американская делегация. На встрече я напомнил им наш прежний разговор

о газопроводе. Ведь они тогда уверяли меня, что, хотя США не будут участвовать в проекте, но и мешать тоже не намерены.

— Я что-то напутал? — спросил я.

— Да нет, просто мы и подумать не могли, что у вас это вообще получится! — ответил мне в сердцах представитель Госдепа.

А самое интересное в этой истории началось дальше.

Как только стало ясно, что газопровод все равно будет построен, Газпром вдруг проявил к нему неподдельный интерес: они увидели в этой газовой трубе своего конкурента и решили действовать. Мы же теперь готовы были рассматривать их участие только во всем проекте целиком, куда помимо газопровода входило и завершение строительства пятого энергоблока.

Пятый энергоблок Армения начала возводить в начале 1990-х годов. Финансирование строительства шло через Европейский банк реконструкции и развития (EBRD) под обязательства правительства Армении закрыть атомную станцию: предполагалось, что пятый блок станет замещающей ее мощностью. Когда я стал президентом, сразу же остановил реализацию этого проекта: я считал, что закрывать атомную станцию нельзя категорически. Проект оценивался в 50 с лишним миллионов долларов, но расчеты оказались абсолютно бездарными. Их проводили по ценам 1992 года, когда рабочая сила в Армении стоила гроши, и эти подсчеты экстраполировали на будущее. Когда всю выделенную сумму потратили, выяснилось, что для завершения строительства нужно еще столько же. Я отказался дать правительственные гарантии под новый кредит и заморозил строительство пятого энергоблока. Остановка этого проекта на время испортила мои отношения с EBRD, но я рискнул пойти на обострение. Мне требовалась серьезная причина для отказа закрывать атомную станцию, и отсутствие замещающих мощностей служило весомым аргументом.

Сейчас же наступил удачный момент для того, чтобы достроить энергоблок. К этому времени все уже свыклись с мыслью, что АЭС мы все равно не закроем. Мы сказали Газпрому, что готовы уступить ему, но только весь проект целиком, с завершением строительства

пятого энергоблока. Они согласились и, надо отдать им должное, с честью выполнили свои обязательства, да еще и с модернизацией первоначального проекта. Всего Газпром вложил в него около 500 миллионов долларов США.

Вот так появился газопровод Иран — Армения, в строительство которого мало кто верил и на который мы в итоге почти ничего не потратили. Вероятность его создания действительно была ничтожной, но у нас все получилось, потому что мы верили в успех и упорно его добивались. Сегодня этот газопровод работает не на полную мощность только из-за того, что еще не построена третья линия электропередач. Это вызвано рядом причин объективного и субъективного характера, в том числе дополнительными санкциями, наложенными на Иран. Правда, сейчас третью линию уже начали строить.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Конституционная реформа

В Совет Европы мы вошли с обязательством серьезной конституционной реформы. Действующая Конституция во многом не соответствовала представлениям европейцев о принципе разделения властей, правах человека, местного самоуправления и судебной власти.

В июле 1999 года я создал специальную комиссию для подготовки конституционных преобразований. Возглавил ее министр юстиции Давид Арутюнян. Работы было много, и велась она в тесном взаимодействии с Венецианской комиссией СЕ. Комиссия разрабатывала новую редакцию Конституции, которую по мере готовности, по главам, мы обсуждали у меня с более широким кругом участников. Пересмотр полномочий президента в пользу парламента и правительства, дистанцирование от президента судебной власти составляли основное содержание раздела о модели государственного устройства. Новая Конституция лишала президента избыточных полномочий, и по иронии судьбы именно я — президент — возглавил работу над этим проектом.

В целом речь шла о создании сбалансированной системы сдержек и противовесов в отношениях между ветвями власти. Я верил, что это правильный вектор развития страны и что Конституцию необходимо менять, взялся за это дело серьезно, но должен признаться, что не испытывал большого личного энтузиазма. При этом оппозиция была уверена, что я просто имитирую бурную деятельность для европейцев — не стану же я в самом деле своими руками сокращать собственные полномочия.

Когда подошло время референдума, мои противники окончательно убедили себя, что где-то здесь кроется подвох и я наверняка готовлю почву для переизбрания на третий срок. Они предполагали, что после референдума власть заявит: предыдущие десять лет моего пребывания во главе страны обнуляются, поскольку теперь, с момента вступления в силу новой Конституции, начинается новый отсчет. Все мои заверения в обратном повисали в воздухе. Последнее заявление о том, что новая редакция Конституции не дает мне права баллотироваться еще раз, сделал мой пресс-секретарь перед самым референдумом. Однако оппозиция продолжала выступать категорически против, при этом не приводя никаких аргументов. Единственный довод выглядел абсурдно: он состоял в том, что эта власть не вправе менять Конституцию. У меня еще оставалась надежда, что ближе к референдуму все поймут, что у меня нет задних мыслей, и одумаются.

И вот наконец назначили день референдума по реформе Конституции: 27 ноября 2005 года. К удивлению Совета Европы, оппозиция объявила о бойкоте референдума, чем создала ситуацию, весьма забавную с точки зрения здравого смысла. По сути, реформа Основного закона, ограничивающая власть президента, проводилась самим президентом при отчаянном сопротивлении оппозиции, которая постоянно трубила о несоразмерных президентских полномочиях! Причем бойкот объявили полный: оппозиционеры не просто призвали своих сторонников не голосовать, но и отказались от участия в избирательных комиссиях всех уровней и в наблюдательных миссиях. Все попытки убедить их изменить позицию результатов не дали. Я не мог объяснить такие действия рационально. Может, сработала заикленность на бойкоте как способе политической борьбы? Они уже больше года бойкотировали заседания парламента, хотя зарплату получали аккуратно да и в командировки ездили с удовольствием.

Таким образом, в референдуме участвовали только те, кто выступал за реформу Конституции, и еще власть, выполнявшая обязательства перед Советом Европы. При этом нарушалась логика

построения избирательного процесса. По закону избирательные комиссии всех уровней формировались с участием представителей парламентских партий, которые контролировали процесс голосования. Полное отсутствие оппозиции как в комиссиях, так и среди наблюдателей лишило голосование важнейшего компонента, обеспечивающего его объективность.

Референдум прошел спокойно, даже слишком: без дискуссий, без оппонентов, а значит, и без интриги, которая подпитывает интерес к событию. Власть и коалиционные партии методично обеспечивали явку граждан, но все протекало вяло, неинтересно, без накала. Хотя голосование в целом по стране происходило не слишком активно, я не сомневался в том, что референдум состоялся. В нескольких округах чрезмерно высокий процент проголосовавших все же вызывал сомнения. Видимо, кому-то на местах захотелось отличаться высокими показателями, хотя никаких централизованных установок на этот счет не поступало. Завышенные проценты ничего не дали власти, кроме лишних разговоров о сомнительности итогов голосования. Так или иначе, но никто не стал оспаривать результаты: ни в избирательных комиссиях, ни в судах, а наблюдатели от СЕ признали итоги референдума в целом отражающими волю населения.

Новая редакция Конституции вступила в силу. Несмотря на это, посол Соединенных Штатов Джон Эванс стал активно обсуждать тему нарушений в ходе подсчета голосов. Кстати, незадолго до референдума я разговаривал по телефону с госсекретарем США Кондолизой Райс. Она позвонила, чтобы выразить поддержку и высказать приветствия по поводу предстоящего события.

Примерно через неделю после голосования Эванс попросил о встрече со мной. До этого он успел повстречаться с председателем парламента и премьер-министром, и на следующий день после разговора с послом спикер Артур Багдасарян разразился критикой по поводу состоявшегося референдума и гневным осуждением имевших место нарушений. Гораздо сдержаннее, но все же критически высказался и премьер Андраник Маргарян. Я понял, что тут не обошлось без влияния Эванса, поэтому и со мной речь пойдет о том же.

В ходе нашей беседы посол стал говорить о том, что в Госдепе ожидают от меня как от президента осуждения имевших место нарушений. Сказал, что США увязывает с этим шагом участие Армении в программе «Вызовы тысячелетия». Его инструктивный тон возмутил меня, и я ответил с некоторым раздражением: «Результаты голосования никем не обжалованы, поэтому у меня нет правовой возможности что-либо изменить. Конституция уже в силе, нам надо уважать ее и строить по ней нашу государственность. Вы же сейчас предлагаете, чтобы первое лицо государства, призванное быть гарантом соблюдения Конституции, поставило под сомнение ее легитимность. Как я потом буду требовать, чтобы все ее соблюдали? Конечно, я не стану этого делать и не понимаю, зачем вам это нужно? Если вы выдвигаете подобные условия нашего участия в программе “Вызовы тысячелетия”, то можете нас оттуда вычеркнуть. Все равно вы уже года два трубите о программе, но пока ни цента в Армении не потратили, да и не видно, что эта программа когда-либо заработает». Потом сразу добавил: «Представьте: родился ребенок. Его еще никто не видел, а все уже начали горланить: он хромой, косой и болен СПИДом. Вместо того, чтобы окружить его заботой и вниманием». Посол немного опешил, но я видел, что он меня понял. Сказал, что свяжется с Вашингтоном и попытается объяснить ситуацию. Посол был опытным дипломатом и позитивным человеком. Через день он обратился к моему помощнику Армену Геворкяну и попросил передать, что программа «Вызовы тысячелетия» в отношении Армении будет продолжена.

Перекройка правительственной коалиции

Несмотря на все проблемы, коалиция функционировала достаточно успешно. Правда, мне приходилось постоянно заниматься сглаживанием противоречий между коалиционными партиями, и я уделял этому много времени — гораздо больше, чем хотелось бы. С моим характером мне едва хватало терпения, чтобы выслушивать споры не доверяющих друг другу партийных лидеров, но я воспринимал

это как обязательную часть моей работы, необходимой для сохранения коалиции.

И вдруг в мае 2006 года, неожиданно для всех, я сам стал инициатором разрыва с одной из коалиционных партий, «Оринац Еркир», и сделал это резко. Ушел со своего поста лидер партии Артур Багдасарян, ставший председателем парламента по коалиционному соглашению. К таким действиям меня побудили достаточно веские причины.

Артур Багдасарян, человек энергичный и инициативный, всегда отличался высокими амбициями. Его активность была щедро направлена чрезмерным популизмом, что сильно раздражало партнеров по коалиции. Однако этот же популизм держал в позитивном для властей поле многочисленных сторонников партии. Мне удавалось регулярными встречами с партийными лидерами смягчать возникающие проблемы, находить компромиссные решения по спорным вопросам. До выборов оставался еще год, а мне становилось все труднее и труднее делать это. Может, коалиция и дотянула бы до выборов, но активность Артура вышла из берегов и выплеснулась в сферу внешнеполитической тематики. При этом его действия балансировали на тонкой грани очень сложных и чувствительных геополитических вопросов. Например, в России Артур мог говорить о важности и приоритете для Армении армяно-российских отношений, а через неделю, уже в Европе, совершенно спокойно заявлять, что наш вектор развития ориентирован на Европу. Артур явно стал позиционировать себя как самостоятельного игрока, со своими подходами к отношениям с европейцами, американцами, Россией — словом, со всеми. После каждого его визита в очередную страну МИДу Армении приходилось давать неуклюжие разъяснения: напоминать, что в стране за внешнюю политику отвечает президент, а сказанное спикером — это всего лишь его частное мнение. Формально такое объяснение принималось, но все равно накапливались вопросы и росло напряжение. Было очевидно, что Артур усердно готовится к следующим парламентским и президентским выборам.

В апреле 2006 года в одной из крупнейших газет Германии *Frankfurter Allgemeine Zeitung* вышло интервью с Артуром, где он заявил, что «будущее Армении — Европейский союз и НАТО» и что Россия «не должна стоять на нашем пути в Европу». Там же он сказал, что предстоящие в 2007 и 2008 годах выборы не должны фальсифицироваться, как предыдущие, а то это приведет к серьезным последствиям. Как же меня разозлило это интервью! Настолько, что я даже отложил наш разговор на пару дней, чтобы не сорваться на грубость. Как с председателем Национального собрания, я встречался с Артуром регулярно, каждую неделю. После этого интервью я ему прямо сказал:

— Артур, ты идешь по очень острой грани. Я понимаю твои мотивы и твою логику: находясь в составе коалиции, ты продвигаешь интересы своей партии, готовишься к парламентским выборам следующего года. Но твои действия очень раздражают твоих партнеров по коалиции. Мне надоело тебя выгораживать. У твоей партии три министерских портфеля, куча замминистров, два губернатора, а ты сам — председатель парламента, хотя у вас всего-то девятнадцать депутатов. Если вы делите ответственность с партнерами по коалиции, ведите себя достойно, ведь все решения принимаются только после совместного обсуждения. Это первое. Второе: нас всех воспринимают как одну команду. Председатель парламента не может быть в оппозиции — он избирается парламентом большинством. Ты понимаешь, что никто из наших партнеров не поверит, что твои заявления не согласованы со мной?! Все посчитают, что мы поделили роли и занимаемся двурушничеством. Во всяком случае, в России и в Иране подумают именно так. Я себя веду честно как с Россией и Ираном, так и с США и ЕС. Мы не заявляли о намерении вступать в ЕС и тем более в НАТО. Это слишком чувствительная тема в нашем регионе, чтобы ею можно было безответственно манипулировать, тем более что в ЕС нас никто и не ждет. Твои заявления разрушают доверие к нам со стороны наших партнеров, ничего не давая взамен. Они идут вразрез с заявленной внешней политикой Армении, и это уже создает проблемы. После каждой

твоей поездки у меня начинают выяснять: «У вас что — позиция изменилась? Или нет? А если не изменилась, то почему спикер делает такие заявления?» А если вдруг премьер, по твоему примеру, начнет делать то же самое? Это не первый разговор с тобой на эту тему, но последний — ты больше эту грань не переходи, иначе мы разойдемся. Я понимаю твою мотивацию, но сделай так, чтобы она не становилась моей головной болью. Договорились?

— Договорились, — с трудом выдавил из себя Артур.

Ровно через месяц у него состоялся визит во Францию, и я вновь получил докладную из МИДа о неприемлемых действиях и высказываниях председателя парламента. Выводов Артур не сделал никаких! Не знаю, то ли просто не удержался от желания понравиться французам, то ли переоценил значимость коалиции для меня. Возможно, посчитал, что я ограничусь очередным предупреждением и все останется по-прежнему. Однако точка невозврата была пройдена, и, не дожидаясь возвращения спикера, я начал процесс его отчуждения из власти. Расчленив фракцию партии «Оринац Еркир» я смог легко: некоторые депутаты вошли в партию, поддерживавшую меня на президентских выборах, и совершенно не собирались становиться оппозицией. Одного прямого разговора с ними оказалось достаточно для того, чтобы они покинули фракцию, которая после этого съезжилась на треть.

Артур, конечно, очень тяжело переживал произошедшее. Он попросил меня о встрече, на которую пришел подавленным, потерянным и сильно похудевшим. Я сказал, что ему следовало серьезно отнестись к моему предупреждению и что зла на него не держу, но и оставлять все по-старому не намерен. Договорились, что он подаст в отставку сам. Артур относился к тем, кто после любой неудачи способен встать на ноги и бороться. Его сильной и слабой стороной — одновременно, как и у многих политиков в Армении, — являлось полное отсутствие идеологии и политических принципов. При этом в личных отношениях и в обычной жизни такие люди могут быть приятными и позитивными.

После его ухода председателем парламента был избран Тигран Торосян, представитель Республиканской партии — человек порядочный и интеллигентный, по складу больше похожий на ученого. Он сильно отличался от прежнего спикера, прирожденного политика, который, несмотря на пережитое потрясение, сумел пробиться в парламент на выборах 2007 года и бороться за президентство в 2008 году.

Вот так мы расстались с Артуром Багдасаряном.

Теперь в коалиции оставалось лишь два союзника, и на место «Оринац Еркир» мы привлекли к сотрудничеству другую парламентскую партию, оформив это отдельным соглашением. Никакого кризиса перемены не вызвали, ни одно голосование в парламенте не было провалено.

* * *

После ухода «Оринац Еркир» из власти на политической площадке образовалась некая вакансия, которую люди сразу же ощутили. Приближение парламентских выборов обострило понимание того, что власти нужна новая партия популистского толка, которая заменила бы в политическом раскладе «Оринац Еркир» и взяла на себя ее функции; партия, способная аккумулировать настроения тех, кто, мягко говоря, не влюблен во власть, но при этом и не разделяет радикальных настроений. Многим показалось, что эту вакансию можно заполнить без особых сложностей, не расталкивая сильно локтями конкурентов.

Больше всего подходила на эту роль партия «Прорывающаяся Армения», которая начала свою активную раскрутку к предстоящим выборам. Партия возникла несколько лет назад по инициативе Ишхана Закаряна — склонного к политике министра спорта и по делам молодежи. Именно он занимался ее формированием на начальном этапе, хотя и под другим названием. Обладая организаторскими способностями, Закарян умел притягивать и располагать к себе людей, создавать и удерживать команду. Поскольку у истоков формирования партии стоял министр, тут же пошли

разговоры, что это проект президентской администрации и что партия строится для меня.

Во время активного этапа создания структур будущей партии Закарян попросился ко мне на прием. Он сказал, что дальнейшая работа требует существенных расходов, поэтому хотел бы привлечь для финансирования председателя Олимпийского комитета — Гагика Царукяна, крупного бизнесмена, далекого от политики, с которым его связывали дружеские отношения. Закарян хотел узнать, не буду ли я возражать против этого шага.

Прямое вовлечение бизнесменов в политику я не поощрял, и об этом все знали. Я уточнил, действительно ли речь идет только о финансировании. «Да», — подтвердил Закарян. Я не стал возражать, и Гагик Царукян подключился к партийному строительству. Однако одним финансированием его участие не ограничилось. Он активно вовлекся в организационные дела, вложил большие средства и очень быстро усилил свое влияние настолько, что сам стал руководителем партии. Несмотря на это, разговоры о том, что президент в лице «Прозцветающей Армении» создает себе политическую опору, не только не прекратились, но даже усилились.

Такое восприятие новой партии очень сильно обеспокоило республиканцев. Там подумали, что если партия создается под президента, то он, конечно, накачает ее мощным административным ресурсом. На одной из встреч со мной премьер Андраник Маргарян с обидой в голосе спросил, почему я им не доверяю. Давал ли он повод для этого? Если мне нужна партия, то я могу возглавить РПА, а он готов уступить мне партийное лидерство. Мне пришлось долго объяснять, что речь о доверии тут вообще не идет. Партия действительно создавалась с моего ведома, но без моего участия и не для меня, а также без применения административного ресурса. Я никогда не помышлял о партийном лидерстве, а если бы вдруг задался такой целью, то делал бы это сам и в открытую.

Постоянные конфликты с партией «Оринац Еркир» внутри коалиции порождали сомнения в долгосрочности союза с ними. Я не был уверен, что на следующие выборы мы с ними пойдем

в одной упряжке. Моя заинтересованность заключалась в том, чтобы по итогам следующих выборов в НС получить сотрудничающее со мной парламентское большинство. А получить его без больших усилий я мог при наличии не только РПА с «Дашнакцутюн», но и третьей партии, которой могла бы стать «Процветающая Армения». Так было надежнее. После конституционной реформы роль и полномочия парламента существенно возросли, и теперь требовалось обеспечить там политическую опору для стабильной и согласованной работы. Таким образом, истинной причиной выхода на арену «Процветающей Армении» стала объективная ситуация: возникла необходимость мобилизовать часть протестного электората, а также появился человек с политическими амбициями, готовый вложить в их реализацию свое время и ресурсы.

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИНТЕРЕСОВ

Немного о США

Этот период отличался беспорным глобальным доминированием США. Непревзойденная экономическая и военная мощь, неоспоримое первенство в новых технологиях и разного рода инновациях дополнялись моральным лидерством на мировой арене. Влияние США распространялось практически на все глобальные институты, от ООН до МВФ, Всемирного банка и ВТО. Даже американские неправительственные организации взяли на себя функции глобального мониторинга вопросов прав человека, свободы прессы и оценки уровня коррупции во всем мире. Рейтинги и оценки в их годовых отчетах серьезно влияли на международный имидж оцениваемых стран. Сложившаяся однополярная модель мироустройства в условиях набирающей обороты глобализации давала США большие преимущества, многократно усиливая возможности прямого и косвенного влияния на протекающие процессы на всех континентах. За исключением нескольких стран, мировое сообщество принимало лидерство США как данность, и с учетом этого страны выстраивали свои внешнеполитические приоритеты.

Южный Кавказ веками представлял собой клубок противоречий, зажатый между Россией, Турцией и Ираном, конкурировавшими между собой за влияние на регион. Распад Советского Союза привел к новой геополитической реальности, открыл возможность передела сфер влияния в регионе, чем обнажил и многие старые проблемы. Соединенные Штаты также сформировали свое

представление о будущем Южного Кавказа — конечно, с учетом их собственных отношений с Ираном и своего видения роли России.

Это представление не совпадало с нашим. Мы считали, что для нас чрезвычайно важно поддерживать хороший контакт с Россией и Ираном. С Азербайджаном мы находились в состоянии прямого военного конфликта, а взаимодействие с Турцией держалось на нулевом уровне, в том числе с учетом закрытой границы. Армения нуждалась в иранской границе не меньше, чем в западных инвестициях. Военно-техническое сотрудничество с Россией составляло важнейший элемент нашей безопасности, а российская военная база оставалась сдерживающим фактором для Турции. Альтернативы этому мы не видели, а жертвовать нашей безопасностью только ради благосклонности США было бы безумием!

Как соотнести эту жесткую реальность с жизненной необходимостью развивать отношения с США? Как совместить эти фундаментальные противоречия? Где та черта, за которой совмещение этих интересов становится невозможным? Концептуально ответы на эти вопросы содержались в нашей политике комплементарности. На практике же мы искали их на ощупь. Отношения Армении с Ираном и наличие у нас российской военной базы раздражали Вашингтон, однако американцы понимали особую сложность нашей ситуации. Лоббисты диаспоры достаточно успешно продвигали интересы Армении в конгрессе вплоть до того, что по объемам помощи на душу населения мы уступали только Израилю. Мы же шаг за шагом показывали, что самостоятельны в своих решениях, которые основаны на нашем объективном понимании жизненных интересов Армении.

С Белым домом и Госдепом США у нас выстроились достаточно конструктивные отношения.

С Биллом Клинтоном я впервые встретился в Вашингтоне в 1998 году. Другие встречи происходили в рамках международных форумов. Но при нашем первом знакомстве Клинтон меня очень впечатлил! Вопрос урегулирования проблемы Карабаха для США был далеко не первостепенным, однако Клинтон вел разговор со

мною на эту тему так, что я понял: президент США не только основательно подготовился к встрече, но и нащупал все болевые точки урегулирования. В Клинтоне я увидел проницательного человека, чей интерес продиктован отнюдь не протокольной необходимостью, а живым, пытливым умом человека, привыкшего во всем доходить до сути.

Позитивные воспоминания остались и от общения с Альбертом Гором. У нас состоялось много интересных и содержательных встреч в конгрессе США. Вообще, в тот визит политики-американцы произвели на меня впечатление людей очень активных и толковых, сочетающих широкий взгляд на мир с готовностью вникать в детали. Они полностью осознавали, что в политике не бывает мелочей и что все происходящее на планете имеет прямое отношение к Соединенным Штатам. Общение с умным и обаятельным госсекретарем Колином Пауэллом уже позже, в Ки-Уэсте, только укрепило меня в этом мнении.

Впрочем, с Бушем-младшим дело обстояло несколько иначе.

Сразу после переговоров в Ки-Уэсте меня и Алиева пригласили в Вашингтон на двусторонние встречи с недавно вступившим в должность Бушем. В течение всего перелета из Майами я готовился к разговору с ним, чтобы наиболее эффективно использовать представившуюся возможность общения с новым президентом США. Продумывал, как бы лаконичнее донести до него нашу позицию по урегулированию карабахского конфликта и по двусторонним отношениям, чтобы уложиться в отведенное время. Увы, абсолютно ничего из запланированного мне сказать не удалось! Буш вел себя очень приветливо, шутил, похлопывал меня по плечу, говорил об армянской диаспоре, вспомнил историю про своего сокурсника-армянина... Все мои попытки коснуться двусторонних отношений и карабахского урегулирования оказались безуспешными. Каждый раз Буш ловко переводил разговор на одни и те же общие темы. К середине встречи я понял, что он просто не готов к предметному разговору: или не нашел времени, или не счел необходимым ознакомиться с тематикой. Я ушел со встречи в полном

недоумении: провести сорок минут с президентом США и не суметь затронуть ни одну важную тему? Видимо, прочитав все по моему лицу, сопровождавший меня на этой встрече Осканян спросил, когда мы шли по коридору Белого дома, каковы мои впечатления. Я переспросил: «О Буше или его сокурнике-армянине?»

11 сентября того же года произошел потрясший всех теракт в США. Своим эпическим масштабом он изменил представления людей об угрозе терроризма, а последовавшие за ним события поменяли ход истории начала XXI века. Самой мощной мировой державе был брошен вызов, который не мог остаться без серьезнейших глобальных последствий.

Месяцем позже, при поддержке международного сообщества, произошло вторжение в Афганистан как акция возмездия, с целью свержения режима талибов и освобождения территории от их влияния. В эти годы стали сильно меняться стиль и методы работы администрации США. Кропотливая дипломатическая работа все больше подменялась прямыми директивами из Вашингтона о том, с кем и как следует сотрудничать, за что надо голосовать в ООН и вообще — как все должны себя вести. Ничем не оправданное вторжение в Ирак, создание экстерриториальной тюрьмы в Гуантанамо, узаконенные департаментом юстиции пытки — все это вызвало глубокую эрозию морального лидерства США и стало злободневной темой не только для мировых СМИ, но и для частных бесед и обмена мнениями между лидерами и политиками разных стран. Во время каждого моего визита того периода стиль работы администрации Белого дома произвольно становился предметом критического обсуждения с коллегами.

В мае 2002 года, в ходе моего визита в Бразилию на встрече с президентом Кардозу произошел интересный эпизод. Кардозу спросил, каковы наши отношения с США. Как нам при этом удастся поддерживать хорошие отношения с Ираном и Россией? Я ответил, что это сложно, но мы как-то выкручиваемся. Добавил также, что при Буше это стало гораздо сложнее, чем при Клинтоне. Кардозу вздохнул и рассказал, что прямо перед нашей встречей

ему позвонил Буш и спросил его мнение об Эдуардо Дуальде, исполняющем обязанности президента Аргентины. Там предстояли досрочные выборы президента, и Дуальде стремился быть избранным. Репутацию он имел неважную, и Буш хотел определиться со своей позицией. Кардозу стал дипломатично разъяснять хитро-сплетения аргентинской политики и место в ней Дуальде. Буш нетерпеливо прервал его: «Да я не про это! Скажи мне просто: он хороший парень или плохой?» Интеллигентный Кардозу опешил: президент США просит охарактеризовать главу соседнего государства в черно-белых тонах! «Ну и что вы сказали?» — спросил я, поскольку он сделал длинную паузу. «Сказал, что мало его знаю, но вроде говорят, что он хороший парень. А что я еще мог сказать о коллеге?»

Упрощенный подход к пониманию сложнейших явлений и категоричное восприятие окружающего мира в те годы стали характерной чертой политики Белого дома. При этом сам президент держался со всеми приветливо и дружелюбно, казался открытым для общения. Судя по всему, он делал то, во что искренне верил, и так, как ему казалось правильным. А нам приходилось приспособливаться к этому, не заострять углы и продолжать сотрудничать с самой влиятельной мировой державой. Для себя я тогда решил держаться подальше от Белого дома и Пентагона, но активнее работать с конгрессом и Госдепом, профессиональные дипломаты которого на местах максимально сглаживали возникающее напряжение.

Мы не участвовали ни в афганском вторжении, ни в иракской кампании США. Последнюю я считал большой ошибкой и категорически отказал в участии Армении. Сослался на то, что там армянская диаспора и мы не можем ставить ее под удар. Лишь спустя пару лет мы уступили настойчивости Вашингтона и послали в Ирак транспортный взвод, отделение саперов и трех врачей. Что касается Афганистана, то я не хотел ввязываться в чужую военную кампанию, которая, скорее всего, обречена на неудачу. Опыт всех предыдущих афганских войн показал бессмысленность попыток оккупации и контроля этой очень специфичной страны.

В апреле 2007 года состоялся мой официальный визит в Египет. Принимали нас очень тепло, подготовили насыщенную программу и произвели хорошее впечатление на всю делегацию.

На обеде после переговоров мы беседовали с Мубараком. Я спросил, видит ли он конец происходящему в соседнем Ираке? Я затронул злободневную тему, и мой вопрос задел Мубарака за живое. Он рассказал, как старался остановить американцев в 2003 году. Связывался не только с Бушем, но и со всеми, кто имел хоть малейшую возможность повлиять на решение о вторжении. Описывал им специфику Ирака и убеждал в бесперспективности военного решения. Говорил, что страна развалится и склеить ее заново никто не сможет. «Все, что сейчас происходит в Ираке, я им предсказывал — это неизбежное следствие военного свержения Саддама! — воскликнул он с нескрываемым раздражением. — Они слушали, реагировали по-разному, но абсолютно не восприняли всерьез мои слова. Видимо, думали, что у меня свои расчеты. И сейчас вот застряли в Ираке, причем надолго». Дальше Мубарак посетовал на непонимание Западом особенностей Ближнего Востока и арабского мира вообще. «Они не понимают, что демократия в их понимании сделает Египет исламским государством», — с горечью заключил он.

Вспомнил я эту беседу с Мубараком в начале февраля 2011 года — я отдыхал на горнолыжном курорте в Альпах, когда по телевидению начались репортажи о драматических событиях революции в Египте, приведшей к власти исламистов.

Отношения с Россией. Владимир Путин

Моя первая встреча с Путиным после того, как он был избран президентом России, состоялась в мае 2000 года в Минске, на саммите СНГ. Путин абсолютно не был похож на властного Ельцина. Его манера общения, мягкая и доверительная, располагала к откровенности. Он как бы подчеркивал, что готов к открытым, дружеским отношениям. Все сразу же заметили его хорошую переговорную

реакцию и тонкое чувство юмора. Вел он себя просто, потребности в услужливости окружающих не испытывал — мог скинуть с себя пиджак сам и сам же спокойно повесить его на спинку кресла, президентским статусом не кичился, с помощниками общался подчеркнуто вежливо и тепло. Мне это импонировало и почему-то подсказывало, что у нас с ним сложатся хорошие, дружеские отношения.

На одной из встреч, в Овальном зале Кремля в мае 2002 года Путин, мельком просматривая заметки к беседе, сказал, что их МИД пишет, будто бы мы в Армении какими-то ухищрениями не допустили РАО ЕЭС к приватизации электрических сетей, чтобы продать компанию британцам. Это было абсолютной неправдой!

До приватизации я встречался с Чубайсом, тогда руководителем РАО ЕЭС, — мы сами вышли с предложением приобрести распределительные сети Армении. Встреча состоялась по моей инициативе в нашем посольстве в Москве. Чубайс удивился, поскольку мы первыми в СНГ были намерены приватизировать электрические сети, но в итоге сказал, что им это неинтересно и что они сейчас заняты реформой энергетики России. Я рассказал Путину об этой встрече и сказал, что в записке, мягко говоря, неправда и что это легко проверить у Чубайса. Путин предложил мне продолжить встречу в его кабинете, и мы перешли туда. Он связался с Чубайсом, предупредил, что он на громкой связи и что президент Армении рядом с ним. Поинтересовался его отношением к приватизации электрических сетей в Армении. Чубайс сказал, что встречался со мной по этому поводу, и в точности передал содержание нашей беседы, подтвердив тем самым, что докладная МИДа, которую подготовил сотрудник, ответственный за отношения с Арменией, полностью надуманная — просто срисованная с потолка. Я тогда сказал Путину, что готов к абсолютно честным отношениям, но для того, чтобы избежать недоразумений в дальнейшем, желательно разобратся, откуда берутся такие записки.

После этой встречи каждый раз, когда в докладных российских ведомств относительно Армении появлялся какой-то, пусть даже

легкий, негатив, Путин на наших встречах давал мне почитать их выжимку и спрашивал, что соответствует действительности, а что нет. Это доверие я оценил и ни разу за многие годы ни в одной обсуждаемой теме не позволил себе искажений или неточностей, а нашу позицию всегда объяснял ясно, без ретуши и каких-либо аранжировок. Думаю, что нам с Путиным удалось в те годы построить очень доверительные партнерские отношения, что нечасто встречается в межгосударственных делах.

Были у нас и очень сложные переговоры — переговоры о цене на газ,купаемый в России. В 2003 году мы устно договорились с Газпромом, что цена фиксируется на пять лет, но уже через пару лет Газпром предупредил нас о ее пересмотре. Это были звездные времена Газпрома, когда цены на газ везде росли, а о сланцевой революции говорили лишь аналитики. Объяснил свою позицию Газпром так: цены растут для всех, и Армения не может быть исключением. Я же считал, что может! Мы были единственной страной, где Газпром был допущен к газораспределительным сетям, и он владел 45 процентами совместного предприятия Армосгазпрома. Газпрома тогда все не на шутку побаивались, а особая цена на газ могла бы стать для других стран стимулом привлекать его в свои внутренние газотранспортные сети. Кроме того, я считал и считаю, что договоренности должны соблюдаться, даже если они не формализованы.

В декабре 2005 года на встрече с Путиным в Сочи тема газа стала основной. Миллер, глава Газпрома, ссылаясь на отсутствие каких-либо контрактов и отказывался признавать, что такие договоренности существовали. Меня это разозлило и завело, потому что разговор о цене на газ состоялся тогда у меня в офисе, непосредственно со мной, и я очень хорошо помнил эту встречу. Переговоры быстро переросли в конфронтацию, что не предвещало ничего хорошего. Стороны стояли на своем, напряжение нарастало, время шло... Я не скрывал своего раздражения и явно стал излишне резок. Тут стали подавать обед. Мне было не до еды: внутри все кипело от возмущения! Подорожание газа повлияло бы на темпы роста

экономики, и мне было важно этому воспрепятствовать. Когда принесли закуски, я к ним не притронулся; подали какой-то суп — я не притронулся и к супу; потом то же самое с основным блюдом и десертом. Мы сидели делегациями напротив друг друга, и я видел, что никто из наших тоже не прикоснулся к еде — все шесть человек. Озадаченные официанты, не понимая, что происходит, забирали нетронутые блюда с нашей стороны стола. Разговор продолжался в крайне неловкой и натянутой ситуации: во время обеда одна сторона стола, к тому же приглашенная, не притрагивалась ни к одному блюду.

К концу этого «обеда» стало ясно, что результат встречи будет нулевым. Я сухо сказал, что нам пора вылетать и мы уезжаем. Тут наши пресс-секретари — Алексей Громов и Виктор Согомонян — в явном замешательстве стали говорить, что армянские и российские журналисты ждут уже часа два и что мы должны выйти на заявленную совместную пресс-конференцию, иначе начнутся всякие пересуды. Я отказался наотрез, ответив, что мне нечего сказать журналистам, так что пусть пресс-секретари придумают что-нибудь — мол, спешили, не успели, устали, может, что-то еще... Они вернулись минут через пять и предложил компромиссный вариант, без пресс-конференции: «Может, вы просто вместе выйдете к журналистам, посидите с ними немного, пиво попробуете?» Я ответил: «Пиво можно, но позаботьтесь, чтобы никто вопросов не задавал, иначе я выплесну на них все, что сейчас думаю».

Я действительно не хотел, чтобы провальные переговоры вылились во взаимные публичные обвинения. Любой конфликт гораздо труднее улаживать, если он выносится наружу: тогда приходится не только искать решения, но и думать, как их преподнести обществу, чтобы сохранить лицо. Такое развитие событий лишь усложнило бы наше дальнейшее общение. К тому же это был первый проблемный случай во взаимоотношениях, и мне не хотелось обострять и без того неприятную ситуацию.

Мы с Путиным посидели в пресс-центре с журналистами минут десять. Наши пресс-секретари показали, что свое дело знают:

пиво было, вопросов не было — так, какие-то ремарки о погоде, о море и еще о чем-то.

Вернувшись в предоставленный нам коттедж, я увидел хмурые и обеспокоенные лица членов нашей делегации. Бросил взгляд на стол, где до этого были бутерброды, орешки, сухофрукты — словом, все то, что обычно ставят, принимая гостей, — стол был чист: все съедобное уже убрали. Тут до меня дошло, что я лишил всю нашу делегацию вкусного обеда.

Вопрос цены на газ все же разрешился, но только месяц спустя — уже на нашей следующей встрече с Путиным, в Москве, в январе 2006-го — прямо накануне дней Армении в России. Завершив переговоры, все члены делегаций в хорошем настроении обменивались рукопожатиями, прежде чем разойтись. Решение было компромиссным — не таким, как мне хотелось бы, и я, все еще злой, демонстративно не подал руку Миллеру. Думаю, был не прав: мое настроение не должно возобладать над протокольной этикой, тем более что решение все-таки было найдено — и, конечно, не без Миллера.

Любопытно, что налаживать хороший личный контакт с должностными лицами России было гораздо легче, чем выстраивать отношения с министерствами и ведомствами. На институциональном уровне государственные органы России медленно и с трудом преодолевали не только идеологическое наследие прошлого, но и привычные представления о своей значимости и границах влияния, оставшиеся с советских времен. После распада СССР российское общество еще долго воспринимало прежние советские республики как свою периферию. Как ни странно, но и в самих бывших республиках у многих было такое же самовосприятие. Это объективно отражало конфликт между логикой протекавших глобальных процессов и все еще сильными настроениями тех, для кого распад Советского Союза был трагедией, требующей исправления. Все республики бывшего СССР в той или иной степени зависели друг от друга — через энергоносители, транспортные или другие коммуникации, унаследованную производственную кооперацию, причем

зависимость эта была резко асимметричной: Россия в ней явно доминировала. Как в таких реалиях уйти от почти неизбежных вассальных отношений? Как добиться уважения, несмотря на колоссальную разницу в потенциале?

Для меня ответ был однозначным: успешными реформами, высокими темпами развития страны, ее привлекательностью для бизнеса и надежностью как партнера. Мы должны были отличаться высокой организованностью и четко сформулировать внутренние и внешние приоритеты, не поддаваясь искушению лавировать между Москвой, Брюсселем и Вашингтоном в поисках новых поводырей и краткосрочных выгод. Застольных разговоров о вековой российско-армянской дружбе было уже явно недостаточно: никому не интересно общение с постоянно ноющим и просящим взаймы соседом. Мы должны были измениться, осознать, что уважение не покупается и не вымалывается, а приобретается тяжелым трудом и настойчивыми усилиями.

Опираясь на эти принципы, нам удалось создать образ привлекательной, динамично развивающейся Армении, несмотря на сохраняющиеся проблемы с границами и неурегулированность карабахского конфликта. За эти годы связи с Россией стали еще более прочными и многогранными. Отношения между президентами проецировались на уровень министров и ниже. Они же позволяли межправительственной комиссии работать эффективно, шаг за шагом искать и находить взаимовыгодные решения практически по всем направлениям двусторонних отношений. Российский бизнес, увидев реальные изменения в Армении, потянулся к нам, причем в самые разные сферы: банки, телеком, горнорудная отрасль, транспорт, металлургия, строительство, энергетика и многие другие отрасли стали объектами российских инвестиций. Мне уже не надо было, как в конце 1990-х, уговаривать бизнесменов — они сами просились к нам. Суммарные российские инвестиции за эти годы составили более миллиарда долларов. Где-то в 2007 году, анализируя статистику двусторонних связей, я с радостью увидел, что наши экономические отношения с Россией окрепли настолько, что

перестали нуждаться в какой-то особой заботе: стало достаточным просто не мешать им развиваться дальше — и это было самым важным достижением.

Отношения с Турцией

Правильнее было бы назвать эту главу чуть иначе: «Об отсутствии взаимоотношений с Турцией». Впрочем, тема армяно-турецких отношений находилась в нашем поле зрения все десять лет моего президентства. Проблем с Турцией у нас было много, прежде всего — закрытая граница и отсутствие дипотношений. Анкара полностью отрицала факт геноцида армян 1915 года и всячески противодействовала нашим попыткам добиться его международного признания, полагая, видимо, что это может повлечь за собой территориальные претензии или требования о компенсациях. В лучшем случае они искренне заблуждались в своей версии трактовки трагических событий начала прошлого века. В карабахском вопросе Анкара безоговорочно поддерживала Азербайджан и открытие границы с Арменией жестко увязывала с нашими уступками по Карабаху.

В Европе все понимали, насколько ситуация с закрытыми границами и отсутствием дипотношений между соседями ненормальна, и хотели разобраться в ее причинах. У меня не было практически ни одной встречи с европейскими лидерами, на которой тема армяно-турецких отношений не затрагивалась бы в той или иной форме. Все выражали искреннюю готовность помочь наладить отношения и спрашивали, как и чем могут быть полезны. Однако самыми активными посредниками в установлении связей между Арменией и Турцией были американцы. Они полагали, что это сбалансирует чрезмерную зависимость Армении от России в вопросах безопасности, а также уменьшит значимость границы с Ираном для нашей экономики. Госдеп США пытался использовать любую возможность для наших контактов в надежде хоть как-то подтолкнуть вперед решение этой проблемы.

Прямых встреч с турецкими лидерами у меня было всего две — обе с президентом Сулейманом Демирелем. Первая состоялась в Ялте, на саммите ОЧЭС в июне 1998 года. Формально посредниками была украинская сторона, но идея исходила от американцев. Встретились умудренный колоссальным политическим опытом осторожный Демирель и я, недавно избранный президентом Армении, с боевым опытом и не менее боевым темпераментом, — два человека, совершенно разных по типуажу, мировоззрению и ожиданиям от встречи. Переводчик работал в поте лица, но разговор оставлял стойкое ощущение, что мы говорим не друг с другом или, по крайней мере, совершенно не слышим друг друга. Я ставил очень прямолинейные вопросы такого рода: «Господин президент, могли бы вы объяснить смысл закрытой границы?» или: «Почему отношения между нашими странами вы увязали с проблемой Карабаха? Какое отношение Турция имеет к Карабаху?» Демирель совсем такого не ожидал! С трудом скрывая раздражение, он стал говорить общими размытыми фразами, не имеющими вообще никакого отношения к тому, что сказал я. Складывалось впечатление, что это не переговоры президентов, а просто две группы людей случайно оказались по разные стороны одного стола и говорят что-то свое и для себя.

Второй раз мы встретились годом позже в Стамбуле, на саммите ОБСЕ, но по своему характеру и эта встреча мало чем отличалась от первой.

Особенную актуальность тема армяно-турецких отношений приобрела в период активных переговоров о членстве Турции в ЕС. Всем казалось, что мы должны быть категорически против этого. Но наша позиция, к изумлению европейцев, оказалась неожиданно прагматичной: мы говорили, что поддерживаем вступление Турции в ЕС, потому что сразу станем граничащей с ЕС страной! Конечно, мы рассчитываем на то, что граница с Арменией в этом случае не останется закрытой, и это должно быть оговорено в условиях вступления. Мы хотим, чтобы наш сосед был прогнозируемым, уважал основополагающие принципы международного права,

а членство в ЕС это предполагает императивно. Турции придется переосмыслить собственное прошлое и помириться с ним, а значит, и здесь откроются перспективы для объективной оценки событий 1915 года. Так зачем же нам быть против?

Я никогда не верил, что Турция войдет в ЕС, не верил, что эта страна готова на столь глубокую внутреннюю трансформацию, и говорил об этом прямо нашим европейским партнерам. Но наш подход был понятным, прагматичным и аргументированным, да и в целом позиция Армении по армяно-турецким отношениям смотрелась выигрышно. Мы не выглядели заложниками прошлого. Мы говорили, что готовы к установлению дипотношений с Турцией без предварительных условий. А границу мы и не закрывали, она закрыта с одной стороны — с турецкой. Армения готова к торговле хоть завтра. Так что какой-либо головной боли в виде давления на нас мы не имели вообще, по сути не было и предмета давления.

В июне 2003 года мне позвонил из Мадрида Вардан Осканян и, не скрывая радости, рассказал о встрече с министром иностранных дел Турции Абдуллой Гюлем. Это была первая встреча с турками после победы партии Эрдогана «Справедливость и развитие» на выборах в конце 2002 года. Гюль приятно удивил и обрадовал Вардана, сказав, что они хотели бы установить отношения с Арменией, никак не увязывая их с Карабахом. Это было нашей позицией многие годы и стало бы прорывом в двусторонних отношениях! Осканян и Гюль договорились продолжить разговор в этом русле. Я усомнился в искренности Гюля и чуть остудил Вардана — сказал ему, что новость хорошая, но я не очень верю: либо Гюль хитрит, либо новая власть еще не осознает всей сложности карабахского урегулирования. Азербайджан просто не позволит им это сделать — истерика в Баку будет невероятная. Поэтому прессе ни слова, продолжай общаться и посмотрим, что будет дальше. Я был уверен, что даже если это не уловка турков, то Баку все равно сделает все возможное, чтобы наша граница с Турцией оставалась закрытой.

Вторая встреча Осканян — Гюль прошла в сентябре того же года в Нью-Йорке. Оптимизма поубавилось, но надежды все же

оставались. Еще через пару встреч все вернулось в нулевую точку — Гюль отказался от всего, что говорил до этого. Между тем, несмотря на закрытую границу, объемы торговли между Турцией и Арменией были довольно большими — она осуществлялась через Грузию. Фуры с турецкими номерами можно было увидеть на дорогах Армении повсеместно, а турецкие товары заполняли прилавки многих магазинов. Бизнесмены из наших стран находили друг друга и налаживали сотрудничество ко взаимной выгоде. Я смотрел на это спокойно, хотя без энтузиазма: меня раздражал односторонний характер торговли. Одно время подумывал в ответ на закрытость границ ограничить доступ турецких товаров на наш рынок, но, поговорив с бизнесменами, решил этого не делать: общение и торговля всегда помогают лучше понимать друг друга.

В 2005 году турецкая сторона, чтобы приостановить набирающий обороты процесс признания геноцида, а также как-то загладить свою нерациональную несговорчивость, выступила с инициативой, отраженной в письме Эрдогана ко мне. Смысл был в том, чтобы создать совместную комиссию историков, предоставить им все архивные материалы — и пусть изучают события 1915 года, а потом доведут до общественности итоги своей работы. Я ответил Эрдогану: «У многих европейских стран есть проблемы, тянущиеся из прошлого, но это не помешало им иметь открытые границы, торговать, сотрудничать и одновременно с этим обсуждать трудное историческое наследие и находить решения. Ваше предложение обратиться к прошлому не может быть результативным в отрыве от настоящего и будущего. Ответственность за двусторонние отношения лежит на правительствах, и мы не вправе делегировать их историкам. Мы вновь предлагаем без предварительных условий установить нормальные отношения между нашими странами».

Иррациональность турков в армянском вопросе озадачивала меня все это время. Ее корни, вероятно, лежат в искаженном восприятии величия и исторического наследия Османской империи: турки искренне считают, что народы, включенные в состав этой империи ятаганом, процветали и были счастливы. Это совсем

не сходится с тем, как воспринимают пребывание в Османской империи сами эти народы, история которых буквально пропитана кровью борьбы за независимость — борьбы, которую турки считали предательством интересов империи. Развал же империи воспринимается в Турции не как следствие борьбы поработенных народов, а как результат коварного заговора недружественных держав. У турецкой элиты нет никаких признаков переоценки прошлого — и это закрывает всякую дорогу к новому восприятию Турции ее соседями. Мы вспоминаем прошлое с горечью, но без ненависти. Нам трудно понять агрессивное отношение турецкой стороны, которое выражается не только в отрицании прошлого, но и в блокаде сегодняшней Армении. Мы столкнулись с парадоксом, требующим осмысления: озлобленность осталась не у жертвы, а у стороны, ответственной за трагические события прошлого.

Отношения с Церковью и религией

Впервые священнослужитель появился в Карабахе в 1989 году: Эчмиадзин назначил туда епископа Паргева. Епископ сразу произвел на меня хорошее впечатление: открытый взгляд больших глаз, широкая эрудиция, свободное владение русским и искренняя вера в Бога. В том, что касается карабахского вопроса, он поначалу показался мне чрезмерно воинственным для священнослужителя, но позже это ощущение сгладилось.

Контакт у нас сложился хороший. Я, наверное, был тогда одним из очень немногих в Карабахе, кто читал Библию и даже «Философию религии» Гегеля. В то время я не представлял себе, как образованный человек может быть верующим. Общение с епископом вывело меня из этого глубокого заблуждения.

Люди его полюбили сразу, с активистами карабахского движения у него тоже сложились теплые отношения. Этот период стал ренессансом Армянской апостольской церкви в Карабахе: после шестидесяти лет полного отсутствия Церковь вернулась — и оказалась желанной. На храмах водрузили кресты, внутри снова запахло

свечами и ладаном, началось массовое крещение людей, священники появились на похоронах и свадьбах, исполняли религиозные обряды — то, чего у нас не было десятилетиями. Буквально за пару лет Церковь стала привычной частью жизни карабахцев, как будто так было всегда.

Как-то осенью 1991 года Вазген Саргсян прилетел к нам в Карабах на пару дней. Тогда нас связывал с Арменией только один вид транспорта — вертолеты. Закончив дела, мы заехали в монастырь Гандзасар, где к нам присоединился епископ Паргев. Наша потайная вертолетная площадка — полянка в лесу — находилась недалеко от села Колатак, куда мы все вместе поехали в ожидании вертолета. Погода выдалась облачной, а пока мы доехали до площадки, все вокруг заволочло туманом. Сесть при таком тумане вертолет не мог, и нам оставалось только ждать. В какой-то момент чуть прояснилось, даже солнце стало пробиваться сквозь облака. Появилась надежда, и Паргев, взглянув на небо, сказал, что отправится в Гандзасар молиться, чтобы погода улучшилась. Вазген пошутил, обратившись к епископу: «У тебя есть противотуманная молитва?» Тот, многозначительно улыбнувшись, уехал... Буквально через полчаса горы накрыло таким плотным туманом, что не то чтобы летать — ехать на машине было небезопасно. Вазген в тот день так и не вылетел, зато история о противотуманной молитве осталась.

Крестился я в 1996-м, в Гандзасаре, уже будучи президентом НКР. Уговорил меня епископ Паргев — видимо, в надежде, что я наконец-то проникнусь верой. Приехали гости из Армении, крестным был Бабкен Аракцян. Так я впервые попал на крещение — и оно оказалось моим собственным.

Гандзасар, монастырь XIII века, расположен в живописнейшей долине реки Хачен, и величественно возвышается над горным лесным массивом и деревней Ванк. В тот день было очень солнечно. Когда машины медленно доползли по серпантину до монастыря, нас встретил епископ Паргев и после приветствий обратил наше внимание на небо. Мы подняли головы и замерли в восторге: солнце

было окружено удивительно красивой полной концентрической радугой — такого атмосферного явления я не видел еще никогда. Епископ был убежден, что это знак свыше, я же пытался вернуть его на землю, объяснив возможную физику явления. Круглая радуга держалась все время моего крещения и растаяла только после нашего отъезда. Даже сейчас, много лет спустя, епископ при встречах напоминает мне про этот день.

Когда я был уже президентом Армении, у меня сложились конструктивные отношения с католиками — с Гарегином I, а после его смерти в 1999 году — с Гарегином II. Встречи с Гарегином II стали носить регулярный характер: мы обменивались мнениями о ситуации в стране, я рассказывал о намерениях властей по наиболее значимым вопросам, а католикос посвящал меня в планы Церкви. Церковь стремилась получить в Армении особый статус и государственную поддержку. Это было правомерно, если учесть ее историческую роль, но не могло выйти за рамки принципа отделения Церкви от государства и наших обязательств перед Советом Европы.

Католикос оказался человеком прагматичным и достаточно быстро поправил финансовое положение Эчмиадзина. Благодаря его усилиям жертвователями стали практически все более-менее известные состоятельные армяне по всему миру. Это позволило развернуть активное строительство новых церквей в городах Армении и в различных районах Еревана.

Все наши знаменитые монастыри исторически располагались в горах, вдалеке от населенных пунктов, и потому стали скорее местами паломничества туристов, а не ежедневного общения с паствой — в отличие от Европы, где церкви высятся в самом сердце городов и сел. Новые церкви в густонаселенных местах заметно повлияли на религиозную активность населения, что было важно в конкуренции с распространяющимся в Армении сектантством. Чтобы повысить авторитет и влияние Церкви, требовалось серьезное обновление круга священнослужителей: некоторые епископы больше напоминали прибалтенных бизнесменов, чем священников,

и доверять им работу с паствой не стоило. Католикос видел эту проблему и объяснял ее отсутствием подготовленных священнослужителей. Говорил, что много молодых уже проходят учебу, так что вопрос обновления кадров он плавно решит в предстоящие годы. Я всячески поддерживал прагматизм католикоса, хотя порой мне казалось, что следует направлять больше средств на сохранение наших исторических храмов.

Постоянные контакты я поддерживал и с католикосом Великого киликийского дома Арамом I, человеком ярким и интересным. Меня беспокоило трение между двумя ветвями Армянской апостольской церкви. Их объединение было бы благом, но я не видел реальных предпосылок для этого и не делал каких-либо попыток подтолкнуть процесс — считал, что результата все равно не будет, а вот напряжение может усилиться.

Сам я так и не стал верующим — видимо, веру в Бога надо закладывать в человека с детства, а этого со мной не произошло. К тому же я никогда не был достаточно суеверным для того, чтобы знакомство с Библией могло трансформировать суеверие в веру. Однако уважение к религии и к Армянской апостольской церкви я испытывал всегда. Храмы веками были центром общинной жизни для армян в отсутствие государственности, выполняя важнейшую функцию сохранения идентичности, языка и традиций. Думаю, что интуитивное понимание этого глубоко сидит в сознании каждого армянина, вне зависимости от степени его религиозности. Но делать вид, что я верующий, я не мог из-за патологического отвращения к притворству. И меня до сих пор раздражает показная набожность очевидных подлецов — они, по всей видимости, искренне верят, что вымаливают индульгенцию за свою грешную сущность.

ОБРАЗ ЖИЗНИ И СТИЛЬ РАБОТЫ

В 2003 году Второй телеканал Армении снял фильм «Работа номер один» про рабочий день президента. Фильм тогда вызвал много разговоров: действительно ли президент работает в таком режиме или это художественный вымысел с целью его пропиарить?

Это действительно был мой обычный рабочий день, в течение которого меня сопровождала камера, причем я долго сопротивлялся, прежде чем согласился на съемки. Кстати, автор фильма, журналист, позже стал моим пресс-секретарем.

Кому-то мой распорядок дня наверняка показался бы занудно однообразным. Все десять лет я жил по одному и тому же расписанию. Мой рабочий день начинался в 9:00. На работу я никогда не опаздывал. Работал шесть дней в неделю с одним выходным, в воскресенье. Первое время задерживался допоздна, но вскоре понял, что со свежей головой по утрам работаю гораздо продуктивнее. Стал уезжать домой в девять вечера, когда от усталости уже с трудом мог сосредоточиться. Два раза в неделю старался попасть в спортзал. В конце 1990-х годов нормальных залов не было, это уже позднее мы вложили огромные средства и отремонтировали все, что смогли. А тогда единственный хороший зал и двадцатипятиметровый бассейн находились в здании Красного Креста в пригороде Еревана. В этом зале по вечерам я играл с нашими спортсменами в баскетбол, потом полчаса плавал. Баскетбол, как и прежде, помогал освободить голову от мыслей о делах.

Жил я на правительственных дачах. К тому времени там как раз отремонтировали небольшой открытый бассейн. Первое, что я делал, вернувшись с работы, — сразу шел в туда. Плавание в прохладной воде помогало смыть с себя все рабочие дела. Никогда, кроме крайне редких неотложных случаев, я не брал домой никакой работы. Перед сном читал, обычно специальную литературу. В семье сложилось правило: о моей работе не говорить, и это помогало мне полностью отключаться от дел. Хуже всего, когда ты прокручиваешь в голове завтрашний день, лежа в постели. Утром непременно проснешься усталым.

В субботу я заканчивал работу пораньше и старался уехать за город на выходной. Летом ездил на Севан, плавал, осваивал виндсерфинг, водные лыжи, мотался по озеру на скутере. Осенью, когда начинался сезон, ходил в горы, охотился на перепелок и куропаток. Зимой, когда отстроили Цахкадзор, на выходные ездил туда, осваивал горные лыжи. Часто изматывал себя нагрузками, составлял себе плотный график, как на спортивных сборах. Сложнее всего мне дался виндсерфинг, месяца два ходил с ободранными коленями, как подросток, играющий в футбол на асфальте.

Вообще-то здорово, когда тебе нравятся все времена года! Осенью ждешь зиму, чтобы встать на лыжи, зимой ждешь весну, чтобы на лошади поскакать, лета ждешь, чтобы на парусе повисеть, а там уже и осень, куропаток пострелять! Когда с радостью встречаешь каждый следующий природный цикл, это позволяет оставаться в хорошем настроении. А хорошее настроение прямо влияет на твою продуктивность.

Но все это — лыжи, виндсерфинг, охота — только в выходные. За все годы моего президентства я никогда не позволял себе отдыхать в будни. Ни разу не делал того, чего не потерпел бы у подчиненных. С самодисциплиной я был в ладах с детства, жесткий режим работы и отдыха давался мне без усилий и составлял часть моей натуры.

За весь президентский срок я даже не болел толком — так, чтобы можно было бы отлеживаться без угрызений совести. Один раз

провалился дня три с аппендицитом и пару раз с гриппом. Отпуск брал только летом, на одну неделю, ездил в Грецию. Неделя — это максимум, что я мог себе позволить. В зимний же отпуск впервые поехал уже после президентства, когда ушел в отставку. Позднее, во время второго срока, когда дела стабильно шли в гору, я бы мог отдыхать и подольше, но все равно не стал ничего менять. Наверное, к большому огорчению министров — ведь не могли же они отдыхать дольше своего начальника. Сразу после новогодних праздников, 3 января, я с утра звонил министрам и руководителям ведомств по внутренней связи, запрашивал информацию, давал задания. Все это знали и готовились к звонку уже 2 января. Признаюсь, мне просто хотелось оторвать всех от обильных армянских новогодних застолий, которые длятся невероятно долго, и побыстрее вернуть госаппарат в нормальный рабочий режим.

Я строго придерживался самоограничений, связанных с моими представлениями о рамках дозволенного для президента: не участвовал в семейных торжествах, свадьбах или днях рождения, не ходил в гости, даже к родственникам. Считал очень важным подчеркнута одинаковое отношение ко всем, с кем работал. Еще важнее было показать, что близость к президенту не дает никаких преференций, а, напротив, обязывает к большей сдержанности и ответственности во всем. Возможно, перегибал палку — наверняка так считали все мои родственники, друзья детства и сокурсники.

Каждую субботу я утверждал подготовленный помощником детальный график будущей недели: все встречи, совещания, выездные события. Делал это так, чтобы все могли к ним подготовиться, в том числе службы протокола и безопасности. Еженедельно проводил обязательные встречи с премьером, министром обороны, главным полицейским, начальником службы нацбезопасности и прокурором. Раз в две недели ко мне приходили министры финансов и экономики, мэр Еревана и глава ЦБ. С такой же частотой встречался со спикером парламента и с лидерами коалиционных партий. Все остальные министры, руководители служб и губернаторы приходили на обязательный доклад ежемесячно, если не возникало

текущих неотложных вопросов. Это задавало работе определенный ритм, превращалось в функциональную рутину и не позволяло никому расслабляться. К встречам приходилось серьезно готовиться — на них мне докладывали о текущем состоянии дел и планах на будущее. Мне требовалась объективная и системная информация о положении дел и предложения по развитию отраслей или регионов. К докладам я предъявлял строгие требования. Не принимались пространные письменные или устные объяснения с общими рассуждениями. На полутора страницах можно спокойно изложить суть любой программы. Думаю, многие научились тогда лаконичным презентациям.

Для каждой встречи существовал жесткий регламент: закончиться раньше она могла, позже — нет. У меня в приемной никогда не скапливались посетители. Обычно каждому отводилось от получаса до часа. Никогда больше. Нет ничего, что нельзя обсудить за целый час. Одна затянутая больше запланированного встреча нарушала весь дневной график, так что это было табу.

Помню, однажды я принимал известного деятеля культуры по его просьбе: он сказал, что у него есть конкретный и срочный вопрос. Однако говорить начал на общие темы. За пять минут до конца отведенного ему времени секретарь по внутренней связи сообщила, что следующий посетитель уже здесь. Это служило сигналом о завершении. Мой собеседник посмотрел растерянно: «Но я ведь даже не успел сказать, зачем пришел! Мне надо еще столько же времени». Я ответил: «А вам бы понравилось, если бы вы сидели и ждали у меня в приемной целый час?» — «Н-н-н... нет», — смутился он. «Я думаю, что и министру, который ожидает в приемной, тоже не понравится. Наверняка у него в министерстве назначены встречи, на которые он тогда опоздает, и это точно не понравится уже тем, кто будет ждать в его приемной. Я на работе и не могу просто беседовать часами, даже с самым приятным собеседником. Расскажите моему помощнику о своей просьбе, и если это решаемо, то мы все сделаем». Этого человека у нас в стране все очень уважали, и я понимал, что он может обидеться. Но иначе у меня по цепочке

начались бы на час позже три следующие встречи и два совещания с большим количеством участников.

Кстати, его просьбу мы удовлетворили, и я надеюсь, что он все понял правильно.

Различных совещаний у меня проводилось много. В то время мы занимались масштабными реформами и требовались постоянные обсуждения с широким кругом участников. Обычно сразу после любого совещания создавался протокол с поручениями, ответственными и сроками выполнения. На следующий день его рассылали всем исполнителям и ставили на контроль. Невыполненные поручения воспринимались как ЧП и имели последствия. Объективность, дисциплину и пунктуальность я считал важнейшими элементами работы. В общем, дни проходили в режиме марафона, а под вечер больше работал с документами.

Я держал руку на пульсе событий, и все знали, что врать или приукрашивать ситуацию — дело рискованное. Всем, кто со мной работал, казалось, что у меня феноменальная память, поскольку я всегда помнил много деталей. На самом деле это было не совсем так. Колоссальный поток разнородной информации обострил мою ассоциативную память. Чтобы справиться с этим потоком, мозг раскладывал факты по «файлам» и привязывал их к людям — источникам этой информации. Стоило мне увидеть человека, как все связанные с ним подробности всплывали в памяти, часто к моему собственному удивлению.

Я считал, что чрезвычайно важно установить понятные всем границы полномочий каждого. На первой встрече с одним министром, через пару недель после его назначения, он, закончив общий доклад, начал согласовывать со мной ряд вопросов — их оказалось семь. Выслушав его, я сказал, что только три из этих семи вопросов нуждались в согласовании со мной. Остальные — в его полной компетенции. Почему он решил получить мое одобрение и по ним? Он растерялся, пытался найти объяснения, смутился и сказал, что все понял. Такие истории распространяются быстро, а их суть становится частью управленческой культуры. В правительстве не нужны

министры, не готовые принимать решения. Я не собирался выполнять их работу и снимать с них ответственность за результаты.

Как правило, все очень быстро приравниваются к требованиям руководителя, и вскоре стиль и режим его работы проецируется на всю управленческую структуру. В общем, жить спокойно и размеренно я не давал никому. Поощрял или хвалил редко — может, раз в год. Под Новый год приглашал на ланч всех руководителей министерств и ведомств и подводил неформальный итог, обычно представляя к наградам тех, кто блестяще справился со своими задачами.

Запрещал говорить персональные тосты — терпеть не могу, когда люди льстят, глядя друг другу в глаза, да еще и публично, изощряясь в выборе эпитетов. При этом все присутствующие прекрасно знают, что человек, произносящий тост, — неискренен, и от этого общего лицемерия становится особенно тошно. Если же за столом оказывается напыщенный начальник, то все тосты начинают крутиться вокруг его непревзойденных талантов. Происходит подобное повсеместно, практически на всех торжествах. Эта наша традиция всегда вызывала у меня острое неприятие. Она, к сожалению, делает лесть, неискренность и чиновничество частью нашей бытовой культуры.

Публичная часть моей работы казалась мне самой непривлекательной. Я понимал ее необходимость, но никогда не считал важной. Пресс-служба настойчиво подталкивала меня на разные пиар-акции. Придумывали новые форматы общения с телеканалами, встречи со студентами, импровизированные интервью при посещениях строек или новых предприятий. Проходило все очень интересно, но я считал, что не следует создавать у населения ожиданий, которые власть, скорее всего, не сможет выполнить в полном объеме. Потом у людей наступит разочарование, и надо будет думать, что с этим делать.

Я убеждал себя в том, что по итогам хорошей работы — пусть позже, через год, через пять лет, — люди все равно оценят сделанное мной. Не стоит тратить время и энергию, чтобы получить их

признание прямо сейчас. Мое слишком серьезное отношение к данным обещаниям перекрывало мне дорогу к популизму и демагогии. Дать слово, договориться о чем-то и не выполнить — это для меня было категорически неприемлемо. Я считал, что обещать надо всегда меньше того, что ты в состоянии сделать. Поэтому, наверное, мои речи и интервью всегда оставались честными, конкретными и сдержанными, хотя, может, порой и не в меру.

Над своими выступлениями всегда работал сам и даже придумал для этого собственную технологию. Сначала я составлял план выступления и выделял главные его акценты. После этого помощник разворачивал их в текст. Дальше текст возвращался ко мне, и началась основная работа. Обычно в итоге выступление менялось до неузнаваемости, а помощникам я в шутку говорил, что привлекаю их, чтобы понять, как нельзя писать.

Я перечитывал написанное и безжалостно редактировал: выбрасывал все слова, знаки препинания, без которых можно обойтись, максимально упрощая структуру предложений. Устная речь не должна изобиловать сложными оборотами, они затрудняют ее восприятие. Потом откладывал получившийся текст в сторону, а через день возвращался к нему со свежим взглядом и дорабатывал до финального варианта. Перед самым выступлением отмечал маркером ключевые слова в каждом предложении. Это позволяло лишь изредка бросать взгляд на листки с текстом и сохранять хороший зрительный контакт с аудиторией. У каждого своя особенная ритмика речи, привычные обороты и словарный запас. По тому, как человек читает, всегда видно, является ли он автором текста.

В те годы администрация президента стала локомотивом кипящей в стране работы, задала ей бешеный темп, от которого никто в госаппарате не вправе был отставать. Иногда даже думаю: может, поэтому я и не хотел оставаться на должности президента? Складывалось ощущение, что жизнь течет по казарменному распорядку, который я сам себе навязал, а все самое интересное проходит мимо. Как в старом советском анекдоте: во время приема в партию члены бюро райкома объясняют молодому кандидату,

Часть III. АРМЕНИЯ

каким должен быть моральный облик коммуниста: «Кристалльно чистый во всем! Нельзя пить, курить и с женщинами флиртовать!» И тут один из членов бюро, старый коммунист, задает вопрос на засыпку: «А если будет нужно, готов ли ты за партию жизнь отдать?» Совсем расстроенный кандидат робко отвечает: «Конечно, готов. Зачем мне такая жизнь?»

Хотя я и после отставки продолжал жить по жесткому расписанию.

ОСОЗНАННОЕ РЕШЕНИЕ УЙТИ ИЗ ПОЛИТИКИ

Года за два до окончания второго президентского срока я начал думать об отставке. Прежнего азарта работа уже не вызывала, все шло как в отлаженном механизме, и появилось ощущение, что моя жизнь движется по кругу. Проводить реформы было по-прежнему интересно, но обязательная, из года в год повторяющаяся рутинная работа начала изрядно надоедать. Позволить себе расслабиться, заняться личными делами я не мог — слишком серьезно относился к должностной ответственности. Мне действительно захотелось от всего этого уйти, получить свободу и переключиться на что-то другое. Это не являлось усталостью, от работы я не уставал. Осознание того, что рано или поздно я все равно уйду, присутствовало всегда, но сейчас оно стало кристально ясным. Возможно, мне хотелось избавиться от постоянного ощущения ответственности.

За всех.

Люди в Армении убеждены, что президент в ответе за все, что бы ни происходило в стране. И неважно, что по Конституции он вообще не имеет к этому отношения: все равно решения всех вопросов ожидают именно от президента. С этим ощущением ответственности за все и за всех я жил не один десяток лет — еще с тех пор, как возглавил движение за независимость в Карабахе. И понимал, что этот тяжелый груз смогу сбросить только вместе с должностью.

Я готов был сделать это с легкостью — атрибутика власти никогда не доставляла мне удовольствия. Напротив, чрезмерное внимание, охрана, целый штат обслуживающего персонала и готовность

окружающих услужить меня только напрягали. Попасть в рукав своего пиджака или открыть дверцу автомобиля я способен и сам, без помощников.

Всем, кто спрашивал меня о моих планах, я говорил, что намерен уйти согласно Конституции. Не все верили в искренность этих слов. Многие были убеждены, что я собираюсь баллотироваться на третий срок или ишу другие возможности остаться в политике и держать все под контролем. Меня считали человеком властным, а впечатляющие успехи в развитии страны как бы сами собой подразумевали, что я должен продолжить работу. Всех беспокоило будущее. Люди привыкают к стабильной ситуации, привыкают к лидеру, к его стилю работы, а изменения всегда содержат неопределенность и таят в себе риски — как общие, для всей страны, так и личные, для конкретных людей. Многие не понимали: зачем что-то менять, когда дела идут хорошо? Меня уговаривали остаться, тем более что сделать это тогда было не сложно, особенно на фоне внушительных успехов в экономике. Но все разговоры на эту тему я обрывал сразу же, не оставляя никаких сомнений в том, что действительно решил уйти из власти.

Мое намерение породило множество вопросов. Кто будет следующим президентом, как пройдут парламентские выборы, как после них сложится баланс политических сил? Какое влияние все это окажет на личную судьбу каждого человека в правительстве и президентском аппарате? Многие беспартийные министры потянулись к различным партиям. Они прагматично усмотрели такую необходимость, понимая структуру политической власти. Многие из них, посоветовавшись со мной, вошли в Республиканскую партию, что значительно укрепило ее кадровый потенциал. Впоследствии они продолжили работу в правительстве или в парламенте в составе фракции РПА.

Серж Саргсян и РПА

В июле 2006 года республиканцем стал и Серж Саргсян. Идея вовлечь его в партию принадлежала Андранику Маргаряну. Все

считали Сержа вторым лицом во власти — по степени влияния, хотя пост премьера занимал Андраник Маргарян. Дело было не только в особом статусе министра обороны воюющей страны. Серж оставался самым близким мне человеком, к тому же возглавлявшим разные силовые структуры Армении в течение многих лет. Этот факт существенно добавлял веса его формальному должностному статусу. Маргарян, председатель РПА, предложил Сержу вступить в партию, понимая, что его приход значительно укрепит партийный ресурс, а близость Сержа ко мне повысит степень моего доверия к партии. Дело шло к парламентским выборам, и Андраник очень прагматично и точно все просчитал. Мы втроем обсудили этот вопрос между собой, и Серж Саргсян вошел в РПА, сразу же став одним из ее лидеров. Специально для него по инициативе премьера в партии создали должность председателя правления, и съездом республиканцев на нее избрали Сержа. Внутри РПА все восприняли это позитивно. Так Серж Саргсян стал вторым человеком в партии.

25 марта 2007 года Андраник Маргарян скончался от обширного инфаркта. Я помню этот день: был выходной, я катался на лыжах в Цахкадзоре. Получив известие о смерти Андраника, тут же вернулся в Ереван. Маргарян оставался премьером семь лет, и я с большой теплотой вспоминаю годы нашей совместной работы.

Серж Саргсян заменил Маргаряна в кресле премьер-министра. Примерно через полгода, в ноябре, съезд Республиканской партии избрал его председателем партии и упразднил должность председателя правления.

Выбор преемника

За год до выборов вопрос преемника стал основной темой обсуждений. Я всем говорил, что ухожу, но не называл человека, которого хотел бы видеть на моем месте. Естественно, люди начали строить предположения, пытаюсь угадать, каким же окажется мое решение. Я же планировал озвучить его сразу после парламентских выборов,

чтобы в их преддверии не создавать напряжения между коалиционными партиями.

Особых сомнений я не испытывал, и мне не пришлось вести мучительные поиски. Самым естественным претендентом, конечно, был Серж Саргсян, в силу целого ряда факторов. Знал я его очень давно, когда-то мы вместе работали в комсомоле, а затем — в партийных органах, и хорошие отношения между нами выстроились еще в те годы. Позднее мы вместе участвовали в карабахском движении, руководили подпольем и стали не только соратниками, но и друзьями. В период ГКО Серж Саргсян руководил Комитетом самообороны, а в 1993 году уехал в Армению, где стал министром обороны и проработал руководителем разных силовых ведомств республики почти пятнадцать лет. Кроме личного доверия, важнейшим аргументом в пользу кандидатуры Сержа служила его карьера, выстроенная именно в структурах обороны. Я не мог представить никого, кто при давлении в ходе переговоров по урегулированию или при обострении карабахского конфликта держался бы увереннее, чем Серж.

По характеру мы сильно отличались друг от друга. Серж мог без усталости заниматься рутинными делами, умел терпеливо общаться и договариваться с самыми разными людьми. У меня эти качества отсутствовали напрочь. Я держал всех на дистанции, включая близких мне министров и руководителей служб, а моя прямолинейность и резкость характера иногда заставляли людей чувствовать и вести себя скованно.

Я терпеть не мог притворяться, что кому-то рад, если в действительности это было не так. Не хотел общаться с людьми, которые мне были неприятны или просто не интересны, а время, потраченное на такое общение, считал потерянным. Между тем в жизни иногда бывает необходимо общаться и с теми, кто не вызывает у тебя симпатии, чтобы не наживать врагов и оппонентов там, где этого можно избежать. Кто-то метко сказал: друзья приходят и уходят, а враги накапливаются. Все неприятное общение Серж Саргсян брал на себя и прекрасно с этим справлялся. Когда я предполагал,

что кто-то мог встревожиться или обидеться на меня, говорил Сержу: «Слушай, ты его пригласи к себе, выпей с ним кофе, поговори, успокой... чтобы к оппозиции не убежал. Я сам не могу — вообще видеть его не хочу». Или так: «Поговори с ним, мужик он вроде нормальный, но зануда, опять мозги мне вынесет». Словом, я делегировал Сержу то, что у него получалось значительно лучше. Это освобождало меня от необходимости тратить массу эмоциональной энергии на урегулирование нюансов человеческих отношений, в чем я не был силен, и позволяло уделять время тому, что мог делать хорошо и что считал для себя более важным.

При этом я понимал, что пройти через выборную кампанию Сержу, с его невысоким рейтингом, будет нелегко. Его долгое время воспринимали как «серого кардинала»; Серж часто служил мишенью для оппозиционных сил, и нападки на него носили резкий, негативный характер. Человек не публичный, он не обладал ораторским талантом, да работа министра обороны и не требовала таких навыков. Однако приближались парламентские выборы, которые у нас обычно проходят спокойнее, и там мы могли бы опробовать предвыборную кампанию.

Сам Саргсян никогда не спрашивал меня о том, кого вижу своим преемником, но, конечно же, я знал, что у него на этот счет большие ожидания. Догадаться было не сложно: многие из наших общих знакомых карабахских армян при каждом удобном случае спрашивали меня, принял ли я уже решение. Вскоре после парламентских выборов, в самом конце нашей очередной встречи, я сказал Сержу, что остановил свой выбор на нем и ему нужно готовиться к выдвижению. У совсем неэмоционального Сержа лицо просияло, и он вздохнул с облегчением.

* * *

Парламентские выборы 12 мая 2007 года прошли спокойно несмотря на высокую конкуренцию. За места в парламенте боролись двадцать три партии и блока, из которых только пять прошли пятипроцентный барьер. Сюрприз преподнесла партия «Прорывающаяся

Армения» — она уверенно вошла в парламент и сформировала вторую по величине фракцию. Царукян щедро тратился на предвыборную кампанию, которая строилась вокруг его же личности. Партия выступала с общими лозунгами простонародного характера, без острой политической критики. Несмотря на это, «Процветающая Армения» вызвала в обществе большой интерес и людей на ее митингах собиралось много. Разочарованный в своих лидерах протестный электорат искал новое пристанище, и многие стали связывать свои надежды с Гагиком. Однако по итогам выборов «Процветающая Армения» набрала голосов вдвое меньше, чем РПА. Серж Саргсян возглавил список РПА, и они показали, что гораздо лучше владеют выборными технологиями и организационно выстроенными механизмами мобилизации своего электората.

Выборы 2007 года отличились еще и тем, что произошла полная замена оппозиционного поля. В парламент не прошли ни Степан Демирчян, ни Арам Саргсян, ни Арташес Гегамян, многие годы доминировавшие в стане оппозиции. «Процветающая Армения» буквально вымыла из-под них разочарованный своими лидерами электорат. Новой парламентской оппозицией стала партия «Наследие» бывшего министра иностранных дел Армении Раффи Ованесяна, едва перешагнувшая пятипроцентный барьер. «Оринац Еркир» — партия бывшего спикера Артура Багдасаряна — тоже прошла в парламент, набрав семь процентов голосов. Дальше работа коалиции шла так же, как и раньше, просто «Оринац Еркир» в ней заменила «Процветающая Армения». Было подписано новое коалиционное соглашение между РПА, «Процветающей Арменией» и «Дашнакцутюн», сформировано следующее коалиционное правительство. Премьером избрали Сержа Саргсяна, который уже несколько месяцев занимал эту должность после смерти Андраника Маргаряна. До очередных президентских выборов оставалось меньше года.

ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 2008 ГОДА

Попытка возвращения Тер-Петросяна

Летом 2007 года несколько представителей крупного бизнеса просили передать мне, что к ним обращались люди из окружения экс-президента с просьбами помочь Тер-Петросяну вернуться в политику.

Я удивился.

Прошло почти десять лет с момента его отставки, и все это время Тер-Петросян отсутствовал на политической арене. Он жил затворником, занимался научной работой, писал книгу — кажется, про крестоносцев. Никакой политической деятельности не вел, ни во что не вмешивался и не проявлял ни малейшего интереса к политике. И вдруг ближе к осени, в конце августа, Тер-Петросян начал разъезжать по Армении и проводить встречи. Я не придал особого значения этим новостям — много работал и был слишком занят, чтобы задерживать на них внимание. Ну, разъезжает — и что? Не запретишь же первому президенту путешествовать по стране! Предпосылок к его возвращению я не видел, а предугадать, чем обернется и к каким последствиям приведет его внезапная активность, не мог.

21 сентября, в День независимости Армении, Армянское общенациональное движение — партия, которая потеряла власть с моим приходом и все эти годы являлась оппозиционной, — собиралась отметить праздник в отеле «Армения Мариотт». На этой встрече соратников с заготовленным текстом выступил Тер-Петросян, и его

речь оказалась громом среди ясного неба. Он обрушил на власти Армении поток гневных тирад, которые даже при большом желании нельзя назвать просто «критикой». Звучали резкие и грубые обвинения в адрес власти в целом, лично в мой адрес, а также в адрес карабахских армян — «карабахского клана», как он его назвал. В выражениях Тер-Петросян не стеснялся: обозвав существующую власть «криминальной», он заявил, что «страну разграбили», что «нынешняя власть хуже татаро-монгольского ига», что «при нынешнем руководстве Армения стала разбойничьим государством», и потребовал «прогнать карабахский клан, задушивший демократию в стране».

Выступление Тер-Петросяна было не просто неполиткорректным — оно было оскорбительным. Каждое его утверждение являлось клеветой, в каждом слове слышалась ненависть. Причем эти слова исходили из уст человека, молчавшего почти десятилетие, и звучали они на фоне небывалого экономического подъема, который тогда переживала Армения. Бывший президент, при власти которого экономика Армении сократилась в разы, с гневным выражением лица, не утруждая себя цифрами и фактами, обвинял в разграблении страны президента, в период работы которого ВВП Армении вырос в пять раз! Тот, кто после сфальсифицированных выборов 1996 года удержался в своем кресле через публичные избиения оппозиции и введение чрезвычайного положения, теперь вдруг заговорил о демократии? Безграничная степень лицемерия поражала!

В конце речи, сохраняя все тот же оскорбительный тон, Тер-Петросян объявил о своем намерении баллотироваться в президенты: «Я предлагаю себя в качестве инструмента, чтобы избавиться от этой разбойничьей клики... Моя цель — устранить их, а все остальное меня не интересует...»

План его был очевиден: убедившись, что я ухожу из власти, и зная, что преемником выбран Серж Саргсян, Тер-Петросян посчитал, что у него появился хороший шанс вернуться во власть. Способ достижения цели и выбранная тональность выступления исходили из его опыта прошлого. Он пошел путем, который

однажды уже привел его к успеху в 1988–1989 годах: тогда АОД пришла к власти на волне карабахского движения через радикальные лозунги. Те же методы и подходы они решили использовать и на этот раз. С той лишь разницей, что сейчас объектом ненависти оказались карабахцы.

Я испытал смешанные чувства: злость, досаду, недоумение... Оказывается, Тер-Петросян почти десять лет категорически не соглашался с нашей политикой, но почему-то молча! Он мог сделать конкретные заявления, выступить в прессе — да просто позвонить мне — и выразить свое несогласие с действиями властей. Если, конечно, его хоть в малейшей степени интересовало происходящее. Меня возмутила несправедливость и полная беспочвенность обвинений. Наверное, «криминальные действия властей» заключались в том, что в стране каждый год создавалось более 30 000 рабочих мест, а предприятия, которые были при нем разграблены и разорены, теперь начали работать...

На заявление, сделанное Тер-Петросяном, я ответил при первом же удобном случае — и ответил достаточно жестко. Специального повода для этого не искал: в то время, в годы строительного бума, каждую неделю сдавались в эксплуатацию по два-три крупных объекта. На одном из таких событий в Гюмри — на открытии аэропорта после капитального ремонта и модернизации — журналисты спросили меня: «Как вы относитесь к тому, что Тер-Петросян предлагает себя в качестве инструмента для избавления от “разбойничьей клики”?» Я ответил: «Я не встречал в своей жизни людей, пользующихся уважением в обществе, кто предлагал бы себя в качестве инструмента против другого. Никогда не думал, что президент может быть инструментом для пользования! К тому же любой инструмент после десятилетнего простоя ржавеет и морально устаревает, а изношенные и ржавые инструменты особым спросом не пользуются».

Этим я и ограничился.

Выступление Тер-Петросяна прозвучало как вызов, и я понимал, что экс-президент стремится к радикализации. Но мы ответили

по-другому. Мы опубликовали статистику и освежили в памяти людей все, что происходило в стране за последние десять лет. Показали в цифрах, как обстояли дела при Тер-Петросяне, в какой ситуации я принял эстафету и в какой — собираюсь сдавать. На Тер-Петросяне полностью лежал груз ответственности за падение экономики, за очень тяжелые зимы — 1992, 1993, 1994 годов, за последствия энергетического кризиса, к которому привели не блокада и не война. Кризис был рукотворным. Он стал результатом закрытия атомной станции под прямым давлением АОДа. Их же усилиями, под экологическими лозунгами, закрылись и медно-молибденовый комбинат в Алаверди, и весь химический комплекс в Ванадзоре. Этим аодовцы фактически сломали хребет армянской экономики. На них же лежала ответственность за ваучерную приватизацию, разрушившую промышленность страны. Став премьер-министром в 1997 году, я получил в наследство бюджет в 300 миллионов долларов, который к 2007 году вырос до 2,5 миллиарда. Насколько же плотная оболочка ненависти окутывала Тер-Петросяна, если он не видел очевидного! Пришлось также напомнить людям о том, как в те годы страну потрясла серия политических убийств, организованных Вано Сирадегяном — бежавшим из страны бывшим министром ВД. Наивно полагать, что президент не знал о преступлениях своего ближайшего соратника.

Мне казалось, что первый руководитель государства должен играть в жизни страны совершенно иную роль, нежели та, на которую сделал столь неожиданную заявку Левон Тер-Петросян. Его участие в предвыборной борьбе под крайне радикальными лозунгами полностью размыло особый статус «первого президента».

Вся осень 2007 года прошла под флагом формирования предвыборных блоков. В обществе доминировала тема возвращения Тер-Петросяна в политику после десяти лет полного отсутствия. Несмотря на то что у Тер-Петросяна остались свои преданные сторонники, для которых он олицетворял массовые митинги 1988–1990 годов в Ереване, социологические опросы по кандидатам в президенты показали, что шансов на победу у экс-президента

нет. Конечно, при любой власти и в любой, даже самой благоприятной, экономической ситуации всегда будут недовольные и ненашедшие своего места люди. На тот момент Тер-Петросян, благодаря своим ораторским способностям и таланту манипулировать толпой, мог стать фигурой, которая объединит протестный электорат. Но опасения, что он окажется в состоянии выиграть выборы, у меня не было абсолютно — даже в случае второго тура голосования, при условии привлечения на свою сторону всех выбывших кандидатов, вероятность его победы оставалась низкой. Рейтинг его неприятия оказался самым высоким среди всех претендентов на президентское кресло: более 70 процентов опрошенных отметили, что не будут голосовать за Тер-Петросяна ни при каких условиях. Причем столь отрицательный рейтинг держался вплоть до дня голосования. С именем Тер-Петросяна люди продолжали связывать свои страдания, вызванные резким ухудшением уровня жизни в начале 1990-х, с холодными и темными ночами в годы энергетического кризиса — следствием провального правления партии АОД.

Понимая это, Тер-Петросян сделал все возможное, чтобы оторваться от скомпрометированного названия. Вокруг него объединили группу карликовых оппозиционных партий, и теперь он уже выступал не как лидер АОДа, а как оппозиционный кандидат, консолидировавший часть оппозиции. Однако, несмотря на все старания, дистанцироваться от АОДа и ее одиозных представителей Тер-Петросяну не удалось — в восприятии людей он все равно ассоциировался с ними. Ссылка на то, что он вернулся в политику в окружении новых лиц, никого не убедила, поскольку лица эти выглядели далеко не свежими. Рядом с Тер-Петросяном оказались Степан Демирчян и Арам Саргсян, годом раньше с треском провалившиеся на парламентских выборах. В лагере первого президента оказались и люди из добровольческой организации «Еркапа» — в основном те самые, которые крутились вокруг Вазгена Саргсяна, а после его смерти стали бесхозными.

Еще одним ярким оппозиционным кандидатом на выборах был Артур Багдасарян, бывший спикер парламента, год назад ушедший

в отставку. Харизматичный, умеющий впечатлить публику, лидер партии «Оринац Еркир» развернул не менее активную и агрессивную кампанию. К моему удивлению, после отставки Артура «Оринац Еркир» сохранила влияние на свой электорат и сумела мобилизовать его на выборы.

Что же касается Сержа Саргсяна, то предварительные опросы показывали, что он должен набрать чуть больше половины всех голосов, причем немалую роль в таком раскладе играл высочайший отрицательный рейтинг Тер-Петросяна. Сам Серж активнейшим образом участвовал в предвыборной деятельности, много ездил по регионам, провел огромное количество встреч. Его команда работала с полной отдачей. Агрессивная предвыборная риторика Тер-Петросяна мобилизовала всех наших сторонников. Я в ходе кампании выступил лишь пару раз: выразил свою точку зрения, твердо высказался в поддержку Сержа Саргсяна, и этим мое публичное участие в кампании ограничилось. Я по-прежнему считал, что действующий президент не должен вовлекаться в предвыборный процесс и становиться его частью.

Сама предвыборная кампания получилась очень тяжелой. Острая, эмоционально неприятная — до отвращения, она шла с нарушением всех этических норм и границ. Пресса кишела взаимными обвинениями сторон. Истерия и агрессия кампании Тер-Петросяна набирала обороты, высказывания и лозунги становились все радикальнее, тема «разбойничьей клики» максимально раздувалась. Со стороны экс-президента и его сторонников начались активные попытки влияния на государственный аппарат, где по-прежнему работали многие из их знакомых. Придя во власть, я не стал менять всех подряд, а, напротив, сохранил должности за теми, кто уже накопил знания и опыт. Я считал, что институциональная память является важным элементом управления, а формируется она не только через решения и управленческую культуру, но и напрямую, через людей. Поэтому во власти на самых разных уровнях — не на министерских должностях, хотя некоторое время и там — оставалось немало людей, тем или иным образом

связанных с Армянским общенациональным движением. Кто-то работал с ними вместе в прежние годы, у других в АОДе состояли родственники. Теперь же сподвижники Тер-Петросяна активно пытались перетягивать старых знакомых на свою сторону.

Происходящее выходило далеко за рамки простой политической борьбы, во всем отчетливо проглядывали личные мотивы. Я понимал, что вряд ли бывший президент, потерявший кресло в конфликте со мной, будет радоваться нашим успехам. Отсутствие аргументов восполнялось нагнетанием слепой ненависти — в надежде собрать под своими знаменами всех недовольных.

Прогнозы оказались довольно точными. Выборы состоялись 19 февраля 2008 года, и по их результатам на первом месте оказался Серж Саргсян, набравший чуть меньше 53 процентов, ему существенно уступил Тер-Петросян — 21,5 процента, а Артур Багдасарян стал третьим — 17,7 процента.

Стояние на Театральной площади

А дальше начались совершенно непредсказуемые события.

На следующий день после объявления результатов Левон Тер-Петросян собрал митинг на Театральной площади, на котором отказался признать официальные итоги голосования. Он заявил, что выиграл выборы он, выиграл безоговорочно и является законно избранным президентом. После этого Тер-Петросян призвал своих сторонников не покидать площадь Свободы до тех пор, пока его победа не будет признана.

На площади перед зданием Оперы — Театральной площади, или площади Свободы, как ее еще у нас называют, — традиционно проводились все крупные митинги. Это то самое место, где когда-то все начиналось: в 1988 году именно здесь звучали требования признать независимость Карабаха, в 1996-м шли активные выступления против Тер-Петросяна. И вот теперь 21 февраля Тер-Петросян здесь же собрал своих сторонников и заявил о начале перманентных митингов.

Такого развития событий я не ожидал. Я предполагал, что Тер-Петросян не признает своего поражения. Но чтобы объявить себя победителем с 21,5 процента набранных голосов?! Даже для него это был перебор. При этом своими действиями Тер-Петросян не оставил ни малейшей возможности для диалога и поиска компромисса. Если бы он заявил, что сомневается в объявленных результатах первого тура и потребовал проведения второго, я мог бы это понять. В Армении отсутствовала культура стерильных выборов и могли встречаться различные нарушения. Ведь я помнил, как на моих выборах в 2003 году мои же сторонники предлагали для победы в первом туре чуть дотянуть процент голосов до нужного, что я тогда категорически отверг.

Результат, близкий к проходному порогу, может вызывать подозрения в легитимности выборов, даже если они абсолютно чистые. А такие подозрения способны подстегнуть протестный электорат, завести его, особенно если зафиксированы даже незначительные нарушения. Зачем Левону понадобилось загонять поствыборную ситуацию в полный тупик для себя и властей? Такой подход лишил меня как президента возможности разрядить обстановку. Единственное, что я мог тогда сделать, — это настоять, уговорить Сержа Саргсяна пойти на второй тур, несмотря на победу. Ради спокойствия и стабильности! Я уверен, что и во втором туре Серж выиграл бы с хорошим перевесом! Но что бы это дало? Если Тер-Петросян при 21,5 процента голосов объявляет себя победителем, то и после второго тура, независимо от результатов, он будет утверждать то же самое. Все повторится двумя неделями позже и, возможно, с большей агрессией. Тер-Петросян всегда считал, что в политике нет места морали, и часто говорил об этом публично. Он очень любил известное выражение «Цель оправдывает средства». Очевидно, еще задолго до выборов экс-президент убедил себя в том, что уже выиграл! Его оскорбительные предвыборные лозунги и избранная тактика не допускали даже мысли о поражении. Тер-Петросян не мог себе представить иного исхода выборов, кроме как собственной победы, и он ее провозгласил... правда, лишь на Театральной площади.

Взвесив все «за» и «против», я решил, что правильнее всего действовать согласно Конституции и никак не вмешиваться в избирательный процесс.

Начались непрекращающиеся митинги. Людей собиралось много, но все же не настолько, как пыталась представить оппозиция, называя совершенно фантастические цифры. При подсчете по фотографиям с крыши здания Оперы выяснилось, что на площади в среднем находятся 6000–7000 человек. Заметное для Еревана количество — около 15 000 — собралось только в первый день. Ночью в разбитом на площади палаточном городке оставалось всего человек пятьсот–шестьсот, утром народ снова подтягивался. Днем митинги шли почти безостановочно. Они не были санкционированными — их организаторы даже не обращались за разрешением к городским властям.

С каждым днем лозунги у митингующих становились все более радикальными: «Здесь мы формируем наше правительство», «Мы выиграли эти выборы и двинемся на президентский дворец», «Настоящая власть не там, а здесь», «Я — избранный президент!». На площади постоянно играла бравурная музыка, своими силами организовывали концерты, где приплясывал и первый президент. С первого же дня было организовано питание для всех желающих, на которое сразу же подтянулись городские бомжи.

Все расходы покрывали бизнесмены, поддержавшие выборную кампанию не только морально, но и финансово. В число основных спонсоров входил Хачатур Сукиасян, один из самых богатых людей в Армении. Свое состояние он сделал еще при АОДе, был близок к Тер-Петросяну, и в случае победы ему обещали премьерское кресло. Сукиасян очень негативно относился к Сержу Саргсяну и, вероятно, в его избрании видел угрозу своему благополучию. Никто не сомневался, что Хачатур окажется с оппозицией, но меня это особо не беспокоило. Я не делил бизнесменов на партийных-беспартийных и не задумывался, кто с кем водит дружбу. Я считал, что гораздо важнее не их лояльность, а то, что они создавали рабочие места и способствовали росту экономики. Среди

сторонников Тер-Петросяна встречались и другие бизнесмены, поменьше калибром, но средства в его кампанию они, несомненно, вкладывали. Так что денег на кормление митингующих хватало.

Уже 21 февраля ситуация приобрела несколько иной оборот: теперь в своих выступлениях на митингах Тер-Петросян выдвинул лозунг о начале кампании по деморализации госаппарата. Он объявил, что госслужащие и военные якобы переходят на сторону протестующих в массовом порядке, и призвал армию и правоохранные органы последовать их примеру. Поначалу, перечисляя своих сторонников, Тер-Петросян сыпал именами чиновников среднего звена, а потом неожиданно заявил, что его «всенародное движение» поддержали некоторые генералы и дипломаты. Речь шла о заместителях министра обороны генералах Гагике Мелконяне и Манвеле Григоряне, причем Манвел был еще и председателем «Еркрапа», а также о нескольких послых Армении в разных странах и одном заместителе министра иностранных дел. Имена дипломатов меня не удивили: все они вышли из АОДа, один из них в свое время работал пресс-секретарем первого президента, другой — помощником председателя парламента. Они начали карьеру при АОДе и довольно успешно продолжили при мне. Но имена генералов, особенно Манвела, меня возмутили. Я не хотел этому верить! Как Манвел мог пойти на такое предательство после того, как мы вместе прошли долгий боевой путь? Мне сразу вспомнилась озадачившая меня встреча с ним незадолго до выборов.

Манвела, одного из наших боевых командиров, который долгое время провел в Карабахе, я знал хорошо. Родом из Армении, в самом конце 1980-х он приехал в Карабах с добровольческим отрядом и оставался у нас всю войну. В 2000 году я назначил его заместителем министра обороны Армении и присвоил ему звание генерала. За пару месяцев до президентских выборов он попросил меня о встрече и сказал, что очень хотел бы поговорить со мной лично о выборах. Мы договорились увидеться в выходной, и Манвел приехал ко мне в Цахкадзор, где я останавливался в коттедже пансионата Армосгазпрома. Неожиданно для меня

он заговорил о том, что решение сделать Сержа Саргсяна моим преемником — большая ошибка. Что это неправильный выбор, что я Сержа плохо знаю и что в «Еркрапа» его многие не воспринимают. Манвел настойчиво уговаривал меня поменять решение и пойти на выборы самому. Часа через полтора, раздраженный, я прервал встречу: сказал, что не принимаю его аргументы и все останется так, как есть.

Разговор с Манвелом меня сильно удивил и озадачил. Я не знаю, случился ли между ним и Сержем личный конфликт, или кто-то пытался через Манвела повлиять на мое решение. Сержу я об этом случае никогда не рассказывал. Лишь позднее выяснилось, что военный прокурор Гагик Джаангирян еще осенью организовал встречу Манвела с Тер-Петросяном, на которой Манвел пообещал, что «Еркрапа» поддержит оппозицию. В последний момент он, правда, так и не решился на это, однако обещание Манвела придало Тер-Петросяну уверенности в своих силах. Первый президент никогда не был близок с военными. Сам он никогда не воевал и не занимался отрядами самообороны. У меня даже сложилось впечатление, что он несколько опасался и сторонился огрубевших от войны полевых командиров. Вся работа с ними лежала сначала на Вазгене Манукяне, потом на Вазгене Саргсяне, а после него — на Серже. Для Тер-Петросяна поддержка столь влиятельной, фактически полувоенной организации, как «Еркрапа», являлась фундаментальным фактором. Вероятно, она и определила принятую им чрезвычайно агрессивную предвыборную стратегию и ультимативные требования после объявления результатов.

Разбираться сразу с тем, что произошло, я не стал из-за нехватки времени — уезжал в Москву на очередной саммит СНГ. Решил отложить все действия на пару дней, до возвращения в Ереван, а пока поручил своим помощникам разобраться в достоверности заявлений Тер-Петросяна о перебежчиках. После завершения саммита мне предстояла запланированная встреча с Путиным и концерт ко Дню защитника Отечества. Но еще во время саммита все члены нашей делегации начали получать крайне тревожные звонки из

Армении: в офисе «Еркрапа» собралось множество людей, в том числе вооруженных, и ведутся бурные споры о присоединении к митингующим на площади Свободы. Очевидно, что в мое отсутствие пролевоновская часть организации решила перетянуть на свою сторону всех остальных. Одновременно с этим на Театральной площади Тер-Петросян дирижировал толпой, которая скандировала: «Ман-вел, Ман-вел...» — видимо, чтобы добавить генералу решимости и подтолкнуть к действиям. Обстановка приобретала контуры военного переворота. Сразу после саммита со мной связался глава СНБ Армении. Он просил срочно вернуться в Ереван, оценивая ситуацию как критическую. Я сообщил Путину, что не могу остаться на концерт, и прямо из протокольного зала Кремлевского дворца выехал во Внуково.

В аэропорту Еревана, как обычно, меня встречали члены Совбеза, вот только настроение у всех было совсем не обычное. Прямо у самолета мне дали краткую информацию об обстановке, которая мало изменилась за время полета. Я тут же поручил собрать на следующее утро в президентском дворце весь высший командный состав армии. Усилия Тер-Петросяна втянуть полувоенный добровольческий союз в политику создавали угрозу национальной безопасности, и требовалось срочно нейтрализовать ее.

В правление «Еркрапа» входили несколько действующих генералов, занимающих высокие командные должности в минобороны. Председателем правления являлся заместитель министра обороны Армении. Этим обстоятельством, в основном, и определялась влияние организации. Смысл такого симбиоза состоял в том, чтобы организация имела возможность и ресурсы заниматься участниками войны, помогать решать их проблемы, чтобы они сами не становились проблемой. На случай же обострения обстановки на переднем крае «Еркрапа» могла бы оперативно отправить туда отряды добровольцев, пока военкоматы будут формировать подразделения из мобрезерва.

В 1996 году Тер-Петросян уже использовал добровольческий союз в политических целях — для подавления выступления

оппозиции и сохранения своего влияния, а теперь он пытался втянуть «Еркрапа» в противостояние с властями.

Встреча с высшим командным составом утром 23 февраля оказалась недолгой и жесткой. Я предупредил, что не потерплю происходящего, и потребовал от военнослужащих — членов правления «Еркрапа» определиться: либо они немедленно выходят из организации, либо увольняются из армии. Потребовал у министра обороны принять меры, чтобы оградить армию от политических процессов. Поручил передать Манвелу, что к вечеру того же дня здание «Еркрапа» должно быть пустым. Если там останется кто-то, кроме одного сторожа, мы предпримем жесткие действия. Поручил подготовить указ о снятии с занимаемой должности Манвела Григоряна и предупредить его, чтобы он уезжал домой и чтобы я о нем больше ничего не слышал, пока ситуация не разрядится. Допустить дальнейшее существование полувойска организации, которая стремилась стать джокером в политических процессах, я не мог.

К девяти часам вечера здание опустело. Манвел сказал всем, что хорошо меня знает: если я сказал, то точно сделаю. Посоветовал разойтись по домам, а сам уехал к себе в деревню и ни во что не вмешивался. Я помню, что вздохнул с облегчением. С Манвелом мы вместе прошли долгий боевой путь, и мне не хотелось обрушить на него весь пакет мер, который президент может применить к строптивому генералу, — а я, несомненно, сделал бы это, если бы тот послушался. Манвела освободили с занимаемой должности 1 апреля, сразу после окончания отпуска, в котором он в то время находился. Чуть позже и по тем же мотивам уволили из армии другого генерала — Гагика Мелконяна. Сразу же после моего предупреждения, сделанного на совещании 23 февраля, из правления «Еркрапа» ушли все действующие военнослужащие. В тот же день моим указом был освобожден от своего поста примкнувший к оппозиции военный прокурор Гагик Джаангирян. Он также лишился звания госсюветника юстиции. Другими указами я снял с занимаемых должностей и лишил дипломатической степени трех послов и заместителя министра иностранных дел.

Мои действия сильно подпортили настроение митингующих на Театральной площади. Подкрепление из «Еркрапа» не пришло, и декларированное Тер-Петросяном разложение госаппарата не состоялось — перебежчиков оказалось всего несколько человек. Народа на площади становилось все меньше, приходили самые преданные и радикально настроенные. Полиция продолжала предупреждать, что митинги не санкционированы, но никаких действий не предпринимала.

26 февраля произошло еще одно примечательное событие, сильно расстроившее сторонников Тер-Петросяна. Набравший на выборах 17 процентов голосов Артур Багдасарян заявил, что выходит из оппозиционного движения и принимает предложение избранного президента о сотрудничестве. Днем раньше он попросил меня о встрече, но не в офисе, а у меня дома. Он не хотел, чтобы его видели в президентском дворце. Я знал от Сержа, что они общаются, и, конечно, понял цель его визита. Ко мне домой Артур приехал вечером, с конспиративными предосторожностями. Мы не общались со дня его отставки с должности председателя парламента, но встретились тепло. Он рассказал о договоренностях с Сержем и спрашивал моего мнения. Хотел, чтобы я подтвердил, что договоренности будут выполняться и его не «кинут». Свою предвыборную кампанию он провел очень жестко и теперь пытался выяснить, не осталось ли у нас сильного негативного осадка. Я заверил Артура, что мы с пониманием восприняли его тактику и что все договоренности с ним, без сомнения, будут выполняться. Через два дня на встрече с избранным президентом было подписано соответствующее соглашение.

Поскольку «стояние» на Театральной площади продолжалось, я каждый день заслушивал доклады руководителей правоохранительных органов. Начальник полиции Айк Арутюнян сообщил, что в палаточном городке появилось много людей с криминальным прошлым и бомжей. Его это очень обеспокоило: поскольку полиция не знает, что происходит внутри палаток и есть ли там оружие, с каждым днем возрастает риск провокаций и чрезвычайных происшествий. Ночами холодно, люди пьют много алкоголя,

возможны инциденты. При таком скоплении людей случайный подрыв гранаты подвыпившим человеком приведет к тяжелым последствиям. Могут быть и умышленные провокации, с целью свалить их на власти и накалить обстановку. Однако демонтаж палаток мог вызвать сопротивление, и тогда пришлось бы применять силу, чего нам не хотелось.

В конце февраля глава службы безопасности Горик Акопян поддержал опасения полиции о возможности провокаций на Театральной площади. По его сведениям, к собравшимся присоединились — после закрытия их офиса — и недовольные из «Еркрапа». Акопян сообщил, что большинство из них вооружены, а протестующим они собираются раздать железные прутья и дубинки. Медлить дальше они считали опасным, и полиция сочла необходимым срочно провести обыски в палатках, чтобы выявить и изъять оружие и вообще все, что может быть использовано для противозаконных действий. Об этом мне доложили Айк Арутюнян и Горик Акопян, причем начальник полиции был уверен, что с людьми получится договориться и все пройдет спокойно, без эксцессов.

Столкновение

Операцию по досмотру палаток полиция решила провести ранним утром 1 марта. Накануне вечером ко мне на прием попросился начальник службы госохраны Гриша Саркисян. Гриша работал со мной с первого дня моего назначения председателем ГКО в Карабахе. Хороший сотрудник и преданный мне человек, в тот день он оказался в явном замешательстве. Узнав от полиции об операции, он спросил, как ему быть, если вдруг на площади окажется Тер-Петросян? В Гришины обязанности по закону входило обеспечение безопасности отставного президента.

— Гриша, посмотри ваши протоколы и действуй строго по ним.

— Там написано, что если жизни охраняемого объекта угрожает опасность, то мы должны незамедлительно эвакуировать его в безопасное место! Ну а вдруг он откажется?

— А там про его согласие что-нибудь написано?

— Да вроде нет...

— Мой совет — действуй строго по инструкциям! И смотри, чтобы с бывшим президентом ничего не случилось.

Впрочем, все надеялись, что до таких проблем дело не дойдет.

Однако утром, когда внутренние войска приехали на площадь, оказалось, что их там ждали. Никто не спал, более того, людей на площади собралось раза в два больше, чем обычно. Многие из них держали в руках железные трубы и арматуру — митингующие явно знали о предстоящей операции и успели подготовиться к ней. Люди выглядели взбудораженными, крайне агрессивными и были настроены драться. Позже спецслужбы выяснили, что предупредил их о предстоящем обыске один из сотрудников полиции, подполковник Армен Никогосян, симпатизирующий Тер-Петросяну и владеющий информацией по долгу службы. Позже за этот поступок его осудили на два года. На суде он признал свою вину.

Постфактум, анализируя случившееся, я думаю, что полиции в той ситуации следовало воздержаться от любых действий и отменить операцию. Но руководивший операцией полицейский оказался человеком решительным и отменять ничего не стал. Он не сомневался, что действует строго по закону, и не стал ранним утром беспокоить начальство. Как бы то ни было, цепочка событий начала разворачиваться в том направлении, которого никто не предполагал.

Прежде чем полиция успела объявить о целях операции, в нее из толпы полетели камни и арматура. Разговора явно не получилось. Используя щиты и дубинки, внутренним войскам пришлось вытеснить митингующих с площади. Тер-Петросяна, оказавшегося среди них, Гриша Саркисян эвакуировал домой. Вся операция длилась около часа. После того как люди разбежались, полицейские разобрали палатки. В окрестных кустах и на газоне нашли несколько гранат, три пистолета, много патронов, большое количество металлических прутьев и «ежей», а также коробки с таблетками и растворами. Видимо, владельцы этого арсенала испугались, что попадут под статью о незаконном хранении, и просто выбросили его.

Площадь была расчищена. Оружия оказалось гораздо меньше, чем спецслужбы ожидали. По их объяснениям, из-за утечки информации его наверняка успели вывезти. В ходе столкновений телесные повреждения получили тридцать четыре человека — солдаты ВВ и полицейские, в основном от ударов арматурой и металлическими прутьями. Сколь-либо серьезно пострадавших в результате этих действий не оказалось.

Но силовой разгон митингующих спровоцировал мобилизацию сторонников Тер-Петросяна, и с 11 часов люди стали собираться уже на другой площади, перед мэрией и французским посольством. Поползли слухи о множестве погибших во время утренней ликвидации палаточного городка. Начался митинг. Уровень агрессии постепенно нарастал — нашлись люди, умеющие возбуждать толпу и раскачивать ее эмоционально. Около полудня члены штаба Тер-Петросяна стали координировать и осознанно направлять действия собравшихся. По их команде двумя троллейбусами перекрыли дороги, ведущие к площади. Ораторы, выступающие на митинге, обратились к людям с призывами свергнуть власть. Начались выкрики о том, что пора браться за оружие, идти на Баграмяна, 26, и штурмовать здание президентского офиса. Митингующие скандировали: «Левон — президент, Артур — предатель», имея в виду заявление Артура о сотрудничестве с властями.

Дальнейшие события заслуживают того, чтобы описать их подробно, буквально по часам.

Примерно около двух часов дня, при участии омбудсмена, полиция договаривается с собравшимися перед мэрией о продолжении митинга либо у Республиканского стадиона, либо у Матенадарана. Несколько лидеров оппозиции пытаются увести людей, и часть толпы, действительно, начинает двигаться с площади. Ближе к трем, после переговоров с участием Давида Шахназаряна и Хачатура Сукиасяна, кордон полиции, разделяющий две группы митингующих, снят: достигнуто соглашение о готовности полиции сопроводить протестующих к Матенадарану. Давид Шахназарян от имени Левона призывает людей направляться к стадиону, но радикальная часть

толпы, контролируемая Николом Пашиняном, требует инструкций лично от Тер-Петросяна. Кто-то едет к Тер-Петросяну домой, остальные демонстранты остаются на площади ждать их возвращения.

Никол Пашинян призывает возбужденную толпу не поддаваться на уговоры полиции. Он кричит: «Нет, никуда не идем! Остаемся здесь, баррикадуемся!» Полицейские по-прежнему пытаются уговаривать людей: «Как же так, братцы? Мы же договорились!» Их поддерживает Хачатур Сукиасян, который обращается к толпе: «Пожалуйста, хотите митинг — идите на Матенадаран». Ему вторит Давид Шахназарян, свояк первого президента, но перекричать Пашиняна им не удается, и они покидают площадь.

Управлять толпой остается Никол Пашинян, который называет себя главным представителем Тер-Петросяна и, ссылаясь на его распоряжения, приказывает всем оставаться на площади у посольства, строить баррикады и подручными средствами оказывать сопротивление силам правопорядка. Митингующие с готовностью отзываются на его слова и переходят к действиям: захватывают и сжигают два полицейских уазика, избив самих полицейских и похитив их табельное оружие; затем нападают на прибывшую к горящим уазикам пожарную машину. Бросаются избивать полицейского, дежурящего у входа в мэрию, — депутат от партии «Наследие» Армен Мартиросян, вставший на его защиту, получает ножевое ранение. Словом, несколько тысяч отнюдь не мирных человек буянят в центре столицы Армении, и единственный, кто еще может попытаться остановить вакханалию, — это Тер-Петросян.

Однако Тер-Петросян останавливать никого не собирался. Он не принял даже Католикоса, приехавшего к нему домой с миротворческой миссией. Перед тем как направиться туда, Католикос позвонил мне и сказал, что сильно обеспокоен происходящим, хочет встретиться с Тер-Петросяном и поговорить с ним о том, как можно успокоить ситуацию. Я обрадовался этому предложению, но усомнился, что Тер-Петросян готов к подобному разговору: «Он уже провозгласил себя президентом и требует президентский дворец! Что тут обсуждать!»

Позднее Тер-Петросян пытался найти себе оправдания, утверждая, что находился под домашним арестом. Это было неправдой, его никто не арестовывал. Да, утром, когда на Театральной площади проводилась операция по досмотру палаточного городка и произошло столкновение с полицией, охрана, ответственная за безопасность экс-президента, увезла его домой. Но насильно его там никто не удерживал, и он в любой момент мог оттуда выехать. На площади перед мэрией Тер-Петросян отсутствовал по собственному решению. Вероятнее всего, он просто побоялся попасть в непростую ситуацию: на площади уже жгли машины и строили баррикады. Поехав туда, экс-президент оказался бы перед выбором: либо найти способ успокоить людей, либо возглавить агрессивную толпу и тем самым взять на себя ответственность за массовые беспорядки и противостояние с полицией. Успокаивать людей не входило в его планы, но и возглавлять бунт он не стремился. Поэтому версия домашнего ареста стала наиболее удобной. Вроде бы «рвался к своим сторонникам... но не смог — не пустили». Давать распоряжения по телефону из дома было куда безопаснее.

Еще раз подчеркну: Тер-Петросян пользовался полной свободой и мог идти куда угодно, но — без охраны. Президент имеет право на охрану, это предусмотрено законом, но охрана — это офицеры с оружием. Должны ли они охранять того, кто нарушает закон, и таким образом способствовать преступлению и становиться его соучастниками? А экс-президент прямо нарушал закон, организовывая несанкционированные митинги и провозглашая себя избранным президентом! Поэтому ему было сказано, что офицеры не пойдут на незаконные собрания, где возможно противостояние с полицией.

Дальше события разворачивались очень быстро. Доклады, которые я регулярно получал от руководителей службы безопасности и полиции, становились все более противоречивыми. К четырем часам дня стало очевидно, что полиция явно не справляется, ситуация выходит из-под контроля и для ее разрешения потребуются радикальные меры. Я впервые подумал, что, возможно, придется

вводить чрезвычайное положение, и, чтобы быть готовым к наихудшему сценарию, поручил подготовить проект соответствующего указа. По Конституции чрезвычайное положение мог ввести президент по согласованию с председателем парламента и премьер-министром. Я сразу поставил в известность Тиграна Торосяна, спикера парламента, и Сержа Саргсяна о возможном введении ЧП, если ситуацию не удастся взять под контроль, и поручил предупредить правоохранительные органы.

К вечеру площадь перед мэрией больше напоминала лагерь вооруженных повстанцев, нежели собрание мирных борцов за идею. Счет сожженных машин шел уже на десятки. Ораторы в своих воинственных выступлениях призывали народ к восстанию. Демонстранты продолжали перекрывать подъезды к площади, переворачивали уличные скамейки, возводили баррикады. Вооружались металлическими прутьями, разломав всю ограду Кировского садика и собрав арматуру с ближайших строек, выкорчевывали тротуарные плитки — запасались камнями. Окружили мэрию, били стекла в здании.

Когда внутренние войска, используя щиты и дубинки, попытались отеснить собравшуюся толпу от мэрии, чтобы освободить заблокированный вход, они встретили яростное сопротивление. Митингующие были вооружены не только трубами и арматурой: когда разгоряченная толпа, подстрекаемая призывами своих лидеров, бросилась на оцепление, в полицейских полетели гранаты, взрывные устройства и «коктейли Молотова».

Взрывом одной из гранат был смертельно ранен капитан внутренних войск. Атакующие прорвали полицейский кордон, и все смешалось: полиция, внутренние войска, демонстранты. Зазвучали выстрелы, и в этом хаосе было уже не разобрать, кто в кого стрелял, кто нападал, кто оборонялся. Полиция отступала, неуправляемая толпа двинулась дальше по улице, продолжая бесчинствовать. Демонстранты били стекла, переворачивали, обливали бензином и поджигали припаркованные автомобили. Со случайно проезжающими мимо машинами граждан поступали точно так же — останавливали, окружали, водителя и пассажиров выволакивали

на дорогу, машину переворачивали и устраивали из нее костер. Изувечили и сожгли еще несколько полицейских УАЗов, машин скорой помощи. Часть людей бросилась громить магазины: из продуктовых ящиками тащили спиртное, мародерствовали в торговых центрах — выносили шмотки, обувь — все, что попадалось под руку.

Дальше ждать было просто недопустимо. Я еще раз созвонился с Тиграном и Сержем и, получив их согласие, подписал уже готовый указ о введении чрезвычайного положения в Ереване сроком на двадцать дней. Обязанность обеспечивать режим была возложена на полицию и министерство обороны. Я сразу же выступил с обращением к народу и провел пресс-конференцию.

Беспорядки продолжались примерно до двух часов ночи...

Рано утром я побывал на площади и примыкающей к ней улице, где происходили столкновения. Картина была удручающая. Еще стояли неразобранные баррикады, везде виднелись груды камней, разбитые и искореженные автобусы, обгоревшие останки машин. Под ногами хрустели осколки выбитых окон и витрин. Валялись пустые бутылки из-под пива, вина, водки, награбленных в магазинах. Прямо перед мэрией на тротуаре лежали тела двух мужчин, один шевелился — оказалось, пьяные в стельку бомжи.

Оттуда сразу же поехал в военный госпиталь, где лежали несколько десятков раненых военнослужащих. Это были совсем молодые ребята, большинство — солдаты срочной службы, в основном с осколочными ранениями. Я провел с ними больше часа, расспрашивая о вчерашних событиях. Я хотел увидеть случившееся их глазами, услышать, что они об этом думают. Ребята говорили, что не ожидали нападения, жестокость толпы их поразила, они не понимали, как такое могло случиться.

Расследование и причины трагедии

Всего в результате массовых беспорядков в Ереване погибло десять человек, двое из которых — полицейские, а всего пострадало более ста тридцати человек. Толпа сожгла и превратила в груды

искореженного металла более девяноста транспортных средств, из них сорок шесть принадлежащих полиции, двадцать семь единиц общественного транспорта и девятнадцать — личных автомобилей граждан. Двенадцать магазинов были полностью разграблены.

Уже в ходе следствия стали понятны детали: основное столкновение, в ходе которого погибли люди, произошло на том самом участке возле мэрии, где толпа бросилась на полицию и, пробив полицейский кордон, пошла вверх по улице, круша все на своем пути. Там, где все перемешалось. Там, где громили магазины и жгли машины. Именно в этом месте погибли все десять человек: и полицейские, и гражданские.

Никто из более или менее известных оппозиционных деятелей, политиков, партийных лидеров не пострадал. Все убитые гражданские оказались абсолютно неполитизированными людьми, пострадавшими случайно, по трагическому стечению обстоятельств, — и это говорит о непреднамеренном характере происшедшего. Восстановить, отследить по камерам, кто в кого стрелял, было невозможно — в те годы на улицах камеры встречались очень редко, а на том участке они вообще отсутствовали. Трое погибли от неправильного применения ружей для стрельбы контейнерами со слезоточивым газом. Отстрелянные с близкого расстояния, в толпе, где перемешались протестующие и полиция, контейнеры попали в головы людей. Идентифицировать, из какого конкретно ружья произведены смертельные выстрелы, не удалось, поскольку эти ружья гладкоствольные. Еще один человек погиб от удара тупым предметом по голове, и четверо — от пулевых ранений. Экспертиза пулевых ранений установила, что ни одна пуля не была выпущена из штатного оружия полицейских или военных. Это обстоятельство вызвало много кривотолков и сомнений в полноте проведенного расследования. Хотя стрелять мог кто угодно: в Армении после карабахской войны на руках все еще оставалось много оружия. Стрелять могли граждане, защищавшие свое имущество от мародеров. Владельцы машин, пострадавших от нападения, могли иметь оружие и применить его, защищая себя и своих близких от

агрессивной толпы. И конечно, те люди, от рук которых погибли двое полицейских. Но все это лишь предположения.

Много разговоров велось о том, кто отдал команду стрелять. Но там, где погибли все жертвы трагедии, сложилась абсолютно неуправляемая ситуация, не поддающаяся никакому контролю извне. Происходившее скорее походило на большую стихийную уличную драку — никаких централизованных команд там не было и быть не могло. Толпа нападавших демонстрантов смешалась с полицией и внутренними войсками, и полицейские действовали по обстановке. Согласно закону о полиции, при возникновении угрозы для жизни полиция имеет право применить оружие независимо от того, введено чрезвычайное положение или нет. Гибель капитана и солдата ВВ, десятки раненых и избитых полицейских являлись достаточно веским основанием для применения оружия в целях самообороны.

То, что случилось 1 марта, выявило неготовность наших сил правопорядка к такому сценарию и к тем действиям, которых он потребовал. Конечно, сказалась и усталость внутренних войск, укомплектованных солдатами-срочниками — они уже десять дней бесценно несли службу. К тому же не имели должного опыта использования спецсредств. За все десять лет моего президентства полиция применяла силу единственный раз, и тогда она задействовала резиновые дубинки, электрошокеры и шумовые гранаты. Регулярные общие тренинги внутренних войск опирались на древние, еще советские инструкции и сценарии. Из-за того, что эксцессы такого рода в стране случались крайне редко, войска были плохо оснащены техническими средствами. Все, что у них имелось, — это безнадежно устаревшие шумовые гранаты да огромные ружья с длинными стволами для стрельбы контейнерами со слезоточивым газом. На Западе уже давно применяли ружья нового поколения, короткоствольные, стреляющие в воздух по траектории, которая обеспечивает низкую начальную скорость полета контейнера со слезоточивым газом. Такие современные спецсредства гарантируют максимальную безопасность их применения. А у нас

при использовании спецсредств три человека погибло! Это стало для нас тяжелым уроком.

По итогам расследования сто пятьдесят два человека получили обвинения в организации массовых беспорядков, повлекших гибель людей. В суд отправили девяносто три уголовных дела, по которым проходили сто шестнадцать граждан. Шестьдесят три человека получили различные тюремные сроки. У некоторых из них эта судимость стала далеко не первой. Следствие велось долго, события пришлось восстанавливать по крупицам, поэтому основные следственные действия и все судебные процессы проходили уже после окончания моего президентства.

Главное действующее лицо беспорядков у мэрии, Никол Пашинян, сумел скрыться. Его объявили в международный розыск, предположив, что он покинул Армению, но оказалось, что Пашинян никуда не уезжал, а больше года прятался в чьей-то квартире в Ереване. Потом, видимо, ему надоело скрываться, и он сам явился с повинной. Может быть, ему пообещали, что он отсидит минимальный срок, а затем его освободят досрочно. Так и получилось. Суд получил все видеоматериалы, записи его выступлений, телефонных разговоров с явными и конкретными призывами к насилию. Обращаться в Европейский суд по правам человека для обжалования своего приговора Пашинян не стал, объясняя это юридическими процедурами, связанными с амнистией, по которой был освобожден.

Трагические события 1 марта стали апогеем многомесячной кампании Тер-Петросяна по максимальной поляризации и радикализации армянского общества. Целенаправленное манипулирование настроениями толпы, интенсивное нагнетание атмосферы ненависти прорвались наружу необузданной и разрушительной энергией разъяренной толпы. Психологические раны в обществе, вызванные этой трагедией, спустя десять лет все еще дают о себе знать. Политики должны нести ответственность не только за то, что делают сами, но и за действия, к которым они побуждают своих сторонников.

Чрезвычайное положение вводилось всего на двадцать дней. Установленные им ограничения работы прессы и права на митинги

очень скоро сошли на нет. Жизнь в стране быстро вернулась в привычное русло, но необходимость залечивания ран в общественном сознании сохранялась еще долго. Приходилось терпеливо объяснять людям, что произошло. Мы проводили пресс-конференции, отвечали на все возникавшие вопросы, подтверждали свои слова фактическими материалами. Самым лучшим описанием событий стал сделанный Общественным телевидением фильм, куда вошли все имеющиеся свидетельства, все записи, вся хронология того дня в малейших деталях, где были поминутно зафиксированы все эпизоды, их время и место. Материалов удалось собрать много. Журналисты в тот день вели постоянные репортажи с улиц и площадей и запечатлели все переговоры между полицией и демонстрантами, все выступления оппозиционных деятелей на митингах, все призывы к беспорядкам и бунту. Нам было важно показать общественности и международным организациям, как в действительности разворачивались события.

Спустя годы после трагедии можно сколько угодно рассуждать о том, существовал ли способ обойтись без жертв. Цепочка состояла из множества элементов, и изменение любого из них повлияло бы на ход событий. Не думаю, что удалось бы полностью избежать столкновения, но пострадавших могло быть гораздо меньше, а погибших — не быть совсем. Однако произошло то, что произошло, и из трагедии прошлого в первую очередь надо делать правильные выводы — ради будущего.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Мысли вслух

На инаугурацию Сержа Саргсяна я поехал с женой, пребывая в хорошем расположении духа. Вечером просматривал статистику по Армении за годы президентства, подводя для себя итоги проделанной работы. Среднегодовой рост ВВП составил более 10 процентов при средней инфляции в 3,2 процента. Экономика Армении выросла в 5 раз, бедность сократилась в 2,3 раза, а крайняя бедность — в 7 раз. Миграционное сальдо наконец-то ушло в плюс, люди стали возвращаться в страну. Упаднические настроения удалось преодолеть, а навязанный миф о невозможности развития страны до тех пор, пока не будет решена проблема Карабаха, развеялся. У людей появилась вера в будущее Армении. Любой президент может мечтать о таких результатах, поэтому я уходил с должности с приятным чувством исполненного долга.

По дороге думал о семье, которая все эти годы оставалась моим надежным тылом. В течение всех десяти лет моя семья не дала никому ни малейшего повода усомниться в своих ценностных ориентирах. Меня очень волновало, какими вырастут мои дети. Воспримут ли свой статус детей президента как право на привилегии или, напротив, как огромную ответственность за все, что они делают. Я благодарен им за то, что мне ни разу не пришлось краснеть за их поступки. Они никогда не имели охраны и категорически отказались от нее даже в тяжелые дни, сразу после 1 марта 2008 года. Когда Гриша Саркисян попытался временно закрепить за ними охрану,

все трое взбунтовались и пришли ко мне с протестом. Сказали, что лопнут со стыда, что просто не будут выходить из дома, если такое произойдет! Я беспокоился за безопасность детей, но их реакция меня вдохновила. Привыкшие ходить с охраной дети и подростки не получают крайне важный для них, полноценный опыт социального общения со сверстниками. А это накладывает неизгладимый отпечаток на всю оставшуюся жизнь.

Во время инаугурации я всматривался в знакомые лица вокруг и думал о людях, с которыми проработал многие годы. Очень хотел, чтобы их судьба и карьера удачно складывались и в будущем. Работать со мной наверняка было нелегко, и я благодарен тем, кто выдержал навязанный мною темп и вписался в жесткое требование полной самоотдачи в работе. Хорошими работниками дорожил, поэтому многие оставались рядом со мной на разных должностях все десять лет. Уверен, что они набрались знаний и опыта, которых будет достаточно на любом посту.

Конечно, я думал о Карабахе, о его будущем. Понимал, что международное признание НКР получит не скоро, но это не сильно меня волновало. Мы доказали, что Карабах может успешно развиваться и без формального признания. Тесные взаимоотношения и неразрывные экономические связи с Арменией позволили Карабаху вписаться в мировую экономику. Выданные всем карабахцам армянские паспорта обеспечили им свободу передвижения наравне с гражданами Армении. Мы получили уникальную функционирующую модель, что-то вроде асимметричной конфедерации НКР с Арменией. Главное, основы государственности в Карабахе заложены крепкие, что чрезвычайно важно для эффективности управления страной. Интеграция же вооруженных сил Карабаха и Армении придает уверенность в нашей способности защититься.

После инаугурации мы с Сержем, оба с женами, встретились в президентском дворце, немного поговорили, выпили кофе, и мы с Беллой уехали. Процедура передачи власти завершилась. Я абсолютно не представлял, чем буду заниматься и даже где буду жить. Позади остались двадцать лет служения стране в самый сложный период ее

истории. Впереди меня ждали заманчивая неопределенность и полная свобода, в которую я входил в возрасте пятидесяти четырех лет.

Постпрезидентская реабилитация

Утром по привычке проснулся рано и впервые в жизни понял, что означает не спешить на работу в будний день. Ставший образом жизни темп последних двадцати лет, со всем его напряжением, загруженностью и стрессами, вдруг исчез — а тело и сознание, привыкшие к нему, остались теми же.

Ощущения были очень необычные. За двадцать лет мир изменился до неузнаваемости, причем не только и даже не столько геополитически — радикально изменилась каждодневная жизнь людей. А моя личная жизнь была надежно отгорожена от этих перемен забором президентского дворца и большим обслуживающим аппаратом. В бытовом плане, просто как человек, я остался в 1990-х, да еще обремененный привычками первого лица государства.

Передо мной возникла совершенно реальная опасность в пятьдесят четыре года застрять в величии собственного прошлого — а мне этого совершенно не хотелось.

Надо было как можно быстрее избавиться от всех «дурных» привычек, выработанных за годы пребывания во власти, и вписаться в ту реальность, в которой я оказался, сделав ее максимально интересной. Такой переход назвал для себя «постпрезидентской реабилитацией» и решил пройти эту реабилитацию месяца за два-три.

Начал с освоения компьютера. Пользоваться им я умел весьма условно: просмотр электронных документов, решений правительства — в общем, тот минимум, который требовался чисто для работы. До отставки не имел даже сотового телефона — когда я стал руководителем ГКО в Карабахе, сотовых телефонов еще не было, а когда они появились, у меня не было в них нужды: ведь рядом всегда есть помощник со своим телефоном. Он же каждое утро кладет на стол распечатку новостей, так что искать их в интернете тоже не возникало необходимости.

Осваивать новые технологии принялся с азартом: посвящал этому часов по восемь ежедневно и довольно быстро превратился в продвинутого пользователя. В чем-то разобрался сам, но, конечно, здорово помогли сыновья — они отлично владеют компьютером, а младшему я часто говорю в шутку, что он избрал себе неправильную специальность: из него получился бы классный хакер.

Освоив компьютер где-то за месяц, я подумал, что готов к более резким шагам по расставанию с прошлым. Решил полностью оторваться от привычной среды — куда-нибудь уехать вдвоем с женой, просто пожить в совершенно незнакомом месте, без охраны, помощников и родственников.

Выбрал Шотландию. С Беллой и младшим сыном Левоном мы полетели в Лондон, где намеревались провести два дня, чтобы потом уже без Левона отправиться в Эдинбург. В Лондоне нас встретил Ваге Габриелян — наш посол в Англии, бывший когда-то моим пресс-секретарем. Ваге всячески старался нас опекать в те два дня, что мы провели в Лондоне, и сильно переживал, как же мы будем в Шотландии одни, — рвался нас сопровождать, но я его притормозил:

— Ты куда собрался? Я от всех убегаю, и от тебя тоже! Вся цель этой поездки — побыть одним. Ты хочешь мне ее испортить?

Он смирился — только спросил:

— Но почему Шотландия?

— Да потому, что там армян нет, — говорю, — а значит, надо будет выживать самим, начиная с английского и кончая всеми услугами и сервисом.

Мы провели в Шотландии десять насыщенных событиями и впечатлениями дней. Это было чрезвычайно интересно! Впечатления от потрясающе красивой Шотландии перемешались с совершенно новыми ощущениями от интенсивной адаптации к тому, что все окружающие воспринимали как ежедневную рутину.

Привыкание к новой для нас реальности, конечно, было шоковым, зато очень быстрым и эффективным. Наверное, многие люди с трудом расстаются с высокими постами, потому что сам переход

в другое состояние оказывается для них сложным: ведь выясняется вдруг, что ты уже не такая важная персона, какой был совсем недавно. В том, как окружающие относятся к должностному лицу, всегда есть две составляющие: отношение к самой должности и отношение к человеку, который ее занимает, — причем пропорции этих составляющих у разных людей совершенно разные. Надо быть готовым к тому, что вместе с должностью улетучится и должностная составляющая отношения окружающих к тебе — останется исключительно фактор масштаба твоей личности. Некоторые переносят это очень тяжело. Если же твоя самооценка не нуждается в особом внимании окружающих, ты счастлив увидеть, что жизнь отсеяла все то, что вызывало у тебя сильное раздражение. И вот это было здорово!

Просыпался я в Шотландии, как и всегда, рано, без будильника, и сразу шел в спортзал. Впервые в жизни записался на языковые курсы в «Берлитце» — решил подтянуть английский. Владел английским в принципе неплохо, но преподавателей у меня никогда не было — я его выучил сам. А начал еще в Карабахе — под воздействием стресса, полученного во время визита в Париж.

Это была моя первая поездка во Францию — примерно сентябрь 1993 года. Тогда у нас месяца полтора было перемирие, мир остро интересовался Карабахом, и меня пригласили выступить во французской Дипакадемии. Доклад я делал на русском.

В парижском отеле горничная, постучавшись, зашла ко мне в номер, что-то спросила по-французски, затем по-английски, затем еще на каком-то языке... Я абсолютно ничего не понял и не знал, что ей ответить. Она в недоумении развела руками, повернулась и ушла. Мне было страшно неловко, я чувствовал себя униженно! Я хорошо владел русским — и мне казалось, что этого более чем достаточно. С английским же в школе у нас было не очень, да и меня к нему совсем не тянуло...

После выступления в Дипакадемии заехал в книжный магазин, купил кембриджский курс английского с аудиоприложениями,

кучу еще каких-то книг и наушники и твердо решил не выезжать за рубеж, пока не научусь объясняться на английском. Шла война, я был страшно занят, но по возвращении из Парижа сидел над учебниками почти каждую ночь при свете керосинки и не снимал наушников, колеся в машине по всей линии фронта. Я бесконечно благодарен этой горничной-полиглоту за ее недоуменный взгляд, заставивший меня взяться за изучение языка.

А в Шотландии у меня наконец-то появились преподаватели. Каждый день я часа три-четыре проводил на курсах — они были рядом с отелем, минут семь пешком. В остальное время мы гуляли, ездили по стране, осматривали достопримечательности — в общем, вели себя, как обычные любознательные туристы, заполняющие каждый свой день увлекательными событиями. Было интересно даже просто зайти в магазин — ведь я лет десять вообще не бывал в магазинах! А какое удовольствие испытывал от обычной пешей прогулки по городу — без охраны, без ощущения, что кто-то все время идет за тобой.

Через неделю понял, что адаптация состоялась и я готов к новой жизни.

Сейчас я много путешествую и абсолютно все себе бронирую сам: билеты, отели, машины, рестораны. Меня часто можно увидеть в самолетах с маленькой дорожной сумкой на плече или на улицах европейских городов. Когда при виде меня чье-то лицо расплывается в улыбку, я безошибочно понимаю, что встретил армянина.

С сегодняшними технологиями можно было бы спокойно сократить половину президентского аппарата. У меня множество приложений в айфоне, и все они рабочие. Благодаря им успеваешь сделать массу дел, причем зачастую параллельно. Время — наш самый ограниченный ресурс, и с возрастом начинаешь его ценить гораздо сильнее. Мне нравится современная жизнь — она дает невероятные возможности, и это очень здорово.

После отставки у меня впервые за долгие годы появилось время на чтение, и я очень много читал, особенно поначалу. Еще президентом брал на заметку книги, которые хотел бы когда-нибудь прочесть, — и вот наконец появилась такая возможность. В первую

очередь увлекся книгами по управлению и лидерству. В советских технических вузах не учили управлению, психологии, лидерским навыкам — акцент делали на специальных дисциплинах: теоретическая механика, сопромат, теоретические основы электротехники... Мне было очень интересно понять, что я делал правильно и что неправильно с точки зрения теории управления.

Начал с книги «Семь навыков высокоэффективных людей» Стивена Кови — классика, которую, наверное, каждый управленец прочитал одной из первых, но у меня руки дошли до нее только теперь, когда управлять было уже некем. Прочел — и с удивлением обнаружил, что очень многое из того, что написано у Кови, мне знакомо до слез, притом что я-то обычно действовал интуитивно, исходя из здравого смысла и собственного понимания «правильного» и «неправильного», а это понимание естественно вытекало из моего мировоззрения, характера и привычек. Я и подумать не мог, что это уже давно и так интересно описано!

На книге Кови я, конечно, не остановился и перечитал огромное количество литературы по экономике, психологии, управлению, саморазвитию — кажется, все или почти все интересное, что опубликовано на эти темы. Многих авторов сейчас не назову, но помню, что, начитавшись, немного расстроился: я-то думал, что сам напишу что-то экстраординарное и абсолютно новое, опираясь на свой опыт, а оказалось, что все уже написали и описали до меня, причем во всех мыслимых вариациях.

И еще пришел к выводу, что можно блестяще владеть теорией управления, но никакая теория не поможет, если эти знания не в гармонии с твоей сущностью. Ничего не выйдет — абсолютно. Я был знаком с совершенно несносным человеком, который знал наизусть известную книгу Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Он читал в вузе лекции «Как строить отношения», но у него никогда не было друзей, его терпеть не могли на кафедре и ненавидели все соседи.

Напротив, если за твоими плечами успешный опыт управления страной, если ты уверенно владеешь управленческими навыками,

если ты открыт для новых знаний, а блеск собственного величия не застит тебе взгляд, то достойная работа всегда тебя найдет. Так я получил приглашение от Владимира Евтушенкова войти в состав СД АФК «Система» в качестве независимого директора и работаю там по сей день. Компания оказалась удивительно интересной с самых разных точек зрения — это и набор совершенно разнообразных активов, и высокий уровень корпоративного управления, и выдающийся профессионализм, и мощный кадровый потенциал.

Общение с людьми, работавшими со мной в период моего президентства, какое-то время продолжалось, но постепенно становилось все реже — сейчас близкий контакт есть лишь с немногими. С большинством сохранились хорошие, уважительные отношения, но друзей среди них у меня почти не было. Как президент я всегда держал с сотрудниками определенную дистанцию — полагал, что первое лицо не должно формировать круг особо приближенных людей, особенно в стране, где такие отношения часто перерастают в клановость. Из своих друзей молодости в правительство не привел никого. Мой самый близкий друг погиб в начале войны. Многие из тех, с кем я общался в юности, разъехались по разным странам. Друзьями могу называть тех, с кем сдружился до президентства или сблизился уже после. Основой дружеских отношений для меня никогда не было совместное праздное времяпровождение — отношения всегда завязывались вокруг чего-то, что меня увлекает. Я не любил большие шумные компании, застолья, ночные бдения — они меня неизменно раздражали. Сейчас могу позволить себе роскошь общаться только с теми, с кем мне интересно.

Когда-то в молодые годы я увлекался психологией и сейчас вновь вернулся к этой теме — освежил старые знания и прочел много нового и интересного. Уход с высокой должности позволяет взглянуть на жизнь совершенно другими глазами. Прежде у меня не было подобного опыта: вся моя предыдущая карьера складывалась по нарастающей, а в таких случаях окружающие тебя люди — их работа, карьера, социальный статус — всегда в какой-то степени зависят от

тебя. Когда ты большой начальник, тебе кажется, что ты отлично распознаешь сущность каждого человека. Искренне веришь в свою проницательность, и это подпитывает твою самооценку. Черта с два! Ты часто видишь людей такими, какими они хотят себя выставить в твоих глазах. Окружающие знают тебя намного лучше, чем ты сам! Ты один, а их сотни, и они лучше чувствуют тебя — для них это крайне важно: от этого зависит их благополучие. Ты же не обязан их чувствовать, да и не хочешь их чувствовать — тебе не до того, ты слишком занят. Тебе важно, чтобы они выполняли свою работу так, как ты требуешь. В итоге оказывается, что многие прекрасно подстраиваются под твои требования и действительно хорошо делают свое дело, но твое мнение об их личностных качествах оказывается весьма далеким от реальности.

Я разочаровался в некоторых людях, занимавших при мне высокие посты. Они хорошо справлялись с работой, показывали высокие результаты, и я связывал их успех не только с рвением и профессиональными знаниями, но и с цельностью их натуры. И вдруг оказалось, что это иллюзия. Оставшись на своих должностях после меня, они с таким же успехом стали делать вещи, абсолютно противоположные тому, что делали при мне. Получается, они тогда хорошо освоили мои требования и подстроились под мои принципы — но это не вытекало из их личностного мировоззрения, не было продиктовано жизненными принципами. Означает ли это, что эти люди плохи? Вовсе нет! Все они позитивны, исполнительны, но лидерами никогда быть не смогут: невозможно стать лидером, не имея принципов, которые исходят из твоей сущности и мировосприятия и непременно подкрепляются твоей волей. Все оказалось в точности по Юнгу: «В борьбе за выживание каждый использует свою наиболее развитую функцию». И осознание этого тоже стало для меня новым опытом — и хорошим, и плохим одновременно. В качестве самоутешения могу сказать, что людей, в чьей сути я не ошибся, тоже оказалось немало.

Желание вернуться во власть так и не появилось, хотя многие безуспешно пытались вовлечь меня в какие-то политические

процессы. В переплетении множества интересов сложно было понять их истинные мотивы — где здесь личное, а где искренняя забота о том, что что-то идет не так и надо это исправить. По крайней мере, в моем представлении среди наших политиков осталось очень мало людей, для которых общественный интерес лежит выше всего личного.

Сложилось так, что вскоре после отставки я стал публичным критиком политики моего преемника. Случилось то, чего совершенно не ожидал и не хотел. В первое время мы встречались, и я старался выразить ему свое отношение к тем или иным действиям властей, которые вызывали у меня беспокойство. Мне казалось, что мой опыт и знания могут быть полезны, и я искренне готов был ими делиться. Но очень быстро выяснилось, что власть думает иначе. Мои советы воспринимались болезненно, и намерений хоть в какой-то степени к ним прислушаться не просматривалось.

Мне не нравилось чрезмерное стремление властей к политической монополии и неоправданное доминирование номенклатурной партии во всех областях. Усугубляющаяся монополизация экономики страны убивала конкуренцию в ряде отраслей экономики. Присущий нам nepотизм становился повсеместным. При этом все полагали, что поскольку мы с президентом близки, то все происходит при моем участии. Чтобы развеять эту иллюзию, я стал уже публично достаточно резко высказываться о злободневных, волнующих общество вопросах. В личном плане это было трудным решением, но мне хотелось, чтобы понимающие и уважающие меня люди знали мою точку зрения. Озвучивая свое мнение в прессе, я намеренно дистанцировался от происходящего, подчеркивая, что не разделяю подходы действующей власти. Уже через год после моей отставки мы практически перестали видеться с новым президентом. Вроде и не поругались — но наши отношения охладели настолько, что мы ограничивались несколькими телефонными звонками в год, которые носили частный и формальный характер. Я не мог равнодушно смотреть на происходящее в стране, но не стремился к политической борьбе и не был готов ввязываться в нее. Резко критиковал

Часть III. АРМЕНИЯ

действующую власть, но это диктовалось искренним беспокойством о будущем страны и не было заявкой на возвращение, хотя многие почему-то воспринимали мою критику именно так.

Если человек, отойдя от власти, недоволен тем, как складывается его жизнь, не вписался в новую реальность, то он, конечно, будет стремиться обратно в политику и найдет массу объяснений для себя и окружающих — и все эти доводы, разумеется, будут крутиться вокруг «заботы о стране и народе». Но если твоя новая жизнь интересна, если ты живешь в полном согласии с самим собой и не скучаешь по временам, когда был на вершине властной пирамиды, то обратно тебя совершенно не тянет.

Вот, собственно, и все.

P.S.

Когда эта книга была уже написана, в Армении случилась «бархатная революция», заставшая врасплох весь политический истеблишмент страны. Произошло все это во время перехода к парламентской форме правления по итогам конституционной реформы, которую провели три года назад. Было много разговоров о том, что подоплека реформы — стремление президента пересест в премьерское кресло, хотя он не раз публично заверял всех в отсутствии таких намерений. Как оказалось, эти опасения народа не были беспочвенными, однако попытка Сержа Саргсяна стать премьером буквально взорвала армянское общество.

Настоящим источником нынешних событий послужили стагнация политической системы, монополизация экономики и углубление ее кланового характера, рост бедности и крайняя непопулярность властей. Общество погрузилось в глубокую апатию, утратив веру в возможность каких бы то ни было перемен. Всего лишь годом ранее партия власти одержала убедительную победу на парламентских выборах. Несмотря на положительное заключение международных наблюдателей по итогам выборов, в самой Армении большинство считало, что из-за рейтингового голосования это выродилось в борьбу ресурсов, а не идей и реальной популярности политиков. При всем этом власть вела себя достаточно толерантно: в стране не было политзаключенных, арестованных журналистов и запрещенных СМИ. Власть показала, что умеет договариваться, и наладила отношения с оппозицией, кому-то дав должность, кому-то выделив депутатский мандат по списку РПА, кому-то оказав иные знаки внимания. Казалось, что в стране наступил полный

политический штиль и ничего не изменится как минимум в следующие пять лет. Однако политические партии оказались, по сути дела, в отрыве от негативных настроений, преобладавших в обществе.

Началось все с попыток помешать Сержу Саргсяну занять премьерское кресло. Вдохновителем и лидером этого движения стал Никол Пашинян, прошедший в парламент с небольшой фракцией и заключивший союз с несколькими оппозиционными партиями. Надо отдать ему должное: проявляя недюжинное упорство и правильно выбирая формы противостояния властям, он сумел с небольшой и малоизвестной командой добиться ошеломляющего успеха. Произошло удивительное и для многих совершенно неожиданное: общество вдруг очнулось от политической летаргии, огромные массы людей вышли на улицы в едином порыве — не позволить экс-президенту пересест в кресло премьера. Протестное движение стало поистине массовым, причем ведущую роль в нем играла молодежь, которая ранее не проявляла особого интереса к политике. Социальные сети превратились в важнейший инструмент координации и синхронизации действий больших масс людей. Блокировка дорог и паралич жизни столицы из-за выхода граждан на улицы вынудили Сержа Саргсяна подать в отставку всего через шесть дней после избрания премьером. Нарастив давление на власть продолжающимися массовыми акциями протеста, оппозиция, имевшая всего девять мандатов в парламенте, добилась избрания Никола Пашиняна премьер-министром Армении.

Судить о том, к чему приведет «бархатная революция» в Армении, еще рано. У меня смешанные чувства по поводу ее возможных последствий. С одной стороны, налицо повсеместный позитивный настрой общества на перемены, заявленная властью решимость демонтировать клановость и бороться с коррупцией. С другой — революционный энтузиазм уже начал размывать институциональность органов власти и управления. Профиль в «Фейсбуке» стал важнее послужного списка при подборе кадров. Повсеместные кадровые перемены привели во власть множество людей, совершенно не имеющих управленческого опыта и профессиональной

экспертизы, не владеющих в достаточной степени вопросами безопасности, не знакомых с историей и тонкостями темы карабахского урегулирования.

Какая судьба ждет Карабах? Как будет обеспечена безопасность Армении и Карабаха? Как быстро естественный революционный популизм трансформируется в кропотливую профессиональную деятельность институтов власти? Сумеет ли новая власть направить энергию общества и пробудившиеся надежды людей в созидательное русло — или произойдет то, что часто происходит с революциями?

Ответов на эти вопросы у меня нет. Время покажет. Однако будущее страны беспокоит меня сейчас гораздо сильнее, чем в момент завершения работы над книгой.

Хотелось бы надеяться на лучшее.

20 июня 2018 года

P.P.S.

К сожалению, приходится писать еще один постскрипtum всего за несколько дней до того, как рукопись ляжет на стол издателя. Едва я дописал последнюю фразу послесловия к книге, как стали сбываться мои наихудшие опасения по поводу возможных последствий «бархатной революции» в Армении. Никаких признаков трансформации революционного популизма в кропотливую профессиональную работу так и не появилось — напротив, началось прямое разрушение институциональности государственной власти людьми, которые не имеют ни малейшего представления о механизмах ее функционирования.

Я счел недопустимым пассивно наблюдать за происходящим и стал высказывать свою точку зрения как в ходе многочисленных частных встреч, так и в публичном пространстве. Мое равнодушие и мою тревогу за судьбу страны новая власть расценила как намерение вернуться в политику и восприняла как угрозу своему благополучию. Удар последовал незамедлительно: впопыхах было состряпано уголовное дело по событиям десятилетней давности — и мне предъявили совершенно абсурдное обвинение в «свержении конституционного» строя.

Признаюсь, я так и не понял, о каком свержении может идти речь, если я был гарантом Конституции и спокойно отошел от власти по истечении второго президентского срока. Зато я утвердился в своем предположении, что дело по событиям 1 марта затеяно не для того, чтобы найти истинных виновников случившейся трагедии, а для сведения личных счетов — то, что я в своих интервью назвал «политической вендеттой». Все обвинение построено на попытке переписать ту часть нашей истории, которая связана

с президентскими выборами 2008 года и последовавшими далее событиями. Организаторы массовых беспорядков 1 марта 2008 года, описанных и в этой книге, придя к власти, пытаются первым делом обелить собственные преступные действия — любой ценой. Люди, которые не внесли ни малейшего вклада в достижения Армении и Карабаха, нацелились замарать всех, чьими усилиями эти достижения стали возможны.

Я узнал о вызове на допрос, когда находился в отпуске в Греции, и вернулся в Армению, чтобы отстаивать свою честь и достоинство. Вернулся, совершенно четко понимая, что меня могут арестовать. Правда, у меня теплилась надежда на то, что наша судебная система все же не полностью подмята под исполнительную власть, но... Я пришел на допрос в качестве свидетеля, сразу же был объявлен обвиняемым, а на следующий день — арестован. Произошел очередной совершенно неожиданный поворот в моей судьбе. Впервые в жизни я оказался запертым в камере безо всяких контактов с внешним миром, за исключением общения с адвокатами. Родных ко мне тоже не пускали, вопреки общим правилам содержания арестованных. В моей жизни было многое: и война, и подпольная борьба, и власть — теперь к этому списку добавился следственный изолятор.

Через семнадцать дней апелляционный суд принял решение о моем освобождении, но на судью со стороны новых властей и их активистов сразу же посыпался шквал угроз и обвинений в предвзятости. Впрочем, пренебрежение конституционными нормами к этому моменту уже стало повсеместным, а публичное давление на суды — беспрецедентным. За три месяца правления новой власти наметились и другие опаснейшие тенденции для государственности Армении. Осуществляется целенаправленная примитивизация сложнейших процессов управления государством — как по содержанию, так и по форме: высшим органом народной власти провозглашена центральная площадь Еревана, где, согласно обещаниям новой власти, будут обсуждаться и приниматься решения по всем важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Любое

проявление инакомыслия сразу же объявляется «контрреволюционным реваншизмом бывшей элиты», а сами инакомыслящие становятся мишенью для агрессивных нападок в социальных сетях и медиа. Это породило очень специфичную и отвратительную разновидность цензуры: в итоге многие журналисты и простые граждане стали бояться высказывать свою точку зрения, чтобы не попасть под шквал ругани и помоев со стороны огромной фабрики фейков в «Фейсбуке». Провозглашенная борьба с коррупцией приобрела отчетливо избирательный и демонстративный характер, на глазах вырождаясь в инструмент подавления политических оппонентов и примитивного сведения счетов. Новая власть дискредитирует армию, не понимая, что сильная армия является главным гарантом безопасности страны. Не лучше обстоят дела и во внешней политике, где ставятся под сомнения наработанные годами геополитические приоритеты, ставшие неотъемлемой частью нашей безопасности. Обструкции стала подвергаться и Армянская апостольская церковь.

Все то, что нам удалось построить в Армении за долгие годы, то, о чем я писал в этой книге, новая власть разрушает последовательно и с энтузиазмом. Безопасность — и Армении, и Арцаха — вновь оказалась под угрозой.

Я не собирался возвращаться в политику. Я считал, что перевернул последнюю страницу этой истории и поставил точку. Но, как оказалось, порой политика сама возвращается к тебе. Не знаю, как будут развиваться дальнейшие события, но я готов бороться, и может оказаться, что в этой книге появится новая глава.

30 августа 2018 года

Примечания

- 1 **Розин, Марк** — управляющий партнер «ЭКОПСИ Консалтинг».
- 2 **Медаль «За Халхин-Гол»** — после завершения вооруженного конфликта (в 1939 году) у реки Халхин-Гол монгольское правительство основало знак «Участнику боев у Халхин-Гола». Соответствующий Указ Великого Народного Хурала появился 16 сентября 1940 года. Эта награда была предназначена для вручения как монгольским, так и советским воинам. В конце 1966 года значок получил статус медали.
- 3 **Балаян, Зорий Гайкович (род. в 1935 г.)** — советский и армянский писатель, публицист, политический и общественный деятель. Активный участник борьбы за независимость Нагорного Карабаха. В 1989–1991 годах — народный депутат СССР. Герой Арцаха.
- 4 **Улубабян, Баграт Аршакович (1925–2001)** — советский и армянский историк, известный своими трудами по истории Нагорного Карабаха. Доктор исторических наук. Активный участник Карабахского движения.
- 5 **Мурадян, Игорь Маратович (род. в 1957 г.)** — армянский политический и общественный деятель, активный участник движения за независимость Нагорного Карабаха, один из основателей комитета «Карабах».
- 6 **Багиров, Кямран Мамед оглы (1933–2000)** — член ЦК КПСС, с декабря 1982 года по май 1988 года — первый секретарь ЦК КПСС Азербайджанской ССР.
- 7 **Яшин, Виктор Михайлович** — инструктор отдела пропаганды ЦК КПСС.
- 8 **Кеворков, Борис Саркисович (1932–1998)** — в 1973–1988 годах — первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома КПСС.
- 9 **Демичев, Петр Нилович (1918–2010)** — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

- 10 **Разумовский, Георгий Петрович (род. в 1936 г.)** — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.
- 11 **Погосян, Генрих Андреевич (1931–2000)** — последний руководитель (первый секретарь) Нагорно-Карабахского обкома КПСС с 24 февраля 1988 года. Народный депутат СССР.
- 12 **Мостовой, Анатолий** — военнослужащий, прибывший в феврале 1988 года в город Сумгаит в составе полка внутренних войск СССР. Очевидец армянских погромов.
- 13 **Манучаров, Аркадий Манвелович (1931–2008)** — один из лидеров движения за независимость Карабаха, директор Степанакертского комбината стройматериалов, 1 марта 1988 года был избран руководителем национально-освободительного движения «Крунк».
- 14 **Лигачев, Егор Кузьмич (род. в 1920 г.)** — советский и российский государственный и политический деятель, секретарь ЦК КПСС в 1983–1990 годах. Член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 годах.
- 15 **Мирзоян, Максим Михайлович (род. в 1947 г.)** — начальник отдела Степанакертского производственного автотранспортного объединения. Председатель Степанакертского городского Совета народных депутатов. Был членом Национального Совета НКАО.
- 16 **Орбелян, Сайда Михайловна** — ткачиха, депутат Верховного Совета СССР 10 и 11-го созывов.
- 17 **Атаян, Иван Айрапетович (1931–1998)** — заслуженный учитель СССР. Директор средней школы села Аветораноц в НКАО. Принимал активное участие в карабахском движении.
- 18 **Гейвандов, Константин Ервандович** — собкор газеты «Правда» на Ближнем Востоке.
- 19 **Примаков Е.М.** Встречи на перекрестках. — М.: Центрполиграф, 2015.
- 20 **Атаджанян, Валерий Абгарович (род. в 1947 г.)** — советский партийный и армянский государственный деятель. В 1970–1980 годах работал в комсомольских органах, был первым секретарем Степанакертского горкома, первым секретарем Нагорно-Карабахского обкома комсомола. В 1980–1988 годах работал в аппарате ЦК КП Азербайджана: инструктором, инспектором отдела оргпартабботы. В 1988 году был избран секретарем Нагорно-Карабахского обкома, а в 1989 году — первым секретарем Степанакертского горкома КПСС. Был заместителем председателя президиума Национального Совета НКАО. В 1995–1997 годах занимал должность заместителя министра иностранных дел НКР.

- 21 **Овчаренко, Георгий Семенович** — специальный корреспондент газеты «Правда», соавтор нескольких резонансных и очевидно предвзятых статей на карабахскую тематику, в том числе и печально известной статьи «Эмоции и разум» (1988 год).
- 22 **Тер-Петросян, Левон Акопович (род. в 1946 г.)** — армянский государственный и политический деятель, один из лидеров комитета «Карабах», первый президент Республики Армения (1991–1998 годы).
- 23 **Манукян, Вазген Микаэлович (род. в 1946 г.)** — армянский государственный и политический деятель, один из лидеров комитета «Карабах». В 1990–1991 годах — председатель Совета Министров Армянской ССР и первый премьер-министр независимой Армении. В 1992–1993 годах — государственный министр, в 1993 году — министр обороны РА.
- 24 **Демирчян, Карен Серобович (1932–1999)** — советский и армянский партийный и государственный деятель. Первый секретарь ЦК КП АрмССР (1974–1988 годы). Председатель Национального Собрания Армении (1999 год). Погиб во время теракта в Национальном Собрании Армении 27 октября 1999 года. Национальный Герой Армении.
- 25 **Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989)** — советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Общественный деятель, диссидент и правозащитник; народный депутат СССР, автор проекта конституции Союза Советских Республик Европы и Азии. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.
- 26 **Афанасьев, Юрий Николаевич (1934–2015)** — советский и российский политик, историк. Ректор Московского государственного историко-архивного института, основатель, ректор и президент Российского государственного гуманитарного университета.
- 27 **Старовойтова Галина Васильевна (1946–1998)** — российский политический и государственный деятель, специалист в области межнациональных отношений, правозащитница, кандидат исторических наук. В 1989–1991 годах народный депутат СССР. Убита в Санкт-Петербурге 20 ноября 1998 года при не до конца выясненных до сих пор обстоятельствах.
- 28 **Собчак Анаталий Александрович (1937–2000)** советский и российский ученый-правовед, политический деятель. В 1989 году избран народным депутатом СССР. На первом съезде вошел в состав Верховного Совета СССР.

- 29 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.01.1990 г. № 1060-1 «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской области и некоторых других районах».
- 30 **Вольский, Аркадий Иванович (1932–2006)** — советский и российский государственный и политический деятель. Член ЦК КПСС (1986–1991 годы). Депутат ВС РСФСР (1984–1986 годы). Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва (1986–1989 годы). Народный депутат СССР (1989–1991 годы). В 1988–1990 годах Аркадий Вольский возглавлял Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью.
- 31 **Саргсян, Серж Азатович (род. в 1954 г.)** — армянский государственный, военный и политический деятель, третий президент РА. Один из лидеров Карабахского движения. В 1989–1993 годах руководил Комитетом сил самообороны НКР. В 1993–1995 годах был министром обороны РА. В 1995–1996 годах — начальник Управления государственной безопасности РА, затем министр национальной безопасности РА. В 1996–1999 годах — министр внутренних дел и национальной безопасности РА. В 1999–2007 годах — секретарь Совета национальной безопасности при президенте РА. В 2000–2007 годах — министр обороны РА. 4 апреля 2007 года назначен премьер-министром Республики Армения. На президентских выборах 2008 года Серж Саргсян избран президентом Республики Армения. Герой Арцаха.
- 32 **Гукасян, Аркадий Аршавирович (род. в 1957 г.)** — армянский государственный и политический деятель, один из лидеров Карабахского движения. Министр иностранных дел (1992–1997 годы) и второй президент Нагорно-Карабахской Республики (1997–2007 годы). Герой Арцаха.
- 33 **Агаджанян, Ролес Георгиевич (1947–2014)** — в 1988–1992 годах активный участник Карабахского движения. Член комитета «Крунк», организации «Миациум», член президиума Национального совета, штаба обороны НКР. В 1990–1995 годах — депутат Верховного совета РА. В годы войны — начальник инженерной службы Армии обороны НКР.
- 34 **Дадамян, Борис Варганович (1926–2004)** — начальник Степанакертской автобазы и генеральный директор Степанакертского производственного автотранспортного объединения. В 1989 году был избран депутатом ВС СССР. Был членом Национального Совета НКАО.
- 35 **Галстян, Жанна Георгиевна (род. в 1947 г.)** — актриса Степанакертского государственного драматического театра им. В. Папазяна, активная участница Карабахского движения. Герой Арцаха.

- 36 **Манучарян, Ашот Гарникович (род. в 1954 г.)** — армянский политический и государственный деятель. Член комитета «Карабах». С мая по ноябрь 1991 года исполнял обязанности министра внутренних дел Армении. В 1991–1993 годах — советник президента по вопросам национальной безопасности.
- 37 **АОД** — политическая партия «Армянское Общенациональное Движение» либерально-демократического толка. В 1990–1998 годах — правящая партия в РА.
- 38 **Саргсян, Вазген Завенович (1959–1999)** — армянский государственный, военный и политический деятель, первый министр обороны (1991–1992 годы) независимой Армении. Один из организаторов Карабахского движения. В 1990–1992 годах — командир добровольческих отрядов самообороны «Еркрапа» («Защитники Отечества»). В 1993–1995 годах занимал пост государственного министра по координации силовых структур. В 1995 году вновь назначен министром обороны. В мае 1999 года назначен премьер-министром Армении. Погиб во время теракта 27 октября 1999 года в здании парламента. Национальный Герой Армении, Герой Арцаха.
- 39 **АРФ «Дашнакцутюн»** — социалистическая партия «Армянская Революционная Федерация». Одна из старейших в истории армянской политической жизни (осн. в 1890 году).
- 40 **Бабаян, Самвел Андраникович (род. в 1965 г.)** — карабахский военный и государственный деятель, министр обороны НКР. С марта по август 1992 года — член Комитета самообороны при совете министров НКР, заместитель командующего силами самообороны НКР. В 1992–1993 годах — первый заместитель, затем исполняющий обязанности председателя Комитета самообороны НКР. С ноября 1993 года по декабрь 1999 года — командующий Армией обороны НКР. В 1995–1999 годах — министр обороны НКР. 20 сентября 1996 года ему присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.
- 41 **Петросян, Георгий Михайлович (род. в 1953 г.)** — армянский государственный и политический деятель, один из активных участников Карабахского движения. В 1990–1995 годах — депутат Верховного совета Армении, член постоянной комиссии по вопросам прав человека. В 1992 году — заместитель председателя Верховного совета НКР, затем исполняющий обязанности председателя. С декабря 2005 года по 2007 год — министр иностранных дел НКР.

- 42 **Балаян, Валерий Леонович (род. в 1956 г.)** — активный участник Карабахского движения. Инженер Степанакертского технического управления эксплуатации связи, инженер-энергетик Управления водного хозяйства. В 1992–1995 годах — член Президиума ВС НКР.
- 43 **Григорян, Вачаган Сантурович (1935–1991)** — первый секретарь Аскеранского (1978–1988 годы) и Мартунинского (1988–1990 годы) райкомов партии, заместитель председателя облисполкома (1990 год). Первым среди руководящих работников Арцаха был вовлечен в национально-освободительное движение. В августе 1989 года съезд уполномоченных представителей населения НКАО избрал его председателем Национального Совета НКАО. В 1989 году был избран народным депутатом ВС СССР от Мартунинского и Гадрутского районов.
- 44 **Поляничко, Виктор Петрович (1937–1993)** — советский и азербайджанский партийный и государственный деятель. В 1988–1991 годах — второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана. С 1990 года был руководителем так называемого Оргкомитета по Нагорному Карабаху.
- 45 **Петросян, Леонард Георгиевич (1953–1999)** — армянский государственный деятель. В сентябре 1991 года был избран председателем Областного совета НКАО. В 1992–1994 годах — заместитель, затем начальник Госуправления специальных программ РА. В 1995–1998 годах — премьер-министр НКР. В 1998–1999 годах — заместитель министра обороны Армении. С июня по октябрь 1999 года — министр по оперативным вопросам Армении. Погиб во время теракта 27 октября 1999 года в здании Национального Собрания Армении.
- 46 **Есяян, Олег Есаевич (род. в 1946 г.)** — армянский государственный деятель, один из активных участников Карабахского движения. В 1989 году был заведующим социально-экономическим отделом Комитета особого управления (КОУ) НКАО, в 1991 году — начальником Планово-экономического управления и первым заместителем председателя исполкома областного совета НКАО. В январе–августе 1992 года был председателем Совета Министров НКР. В 1997–2005 годах — председатель парламента НКР.
- 47 **Сафонов, Владислав Николаевич** — советский военный деятель, генерал-майор, военный комендант Нагорно-Карабахской автономной области в 1988–1990 годах.
- 48 **Операция «Кольцо»** — операция ВС СССР, по сути — этническая чистка, включавшая комплекс мероприятий по силовому разрешению карабахского конфликта, предпринятая советским руководством в 1991 году.

- В результате эта операция превратилась в агрессию и депортацию ряда армянских гражданских поселений Северного Карабаха и НКАО.
- 49 **Муталибов, Аяз Ниязи оглы (род. в 1953 г.)** — советский и азербайджанский политический и государственный деятель. Председатель Совета министров Азербайджанской ССР (1989–1990 годы), первый секретарь ЦК Компартии Азербайджанской ССР (1990–1991 годы), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991 годы). Первый президент независимого Азербайджана (1990–1992 годы).
 - 50 **Бабурян, Карен Зармайрович (1954–2011)** — армянский государственный и политический деятель, активный участник Карабахского движения, спикер парламента НКР (1993–1996 годы). В статусе руководителя делегации Нагорно-Карабахской Республики принимал участие в работе межпарламентской ассамблеи СНГ в Бишкеке (май 1994 года), подписал Бишкекский протокол.
 - 51 В списке погибших наши друзья: Жинкин Николай Владимирович — заместитель командующего Закавказским округом внутренних войск и военный комендант Нагорно-Карабахской автономной области; Ковалев Владимир Владимирович — генерал-майор, начальник Управления внутренних дел НКАО.
 - 52 **Оганян, Сейран Мушегович (род. в 1962 г.)** — армянский военный и государственный деятель, генерал-полковник. Активный участник карабахской войны, в 1993–1994 годах — начальник штаба Армии обороны НКР. В 1999–2007 годах — командующий Армией обороны НКР. В 2008–2016 годах — министр обороны РА.
 - 53 **Акопян, Мовсес Грантович (род. в 1965 г.)** — армянский военный деятель, генерал-полковник. Активный участник карабахской войны, был первым заместителем командующего Армией обороны НКР. В 2007–2016 годах — министр обороны НКР. Ныне начальник Генерального штаба ВС РА.
 - 54 **Греков, Юрий Павлович (род. в 1943 г.)** — советский и российский военный деятель, генерал-полковник. В 1989–1991 годах — первый заместитель командующего войсками Закавказского военного округа.
 - 55 **Тер-Тадевосян, Аркадий Иванович (род. в 1939 г.)** — армянский военный деятель, генерал-майор. В 1988 году принимал активное участие в обучении ополченцев, с 1990 года член добровольческого отряда «Давид Сасунский». В 1991 году назначен начальником отдела вневойсковой подготовки Комитета обороны — первого государственного оборонного ведомства при правительстве независимой Армении. Руководил военной

операцией по взятию Шуши 8–9 мая 1992 года. 25 мая 1992 года ему присвоено звание генерал-майора. Герой Арцаха.

- 56 **Иванян, Христофор Иванович (1920–1999)** — советский и армянский военный деятель, генерал-лейтенант артиллерии. В 1940 году окончил Тбилисское артиллерийское училище, в 1949 году — московскую Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1938–1978 годах служил в ВС СССР. Участвовал в Великой Отечественной войне: в 1941–1942 годах — советник начальника штаба артиллерийского полка ВС СССР; в 1942–1943 годах — командир 195-го минометного полка; в 1943–1944 годах — начальник артиллерии 318-й стрелковой дивизии, 128-й гвардейской стрелковой дивизии Украинского фронта (с боями дошел до Чехословакии). В 1949–1952 годах — начальник отдела боевой подготовки артиллерийского корпуса. В 1958–1961 годах — заведующий военной кафедрой Одесского государственного университета. В 1968–1973 годах — начальник ракетных войск и артиллерии 14-й армии Одесского военного округа. В 1973–1978 годах — заместитель начальника ракетных войск и артиллерии Закавказского военного округа. В июле 1992 года был назначен советником председателя Комитета самообороны НКР. Был первым заместителем командующего Армией обороны НКР, заместителем министра обороны, председателем инспекционной комиссии при Президенте НКР. Герой Арцаха.
- 57 **Погосян, Юрий Вагаршакович (1961–1992)** — армянский военный деятель. В 1991 году в период формирования первых частей регулярной Армии НКР — командир 4-й роты. Командир БМФ, водитель-механик, разведчик, сапер. Погиб в 1992 году в бою на фронтовой линии Аскеран — Нахиджеваник. В октябре 1993 года в числе первых был посмертно награжден орденами НКР. Национальный Герой Армении, Герой Арцаха.
- 58 **Эльчибей, Абульфаз (1938–2000)** — азербайджанский государственный и политический деятель, лидер Народного фронта Азербайджана. Второй президент Азербайджана (1992–1993 годы).
- 59 **Бабаян, Борис Гургенович (1952–1993)** — активный участник Карабахского движения. В 1974–1991 годах работал в отделе строительства и архитектуры облисполкома. В 1991 году был избран депутатом Верховного совета НКР первого созыва. С 1992 года — уполномоченный представитель Государственного комитета обороны НКР в Мардакертском районе. Внес значительный вклад в укрепление обороноспособности района, восстановление органов местного самоуправления района. Погиб 20 февраля 1993 года во время воздушного налета.

- 60 **Погосян, Жирайр Теванович (род. в 1942 г.)** — армянский государственный деятель. В 1992–1998 годах — заместитель председателя Совета министров НКР, премьер-министра НКР. В 1998–1999 годах — премьер-министр НКР.
- 61 **Мелконян, Монте Чарльзович (Аво) (1957–1993)** — армянский военный деятель, подполковник. Родился 25 ноября 1957 года в г. Варселия, близ г. Фресно (Калифорния, США). Окончил университет Беркли по специальности «археология» и «история Азии». Проходил стажировку в Японии. В 1975 году преподавал в армянских школах Ирана и Ливана. Участвовал в гражданской войне в Ливане (конец 70 — начало 80-х) на стороне правохристианских формирований. В сентябре 1991 года прибыл в НКР и принял участие в боях за села Бузлух, Манашид, Эркедж Шаумянского района. Был назначен начальником штаба Корнидзорского отряда, возглавлял Мартунинский оборонительный район. Погиб 12 июня 1993 года. Национальный Герой Армении, Герой Арцаха.
- 62 **Аракцян, Бабкен Гургенович (род. в 1944 г.)** — армянский политический и государственный деятель, один из лидеров комитета «Карабах». В 1991–1998 годах — председатель ВС и НС РА.
- 63 **Шахназарян, Давид Гургенович (род. в 1954 г.)** — армянский политический и государственный деятель. В 1991–1994 годах — советник президента РА, в 1994–1995 годах — министр национальной безопасности РА.
- 64 **Мелик-Шахназарян, Левон Грантович (1958–2015)** — армянский политический деятель, участник Карабахского движения. Депутат, член президиума Верховного Совета НКР.
- 65 **Бабурян, Карен Зармайрович (1954–2011)** — армянский государственный и политический деятель, активный участник Карабахского движения, спикер парламента НКР (1993–1996 годы). В статусе руководителя делегации Нагорно-Карабахской Республики принимал участие в работе межпарламентской ассамблеи СНГ в Бишкеке (май 1994 года), подписал Бишкекский протокол.
- 66 **Гусейнов, Сурет Давуд оглы (род. в 1959 г.)** — азербайджанский военный и государственный деятель, участник карабахской войны, полковник. В 1993 году возглавил мятеж против президента Азербайджана Абульфаза Эльчибея и создал условия для возвращения Гейдара Алиева в политику. После мятежа занял пост премьер-министра Азербайджана (1993–1994 годы) при президенте Гейдаре Алиеве. Смещен с должности в 1994 году по обвинению в организации государственного переворота.

Арестован в 1997 году и приговорен к пожизненному заключению. Помилован Ильхамом Алиевым в 2004 году.

- 67 **Казимиров, Владимир Николаевич (род. в 1929 г.)** — российский дипломат, чрезвычайный и полномочный посол. В 1992–1996 годах — руководитель посреднической миссии России, полномочный представитель президента РФ по Карабаху и сопредседатель Минской группы ОБСЕ.
- 68 **Саркисян, Манвел Армавирович (род. в 1955 г.)** — армянский политический и общественный деятель, участник Карабахского движения.
- 69 **Шумейко, Владимир Филиппович (род. в 1945 г.)** — российский политический и государственный деятель. В 1991–1992 годах — заместитель председателя ВС РСФСР/РФ. В 1992–1993 годах — первый заместитель председателя Совета министров РФ. В 1994–1996 годах — председатель Совета Федерации Федерального Собрания, Председатель Совета МПА СНГ.
- 70 **Шеримкулов, Медитхан Шеримкулович (род. в 1939 г.)** — советский и киргизский политический и государственный деятель. В 1993–1994 годах — Председатель ВС Кыргызстана.
- 71 **Керкорян, Кирк (1917–2015)** — американский предприниматель армянского происхождения, миллиардер. Основатель благотворительного фонда «Линси». Национальный герой Армении.
- 72 **Саргсян, Армен Варданович (род. в 1953 г.)** — ныне четвертый президент РА.
- 73 **Сирадегян, Вано Смбатович (род. в 1946 г.)** — армянский политический и государственный деятель, писатель. Один из лидеров комитета «Карабах». В 1991–1992 годах — советник президента РА по внутривнутриполитическим и социальным вопросам. В 1992–1996 годах — министр внутренних дел Армении.
- 74 **Арутюнян, Гагик Гарушевич (род. в 1948 г.)** — армянский государственный деятель. В 1991 году — вице-президент РА, 1991–1992 годах — премьер-министр РА. В 1996–2018 годах — председатель Конституционного суда Армении.
- 75 **Мовсесян, Владимир Мигранович (1933–2014)** — советский и армянский партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КП Армении (1990 г.). В 1975–1978 годах — заведующий сельхозотделом ЦК КП АрмССР. В 1978–1984 годах — заместитель, в 1984–1990 годах — первый заместитель председателя Совета министров Армянской ССР. В 1990–1991 годах — первый секретарь ЦК КП Армении. На XXVIII съезде

- КПСС был избран членом Политбюро ЦК КПСС, из которого вышел в связи с нерешением вопроса НКР. В 1991 году — заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия СССР. В 1996–1999 году — министр сельского хозяйства РА.
- 76 **Геворгян, Армен Андраникович (род. в 1973 г.)** — армянский государственный деятель. В 1997–1998 годах занимал должность помощника премьер-министра Армении. В 1998–2006 годах — первый помощник президента РА, первый заместитель руководителя администрации президента РА. В 2006–2008 и 2016–2018 годах — руководитель администрации президента Армении. В 2007–2008 и 2016–2018 годах — секретарь Совета национальной безопасности при президенте РА. В 2008–2014 годах — вице-премьер, министр территориального управления РА.
- 77 **Осканян Вардан Минасович (род. в 1955 г.)** — армянский дипломат, политический и государственный деятель, в 1998–2008 годах — министр иностранных дел Армении. В 1992–1998 годах — заместитель начальника отдела стран Ближнего Востока, начальник отдела стран Северной Америки, начальник управления США и Канады, заместитель министра, первый заместитель министра.
- 78 **Маргарян, Андраник Наапетович (1951–2007)** — армянский политический и государственный деятель, премьер-министр РА в 2000–2007 годах.
- 79 **Касьянов, Михаил Михайлович (род. в 1957 г.)** — российский политик, председатель партии ПАРНАС. В апреле 1999 года занимал должность заместителя главы министерства финансов РФ.
- 80 «**Мадридский документ**» — впервые представленный сторонам посредниками во время встречи Совета министров ОБСЕ в ноябре 2007 года в Мадриде, является одним из очередных предложений посредников для урегулирования проблемы Нагорного Карабаха. В документе, который является сборником принципов урегулирования конфликта, впервые фиксируется признание права народа Нагорного Карабаха на самоопределение на своей территории и со своим населением путем референдума. До проведения этого референдума Нагорный Карабах получает временный статус, который фактически сохраняет сегодняшний статус-кво.
- 81 **Эрнекян, Эдуардо (род. в 1932 г.)** — аргентинский предприниматель армянского происхождения, миллиардер. Национальный герой Армении.

Именной указатель

А

Аббасов, Шукюр 101, 102
Абиев, Сафар 193
Абрамян, Сурен 305, 306
Абрамян, Генрик 313
Агаджанян, Ролес 81, 490
Атаджанян, Валерий 71, 488
Айрапетян, Роберт 101, 102
Акопян, Горик 459
Акопян, Алексан 221
Акопян, Мовсес 119, 221, 493
Алиев, Гейдар 115, 196–198, 201–203,
209, 214, 267, 298, 336, 351, 414, 495
Алиев, Ильхам 349–351, 496
Амирханян, Сержик 225
Аракцян, Бабкен 185, 192, 231, 237,
250, 258, 261, 264, 428, 495
Арменакян, Арменак 313
Артинг, Франс де 299
Арутюнян, Алексан 299, 300, 309,
310, 318
Арутюнян, Арутюн 319
Арутюнян, Вагаршак 305, 306, 321, 322
Арутюнян, Гагик 260–262, 291–293,
360, 36
Арутюнян Айк 316, 458, 459
Арутюнян, Давид 402
Арутюнян, Сурен 72, 266
Арушанян, Борис 160
Асатрян, Баграт 264
Атаян, Иван 69, 488
Афанасьев, Юрий 75, 489
Ахмадинежад, Махмуд 398, 399

Б

Бабаян, Борис 169, 177, 494
Бабаян, Самвел 87, 101–103, 131, 134,
135, 15, 152, 154, 155, 170, 175, 185, 190,
193, 214, 233–235, 255, 320, 491
Бабаян, Каро (Жарен) 138, 152
Бабурян, Карен 110, 189, 211, 493
Багдасарян, Артур 364, 368, 404, 406,
409, 444, 449–451, 458
Багиров, Кямран 60, 61, 67, 72, 487
Багратян, Грант 221, 380
Бадалян, Сергей 272
Базеян, Альберт 375
Балаян, Валера 87, 152, 185, 292
Балаян, Зорий 74, 83, 107, 111, 112, 144,
145, 166, 181, 208, 487
Бархударян, Левон 303
Басев, Шамиль 193
Бахманов, Низами 213, 214
Бахшян, Юрий 313, 324
Богословский, Валентин 71
Брежнев, Леонид 48
Буш-мл., Джордж 349, 399, 414–417

В

Вольский, Аркадий 75–78, 490
Вяхирев, Рэм 243

Г

Габриелян, Ваге 473
Галстян, Жанна 83, 87, 141
Гамсахурдиа, Звиад 267
Гасанов, Гасан 115

Гаспарян, Владимир 301
 Гаспарян, Жора 132
 Геворкян, Армен 273, 329, 376, 388, 405
 Гегамян, Арташес 352, 353, 355, 356, 362,
 363, 444
 Гейвандов, Константин 70, 488
 Гор, Альберт 414
 Горбачев, Михаил 53, 57, 58, 63, 74
 Грачев, Павел 214, 215
 Греков, Юрий 120, 493
 Григорян, Вачаган 87, 492
 Григорян, Григор 304, 309, 311
 Григорян, Манвел 454
 Григорян, Эмиль 279
 Громов, Алексей 420
 Гукасян, Аркадий 81, 115, 185, 193,
 200, 204, 208, 209, 211, 212, 217, 232,
 255, 320, 334, 335, 490
 Гулиев, Расул 214
 Гусейнов, Сурет 190, 495
 Гюль, Абдулла 425, 426

Д

Дадамян, Борис 83, 490
 Дарбинян, Армен 278, 295, 337
 Демирель, Сулейман 424
 Демирчян, Карен 72, 266–268, 272,
 273, 275, 290–296, 299, 301, 303, 313,
 315, 352, 489
 Демирчян, Степан 352, 355, 356, 358,
 359, 369, 424, 444, 449
 Демичев, Петр 61, 67, 487
 Джаангириян, Гагик 308, 318, 319, 321,
 322, 455, 457
 Дуальде, Эдуардо 416
 Дудаев, Джохар 194

Е

Ельцин, Борис 111–115, 186, 188, 189,
 204, 273–275, 298, 305, 417
 Ерицян, Серго 248
 Есяян, Олег 93, 111–113, 130, 131, 160,
 171, 492

Ж

Жинкин, Николай 104

З

Задоян, Давид 315, 316
 Закарян, Ишхан 391, 392, 409, 410
 Зарвигооров, Юрий 119
 Захарян, Ерванд 377, 410

И

Иванов, Сергей 321
 Иванян, Христофор 133, 134, 142,
 494
 Ивашов, Леонид 321
 Иоанн Павел Второй 330

К

Кавана, Керри 344–349
 Казимиров, Владимир 187, 193, 195
 Карасев, Тамерлан 115
 Карапетян, Аркадий 57
 Кардозу, Фернанду 415, 416
 Каримов, Азай 147
 Касьянов, Михаил 321, 497
 Кеворков, Борис 60, 62, 63, 487
 Керкорян, Кирк 222, 370, 372, 496
 Клинтон, Билл 413–415
 Ковалев, Владимир 98, 99, 493
 Козырев, Андрей 115
 Концевенко, Сергей 96, 97, 105
 Косолапов, Юрий 104, 113
 Котанян, Микаел 313
 Кочарян, Артур 145
 Кочарян, Белла 42, 97, 125, 473
 Кочарян, Валерий 15, 17, 42, 143–146
 Кочарян, Виктор 44, 45
 Кочарян, Гаяне (дочь Роберта) 42
 Кочарян, Левон (сын Роберта)
 42, 473
 Кочарян, Седрак (отец Роберта) 15–18,
 25, 27, 36
 Кочарян, Седрак (сын Роберта) 42, 98
 Кочинян, Генрих 239, 385

Л

Ливаев, Лев 280
Лигачев, Егор 69, 70, 488
Локян, Давид 385
Любимов, Александр 268

М

Мальков, Борис 71
Мамедьяров, Эльмар 351
Манукян, Вазген 72, 83, 85, 135, 231, 272,
273, 355, 489
Манучаров, Аркадий 67, 68, 81, 83,
174, 488
Манучарян, Ашот 83, 151, 182, 491
Маргарян, Андраник 304, 311, 322, 325,
326, 363, 367, 404, 440, 441, 444,
497
Маргарян, Грант 300, 355, 356
Мартиросян, Армен 462
Марухян, Грайр 227
Матевосян, Мартун 300
Мегрян, Шаген 163
Мелик-Шахназарян, Левон 185, 495
Мелконян, Гагик 454, 457
Мелконян, Монте 180, 187, 495
Миллер, Алексей 419, 421
Мирзоян, Д. 71
Мирзоян, Максим 69, 70, 76, 77, 142,
488
Мироян, Рубен 313
Мкртчян, Артур 129, 130
Мовсесян, Владимир 269, 496
Мовсисян, Мушег 319
Мубарак, Хосни 417
Мурадян, Игорь 56, 487
Муталибов, Аяз 112, 114, 115, 140, 190,
493

Н

Нагдалян, Тигран 319
Навасардян, Ашот 289, 322
Назарбаев, Нурсултан 111–115
Назарян, Роберт 373, 376

О

Ованесян, Раффи 444
Овнанян, Грайр 348
Овсепян, Агван 316, 320, 322
Овчаренко, Георгий 71, 489
Оганян, Сейран 119, 121, 176, 493
Оганян, Эмма (мать Роберта) 17, 36
Олбрайт, Мадлен 339
Орбелян, Сайда 69, 488
Осканян, Вардан 287, 298, 321, 335,
346, 351, 372, 383, 399, 415, 425, 497

П

Паргев, епископ 130, 427, 428
Пастухов, Борис 206
Пауэлл, Колин 335, 345, 346, 414
Пашинян, Никол 462, 468, 482
Петросян, Алик (Аствацатур) 308,
Петросян, Георгий 87, 130, 172, 185,
187, 189, 491
Петросян, Карлос 316
Петросян, Леонард 93, 96, 111, 112, 114,
116, 220, 303, 313, 492
Петросян, Манушак 222, 264
Пирумян, Феликс 385
Погосян, Генрих 63, 71, 75, 174, 488
Погосян, Жирайр 175, 495
Погосян, Юра 167, 494
Поляничко, Виктор 89, 91, 94, 97, 99,
103, 104, 105, 109, 114, 117, 492
Примаков, Евгений 70, 205–208, 267,
488
Путин, Владимир 312, 339, 417–421,
455, 456

Р

Райс, Кондолиза 349, 404
Разумовский, Георгий 61, 488

С

Саакян, Арто 145
Саакян, Бако 335
Сайинян, Рафаел 178

Саргсян, Арам 317, 318, 321, 322, 369, 444, 449
 Саргсян, Вазген 85, 135, 144, 149, 163, 185, 207, 231, 233-235, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 269, 277, 289, 291-295, 298, 300, 303, 304, 306, 310, 312-316, 323, 324, 379, 428, 449, 455, 491
 Саргсян, Серж 79, 87, 99, 120, 121, 131, 134, 150, 152, 170, 214, 234, 251, 255, 258, 261, 262, 269, 300, 309, 313, 316, 319, 341, 354, 440-444, 446, 450-452, 455, 464, 470, 481, 482, 490
 Саргсян, Нарек 373
 Саргсян, Армен 232, 233, 234, 496
 Саркисян, Григорий 300, 459, 460, 470
 Саркисян, Манвел 209, 496
 Сасунян, Арутюн 372
 Сахаров, Андрей 74, 489
 Сирадегян, Вано 226, 250, 306, 448, 496
 Собчак, Анатолий 75, 489
 Согомонян, Виктор 420
 Старовойтова, Галина 75, 489

Т

Тер-Петросян, Левон 72, 83, 115, 135, 152, 153, 182-190, 203, 208, 221, 227, 231-237, 246-253, 255-262, 265, 269, 276, 286, 287, 305, 306, 322, 323, 355, 369, 379, 445-456, 458-463, 468, 476, 489
 Тер-Тадевосян, Аркадий 132, 150, 493
 Толботт, Струоб 298
 Торосян, Тигран 409, 464, 465
 Трубников, Вячеслав 347
 Туфенкян, Джеймс 281

У

Улубабян, Баграт 56, 487
 Унанян, Наири 300, 302, 304, 309-311, 318, 320, 324
 Уснунц, Вячеслав 132

Х

Хантсман, Джон 382
 Хатами, Мохаммад 395, 398
 Хекматияр, Гульбедин 195

Ц

Царукян, Гагик 410, 444

Ч

Чубайс, Анатолий 418

Ш

Шахназарян, Давид 185, 187, 461, 462, 495
 Шеварнадзе, Эдуард 267, 305, 312
 Ширак, Жак 252-254, 344, 345
 Ширинян, Аркадий 178
 Ширханян, Ваган 308, 312
 Шумсейко, Владимир 213, 496

Э

Эванс, Джон 404
 Эльчибей, Абульфаз 162, 168, 190, 191, 267, 494
 Эрдоган, Реджеп 425, 426
 Эрнекян, Эдуардо 385, 387-390, 497

Я

Янаев, Геннадий 109
 Ястржембский, Сергей 273
 Яшин, Виктор 60, 61, 487

Кочарян Роберт

ЖИЗНЬ И СВОБОДА

Автобиография
экс-президента
Армении
и Карабаха

Подписано в печать 07.11.2018. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 31,5 печ.л. Тираж 3000 экз. Заказ №

ООО «Интеллектуальная литература»
109380, г. Москва,
ул. Степана Шутова, д. 4, стр. 1
Тел. +7 (495) 363-13-48
e-mail: info@intlitr.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14